

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 11, № 1, 2018

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
«VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES»

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 11, no. 1, 2018

The Journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast" is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The Journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The Journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vscs.ac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the Journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the Journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

CHIEF EDITOR

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztopka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy chief editor, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy chief editor, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Doc. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году? 9

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи 32

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития 43

Михайлова Е.Г. Оценка эффективности использования водных биоресурсов в отечественном рыболовстве 57

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Мазилев Е.А., Шэн Фанфу. Научно-технологический потенциал территорий России и Китая: оценка и направления развития 70

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России 84

Вохмянин И.А. Разработка организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике 100

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Гаврилец Ю.Н., Тараканова И.В. Компьютерный анализ качественных особенностей формирования социально-идеологической структуры социума 116

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

- Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления 132
- Тарасова О.В., Руднева В.А. Модели ревитализации старопромышленных городов: сибирские кейсы 148

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Чекмарева Е.А. Качество трудового потенциала за пределами крупных городов..... 164
- Немировский В.Г. Динамика социокультурных показателей трудовой конкурентоспособности населения крупного сибирского региона (2010–2016) 180
- Фролова Е.В., Рябова Т.М. Социокультурные и ценностные ориентации государственных гражданских служащих в России 191

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Ли Сяоюй, Мэн Чжаобо. Режим и пути управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху 201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Социальные инновации: новая инновационная парадигма развития общества. Интервью А. Шрёдера, М. Менапаче, А.А. Шабуновой 216

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Печенская М.А. Усиление субфедерального звена управления как важнейший фактор формирования экономики инноваций (Рецензируется: Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления: монография) 223

Приложение

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 227
- Правила приёма статей 234
- Информация о подписке 240

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. What Will Putin Bequeath to His Successor in 2024? 9

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ul'yanov V.V. Population Quality and Regional Economy:
Direct and Indirect Correlation 32

BRANCH-WISE ECONOMY

Antonova N.E., Lomakina N.V. Natural Resource-Based Industries of the Far East:
New Drivers of Development 43

Mikhailova E.G. Evaluation of Water Bioresources Management Efficiency
in Domestic Fishing Industry 57

INNOVATION DEVELOPMENT

Mazilov E.A., Sheng Fangfu. Scientific and Technological Potential of the Territories
of Russia and China: Assessment and Development Prospects 70

REGIONAL ECONOMY

Rastvortseva S.N. Economic Activity in Russian Regions 84

Vokhmyanin I.A. Developing an Organizational and Economic Mechanism
for Shaping and Regulating the Competitive Environment in the Regional
Economy 100

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

Gavrilets Yu.N., Tarakanova I.V. Computer Analysis of Qualitative Features
in the Formation of the Socio-Ideological Structure of Society 116

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Bukhval'd E.M., Voroshilov N.V. Current Issues in the Development of Municipal Entities and in Reforming the Institution of Local Self-Government 132
- Tarasova O.V., Rudneva V.A. Models of Revitalization of Old-Industrial Cities: Case Studies of Siberia 148

SOCIAL DEVELOPMENT

- Chekmareva E.A. The Quality of Labor Potential Outside Large Cities 164
- Nemirovskii V.G. Dynamics of Socio-Cultural Indicators of Labor Competitiveness of the Population of a Large Siberian Region (2010–2016) 180
- Frolova E.V., Ryabova T.M. Socio-Cultural and Value Paradigms of Public Civil Servants in Russia 191

FOREIGN EXPERIENCE

- Li Xiaoyu, Meng Zhaobo. Ecological Capital Operation Mode and Path of Poyang Lake Eco-Economic Zone 201

SCIENTIFIC LIFE

- Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development. An Interview with A. Schröder, M. Menapace and A. Shabunova 216

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

- Pechenskaya M.A. Enhancing the Sub-Federal Management Link as a Crucial Factor in the Formation of an Innovation Economy (A Review of the Book: Bukhval'd E.M. (Ed.). Priorities of Modernization and the Increasing Role of the Sub-Federal Level of Management: Monograph) 223

Appendix.

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 227
- Manuscript Submission Guidelines 234
- Subscription Information 240

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.1

УДК 316.34, ББК 60.524.41

© Ильин В.А., Морев М.В.

Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году?

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. В соответствии с названием журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в статьях от главного редактора мы анализируем объективные, реальные тенденции и факты, происходящие во внутренней и внешней политической и социально-экономической жизни России. Стараясь дистанцироваться от субъективного взгляда, в своём анализе мы опираемся на оценки экспертов из различных областей знаний (экономистов, социологов, общественных деятелей и т.д.), а также на многолетнюю базу социологических данных, сформированную по итогам собственных наблюдений за период с 1996 г. по настоящее время. На протяжении вот уже более 20 лет каждые два месяца мы проводим анализ данных социологического мониторинга, который показывает, что если во внешней политике Президента наблюдаются существенные, во многом позитивные изменения, то динамика внутренней социально-экономической ситуации в стране носит застойный характер: за период с 2000 г. по настоящее время ключевые проблемы, волнующие людей, не изменились, а актуальность многих из них

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 9-31. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. What will Putin bequeath to his successor in 2024? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 9-31. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.1

даже возросла. Причина этого заключается прежде всего в выстроенной системе государственного управления, эффективности которой препятствует доминирование частных экономических интересов отдельных элитарных групп над общенациональными потребностями в социальной справедливости и динамичном развитии уровня и качества жизни. В преддверии четвертого президентского срока В. Путина сложившаяся в России социально-экономическая и политическая ситуация всё меньше удовлетворяет широкие слои общества, несмотря на то что поддержка Президента по-прежнему остается высокой. Это ставит перед органами государственной власти и лично перед будущим Президентом новые задачи, от решения которых будет зависеть не только будущее России, но и сохранение ее целостности как самостоятельного, независимого государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, эффективность государственного управления, социально-экономическое развитие, качество жизни, олигархический капитализм.

История развития российского государства показывает, что важнейшим качеством, определяющим компетентность органов управления и эффективность функционирования всей управленческой системы, является стратегическое мышление. Любые решения, от которых зависит национальная безопасность и конкурентоспособность страны, становятся своевременными и долгосрочными только тогда, когда принимающие их лица обладают способностью предвидеть будущее: реакцию на них со стороны населения, национальной и мировой экономики, международного политического истеблишмента и т.д.

Конкретные события и переломные исторические периоды, которые приходилось преодолевать российскому государству в ходе своего эволюционного развития («смутное время», Русская революция, «перестройка» и др.), делают эту, казалось бы, очевидную истину особенно актуальной для нашей страны, где за последние 17 лет сложилась четкая иерархическая структура властной вертикали, на вершине которой находится Президент. Поэтому приоритеты политической программы будущего главы государства должны отвечать не столько на острые вопросы настоящего, сколько на стратегические ориентиры будущего. Еще в 1997 году Л.И. Абалкин писал по этому поводу: «Соотношение тактики и стратегии можно трансформировать как соотношение статики и динамики, к которым применяют совершенно разные подходы: статика – это проблема дележа. Между центром и регионами, между национальной обороной и здравоохранением, между наукой и экологией и т.д. Только делить. И если

кому-то достается больше, то только за счет того, что кому-то – меньше. То есть из всех правил арифметики мы используем только два – отнять и разделить. **Как только мы переходим на стратегию, на динамические решения проблем, то, в принципе, возможны решения, когда больше получают все. Не за счет друг друга, а за счет наращивания материальных объемов, повышения эффективности, ресурсосбережения»¹.**

Умение принимать стратегические решения зависит от того, насколько человек способен видеть всю картину целиком, не отвлекаясь на отдельные факты, события. А общая картина, складывающаяся в XXI веке (в политике, в экономике и т.д.), заключается в том, что капиталистический строй и либеральная идеология изживают себя. Они перестают соответствовать требованиям современного общества и всё меньше соответствуют объективным вызовам будущего. Многие ученые, авторитет которых признан во всем мире (И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн и др.), скептически оценивают перспективы капиталистической системы ценностей, ориентированной на рост потребления, в решении такого глобального вызова, как истощение планетарных ресурсов, и говорят о том, что «капитализм не сможет процветать, если институты не будут реформированы, занятость – восстановлена, а экологические, относящиеся к здравоохранению и другим сферам проблемы – так или иначе решены...» [1].

¹ Абалкин Л.И. Стратегия и тактика социально-экономических реформ на современном этапе (выступление на пленарном заседании I Российской научно-практической конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ», Вологда, 22–24 января 1997 г.).

Рост потребности в социальной справедливости, в равенстве возможностей, в динамичном развитии качества жизни не только узкой группы «привилегированных» особ, но и широких слоев населения ставят капитализм перед выбором: либо трансформироваться в сторону социальных ценностей, либо полностью уступить им место. Однако за любой системой ценностей стоят вполне конкретные, лоббирующие ее государства и элитарные группы («носители»), и когда «включается» человеческий фактор, то естественные и объективные исторические процессы сталкиваются с субъективными препятствиями — с элементарным сопротивлением властвующего истеблишмента и нежеланием признавать, что мир стоит на пороге нового этапа своего развития, требующего комплексных, системных перемен в обществе, в идеологии и, в том числе, в управлении.

Это противоборство глобальных элит приводит к таким явлениям, как кризис беженцев и активизация международного терроризма (вызванные агрессивной политикой США на Ближнем Востоке), раскол существующих территориально-экономических образований (выход Великобритании из Евросоюза), мировые финансовые кризисы и т.д. Иначе говоря, признаки заката капитализма достигли уже такой стадии своего проявления, когда не нужно быть большим экспертом, чтобы их увидеть; достаточно просто вспомнить основные мировые события, освещаемые в средствах массовой информации.

Для России одним из таких событий последних месяцев стал так называемый «кремлевский список», опубликованный министерством финансов США в январе 2018 года². Если не видеть общей тенденции, то сам по себе «кремлевский список» — явление мало-значительное, однако в общей картине это очередной сигнал об «усиливающемся давлении глобальных элит на элиты национально-государственного уровня» — процессе, который идет уже много лет и в основе которого «лежит простой факт: в посткапиталистическом буду-

² «Кремлевский список» представляет собой перечень лиц, на которые с большой вероятностью распространятся санкции США. Всего в этом списке 210 имен. Из них 114 крупных чиновников и руководителей госкомпаний, а также 96 олигархов.

щем на всех общественного пирога не хватит, самого этого будущего не хватит. И касается это не только низов и ‘мидлов’, но и верхов»³. «Кремлёвский список» есть первый шаг, направленный на свержение российской власти. Для кого-то этот список является простым перечнем имён приближённых к Кремлю людей, некоторые из наших неискушённых политиков называют этот список телефонной книгой. На деле же список является первым ударом, за которым неизбежно через некоторый промежуток времени последует второй»⁴.

В этой ситуации, как отмечают эксперты, «элита, которая ассоциирует себя с “Барвиха Luxury Village” и которая за эту “Барвиху Luxury Village”, безусловно, сдаст всё, всё и проиграет... поэтому самое главное, необходимое условие победы — элита должна ассоциировать себя с обществом, частью которого является»⁵.

«В посткапиталистический (посткатастрофический?) мир попадут только те правящие элиты, у которых будет мощное волшебное оружие — единство со своим народом. Билет в будущее в условиях надвигающегося кризиса, войны всех против всех получают только те элиты, **которые идентифицируют себя со своими странами, которые укоренены в своей культуре и разделяют со своим народом одни и те же ценности, интересы и цели**»⁶.

Однако в выстроенной после распада СССР системе государственного управления национальные интересы никогда не были в приоритете элитарных групп. Напротив, ее неотъемлемым атрибутом стал олигархический капитализм, который формировался «сознательной политикой государства в основном путем раздачи государством государственной собственности в частные руки либо путем

³ Фурсов А.И. Тот, кто победит — будет жить // Газета «Завтра». 2018. 22 янв. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/elita_-_hhi

⁴ Проханов А. Оборонное сознание. Враг у ворот // Газета «Завтра». 2018. 7 фев. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/oboronnoe_soznanie_vrag_u_vorot

⁵ Фурсов А.И. Тот, кто победит — будет жить // Газета «Завтра». 2018. 22 янв. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/elita_-_hhi

⁶ Там же.

создания квазигосударственных монополий, подчиненных частным интересам элитных групп» [2, с. 8].

«Полвека, особенно с брежневских времён, череда самообманов преследует нас. Всё тот же цикл: застой – кризис – застой. Уменьшается наша доля в мировой экономике... Строй чиновно-олигархического капитализма считался обречённым ещё в начале XX века, во времена Джека Лондона и его «Железной пяты». Родимые его пятна – низкая производительность труда и системная коррупция. А мы за него всё ещё держимся... России нужен обращённый в будущее новый цивилизационный проект. Невозможно сражаться за достойное будущее, вооружившись щитом из Средневековья или ракетами советской закалки»⁷.

Сегодня капитализм для избранных, по сути, является главной причиной того, что реальные изменения в стране происходят только в тех вопросах, которые на первый план ставит лично Президент. Прежде всего, это укрепление обороноспособности страны (возрождающийся ВПК) и выстраивание жесткой иерархии системы государственного управления – безусловно, важнейшие и системообразующие задачи для обеспечения национальной безопасности, но далеко не единственные в плане социально-экономического развития и обеспечения социальной стабильности в стране.

Ключевые вопросы реализации курса социально-экономического развития (в частности, зафиксированные в майских указах от 2012 г.) были поручены Правительству Д. Медведева, **что в условиях олигархического капитализма фактически означало «пущено на самотек»**. Статьи от главного редактора, в которых мы каждые два месяца анализируем реальные факты и тенденции, приводим экспертные оценки по основным проблемам внутреннего и внешнего развития России, наглядно показывают, **что в течение всех шести лет третьего президентского срока В.В. Путина ключевые задачи по решению внутренних проблем страны не выполнялись: из года в год к властвующим элитам возникают одни и те же вопросы, эксперты говорят о бездействии**

⁷ Кирпичев В. Вместо развития – утешение // Литературная газета. 2018. 24 янв. Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-3-4-6628-24-01-2018/vzamen-razvitiya-uteshenie/>

Правительства в реализации национальных интересов, вновь и вновь актуализируется потребность в более решительных действиях по национализации элит со стороны Президента... (резюмирующие выдержки из всех 24 статей, опубликованных в период с 2012 по 2017 г., представлены в приложении).

«Итогом длительного (уже около 10 лет) периода низких темпов экономического роста стала стагнация уровня жизни населения и отсутствие у бизнеса стимулов для инвестирования. В целом, можно констатировать, что увеличивается вся гамма рисков социально-экономического развития средне- и долгосрочного характера, для парирования которых в распоряжении властей остается все меньше и меньше ресурсов» [3, с. 24].

О неэффективности выполнения Правительством своих прямых обязанностей по обеспечению национальных интересов свидетельствует динамика уровня жизни и, в частности, состояние проблемы социального неравенства. За период с 2012 по 2017 г. «среднедушевые доходы граждан по курсу рубля к доллару снизились с 730 до 480; среднемесячная зарплата – с 860 до 600 долл. **Иными словами, за пять лет доходы граждан, выраженные в долларах, сократились примерно в полтора раза.** Сопоставимым было падение потребительских расходов домохозяйств: они снизились за пять лет с 406 до 260 долларов на члена домашнего хозяйства в месяц»⁸. При этом одновременно со снижением уровня жизни «простых россиян» в стране продолжается рост числа миллиардеров и их личного благосостояния: в 2011–2016 гг. их количество в России увеличилось с 60 до 96 чел., а размер благосостояния в среднем на одного миллиардера возрос со 153 до 230 млрд. рублей. За период с 1990 по 2015 г. доля доходов 10% самых богатых россиян возросла на 20 п.п. (примерно с 25 до 45%), а доля доходов 50% самых бедных слоев населения упала на 13 п.п. (с 31 до 18%). Как отмечают некоторые эксперты [4, р. 4], **по состоянию проблемы социального неравенства к 2015 г. Российская Федерация вернулась на уровень 1905 года.**

⁸ Башкатова А. Россияне растеряли свой потребительский потенциал // Независимая газета. Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2018-01-31/1_7162_potencial.html

«Сегодня у российского государства денег нет... Фонды пусты. Накопления истрачены. Деньги есть у миллиардеров, которые держат их в офшорных зонах и ценных бумагах Америки. Эти несметные богатства есть результат бессовестной эксплуатации российского народа, поставленного на грань нищеты и вымирания. Вернуть все эти деньги в Россию, направить их на развитие, обеспечить этими деньгами рывок – это насущная задача Кремля, задача Путина»⁹.

Таким образом, социальное неравенство в России продолжает увеличиваться, а вместе с ним продолжают накапливаться недовольство эффективностью системы государственного управления и вполне обоснованные сомнения в том, что властвующие элиты руководствуются в своей деятельности национальными интересами, интересами достижения социальной справедливости, а не мотивами личного обогащения.

Важным критерием эффективности системы государственного управления являются оценки общественного мнения, инструментом измерения которых выступают социологические исследования. Поэтому, анализируя тенденции развития ситуации в стране, мы во многом опираемся на имеющуюся социологическую базу¹⁰.

За период всех президентских сроков В.В. Путина (с 2000 по 2017 г.) было проведено более 100 «волн» мониторинга. Их результаты, во-первых, позволяют говорить о том, что наиболее актуальные проблемы, беспокоящие людей (низкий уровень доходов, высокая степень

«Способа познания мира общественного мнения, альтернативного тому, что предложил много лет назад Джордж Гэллуп, по-прежнему не изобретено»¹¹.

неравенства, коррупция и т.д.) носят долгосрочный, нарастающий характер: «К 2017 г. по сравнению с началом первого президентского срока В. Путина (2000 г.) заметно снизилась актуальность таких проблем, как высокий уровень преступности, безработица, увольнение персонала, бездуховность, разгул безнравственности, задержки в выплате зарплат и пенсий, притеснения на национальной почве... Однако актуальность самых острых проблем не ослабла, а даже усилилась: доля людей, обеспокоенных проблемой инфляции, за период с 2000 по 2017 год увеличилась с 45 до 57%; низким уровнем жизни – с 51 до 54%; расслоением населения на «бедных» и «богатых» – с 28 до 39%, коррупцией – с 15 до 24%. **Таким образом, в самых главных проблемах, волнующих людей, позитивных изменений за последние 17 лет не произошло: вопросы социальной справедливости, имущественного и социального расслоения, бедности стали еще острее»** [5, с. 13].

«Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения под руководством Президента Российской Федерации и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации» [6].

Во-вторых, результаты социологических измерений показывают, что вопрос «Так какое же государство мы строим?» относится не только к Правительству, но и в меньшей степени – к Президенту, **который не только выполняет роль главного арбитра в существующей политической системе, но и выступает гарантом обеспечения национальной безопасности**, что было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности 2015 г.

¹¹ Опрос об опросах: зачем и почему?: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2016. № 3241. 11 нояб. Реж. дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115943>

⁹ Проханов А. Оборонное сознание. Враг у ворот // Газета «Завтра». 2018. 7 фев. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/oboronnnoe_soznanie_vrag_u_vorot

¹⁰ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Именно поэтому среди различных аспектов деятельности непосредственно Президента успешность его действий по подъему экономики и росту благосостояния граждан регулярно оценивается хуже, чем решение вопросов, связанных с укреплением международного статуса России, наведением порядка в стране и укреплением демократических основ общества (вкладка 1). Причем негативные тенденции отмечаются среди представителей и социально уязвимых категорий (люди с низким уровнем дохода, пенсионеры), и средне- и высокодоходных групп, а также среди молодежи (вкладка 2).

Последняя категория (люди в возрасте от 18 до 30 лет) заслуживает особого внимания, поскольку с течением времени она постоянно обновляется и за 17 лет, прошедших с начала первого президентского срока В. Путина, ее состав существенно изменился. Тем не менее, как показывают результаты исследований, оценка успешности решения Президентом материальных проблем населения заметно ухудшилась среди людей в возрастной группе от 18 до 30 лет: в среднем за период с 2000 по 2003 г. негативные отзывы давали 46% её представителей, в 2012–2017 гг. – почти на 10 п.п. больше (55%).

Таким образом, проводимый курс экономического развития нуждается в переменах по двум причинам.

Во-первых, потому что существующие темпы роста экономики фактически означают утрату позиций России в геополитической конкуренции. Исторический опыт нашей страны показывает, что в подобных случаях это становится реальной угрозой для национальной безопасности (так, чтобы устранить потенциально мощного противника, геополитические конкуренты пользовались ослабленным состоянием и Российской Империи, и Советского Союза). В XXI веке международные отношения накалены до предела, распространение русофобских настроений продолжает доминировать в информационной политике США, пока еще сохраняющих за собой статус международного лидера, и, как отмечают эксперты, позитивных изменений в данном вопросе не предвидится: «В 2017 году стало окончательно понятно, что нормализации отношений с Западом не пред-

видится еще долго, так как сутью международной политики становятся не переговоры и поиск компромиссов, а базовая русофобская позиция западных элит»¹².

Во-вторых, сложившиеся темпы роста российской экономики могли устраивать население в период адаптации к последствиям кризисных девяностых годов, однако эпоха «стабилизации» укрепила средний класс и естественным образом привела к росту уровня потребностей. Вследствие этого на протяжении третьей «шестилетки» президентства В. Путина в стране отмечается рост потребности в изменениях: за период с 2012 по 2017 г. доля россиян, считающих, что перемены и реформы в экономической и политической жизни страны сегодня важнее, чем стабильность, увеличилась с 28 до 44%. Удельный вес придерживающихся противоположной точки зрения снизился с 72 до 56%.

Тем не менее действующей политической элитой изменения в экономическом курсе не предусматриваются. Как отмечают эксперты, «демонстрация капитализма требует левого поворота, но российские элиты – эти «дети» 1990-х, криминального передела и ельцинского предательства – не хотят слышать эти шаги, им страшно»¹³. Поэтому вполне закономерен интерес общества к новым лицам на политической арене, в частности к фигуре кандидата в Президенты от КПРФ П. Грудина, «неожиданное появление которого может ознаменовать собой не только появление нового лица, но и некую демонстрацию, призванную стать прологом для формирования нового консенсуса... Это может стать сигналом для начала “смены поколений” в элитах. Причём не в возрастном, а скорее мировоззренческом смысле, т.е. ознаменовать начало процесса, который приведёт к уходу элит образца 90-х и всего с ними связанного»¹⁴.

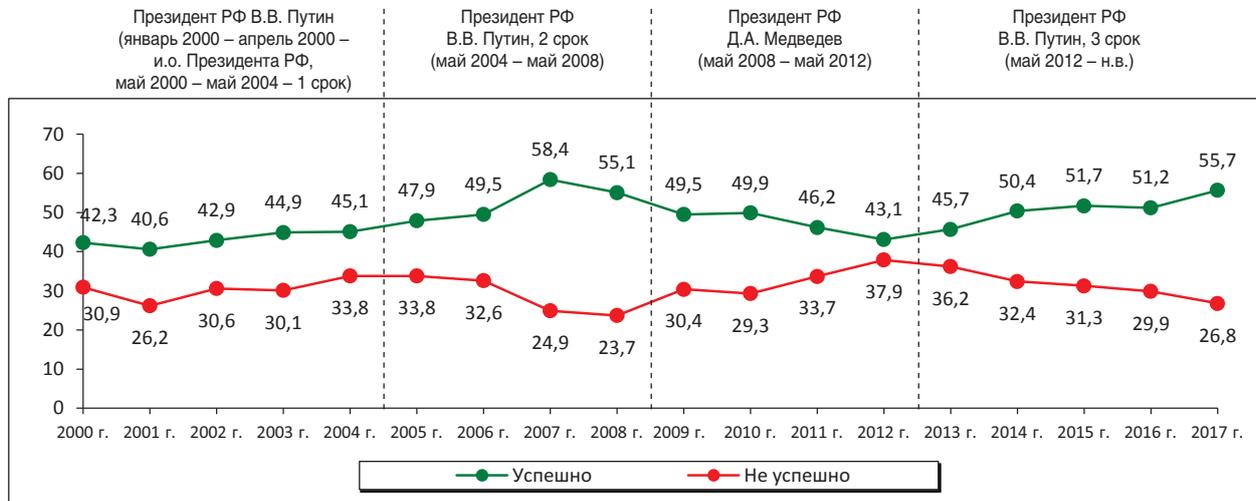
¹² Гурова Т., Скоробогатый П. Зачем Путин делает это // Журнал «Эксперт». 2017. № 50 (1056). 11–17 дек. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/50/zachem-putin-delaet-eto/>

¹³ Фурсов А.И. Тот, кто победит – будет жить // Газета «Завтра». 2018. 22 янв. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/elita_-_hhi

¹⁴ Кочетков А. Вокруг «проекта Россия» // Литературная газета. 2018. 17 янв. Реж. дост.: <http://lgz.ru/article/-1-2-6627-17-01-2018/vokrug-proekta-rossiya/>

Вкладка 1

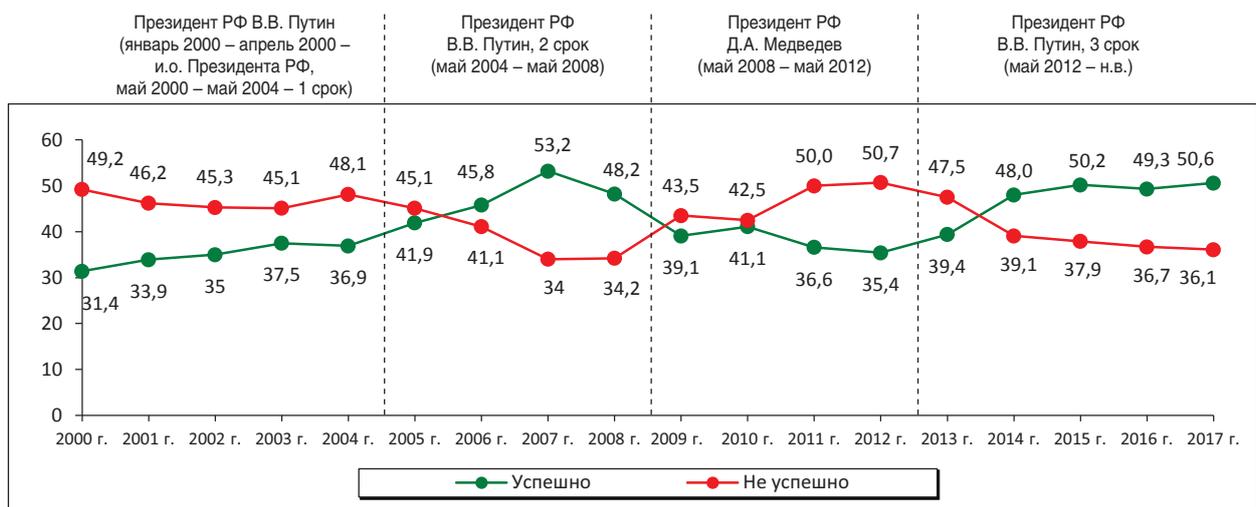
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой укрепления международных позиций России? (в % от числа опрошенных)

В целом за период с 2000 по 2017 г. доля людей, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, увеличилась на 15 п.п. (с 42 до 57%). Удельный вес положительных оценок на протяжении всего периода 2000–2017 гг. был выше, чем доля отрицательных характеристик.

В течение третьего президентского срока В. Путина (2012–2017 гг.) доля позитивных оценок деятельности Президента по укреплению международных позиций России увеличилась на 14 п.п. (с 43 до 57%), а удельный вес отрицательных суждений снизился на 9 п.п. (с 38 до 29%).

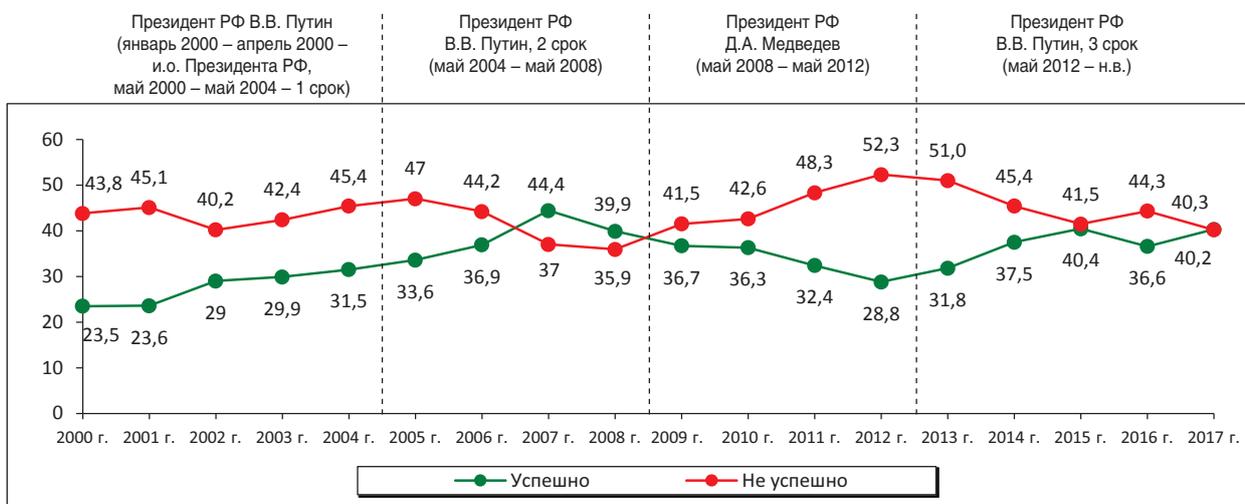
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой наведения порядка в стране? (в % от числа опрошенных)

За период с 2000 по 2017 г. доля тех, кто положительно оценивает работу главы государства по наведению порядка в стране, увеличилась на 20 п.п. (с 31 до 51%). Удельный вес отрицательных характеристик снизился на 12 п.п. (с 48 до 36%).

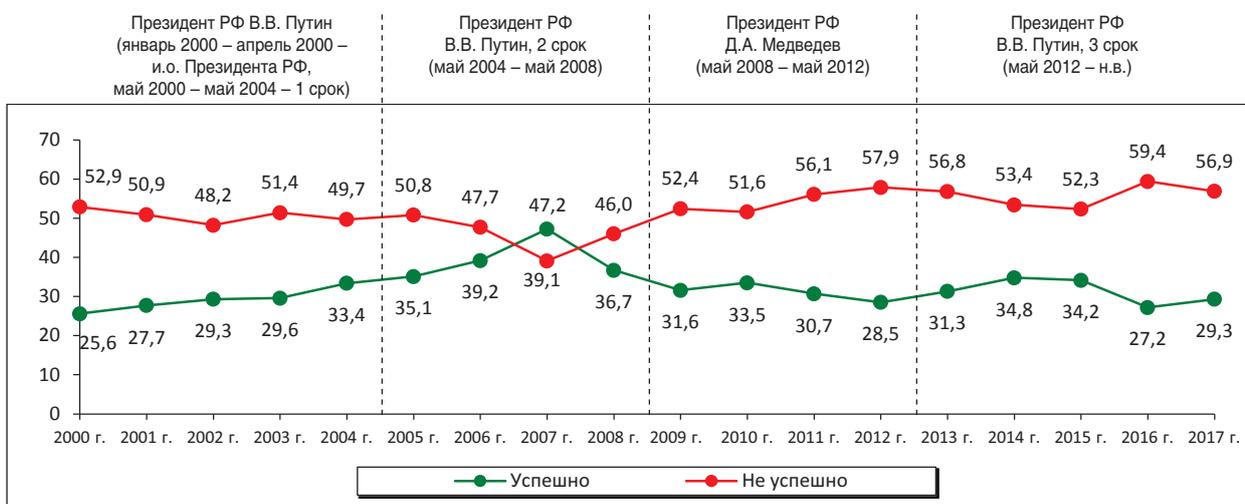
В 2012 – 2017 гг. доля положительных оценок увеличилась на 16 п.п. (с 35 до 51%), удельный вес отрицательных суждений снизился на 14 п.п. (с 51 до 37%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой защиты демократии и укрепления свобод граждан? (в % от числа опрошенных)

За период с 2000 по 2017 г. доля людей, позитивно характеризующих деятельность Президента по защите демократии и укреплению свобод граждан, увеличилась на 16 п.п. (с 24 до 40%). За третий президентский срок В.Путина – на 11 п.п. (с 29 до 40%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики, роста благосостояния? (в % от числа опрошенных)

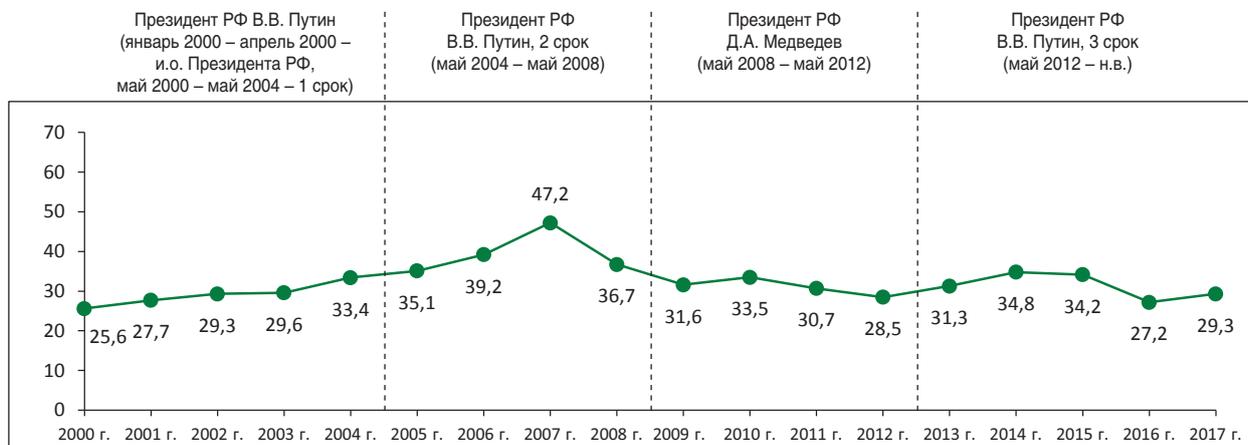
Доля людей, считающих, что Президент успешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан, за период с 2000 по 2017 г. фактически не изменилась (26–29%). При этом с 2007 г. отмечается постепенное снижение удельного веса людей, разделяющих это мнение (за период 2007–2017 гг. – на 18 п.п., с 47 до 29%).

Следует также отметить, что на протяжении всего периода с 2000 по 2017 г. (за исключением 2008 года) доля негативных суждений о деятельности Президента по решению материальных проблем населения была выше, чем удельный вес позитивных характеристик.

Вкладка 2

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики, роста благосостояния?

(вариант ответа «очень успешно, довольно успешно», в % от числа опрошенных)

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики, роста благосостояния?

(вариант ответа «очень успешно, довольно успешно»)

Социально-демографические категории	Средние данные за период...*				Изменение +/- 2012–2017 г. к...		
	2000 – 2003 г.	2004 – 2007 г.	2008 – 2011 г.	2012 – 2017 г.	2008–2011 г.	2004–2007 г.	2000–2003 г.
Пол							
Мужской	29,5	40,1	33,1	30,5	-3	-10	+1
Женский	26,9	37,7	33,2	31,2	-2	-7	+4
Возраст							
До 30 лет	34,5	43,2	33,8	30,6	-3	-13	-4
30–55 лет	26,0	38,7	32,0	30,5	-2	-8	+5
Старше 55 лет	25,1	34,9	34,3	31,7	-3	-3	+7
Образование							
Среднее и н/среднее	27,7	36,5	30,7	28,3	-2	-8	+1
Среднее специальное	26,5	38,9	33,7	31,1	-3	-8	+5
Высшее и н/высшее	29,9	41,3	35,0	33,4	-2	-8	+4
Доходные группы							
20% наименее обеспеченных	23,6	36,1	28,5	22,1	-6	-14	-2
60% среднеобеспеченных	27,1	38,6	33,7	31,5	-2	-7	+4
20% наиболее обеспеченных	35,1	46,7	37,1	38,5	+1	-8	+3
Территории							
Вологда	30,1	36,5	32,5	28,6	-4	-8	-2
Череповец	26,3	41,1	32,3	34,0	+2	-7	+8
Районы	27,9	38,7	33,8	30,4	-3	-8	+3
Область	28,0	38,7	33,1	30,8	-2	-8	+3
Общее количество изменений в 14 группах и в целом по области					0 / -7	0 / -15	+10 / -1

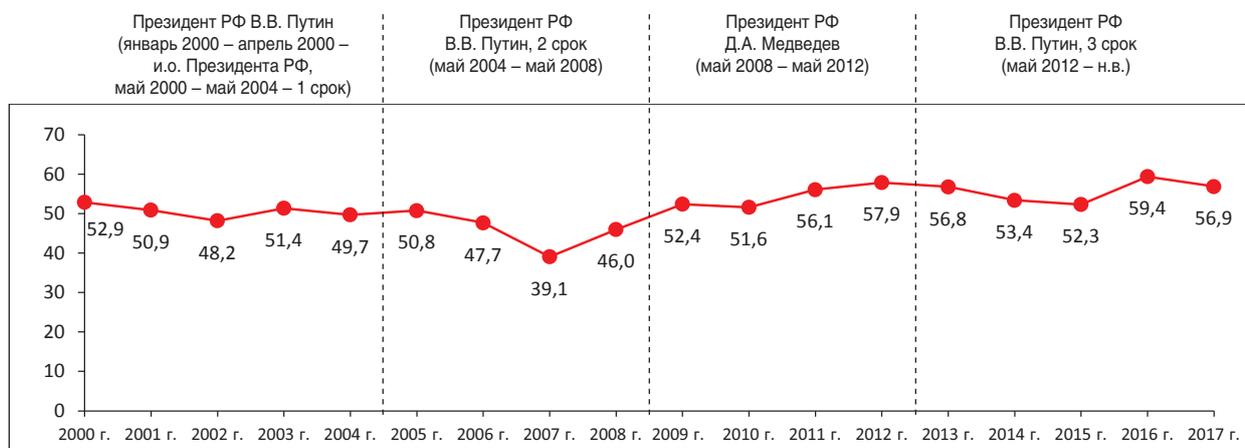
* Опросы проходят с периодичностью 1 раз в 2 месяца среди жителей Вологодской области старше 18 лет. За каждый из указанных периодов было проведено 24 «волны» мониторинга. В таблице представлены средние данные за каждый период.

В среднем за период с 2012 по 2017 г. (III президентский срок В.В. Путина) по сравнению с 2000–2003 гг. (I президентский срок) доля людей, положительно оценивающих деятельность Президента по подъему экономики и росту благосостояния граждан, увеличилась в 9 из 14 социально-демографических категорий. Однако этот рост сложно назвать значительным: в первую очередь доля положительных суждений увеличилась среди жителей Череповца (на 8 п.п., с 26 до 34%) и людей старше 55 лет (на 7 п.п., с 25 до 32%).

Снижение удельного веса позитивных суждений о работе Президента по решению материальных проблем населения отмечается среди людей в возрасте до 30 лет (на 4 п.п., с 35 до 31%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики, роста благосостояния?

(вариант ответа «без особого успеха, совершенно не успешно», в % от числа опрошенных)

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики, роста благосостояния?

(вариант ответа «без особого успеха, совершенно не успешно»)

Социально-демографические категории	Средние данные за период...*				Изменение +/- 2012–2017 г. к...		
	2000 – 2003 г.	2004 – 2007 г.	2008 – 2011 г.	2012 – 2017 г.	2008–2011 г.	2004–2007 г.	2000–2003 г.
Пол							
Мужской	52,0	47,2	52,7	57,1	+4	+10	+5
Женский	50,1	46,5	50,5	55,3	+5	+9	+5
Возраст							
До 30 лет	46,1	41,4	49,9	54,6	+5	+13	+9
30–55 лет	53,7	47,4	53,2	57,0	+4	+10	+3
Старше 55 лет	50,2	50,6	50,0	55,8	+6	+5	+6
Образование							
Среднее и н/среднее	48,6	47,0	49,4	56,8	+7	+10	+8
Среднее специальное	51,2	46,8	52,0	55,6	+4	+9	+4
Высшее и н/высшее	53,8	46,5	53,2	55,9	+3	+9	+2
Доходные группы							
20% наименее обеспеченных	51,2	47,9	53,8	62,1	+8	+14	+11
60% среднеобеспеченных	53,3	48,0	51,2	56,3	+5	+8	+3
20% наиболее обеспеченных	49,3	41,9	52,7	51,1	-2	+9	+2
Территории							
Вологда	51,4	48,5	50,2	57,3	+7	+9	+6
Череповец	55,0	46,6	59,5	56,8	-3	+10	+2
Районы	48,5	46,1	48,0	55,1	+7	+9	+7
Область	50,9	46,8	51,5	56,1	+5	+9	+5
Общее количество изменений в 14 группах и в целом по области					+13 / -1	+15 / 0	+12 / 0

* Опросы проходят с периодичностью 1 раз в 2 месяца среди жителей Вологодской области старше 18 лет. За каждый из указанных периодов было проведено 24 «волны» мониторинга. В таблице представлены средние данные за каждый период.

В среднем за период с 2012 по 2017 г. (III президентский срок В.В. Путина) по сравнению с 2000–2003 гг. (I президентский срок) доля людей, считающих неуспешными действия главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан, увеличилась в большинстве (в 11 из 14) социально-демографических категорий. В частности, среди людей в возрасте до 30 лет – на 9 п.п. (с 46 до 55%); среди 20% наименее обеспеченных (по самооценкам) слоев населения – на 11 п.п. (с 51 до 62%). Позитивных изменений не наблюдается ни в одной из групп.

Рост доли негативных оценок в среднем за 2012–2017 гг. отмечается в сравнении и со вторым президентским сроком В. Путина (2004–2007 гг.), и с президентским сроком Д. Медведева (2008–2011 гг.).

«Зашоренность» взглядов действующих элит наглядно показал прошедший 29 января 2018 г. Гайдаровский форум, по итогам которого эксперты констатировали: «Гайдаровский форум сегодня – это не дискуссионная площадка, на ней представлена фактически одна точка зрения, и это точка зрения отживающей школы... Форум этого года был более масштабным. Но все более явным становится желание, а вернее, нежелание менять экономическую политику. Она уже восхваляется как абсолютно идеальная. На текущем форуме многие подчеркивали, что все хорошо, надо только что-то ждать. А что ждать? Это новая степень откровенности. Здесь можно рассмотреть намерение ничего не менять в экономической, денежно-кредитной, информационной и образовательной политике»¹⁵.

Примечательно, что на Гайдаровском форуме не дали выступить, например, Б. Титову – одному из кандидатов на пост Президента, который обладает своим, во многом альтернативным взглядом на решение задачи выхода экономики России на устойчивую траекторию роста и который имеет конкретную программу действий, разработанную экспертами Столыпинского клуба. При этом форум показал, что если «образ будущего» России в представлениях чиновников высшего ранга был и остается достаточно туманным и скорее напоминающим образ «консервации настоящего», то в своем личном будущем они более чем уверены. «Доклады министров показали их желание остаться в составе правительства еще и на будущий президентский срок. Те предложения, которые прозвучали из уст Антона Силуанова и Германа Грефа, можно рассматривать как некоторые пункты программы будущего правительства»¹⁶. Хотя ни о победе В. Путина на выборах, ни о том, что он будет продолжать существующий курс развития и поддерживать «тепличные» условия для олигархического капитализма, ни о сохранении должностей самих чиновников официально нигде объявлено не было.

¹⁵ Сергеев М. Наследники Гайдара сделали ставку на административный ресурс // Независимая газета. 2018. 19 янв. Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2018-01-19/1_7154_heirs.html (оценка сопредседателя Московского экономического форума К. Бабкина).

¹⁶ Там же.

В базовом сценарии Минэкономразвития ожидается рост валового внутреннего продукта (ВВП) РФ в 2018 году на 2,1%, в 2019 году – на 2,2%, в 2020 году – на 2,3%. По прогнозам Центрального Банка РФ рост экономики в 2018 г. будет находиться в интервале 1,5–2,0%, в 2019 году – 1–1,5%¹⁷. Между тем, по оценкам представителей Столыпинского клуба, «оптимальным для страны является рост на уровне **4–5% ВВП** ежегодно... при этих 4–5% роста ВВП России на душу населения к 2025 г. будет составлять около 55% от уровня США по паритету покупательной способности, а в 2035 г. – 67%. Это значит, что экономика будет расти не только количественно, но и качественно, станет более разнообразной и устойчивой к колебаниям внешней конъюнктуры, и все это приведет к существенному укреплению обменного курса рубля... **Сейчас такой рост все еще ничем не гарантирован – он обозначился, но может так и остаться слабым**»¹⁸.

Отсутствие понимания или попросту игнорирование специфики сложившихся в российской экономике закономерностей проявляется и в конкретных управленческих решениях Правительства. Так, решение уравнивать минимальный размер оплаты труда с прожиточным минимумом с 1 мая 2018 г., по словам главы Минтруда М. Топилина, «уменьшит долю населения с доходами ниже величины прожиточного минимума с 13–14 до 10–11%»¹⁹. Однако, вследствие высокого уровня занятости в теневом секторе экономики, рост заработной платы в России далеко не всегда приводит к росту уровня доходов. Например, «в прошлом году у нас реальные заработные платы увеличились больше чем на 3%, в позапрошлом – на 0,8%. А реальные доходы и в прошлом году, и в позапрошлом году все равно снижались»²⁰.

¹⁷ Росстат сообщил о росте ВВП РФ в 2017 году на 1,5% // Интерфакс. 2018. 1 фев. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/598085>

¹⁸ Ивантер В.В. Пора поддать ходу // Российская газета. 2017. 13 фев. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/02/13/viktor-ivanter-krizis-konchilsia-no-gosudarstvo-v-dolgu-pered-naseleniem.html>

¹⁹ Башкатова А. Правительство консервирует бедность // Независимая газета. 2018. 8 фев. Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2018-02-08/1_7168_poverty.html

²⁰ Там же.

Самый главный повод для критики, как отмечают эксперты, состоит в том, что «настоящая проблема забалтывается, вместо нее обсуждается, стоит или нет уравнивать друг с другом два формальных показателя, которые не имеют ничего общего с реальным положением граждан. Директивно установленный прожиточный минимум сильно занижен. И когда благодаря повышению МРОТ официальная статистика зафиксировала резкое сокращение бедности — на самом деле бедных в стране не станет меньше. На бумаге показатели улучшатся, а в жизни уместнее будет говорить лишь о том, что люди, балансирующие на грани нищеты, перейдут в разряд бедных. Зато чиновники, получив более красивую статистическую сводку, смогут больше не поднимать эту болезненную тему в своих выступлениях»²¹.

Сегодня вопрос о будущем России приобретает особую актуальность. Начинается новый политический сезон. У большинства экспертов нет сомнений в том, что В. Путин переизберется на четвертый срок. Но это будет его последняя шестилетка, а значит, это будет период, определяющий, в каком состоянии Россия достанется преемнику Президента: будет ли это период успешного завершения долгосрочных, стратегических задач или это будет очередной этап продолжения существующего курса развития с его «прикрытием» капитализма для своих, ручным управлением и продолжающейся «убаюкивающей» риторикой власти на фоне отставания от геополитических конкурентов и ухудшения динамики уровня и качества жизни населения.

Первый вариант развития событий требует от Президента решительных действий по национализации элит. Однако пока что ощутимых предпосылок к этому не видно. На протяжении последних лет мы могли наблюдать, что крайне осторожные и «мягкие» намеки Путина на то, что деньги надо возвращать домой, «нечего там в Калифорниях расслаживаться»²², имеют эффект не больший, чем его установки в Посла-

²¹ Башкатова А. Правительство консервирует бедность // Независимая газета. 2018. 8 фев. Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2018-02-08/1_7168_poverty.html

²² Стенограмма встречи В.В. Путина с доверенными лицами (Москва, 30 января 2018 г.). Реж. дост.: <http://putin2018.ru/press/putin-vstrecha/>

В середине 2016 г. Правительство отчиталось о том, что по майским указам Президента «выполнено около 70% от общего числа поручений и 88% — от числа поручений, которые должны были быть выполнены к настоящему времени». Тем не менее, по результатам экспертизы Общероссийского народного фронта, «из 162 заключений на доклады правительства о снятии соответствующих поручений с контроля была подтверждена целесообразность снятия с контроля только 24 поручений. Остальные в той или иной степени не выполнены»²³.

нии Федеральному Собранию и даже майские указы: и те, и другие выполняются в имитационном режиме или не выполняются вовсе. А это значит, что только конкретные и понятные меры могут повлиять на изменение ситуации.

Меры, которые принимаются сегодня, носят дискретный характер: они направлены не на изменение системы в целом, а против конкретных лиц, причем преимущественно осуществляющих свои властные полномочия на региональном, а не на федеральном уровне. Так, например, вскрытие фактов коррупции и громкие аресты²⁴ — дело, безусловно, важное, особенно для населения (поэтому не случайно антикоррупционная кампания становится «красной линией» для программ разных кандидатов, включая самого Путина). **Однако в этом больше эффекта, чем эффективности. Потому что без изменения самой системы антикоррупционная политика зачастую становится борьбой с ветряными мельницами.**

²³ Обещания третьего срока: как исполняются майские указы президента / О. Волкова, П. Никольская, И. Ткачёв, А. Могилевская // Сайт РБК [Эл. рес.]. Реж. дост.: <http://www.rbc.ru/economics/17/05/2016/573a034a9a7947d18967193a>

²⁴ Последний из таких громких крупных коррупционных скандалов: в январе 2018 г. был арестован мэр Махачкалы Муса Мусаев, которого обвинили в превышении полномочий при выделении земли частной компании. После этого (в феврале 2018 г.) были задержаны врио премьер-министра Дагестана Абдусамад Гамидов, его заместители Шамиль Исаев и Раюдин Юсуфов, которых обвиняют в хищении бюджетных средств, а также было возбуждено уголовное дело в отношении главного архитектора Махачкалы Магомедрасула Гитинова (его обвиняют в превышении полномочий и причинении ущерба на сумму в 4 млн. руб.).

«Если посмотреть на наше правительство и на ряд арестованных губернаторов, давайте скажем прямо: ведь им отдавали регионы и труд их жителей на кормление. И радикальные меры, которые сегодня принимаются в Дагестане, аресты высоких чиновников – это, скорее всего, **не системная борьба с коррупцией. Потому что коррупция начинается, увы, не в Дагестане, не на Камчатке и не в Ханты-Мансийском округе... Если предпринимать очищение от коррупции, то Путину нужно начинать с Кремля, ибо все должностные лица, которые сегодня арестованы в Дагестане, имеют покровительство именно в Москве»²⁵.**

Если даже США создали вполне реальные и крайне некомфортные условия существования офшоров для российских олигархов, то возникает закономерный вопрос: что мешает российскому Президенту сделать то же самое и прислушаться, например, к вполне разумным рекомендациям экспертов?

«Стоит в любой момент принять закон, по которому любое имущество, которое не переведено в нормальную юрисдикцию, которое находится в офшорной зоне, – является бесхозным и по определению подлежит национализации. Точно так же любое имущество, которое не выведено из офшоров до 1 января 2018 года, должно быть признано бесхозным и конфисковано безвозмездно в счет государства»²⁶.

Ответ вполне очевиден и закономерен: в условиях господства капитализма для избранных столь кардинальные решения, направленные, по сути, против «власть предрежащих» (поддерживаемых к тому же силами коллективного Запада), превращаются в реальную угрозу для политического статуса самого Президента. И олигархически-компрадорская элита прекрасно это осознает, вследствие чего мы вновь и

²⁵ Ивашов Л. Борьбу с коррупцией надо начинать не с Дагестана, а с Кремля! Реж. дост.: <https://publizist.ru/blogs/108984/23242/>

²⁶ Делягин М. США ставят российским олигархам ультиматум для повторения 1996 года. Реж. дост.: <https://topwar.ru/127675-ssha-stavyat-rossiyskim-oligarham-ultimatum-dlya-povtoreniya-1996-goda.html>

вновь можем наблюдать «финансовые войны» крупнейших корпораций (зачастую требующие вмешательства самого Президента) на фоне кризисных явлений в науке и образовании и отмены авиарейсов для рядовых россиян; вновь и вновь собирается Гайдаровский форум, на котором действующие чиновники открыто представляют свой взгляд на проблемы и перспективы российской экономики, а эксперты в очередной раз констатируют, что у них не наблюдается ни того, ни другого... «Команда Путина всем хорошо известна, она практически не менялась на протяжении всех лет его пребывания во власти. Идеи, которые исповедует эта “команда”, тоже хорошо известны... все попытки идентифицировать Россию с Путиным, а Путина с Россией, эта вот идеология “либерального монархизма” – категорически неприемлема, прежде всего потому, что обрекает нашу страну, наш народ на полную зависимость от “властной вертикали”, все этажи которой заполняют, по словам вице-премьера А. Дворковича, такие социально ответственные бизнесмены, как его приятель С. Полонский, и, видимо, такие некоррупцированные чиновники, как А. Улюкаев, а эталонным образцом, наверное, служит А. Чубайс. **Так что дело здесь не в Путине...дело в той «элите», которая прячется за Путина, как за ширму, используя его как гаранта своей неприкосновенности и сохранности всех активов и бонусов, которые они получили в 90-е годы, участвуя в разграблении нашей страны»²⁷.**

Ситуация усугубляется еще и тем, что со временем доминирование интересов элитарных групп может привести к расшатыванию всей системы государственного управления, которая выстраивалась В. Путиным на протяжении всех президентских сроков. Сегодня система государственного управления выстроена так, что Президент в ней является центральным звеном, обеспечивающим баланс интересов различных элитных групп. Многие шаги, которые вынужден предпринимать В. Путин «в ручном режиме», поддерживают его имидж в глазах широких слоев населения. Однако в конце третьего президентского срока В. Путина эксперты говорят о том, что эта система всё чаще про-

²⁷ Шевченко М. А власть – народная... // Газета «Завтра». 2018. №4.

являет признаки неустойчивости и, «с высокой степенью вероятности, продолжит распадаться в течение первых лет после его переизбрания... Дистанция между Путиным и элитами будет расти и вместе с этим будет расти нервозность и недовольство политическим функционалом президента внутри страны. Остающийся все чаще наедине с военными и спецслужбами, **Путин рискует утратить свой неформальный статус политического лидера околосударственного олигархата, ключевые представители которого в очень скором времени начнут играть свою собственную игру, активно «приватизируя» государственные функции, все реже считаясь как с интересами президента, так и с самим фактом его существования»**²⁸.

Таким образом, мы видим, что накануне четвертого президентского срока В. Путина ситуация в стране выглядит иначе, но не менее сложно, чем 15 лет назад, причем по всем «фронтам»: и в плане соответствия условиям геополитической конкуренции, и в возможностях наведения порядка в системе государственного управления, и возможностях сохранения социальной стабильности. В начале 2000-х гг. главным условием обеспечения национальной безопасности являлось преодоление комплексного кризиса 1990-х гг. (фактически сохранение страны). С этой задачей Президент справился и справился вполне успешно. Ему удалось выполнить свою главную историческую миссию — отодвинуть страну от края пропасти и обеспечить условия для адаптации российского общества к новым, постсоветским условиям существования.

Однако сегодня и логика общемировых тенденций, и созревшая за долгие годы повестка внутреннего развития диктуют необходимость сделать следующий шаг, осуществить переход страны на новый этап. Поэтому перед началом четвертого президентского срока перед главой государства стоит другая задача — обеспечение динамичного и устойчивого роста экономики, повышение уровня и качества жизни, решение вопросов социальной справедливости. Это иная задача, но она не менее важная для сохранения и обеспечения будущего России.

²⁸ Становая Т. Чем опасен четвертый срок // Радио «Эхо Москвы». Реж. дост.: <https://echo.msk.ru/blog/planperemen/2133710-echo/>

«Система управления достигла такой степени деградации, что отторгает попытки её усложнить как централизованными директивами, так и системными нововведениями. Фактически она утратила целостность, а её отдельные фрагменты стали обслуживать интересы влиятельных кланов и зарубежных центров влияния... В итоге страна сбивается с траектории экономического роста, попадая в стагфляционную ловушку, а «командиры» получают астрономические доходы и скрываются в офшорных юрисдикциях» [2, с. 9].

Для ее осуществления Президенту понадобится новая команда, которая поставит на первый план своей стратегии национальной безопасности реализацию национальных интересов, а не личные амбиции; люди с новыми идеями, с новыми конкретными предложениями и с качественно более высоким уровнем моральной ответственности за их выполнение. Потому что принимать эффективные управленческие решения такого рода «невозможно без выработки представления о будущем характере того общества, которое будет реализовывать новую социально-экономическую модель. А российской элите будет очень непросто сформировать это представление, поскольку ее жизненно важные интересы пока концентрируются на сохранении нынешней системы» [2, с. 9].

«Чтобы привести систему управления развитием экономики в соответствие с целевыми параметрами, установленными Президентом России, необходимо восстановить её стержень: механизм прямой ответственности всех органов государственного регулирования и их должностных лиц за достижение целевых параметров социально-экономического развития страны должен стать сквозным в системе управления. Начинать при этом надо с федеральных органов власти...» [7]

В начале 2000-х гг. были ресурсы, позволявшие власти успешно консолидировать общество, несмотря на экономические проблемы и внешние угрозы. Страна восстанавливалась фактически с «нуля» и в плане экономики, и в плане геополитического статуса. На это можно было списать все беды, и общество относилось к этому с пониманием.

Но сегодня эти ресурсы исчерпаны. **«Необходимо осваивать механизмы ограничения и подавления тех интересов социальных групп, которые порождают отклонение от вектора общественного развития, диктуемого требованиями общественного прогресса. Потребуется преодолевать существующее безусловное доминирование чрезмерных своекорыстных социально-групповых интересов российской элиты над общественными. Такое доминирование — главная причина фактически сохраняющегося консерватизма государственной политики и огромных препятствий на пути модернизации экономики»** [2, с. 7].

Нет сомнений в том, что Президент видит весь комплекс проблем, накопившихся в системе управления, и осознает свою ответственность за их решение. В частности, задержку очередного Послания Федеральному Собранию, которое готовят команды под руководством А. Войно, Д. Пескова, М. Орешкина, эксперты связывают именно с неудовлетворенностью главы государства его первоначальным вариантом, что свидетельствует о его глубоком понимании важности данного документа на данном историческом этапе развития России. «Общество ждет от власти каких-то изменений, неких серьезных позитивных реформ, а объявить их Путин не может... Кремль не удовлетворяют те варианты Послания, что есть сейчас, это очевидно. А когда будут готовы новые — неясно. Да и вообще, что ни скажи — все равно возникнет ощущение повторения. И раз говорить о реальных проблемах сложно, то придется обещать манну небесную и дальше. Однако делать это в условиях деградирующих экономики и социальной сферы совсем не хочется, ведь очевидно, что впереди

непопулярные реформы, а вовсе не рябчики в шампанском»²⁹.

Хватит ли у Президента политической воли для принятия жестких решений? Именно этот вопрос, который оставался открытым на протяжении всего третьего президентского срока В. Путина, будет, по-видимому, центральным в ближайшие 6 лет.

Пока что многие эксперты высказываются на этот счет достаточно пессимистически, предполагая, что Россию скорее всего ждет «сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития» [8, с. 669]. Однако Президент по-прежнему обладает всеми возможностями для того, чтобы опровергнуть их мнение.

Возвращаясь к Л.И. Абалкину (с цитаты которого мы начали свою статью), отметим, что еще в 2007 г. он говорил: **«Уже давно в России, как и во всем мире, обсуждается вопрос о том, что оставит В.В. Путин своему преемнику. Время бежит стремительно, но его еще достаточно для того, чтобы оставить ему Национальную стратегию как путь движения России к новой экономике. В ее рамках россияне получают достоверное представление о будущем, о завтрашнем дне своих детей и внуков»** [9, с. 12].

За 10 лет, прошедших с тех пор, изменений в системе государственного управления не произошло, а вопрос о «Национальной стратегии как пути движения к новой экономике» стал еще более актуальным. При этом время бежит неумолимо, и накануне четвертого президентского срока В. Путина всё сложнее говорить о том, что его достаточно...

Поживем — увидим, шесть лет пройдут быстро...

²⁹ Горбачев А. Путин переписет Послание к концу февраля // Независимая газета. 2018. 6 фев. Реж. дост.: http://www.ng.ru/politics/2018-02-06/1_7166_putin.html

**Перечень статей от главного редактора
по проблемам эффективности государственного управления
в период с 2012 по 2017 г.**

Выпуск журнала	Название статьи	Квинтэссенция (последний – предпоследний абзац) статьи
2012 год		
№1(19), февраль 2012 г.	К итогам политического цикла	Сумеет ли «новый» В.В. Путин перевести страну (и себя в первую очередь) на новый уровень управления социальными и политическими процессами, о чем говорилось в предвыборных выступлениях, статьях, которым большинство избирателей поверили. Судить об этом можно будет по реальным шагам уже в первый год третьего срока пребывания В.В. Путина на посту Президента РФ.
№2(20), апрель 2012 г.	Развилка нового политического цикла	<i>В.Третьяков (Гражданам есть о чем беспокоиться // Литературная газета. 2012. № 12-13 (6363). 28 марта.):</i> «...Есть ощущение, что всё так и будет продолжаться. Что порой кажется: Путин поддаётся давлению проигравшей стороны. Что этот текст, как увеличительное стекло, собирает все вопросы в одном фокусе. В фокусе выбора, который сделает или не сделает Путин в ближайшие недели». До вступления в должность Президента РФ 7 мая 2012 года остается не так много времени. Каким будет выбор В.В. Путина?
№3(21), июнь 2012 г.	Ожидания результатов	Есть принципиальные вопросы стратегии развития экономики страны, к рассмотрению которых авторитетные эксперты рекомендуют приступить Президенту РФ в ближайшее время... В.В. Путину придется овладеть этими хорошо известными инструментами экономической политики современного государства. В противном случае он не сможет решить им же поставленные программные задачи модернизации экономики и перевода ее на инновационный путь развития, обеспечения бизнеса долгосрочными кредитами, роста производительности труда, экономической и творческой активности населения, снижения бедности и социального неравенства, так же как и повышения конкурентоспособности национальной экономики.
№4(22), август 2012 г.	Динамика одобрения деятельности Президента РФ населением региона	<i>Глазьев С.Ю., Локосов В.В. (Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. Том 82. № 7. С. 600.):</i> «Фактическая самоизоляция властвующей элиты от общества и лишение подавляющего большинства граждан реальных прав на участие в процессах управления блокируют обратные связи между обществом и государством. Последнее подчиняется олигархическим интересам и становится инструментом получения административной ренты коррумпированной бюрократией, защищённой от ответственности перед обществом благодаря действующей политической системе».
№5(23), октябрь 2012 г.	Тревожные ожидания	<i>Салуцкий А. (Новый Путин // Литературная газета. 2012. №39 (6386). С. 3.):</i> «Сумеет Путин стать таким высоким моральным авторитетом – всё в России пойдет нормально, как по маслу. Будет по-прежнему деликатничать в решении кадровых вопросов, слишком бдительно учитывать все возможные побочные интересы, а по сути, делиться с кем-то верховной властью – не признает его народ царем, и откажут ему в доверии те, кто подавляющим большинством избрал его президентом».
№6(24), декабрь 2012 г.	На трудном пути к сильному гражданскому обществу	Игнорирование государством традиционных моральных и нравственных ценностей, нарушение принципов социальной справедливости не способствует становлению гражданского общества. В регионах, а следовательно, и в России в целом не используются возможности гражданского общества, являющегося важнейшим средством повышения эффективности государственного управления, обеспечения стабильного экономического роста при постоянном повышении уровня жизни большинства населения страны.

Выпуск журнала	Название статьи	Квинтэссенция (последний – предпоследний абзац) статьи
2013 г.		
№1(25), февраль 2013 г.	Неперевернутая страница	Для того чтобы решить главную проблему начала 90-х годов – нечестной приватизации, – а она во многом является основой, на которой выросли политические кланы, – потребуются системные меры не только по «вразумлению» членов правительства, но и оздоровлению всей моральной обстановки в стране, и сделать это надо не разрушая дееспособности государства, за это голосовали более 45 млн. избирателей В.В. Путина. Президенту В.В. Путину не удалось в 2012 году перевернуть страницу несправедливой приватизации. Есть 2013 год. Дольше ждали. Только Владимиру Владимировичу Путину – Президенту РФ – нельзя останавливаться, надо вытащить эту занозу из души российского гражданина. Надо перевернуть эту страницу!
№2(26), апрель 2013 г.	Тревожные ожидания остаются	<i>В.В.Путин (закрытое совещание с Правительством 16.04.2013. в Элисте):</i> «...Давайте повысим качество нашей работы. Это нужно сделать! Если мы этого не сделаем, надо будет признать, что либо я работаю неэффективно, либо вы все плохо работаете и вам нужно уйти. Обращаю ваше внимание на то, что на сегодняшний день я склоняюсь ко второму варианту. Думаю, что это понятно. Чтобы не было никаких иллюзий». Столь недвусмысленная реакция Президента на итоги деятельности российской исполнительной власти в послевыборный год рельефно показывает всю остроту складывающейся ситуации и выражает высокую степень тревоги Главы государства за судьбу конкретных обязательств, взятых им перед своим Избирателем. Тех самых обязательств, от исполнения которых будет зависеть повышение качества жизни, качества государства, качества развития гражданского общества и в конечном счете конкурентоспособность страны.
№3(27), июнь 2013 г.	Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона	Подводя итог оценке доклада Минэкономразвития РФ, отметим, что на федеральном уровне значимых мер, направленных на развитие экономики и доходного потенциала бюджета, в 2012 году принято не было. Традиционные методы управления налогово-бюджетной системой путём непрерывного внесения изменений в действующее законодательство уже не способны решить назревшие системные проблемы. Для этого необходимо принять ряд мер по значительной корректировке экономической политики, ключевыми и первоочередными из которых являются меры по преодолению офшорной сущности российской экономики. И это будет самым серьезным шагом в сфере укрепления национальной и региональной безопасности.
№4(28), август 2013 г.	Проблемы модернизации российских регионов	В открытом письме Президенту РФ В.В. Путину академик Ж.И. Алферов подчеркнул: «Борьба за сохранение РАН – это не только борьба за будущее науки России, это борьба за будущее страны. И очень хотелось нам бороться за него вместе с Вами». Хватит ли сил Президенту, чтобы выполнить свою предвыборную программу? Готов ли В.В. Путин бороться на выборах 2018 г. за то, чтобы снова возглавить Российскую Федерацию? ...Тревожные ожидания остаются.
№5(29), октябрь 2013 г.	Новая повестка дня и эффективность государственного управления	Нет сомнения, что подавляющее большинство граждан России поддержит реализацию идей, изложенных Президентом РФ в международном клубе «Валдай», связанных с верховенством национальных ценностей и общественной этики в реальной жизни всех слоев населения. Пример реальных действий в решении этих задач должна показывать вертикаль власти, очищаясь от «квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала своё будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались» (<i>Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г.</i>).
№6(30), декабрь 2013 г.	Что год грядущий стране готовит?	Под влиянием олигархических корпораций Правительство организует работу, как «лебедь, рак и щука». Именно такой стиль привел динамику развития экономики страны к рецессии. На наш взгляд, Президенту целесообразно не только постоянно убеждать политическую элиту в необходимости выполнения официально принятых решений, но и принуждать, и не только принуждать, но и очищаться от «квазиколониальной части элиты». 2014 год не должен стать для Президента РФ В.В. Путина годом упущенных возможностей по выполнению стратегически важных для населения российского государства задач по модернизации страны, изложенных в предвыборных статьях и закрепленных указами 7 мая 2012 года.

Выпуск журнала	Название статьи	Квинтэссенция (последний – предпоследний абзац) статьи
2014 г.		
№1(31), февраль 2014 г.	Фактор времени	Заявленный Президентом в Валдайской речи курс на базовые общественные ценности, моральный консенсус в обществе возможен только при национализации элит. «Надо вернуть элиту и её деньги в страну, поставить их капиталы под контроль государства, навести порядок с налогами, отменив плоскую шкалу, и взять фактически тем самым недра под контроль государства. Совершив это, начать аккумулировать средства для кардинального подъема страны, определив основные пути развития экономики» (Исаев А. <i>Национализировать надо элиту // Литературная газета. 2014. №6. 12-18 февраля</i>). И здесь фактор времени для реализации нового курса В.В. Путина будет иметь решающее значение.
№2(32), апрель 2014 г.	От главного редактора	Если же говорить о следующем промежуточном этапе, то представляется, что у В.В. Путина он мог бы быть 7 мая 2016 года, когда пройдет две трети срока президентства, и к этому сроку Президенту крайне важно обновить политическую элиту, устранив влияние «квазипатриотической» её части, серьезно обновить правительственную команду за счет идеологически совместимых профессионалов, работающих на общий конечный результат – выполнение поставленных Президентом РФ В.В. Путиным стратегических задач развития страны к 2018 году, и в то же время отладить социально-экономические механизмы таким образом, чтобы избирателю было не только видно движение государства в сторону социальной справедливости, верховенства закона для всех слоев населения, но и чтобы избиратель чувствовал постепенное улучшение качества жизни в своей семье, в своем городе, в своей стране.
№3(33), июнь 2014 г.	Россия должна продвигаться по своему пути	В отечественной науке в последние годы все больше развиваются учениками и последователями академика Д.С. Львова его идеи о необходимости активной роли государства в управлении экономикой, даются аргументированные рекомендации о повышении эффективности государственного управления. Такая позиция получила развернутое обоснование в научном докладе академика С.Ю. Глазьева («О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции», Москва, 29 января 2013 г.), в новом докладе РАН «Россия на пути к современной динамике и эффективной экономике» под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева, где высказано много разумных предложений в отношении экономической политики. Но скажем прямо, что без адекватной модели механизма управления эти предложения могут остаться благими пожеланиями.
№4(34), август 2014 г.	Научный анализ глобальных вызовов для России (о статье академика С.Ю. Глазьева «Как не проиграть в войне»)	<i>Путин В.В. (встреча с членами фракций политических партий Государственной Думы РФ в Ялте 14 августа 2014 г.):</i> «...Какой бы ни была внешняя политическая и экономическая конъюнктура, для нас сейчас главное, собственно, как всегда, – это наши внутренние с вами дела, наши цели, заботы, задачи, которые ставит перед нами народ России, граждане России. Мы должны сконцентрироваться на решении своих национальных проблем и задач. Наше будущее только в наших руках. Мы должны обеспечить высокое качество госуправления, работу политических и гражданских институтов. И самое главное – высокое качество жизни граждан в России».
№5(35), октябрь 2014 г.	Необходимость нового цикла развития	Одна из задач социологов – настойчиво вырабатывать у власти потребности в получении эффективной информации о восприятии населением социально-экономических и политических преобразований, проводимых в стране и в каждом регионе отдельно. Свою функцию социология сможет в полной мере выполнить тогда, когда системная основа исследований будет закреплена на законодательном уровне, будут отработаны единые механизмы измерения общественного мнения в отношении оценки эффективности государственного управления по всей вертикали власти, а также анализа получаемых с его помощью результатов законодательно закрепленной реакции на эти результаты властных структур – от главы поселения до председателя Правительства РФ.
№6(36), декабрь 2014 г.	Год непростых решений	Вызывает большие опасения, что при сохранении неэффективной государственной системы управления, опирающейся на крайне либеральный финансово-экономический блок Правительства, эти новые ориентиры, поставленные Президентом, не будут достигнуты, так как «с уязвимостью российских финансов все было понятно уже во время кризиса 2008-го, и тем не менее пять лет после этого мы продолжали двигаться тем же губительным курсом» (<i>Журнал «Эксперт». Редакционная статья «Снова опять». 2014. № 51.</i>). По всей вероятности, 2015 год будет годом непростых решений для Президента, для российских граждан, для страны.

Выпуск журнала	Название статьи	Квинтэссенция (последний – предпоследний абзац) статьи
2015 г.		
№1(37), февраль 2015 г.	Настораживающие тенденции	<i>Воеводина Т. (Рыночный стоп-кран // Завтра. 2015. № 6. Февр.):</i> «Хотелось бы поддержать оценки Президента, высказанные в адрес Правительства: «с ума сошли», «не серьезный подход к делу», но не думаю, что они с ума сошли, и к делу они относятся серьезно, просто целеполагание у них другое, они по-другому видят будущее России. Совсем не так, как видит его Президент РФ В.В. Путин». Свое видение будущего России Президент закрепил в указах от 7 мая 2012 года, и избиратели продолжают верить Президенту, что он выполнит заявленные цели по повышению качества жизни всех слоев населения. Однако впервые за последний год по ряду параметров социального самочувствия избирателей появились настораживающие тенденции.
№2(38), апрель 2015 г.	На полпути к четвертому президентскому сроку	Как нам представляется, с учётом жизненного пути В.В. Путина и его 15-летнего опыта работы на высших государственных должностях России, высокого уровня доверия избирателей, Президент сможет достойно вывести страну из острых внутренних и внешних политических проблем на новый уровень развития, соответствующий XXI веку и традициям «русского мира». Для решения этой задачи у В.В. Путина есть еще три года третьего президентского срока и возможные шесть лет – четвертого, итого 9 лет. Казалось бы, времени достаточно, но для серьезных и кардинальных перемен в такой стране, как Россия, – немного. Время неумолимо сжимается, как «шагреновая кожа». Президенту надо успеть реализовать всё задуманное.
№3(39), июнь 2015 г.	Несистемные решения системных проблем	Прошло более двух лет. Носители идей в Правительстве старые, поэтому явно неудовлетворительные результаты социально-экономического развития страны фиксирует правительственный Росстат. По сообщению социологических центров уровень одобрения деятельности лично Президента достиг в июне 2015 г. исторического максимума 89%. Но что произойдет, если те же люди в Правительстве с теми же старыми идеями и с такими же результатами будут продолжать отвечать за эффективность государственного управления в стране???
№4(40), август 2015 г.	Экономическая политика Правительства продолжает противоречить интересам основной части населения страны	Во многом лояльное отношение к власти сегодня держится на ощущении безысходности – никому не хочется возвращаться в 1990-е гг. и поэтому сохраняется вера в лидера, при котором страна выстояла; с надеждой на то, что удастся найти эффективный путь развития экономики. Однако в ее перспективах по-прежнему сохраняется высокая степень неопределенности. Чудовищная социально-экономическая дифференциация и всегда идущие рядом с ней неудовлетворенная потребность в социальной справедливости, социальная напряженность были и остаются. По-видимому, 2015–2016 годы будут непростыми для Президента и российских граждан. Поэтому очень важно, чтобы решения, принимаемые главой государства, были своевременными и понятными для россиян.
№5(41), октябрь 2015 г.	Проблемы перехода к новому этапу российской государственности	Очевидно, что без избавления от ключевых проблем «внутри страны, в своём собственном доме» результаты, достигнутые на международной политической арене, не могут иметь прочного фундамента, поэтому сегодня, на развилке нового этапа российской истории, главная задача, которая стоит перед обществом, наукой и властью, – это приведение макроэкономической политики «в соответствие с общепринятым пониманием принципов социальной справедливости и правды, а также в интересах развития производственной сферы» (<i>Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения // Завтра. 2015. 23 июля</i>); повышение эффективности государственного управления в целях структурной перестройки экономики на принципах вертикальной интеграции, организации решительной борьбы с метастазами коррупции, обеспечения реальных действий по сокращению дикого социального неравенства, всего того, что реально препятствует реализации президентской программы и осложняет проведение независимой суверенной политики.
№6(42), декабрь 2015 г.	Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья	Насколько долгим окажется терпение Президента и всего российского общества? Особенно если учесть приближающуюся смену политического цикла... Способно ли Правительство осознать, что проводимая им с 2008 г. финансово-денежная политика уже привела к стагнации экономики, а в перспективе может отбросить российское общество на десять лет назад, вернув его обратно в 1990-е годы? Способна ли властвующая элита понять, что в сложившихся геополитических условиях это будет губительно для страны? Или всё-таки найдется в России политическая воля на то, чтобы переориентировать экономический курс на интересы широких слоев населения, а не узких олигархических групп? От этого в конечном итоге будет зависеть будущее России, ее национальная безопасность и конкурентоспособность в ближайшие десятилетия.

Выпуск журнала	Название статьи	Квинтэссенция (последний – предпоследний абзац) статьи
2016 г.		
№1(43), февраль 2016 г.	Стратегия национальной безопасности–2015 – шаг к новому этапу развития России	Каким будет следующий шаг главы государства, пока неизвестно, но нам представляется, что стратегически выверенная деятельность по национализации элит идет уже много лет, на протяжении всех президентских сроков В. Путина. Ее цель – сформировать такой правящий класс, который в дальнейшем сам будет поддерживать рамки конкурентной политики...Взяв на себя ответственность за комплексное обеспечение реализации приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности (в том числе по вопросам развития экономики, роста уровня и качества жизни населения), В. Путин сделал новый значимый шаг по укреплению российской государственности в процессе перехода страны к новому этапу развития.
№2(44), апрель 2016 г.	Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат	Ближайшие два года до президентских выборов–2018 могут стать переходными к новому этапу развития российского общества. К тому самому, о котором начали говорить после «крымской весны» и который был отсрочен в результате экономических проблем, обрушившихся на страну в последние годы. Насколько затянется этот переходный период? Осуществится ли он за 1–2 года (то есть достаточно быстро с исторической точки зрения) или для этого потребуется гораздо больше времени? Это будет зависеть от того, насколько России удастся не свернуть с пути, выбранного 15 лет назад. Насколько глава государства сможет своими активными действиями реализовать основные положения, заложенные в Стратегии национальной безопасности 2015 г., и перейти к мобилизационному варианту новой индустриализации, без чего невозможно сократить увеличивающийся разрыв между экономиками ведущих стран мира и России.
№3(45), июнь 2016 г.	Выборы в Государственную Думу – 2016. Экономическая политика Президента в оценках населения	Народная поддержка, которую всё ещё имеет Президент РФ, в новом политическом сезоне открывает «окно» возможностей для реализации мер, направленных на повышение эффективности государственного управления. Но как долго будет оставаться высоким доверие населения главе государства? Удастся ли использовать фундамент народной поддержки в целях наведения порядка в системе управления и приведения ее в соответствие с интересами национальной безопасности? Ответы на эти вопросы зависят от политической воли Президента.
№4(46), август 2016 г.	Правящие элиты – проблема национальной безопасности России	...В государственном управлении должны быть созданы условия для комплексного и системного обеспечения решения ключевых задач национальной безопасности на всех этапах развития российской государственности. Какими будут ответные действия Президента на растущую в обществе потребность в повышении качества жизни и социальной справедливости? Насколько будет учтен исторический опыт России в обеспечении функционирования системы государственного управления? Сегодня эти вопросы становятся краеугольным камнем национальной безопасности, поскольку для российского общества они уже приобрели характер затянувшихся ожиданий. Первые месяцы работы Государственной Думы VII созыва должны будут показать решительность действий обновленной политической элиты в достижении национальных интересов и в первую очередь – в реализации главных потребностей населения, что и будет являться основным условием обеспечения национальной безопасности и последующей конкурентоспособности России в XXI в. без исторических зигзагов XX века.
№5(47), октябрь 2016 г.	Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ	Тактическое достижение не устраняет стратегической неопределенности. Победа действующей власти на выборах в Государственную Думу возлагает на нее ответственность за решение двух сложнейших вопросов – вывод экономики из состояния «вялотекущей депрессии» и формирование новой идеологической парадигмы духовно-нравственного развития... У правящей элиты нет более-менее весомой оппозиции, которая могла бы стать препятствием для принятия тех управленческих решений, которые элита считает необходимыми. Единственное препятствие находится внутри нее самой – это уже долгие годы существующее противостояние между «государственниками» и либералами, отстаивающими свои личные интересы и интересы «коллективного Запада»...Решающую роль в этом противостоянии будет играть глава государства – его политическая воля и талант стратегического планирования. Возможно, именно это станет ключевым фактором, который повлияет на выбор россиян в марте 2018 г., во время выборов Президента РФ.
№6(48), декабрь 2016 г.	13-е Послание Президента: на повестке дня трансформация власти	Вопрос о том, что мешает главе государства преодолеть сопротивление либерального блока Правительства в виде невыполнения его майских указов и ключевых задач Стратегии национальной безопасности, пока остается открытым. В условиях, когда в США и ключевых странах Старого Света выбор национальных лидеров уже сделан, их команда сформирована и готова приступить к реализации своих национальных интересов, необходимость повышения ответственности и системной трансформации властвующих элит в России становится важнейшим фактором ее национальной безопасности.

Выпуск журнала	Название статьи	Квинтэссенция (последний – предпоследний абзац) статьи
2017 г.		
Том 10, №1, февраль 2017 г.	Год до четвертого президентского срока	Общий вывод относительно наиболее вероятного будущего российского общества можно выразить одной фразой – «оно в тумане» (<i>Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. С. 345.</i>). Трудно не согласиться с такой экспертной оценкой настоящего и будущего российского общества с учетом неэффективной для значительной части населения экономической и социальной политики, проводимой правящими элитами и приводящей к снижению уровня и качества жизни в результате реформ в образовании, здравоохранении, ЖКХ. Социологические замеры показывают, что российские граждане очень обеспокоены осуществляемыми в стране внутренними реформами и своим туманным будущим. Президент Путин, как национальный лидер, фактически обладающий конституционным большинством в Федеральном Собрании, имеет все возможности для того, чтобы задать ясный и понятный всем вектор движения из этого вязкого, обволакивающего либерального «тумана».
Том 10, №2, апрель 2017 г.	Некрасивая история	<i>Проханов А. (Покайтесь, ехидны! / Газета «Завтра». 2017. 22 мар.):</i> «Не дай бог, если сомкнутся Болотная площадь и Поклонная гора...» Страна устает от «некрасивых» историй и ждет от Президента решительных действий.
Том 10, №3, июнь 2017 г.	Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России	<i>Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. (Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии). М.: Наука и политика, 2016. С. 669-670.):</i> «Таким образом, стал более определенным новейший исторический процесс, в который погружена Россия. Исходя из его качественного видения, неудивительными становятся наиболее вероятные по данным исследования консервативные варианты. Это сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития...». Сбудутся ли эти пессимистические прогнозы экспертов или России удастся в полной мере реализовать все свои преимущества в конкурентной борьбе – первоочередной вопрос сегодняшней повестки дня, и ключевым условием для его успешного решения является политическая воля Президента – главного ответственного за эффективность кадров в системе государственного управления.
Том 10, №4, август 2017 г.	Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных»	Дальнейшее развитие гражданского общества и повышение качества государственного управления в России, на наш взгляд, во многом зависит от двух обстоятельств: во-первых, от динамики международных политических событий, которые могут потребовать приоритетного внимания главы государства к вопросам внешней политики; во-вторых, от ответа на вопросы: удастся ли Президенту сохранить роль «регулирующего» процессов, происходящих во внутренней политической жизни в стране? Сможет ли он обеспечить качественное функционирование системы государственного управления в целях реализации национальных интересов и национальной безопасности? Хватит ли у него политической воли, личностных сил и стратегического мышления для того, чтобы не увязнуть в болоте политических интриг, коррупционных схем и подковерных игр, которыми сопровождается строительство «капитализма для своих» во власти?
Том 10, №5, октябрь 2017 г.	Незавершенное дело Президента. Система государственного управления не готова к снятию с ручного режима	Последняя (или, лучше сказать, финальная) шестилетка В. Путина в рамках действующего законодательства должна будет завершить процесс национализации элит, что даст возможность во многом «снять» и режим ручного управления. Таким образом, она позволит окончательно ответить на вопрос, был ли период президентства Путина периодом упущенных возможностей или это был период правления талантливого лидера, который за счет своих личных качеств, в режиме ручного управления обеспечил переход страны на новый этап развития – с момента развала СССР, через болезненную и долгую адаптацию общества к постсоветским условиям существования, до государства, являющегося одним из центров многополярного мира и подтверждающего этот статус не только на международной политической арене, но и в динамике уровня и качества жизни населения.
Том 10, №6, декабрь 2017 г.	«Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России	... Как и любой другой ресурс, общественная поддержка главы государства не является безграничной: она зависит от того, насколько в законодательстве и в управленческих решениях власти находят свое отражение ключевые потребности населения. Согласно последним данным общероссийских социологических исследований, в обществе растет потребность в изменениях. Ценность стабильности всё больше уступает место ценностям развития. Реализовать эту потребность можно только условиях эффективного государственного управления, нацеленного на реализацию национальных интересов, поэтому преодоление «капитализма для своих» выступает главным условием, необходимым для перехода России на новый этап исторического развития.

Литература

1. Есть ли будущее у капитализма?: сборник статей / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
2. Микульский К.С. О политэкономических основах современного российского общества // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 5-9.
3. Титов Б., Широков А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 24-39.
4. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in russia, 1905-2016 // National Bureau of economic research. Cambridge: MA, August 2017. 79 p.
5. Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 4. С. 9-40.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 // Российская газета. 2015. 31 дек. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-sitedok.html>
7. Глазьев С.Ю. Ответственность и компетентность // Официальный сайт С. Глазьева. Режим доступа: <https://www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/56881-otvetstvennost-i-kompetentnost>
8. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии) / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. М.: Наука и политика. 2016. 712 с.
9. Абалкин Л.И. Путь к успеху – системность и сотрудничество // Национальные проекты. 2007. № 8 (15). С. 12-13.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: iliv@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

What Will Putin Bequeath to His Successor in 2024?

Abstract. In accordance with the title of the journal Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, in the editorial article we analyze objective and real trends and facts in Russia's domestic and foreign political and socio-economic life. Trying to distance ourselves from a subjective viewpoint, we rely in our analysis on the assessments given by experts from different fields of knowledge (economists, sociologists, public figures, etc.), as well as on a long-term database of sociological data, formed on the results of our own observations for the period since 1996 up to the present time. For more than 20 years now, every two months, we analyze the data of a sociological monitoring, which shows that there are significant and largely positive changes in the President's foreign policy, but the dynamics of the domestic socio-economic situation in Russia are stagnant: during the period from 2000 to the present time, the key issues of concern to people have not changed, and the relevance of many of them has even increased. The reason for this lies primarily in the public administration system, the effectiveness of which is hindered by the dominance of private economic interests of individual elites over the national need for social justice and dynamic development of the standard of living and quality of life. On the eve of Vladimir Putin's

fourth presidency the number of those who find the current socio-economic and political situation in Russia satisfactory becomes fewer, despite the fact that the President enjoys a high degree of support. In this situation, the government and the future President will face new challenges, the solution to which will be crucial not only for the future of Russia, but also for the preservation of its integrity as an independent sovereign state.

Key words: national security, public administration efficiency, social and economic development, quality of life, oligarchic capitalism.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.2

УДК 314.1, ББК 60.7

© Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В

Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи*

**Вячеслав Вениаминович
ЛОКОСОВ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, г. Нахимовский пр., д. 32
E-mail: info@isesp-ras.ru

**Елена Викторовна
РЮМИНА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: ryum50@mail.ru

**Владимир Васильевич
УЛЬЯНОВ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: sentea@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-02-00208.

Для цитирования: Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 32-42. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.2

For citation: Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Population quality and regional economy: direct and indirect correlation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 32-42. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.2

Аннотация. В статье представлен содержательный анализ места и роли качества населения в социально-экономическом развитии страны. В рамках исследования поставлены две крупные задачи: определение зависимости качественных характеристик населения от чисто экономических факторов и оценка степени и характера влияния качества населения на экономическое развитие. Представлена авторская расширенная характеристика категории «качество населения», которая включает в себя следующие направления: экономическая деятельность, демографические процессы, физическое здоровье, культурный потенциал, социальное здоровье, образовательный потенциал, отношение к окружающей среде. При помощи корреляционного анализа в рамках данных направлений, описывающих качественные характеристики населения, из 63 было отобрано и обосновано 10 статистических показателей. Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики по 83 субъектам РФ за 2014 год. На основе отобранных показателей произведен кластерный анализ, позволивший построить типологии регионов как с учетом экономических факторов, так и без них. Полученные результаты группировки регионов по качественным характеристикам их населения позволили выявить влияние на однородность регионов в кластерах двух факторов: экономического развития и географического положения. Дан содержательный анализ сформированных групп регионов, показаны их отличительные особенности, а также выделены сильные и слабые стороны. Для анализа влияния качества населения на экономическое развитие проведен регрессионный анализ. Экономическое развитие характеризовалось показателем ВРП на душу населения. В качестве независимых переменных взяты рассматриваемые показатели качества населения. Значимыми факторами оказались ВРП на одного занятого и уровень экономической активности. Проведенные расчеты подтвердили гипотезу о слабом влиянии социальных показателей качества населения на экономическое развитие. Полученный результат ни в коей мере не умаляет важность улучшения показателей качества населения, незначимых для экономики, а еще раз подчеркивает, что, кроме экономических, существуют и другие цели человеческого развития.

Ключевые слова: качество населения, регион, качественные характеристики населения, экономическое развитие, кластерный анализ, регрессионный анализ.

Введение. Конечной целью исследования является разработка системы мер воздействия на социально-экономическую систему региона, способствующую повышению качества его населения, задача же данной статьи представляет собой отдельный, первоначальный и обязательный этап достижения конечной цели – как можно более полное представление о качественных характеристиках населения в российских регионах и их взаимосвязях с уровнем и характером региональной экономики.

Эта задача в региональном разрезе, возможно, мало актуальна для стран с небольшой численностью населения и территорией, но в нашей стране, где проживает 146,3 млн. человек, относящихся к более чем 190 национальностям и народностям, на территории площадью 17,1 млн. км², вполне ожидаемы не только индивидуальные отличия между людьми, но и существенные региональные их особенности.

Большое внимание как в зарубежной, так и в отечественной литературе уделяется качеству жизни населения, его региональной дифференциации. Однако целью государства является не только обеспечение высокого качества жизни населения, но оно ответственно и за качественные характеристики самого населения. Порою повышение качества жизни вызывает негативные процессы в поведении населения. Например, известно, что рост важного индикатора качества жизни – среднедушевых доходов – с определенного момента начинает негативно влиять на такую качественную характеристику населения, как его естественный прирост. Не умаляя важности решения экономической проблемы повышения качества жизни населения, мы ставим своей задачей показать значимость надэкономической цели развития общества – улучшения качества населения.

В чисто экономических исследованиях население предстает в виде человеческих ресурсов (трудоспособность) и человеческого капитала. Если же мы хотим оценить население шире, чем только с экономической точки зрения, то переходим к понятию качества населения, или человеческого потенциала [1]. Отметим, что в последнее время часто отождествляют понятия человеческого капитала и человеческого потенциала, что с нашей точки зрения неправомерно по двум причинам. Человеческий капитал, как разновидность капитала, во-первых, нацелен на получение дохода; во-вторых, характеризуется основным своим параметром – экономической эффективностью. Вследствие этого, понятием человеческого капитала не могут быть выражены такие социальные цели государства, которые предполагают развитие личности вне сферы экономических интересов. Напротив, человеческий потенциал – это все население, реализующее свои способности во всех сферах жизнедеятельности, а не только экономике. Качественные характеристики человеческого потенциала отражают качество самого населения.

В обширной проблематике развития человеческого потенциала в данной статье мы для себя выделяем одну плоскость – анализ взаимосвязей качества населения, с одной стороны, и уровня и характера развития экономики – с другой. Этот анализ направлен на решение двух задач: во-первых, определить зависимость качественных характеристик населения от экономических факторов и, во-вторых, оценить степень и характер влияния качества населения на экономическое развитие. Уровень исследования – региональный.

Материалы и методы. Поскольку поставленные задачи предполагают количественные сопоставления, то встает вопрос о численном измерении качества населения, его качественных характеристиках [2–12]. Качество населения исследовалось нами по семи направлениям: экономическая деятельность; демографические процессы; физическое здоровье; культурный потенциал; социальное здоровье; образовательный потенциал; отношение населения к окружающей среде. Были

проанализированы статистические сборники¹ и выбраны из них показатели, относящиеся к качественным характеристикам населения. Таких показателей оказалось 63, но в результате корреляционного анализа остались следующие 10 показателей: ВРП на 1 занятого в экономике (производительность труда), (единица измерения – тыс. руб./чел.); уровень экономической активности населения (%); инновационная активность организаций (%); естественная убыль / прирост населения (чел. на 1000 чел. населения); ожидаемая продолжительность жизни (лет); доля занятых с высшим и средним специальным образованием (%); среднее от численности зрителей на 1000 человек населения, числа посещений музеев на 1000 человек населения, выпуска газет на 1000 человек населения; коэффициент зарегистрированных преступлений (число преступлений на 100 000 чел. населения); коэффициент больных наркоманией (чел. на 100 000 чел. населения); число проб воздуха, превышающих ПДК, в % от общего числа исследованных проб. Последний показатель на первый взгляд оценивает качество экологической среды, однако в работах [13; 14] показано, что одновременно он характеризует и экологическое поведение населения.

В дальнейшем, при анализе и интерпретации полученных результатов, мы должны помнить, что исследуем качество населения только в рамках выбранных 10-ти показателей, и понимать, что они далеко не полно отражают это качество. Региональная статистика накладывает существенное ограничение на полноту учета всех сторон качества населения: за рамками анализа остались не только в принципе сложно измеряемые характеристики качества населения, такие как, например, морально-психологические его различия, но и характеристики, подходы к оценке которых уже разработаны, но отсутствуют в официальной статистике – к примеру, качество образования.

¹ Здравоохранение в России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 174 с.; Охрана окружающей среды в России. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 95 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

Наглядно представить реальные значения этих показателей, их сходства и различия по 83 регионам (в 2014 г.) сложно. Целесообразно сначала разбить регионы на однородные группы по качеству населения и затем анализировать различия этих групп и факторы, их определяющие.

Также учитывалось то, что адекватная свертка 10-ти показателей качества населения с целью выхода на какой-то один обобщенный индекс пока недостижима. Хотя взвешивающие коэффициенты для такой свертки разрабатываются, однако трудно поверить в то, что возможно оценить сравнительную важность таких показателей, как, например, продолжительность жизни и доля больных наркоманией, естественный прирост населения и число преступлений. В связи с этим представляется целесообразным сохранение всего спектра выбранных показателей при анализе качества населения в регионах.

Предпочтение среди разнообразных методов группировки было отдано кластерному анализу, в котором критерии кластеризации, т.е. выбранные для анализа показатели, не агрегируются и остаются в виде характеристик полученных групп регионов.

Кластерный анализ проведен иерархическими агломеративными (объединительными) методами, которые приводят к построению иерархической структуры вложенных кластеров [15–18]. При этом на первом (нижнем) уровне все данные представляются как отдельные кластеры, а на последнем (верхнем) – все данные объединяются в один кластер. В частности, использовался метод одиночной связи (метод ближайшего соседа), и в качестве меры близости выступало либо обычное евклидово расстояние (при кластеризации по десяти характеристикам), либо манхэттенское расстояние (при кластеризации по семи характеристикам).

Снижение размерности исследуемых объектов – с 83 регионов до числа кластеров – поможет решить первую поставленную задачу: выявить факторы, влияющие на качественные характеристики населения.

Первоначальные результаты кластерного анализа представлены в работах [19; 20]. В дан-

ной статье исследование продолжено за счет использования информации 2014 года, а также рассмотрения всех 83 субъектов федерации, а не 76, как было раньше. Рассматриваемый временной период обусловлен тем, что на сентябрь 2017 года информация по показателям ВРП опубликована Росстатом только за 2014 год, хотя показатели ВВП имеются уже и за 2016 год².

Результаты исследования. Итоги кластеризации регионов по десяти названным характеристикам качества населения по данным за 2014 год представлены в *табл. 1* (федеральные округа отделены друг от друга затемнением). Из 83 субъектов федерации было получено 9 кластеров, разных по числу вошедших в них регионов. Самый многочисленный – кластер №1, состоящий из 34 регионов, в основном Центрального и Приволжского федеральных округов. Второй по величине кластер №4 включает 23 региона, входящих главным образом в Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Кластеры №3, 5, 6 и 9 – малочисленные, и каждый состоит из 2–3 регионов с сильными специфическими особенностями, относящимися к их экономическому развитию. Объединенными главным образом по территориальному признаку оказались кластеры №2 и 8, регионы в которых располагаются по соседству.

Даже при самом простом взгляде на состав кластеров видно влияние территориального фактора на деление регионов по группам. Если не считать противоречием уход от влияния этого фактора одного-двух регионов каждого федерального округа, то существенной неоднородностью регионов можно считать только попадание регионов Северо-Западного федерального округа в кластеры №1 и 4.

В *табл. 2* представлены центры кластеров и выделены наилучшие (жирным шрифтом) и наихудшие (подчеркиванием) значения центров по каждому показателю. При этом в качестве крайних значений показателей выделено не по одному кластеру, а по несколько в тех случаях, когда они близки по значению.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

Таблица 1. Результаты кластеризации регионов по 10 характеристикам качества населения

1 – (34)	2 – (9)	3 – (2)	4 – (23)	5 – (3)	6 – (3)	7 – (1)	8 – (6)	9 – (2)
Белгородская обл. Брянская обл. Владимирская обл. Ивановская обл. Калужская обл. Костромская обл. Курская обл. Липецкая обл. Московская обл. Орловская обл. Рязанская обл. Смоленская обл. Тамбовская обл. Тверская обл. Тульская обл. Ярославская обл.	Воронежская обл. Респ. Адыгея Респ. Калмыкия Краснодарский кр. Ростовская обл. Кабард.-Балк. Респ. Карач.-Черк. Респ. Р. Сев.Осетия-Алания Ставропольский край	г. Москва г. Санкт-Петербург	Республика Коми Вологодская обл. Мурманская обл. Новгородская обл. Удмуртская Респ. Пермский край Курганская обл. Свердловская обл. Челябинская обл. Респ. Хакасия Алтайский край Красноярский кр. Иркутская обл. Кемеровская обл. Новосибирская обл. Омская обл. Томская обл. Камчатский край Приморский край Хабаровский край Амурская обл. Сахалинская обл. Еврейская АО	Ненецкий АО ХМАО-Югра Ямало-Нен. АО	Р. Дагестан Р. Ингушетия Чеченская Р.	Самарская обл.	Тюменская обл. (кроме АО) Респ. Алтай Респ. Бурятия Респ. Тыва Забайкальский край Респ. Саха (Якутия)	Магаданская обл. Чукотский АО
Респ. Карелия Архангельская обл. Калининградская обл. Ленинградская обл. Псковская обл. Астраханская обл. Волгоградская обл. Респ. Башкортостан Респ. Марий Эл Респ. Мордовия Респ. Татарстан Чувашская Респ. Кировская обл. Нижегородская обл. Оренбургская обл. Пензенская обл. Саратовская обл. Ульяновская обл.								

Таблица 2. Центры кластеров, полученных по 10 показателям человеческого потенциала на информации за 2014 год

Показатель	Кластер								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
ВРП на 1 занятого	360.7	<u>277.9</u>	905.5	472.8	2269.3	<u>275.8</u>	470.4	429.2	704.6
Уровень экономич. активности	52.8	49.0	56.2	53.4	56.7	45.7	54.4	<u>47.5</u>	65.4
Инновац. активность	10.5	7.1	18.2	9.4	<u>6.0</u>	<u>5.7</u>	5.4	8.5	24.8
Естеств. прирост населения	<u>-6.1</u>	-2.7	-2.9	2.5	0.4	4.9	-5.2	4.4	4.4
Продолжительность жизни	70.2	72.5	75.3	68.6	69.7	75.9	69.4	67.2	<u>64.6</u>
Высшее + среднее спец. образование	54.9	56.8	72.2	52.5	55.7	<u>43.3</u>	65.8	55.2	52.4
Культура	745	344	3411	567	298	<u>85</u>	532	361	316
Преступность	1313	1075	1269	2010	1490	379	1622	<u>2218</u>	1936
Наркомания	136.6	191.3	227.2	260.9	196.1	132.2	<u>646.6</u>	135.2	79.7
Доля проб воздуха	1.1	1.0	0.2	0.8	<u>7.8</u>	<u>8.3</u>	0.5	<u>8.0</u>	1.7
Примечание. Рассчитано авторами.									

В самых больших кластерах – № 1 и 4 – центры не показывают лучшие или худшие значения (кроме наименьшего естественного прироста населения в кластере № 1). Это закономерно, т.к. чем больше регионов в кластере, тем больше их разнообразие.

Самое высокое качество населения по четырем показателям – продолжительности жизни, доле занятых с высшим и специальным образованием, уровню культурного развития и экологическому поведению – в кластере № 3, который составляют г. Москва и г. Санкт-Петербург. Второе место этот кластер занимает по ВРП на одного занятого и уровню инновационной активности.

Также по четырем показателям лидирует кластер № 9, в который вошли Магаданская область и Чукотский автономный округ: у них наилучшие показатели уровня экономической активности, инновационной активности, естественного прироста населения и больных наркоманией. Однако кластер № 9 характеризуется наихудшим показателем продолжительности жизни.

Кластер № 6 состоит из 3-х регионов: Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Чеченская Республика и является самым противоречивым вследствие того, что в нем девять из десяти показателей характеризуются крайними – лучшими и худшими – значениями. По естественному приросту населения, продолжительности жизни, уровню преступности этот кластер наиболее благополучный. В то же время по всем трем экономическим показателям,

а также по доле занятых с высшим и средним специальным образованием, экологическому поведению он самый худший.

Кластер № 5 – Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа – отличается самым высоким показателем ВРП на одного занятого, кратно превышающим все аналогичные показатели других кластеров и регионов. Однако этот кластер – наихудший по показателю инновационной активности и экологическому поведению.

Обособление Самарской области, единолично составившей кластер № 7, связано с беспрецедентно высоким значением показателя доли больных наркоманией.

Показатель инновационной активности минимальный в кластерах № 5, 6 и 7. Это наиболее понятно по поводу 6-го и 5-го кластеров, где медленно идет модернизация добывающих производств. Но совсем непонятна Самарская область: возможно, это следствие недостатков самого показателя инновационной активности, которая оценивается просто по доле предприятий, внедряющих любые инновации.

Поскольку три рассматриваемых нами экономических показателя, хотя и характеризуют качество населения, но зависят и от других факторов: запасов природных ресурсов, отраслевой структуры и т.д., то интерес представляют результаты кластеризации, проведенной без учета этих показателей. Проведен кластерный анализ по 7-ми социальным показателям качества населения (табл. 3).

Таблица 3. Типология субъектов федерации по 7 социальным характеристикам качества населения

1 – (23)	2 – (16)	3 – (12)	4 – (2)	5 – (3)	6 – (3)	7 – (1)	8 – (8)	9 – (15)
Белгородская обл. Брянская обл. Владимирская обл. Ивановская обл. Калужская обл. Костромская обл. Курская обл. Липецкая обл. Орловская обл. Рязанская обл. Тамбовская обл. Тверская обл. Тульская обл.	Воронежская обл. Московская обл. Калининградская обл. Мурманская обл. Респ. Адыгея Респ. Калмыкия Краснодарский край Астраханская обл. Ростовская обл. Кабард.-Балк. Респ. Карач.-Черк. Респ. Р. Сев. Осетия – Алания Ставропольский край Респ. Татарстан Ульяновская обл. Свердловская обл.	Смоленская обл. Ярославская обл. Респ. Карелия Респ. Коми Архангельская обл. Вологодская обл. Новгородская обл. Респ. Марий Эл Удмуртская Респ. Пермский край Нижегородская обл. Курганская обл.	г. Москва г. Санкт-Петербург	Ненецкий АО Еврейская АО Чукотский АО	Респ. Дагестан Р. Ингушетия Чеченская Р.	Самарская обл.	Тюменская обл. (кроме АО) Хант-М-Югра Ямало-Ненецкий АО Респ. Алтай Респ. Бурятия Респ. Тыва Забайкальский край Респ. Саха (Якутия)	Челябинская обл. Респ. Хакасия Алтайский край Красноярский край Иркутская обл. Кемеровская обл. Новосибирская обл. Омская обл. Томская обл. Камчатский край Приморский край Хабаровский край Амурская обл. Магаданская обл. Сахалинская обл.
Ленинградская обл. Псковская обл. Волгоградская обл. Р. Башкортостан Респ. Мордовия Чувашская Респ. Кировская обл. Оренбургская обл. Пензенская обл. Саратовская обл.								

Здесь регионы половины федеральных округов распределились по большему числу кластеров, чем в варианте с 10-тью показателями. Так, регионы Центрального, Приволжского и Уральского федеральных округов вошли в четыре кластера каждый (вместо трех кластеров ранее); регионы Северо-Западного федерального округа – в пять кластеров (вместо четырех).

Кластеры стали более равномерно наполненными: больше 10 регионов уже в четырех кластерах, тогда как ранее было только в двух, которые в сумме вмещали почти 70% регионов.

Без изменений остались три кластера: кластер № 3 (г. Москва, г. Санкт-Петербург); кластер № 6 (республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика) и кластер № 7 (Самарская область). При кластеризации без учета экономических показателей к Тюменской области присоединились ее автономные округа – Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий. Также потеряли свою однородность Магаданская область и Чукотский автономный округ, вдвоем составлявшие ранее, при учете 10-ти показателей, кластер № 9.

При кластеризации по 7-ми показателям, вместе с составом кластеров, изменились и их центры (табл. 4). Наиболее благополучным остался «столичный» кластер. В нем по-прежнему самые лучшие показатели продолжительности жизни, доли занятых с высшим и специальным образованием, уровня культурно-развития и экологического поведения.

Кластер № 6 сохранил лидерство по естественному приросту населения, продолжительности жизни, уровню преступности. В то же

время по доле занятых с высшим и средним специальным образованием, уровню культурного развития и экологическому поведению он, как и раньше, самый худший.

Естественно было ожидать, что Самарская область и в этом варианте выделилась в отдельный кластер из-за высокой доли больных наркоманией.

Ненецкий, Чукотский автономные округа и Еврейскую автономную область объединил в кластер № 5 самый низкий показатель продолжительности жизни и, вместе с тем, самый лучший показатель по доле больных наркоманией.

Кластер № 8, к которому при игнорировании экономических показателей присоединились два богатых автономных округа Тюменской области, по-прежнему отличается самым высоким уровнем преступности и наибольшей долей негативных проб воздуха, но утратил свою положительную характеристику – лидерство по уровню естественного прироста населения (из-за присоединенных автономных округов).

В кластере № 9, абсолютно новом по составу и включившем 15 регионов вместо двух в предыдущих расчетах, самый высокий показатель естественного прироста населения и, наоборот, негативная его характеристика – наихудший показатель преступности.

Кластеры № 1, 2, 4, многочисленные по вошедшим в них регионам и по представленным в них федеральным округам, имеют промежуточные значения центров кластеров по всем показателям (кроме наименьшего естественного прироста населения в кластере № 1).

Таблица 4. Центры кластеров, полученных по 7 показателям человеческого потенциала на информации за 2014 год

Показатель	Кластер								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Естеств. прирост населения	<u>-0.947</u>	-0.283	-0.644	-0.243	1.004	1.215	-0.683	0.935	1.404
Продолжительность жизни	0.071	0.689	-0.276	2.070	<u>-2.195</u>	2.300	-0.210	-0.624	-0.574
Высшее + среднее спец. образование	-0.093	0.361	-0.261	2.788	-1.037	<u>-1.788</u>	1.781	0.266	-0.100
Культура	-0.132	-0.296	0.859	4.842	-0.594	<u>-0.961</u>	-0.182	-0.512	-0.218
Преступность	-0.547	-0.525	0.433	-0.502	0.009	-2.174	0.161	<u>1.009</u>	<u>1.004</u>
Наркомания	-0.606	0.170	-0.199	0.415	-1.007	-0.539	<u>4.628</u>	-0.161	0.939
Доля проб воздуха	-0.290	-0.236	-0.383	-0.574	-0.381	<u>2.027</u>	-0.477	<u>2.215</u>	-0.400
Примечание. Рассчитано авторами.									

Таким образом, анализ результатов кластеризации регионов по 10-ти и по 7-ми качественным характеристикам населения за 2014 год, проведенной по 83 субъектам федерации, раскрыл общие черты регионов, объединенных в каждой группе, показал преимущества и недостатки каждого кластера и выявил факторы, обусловившие их объединения. Полученная группировка регионов по качественным характеристикам населения со всей очевидностью показала влияние на однородность регионов в кластерах двух факторов: экономического развития и географического положения.

Вторая задача, поставленная в начале статьи, — оценка роли качества населения в экономическом развитии. Для анализа влияния качества населения на экономическое развитие представляется целесообразным использование регрессионного анализа. Экономическое развитие, как зависимую переменную, будем характеризовать традиционно — посредством показателя ВРП на душу населения. В виде независимых, объясняющих переменных рассматриваем все 10 показателей качества населения, а также только 7 социальных.

В результате регрессионного анализа, проведенного на информации по всем регионам отдельно по каждому году периода 2008–2014 гг., значимыми факторами оказались ВРП на одного занятого и уровень экономической активности, измеряемый как доля экономически активного населения во всем населении. Значимость этих факторов бесспорна и очевидна из аналитической зависимости: $y = x_1 x_2 I_{зан}$, где y — ВРП на душу населения; x_1 — ВРП на одного занятого; x_2 — уровень экономической активности населения; $I_{зан}$ — доля занятых в экономически активном населении.

Остальные факторы, характеризующие качество населения, в число значимых не попали. Некоторые из них — продолжительность жизни, естественный прирост/убыль населения, инновационная активность — оказались значимыми (с низким уровнем значимости) в один-два года всего изучаемого шестилетнего периода. При анализе влияния только социальных показателей качества населения на экономическое развитие значимых факторов вообще не обнаружено.

Обсуждение. Изначально авторы представляли себе более активное влияние качества населения на экономическое развитие, в особенности таких его компонент, как образовательный и культурный уровень. Предполагая, что эти факторы оказались незначимыми из-за сильного влияния на экономическое развитие природно-ресурсного фактора, мы выделили из всей совокупности регионов только перерабатывающие. В их число были введены регионы, в экономической структуре которых доля обрабатывающих производств превышает 30%. Таких субъектов федерации оказалось 49. Вторично был проведен регрессионный анализ, но уже только по выделенным перерабатывающим регионам.

В результате к значимым факторам, при рассмотрении 10 показателей качества населения, прибавился еще и фактор инновационной активности.

Ожидания оправдались при регрессионном анализе перерабатывающих регионов только с социальными показателями качества населения — выявлено влияние на душевой ВРП, с высоким уровнем значимости, доли занятых со средним и высшим образованием и, с меньшим уровнем значимости, продолжительности жизни. Культурный уровень не вошел в число значимых факторов, влияющих на экономическое развитие, так же как и уровень преступности, больных наркоманией, экологическое поведение населения.

Полученный результат не снижает важности улучшения этих показателей, незначимых для экономики, он подчеркивает, что, кроме экономических, существуют и другие критерии человеческого развития. Декларирование же в качестве основной цели государства повышения качества жизни населения отодвигает на второй план не менее важную государственную задачу — развитие самого человека, улучшение качества населения.

Предложенная в статье типология субъектов федерации по качеству населения призвана привлечь внимание научной общественности к порою сильной региональной дифференциации качественных характеристик населения. Целесообразность продолжения данного исследования мы видим в важности решения та-

ких задач, как раскрытие причин показанных расхождений и поиск возможных механизмов для повышения качества населения. То, что улучшение социальных характеристик качества населения не дает прямых экономических дивидендов, ни в коей мере не умаляет перво-степенной значимости этой гуманной цели государства и требует особого подхода к разработке и методам реализации его социальной политики.

Литература

1. Локосов В.В. Качество населения как основной фактор системной модернизации российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 100-109.
2. Устойчивое развитие: вызовы Рио. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: РА ИЛЬФ, 2013. 202 с.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. 204 с.
4. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. проф. В.В. Локосова. М.: Экон-Информ, 2015. 411 с.
5. Римащевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34-48.
6. Качество населения / под ред. Н.М. Римащевской, В.Г. Копниной. М.: ИСЭПН РАН, 1993. 185 с.
7. Человеческий потенциал российских регионов / Н.М. Римащевская, В.К. Бочкарева, Л.А. Мигранова, Е.В. Молчанова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение. 2013. № 3. С. 82-141.
8. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 202 с.
9. Токсанбаева, М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006. 259 с.
10. Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. New York: UNDP, 2014. 216 p.
11. Human Development Report 2014: Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. – New York: UNDP, 2014. 239 p.
12. Human Development Report 2016: Human Development for Everyone. – New York: UNDP, 2016. 272 p.
13. Рюмина Е.В. Экологические аспекты оценки качества жизни // Экономика региона. 2016. № 4. С. 1113-1122.
14. Рюмина Е.В. Анализ экологических показателей: межрегиональное неравенство // Проблемы и перспективы развития социально-экономического потенциала российских регионов. Чебоксары: Издательский дом «Пегас», 2015. С. 195-200.
15. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности / С.А. Айвазян, В.М. Бухштабер, И.С. Енюков, Л.Д. Мешалкин. М.: Финансы и статистика, 1989. 607 с.
16. Brian S. Everitt, Sabine Landau, Morven Leese, Daniel Stahl. Cluster analysis. Fifth Edition. U.K: John Wiley & Sons. 2011, 346 p.
17. Dan A. Simovici, Chabane Djeraba, Mathematical Tools for Data Mining. Second edition. Springer-Verlag London, 2014. 831 p.
18. Lior Rokach. A Survey of Clustering Algorithms. In: Data Mining and Knowledge Discovery Handbook. Second Edition. Editors: Oded Maimon and Lior Rokach. Springer New York, 2010, pp. 269-298.
19. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянова В.В. Качество населения: связь с экономическим развитием региона // Народонаселение. 2016. № 4. С. 68-76.
20. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянова В.В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // Экономика региона. 2015. № 4. С. 185-196.

Сведения об авторах

Вячеслав Вениаминович Локосов – доктор социологических наук, профессор, врио директора, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: info@isesp-ras.ru)

Елена Викторовна Рюмина – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: ryum50@mail.ru)

Владимир Васильевич Ульянов – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, профессор, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: sentea@mail.ru)

Статья поступила 05.10.2017.

Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ul'yanov V.V.

Population Quality and Regional Economy: Direct and Indirect Correlation

Abstract. The article presents informative analysis of the place and role of population quality in the country's socio-economic development. The study has two major objectives: to determine the dependence of quality characteristics of the population on purely economic factors, and assess the extent and nature of the impact of the population quality on economic development. We present an extended author's description of the category "population quality" which includes the following aspects: economic activity, demographic processes, physical health, cultural potential, social health, educational potential, attitude to the environment. Ten statistical indicators out of 63 were selected and substantiated using correlation analysis within these aspects describing quality characteristics of the population. The information framework of the research includes data from the Federal State Statistics Service on 83 constituent entities of Russia for 2014. Based on selected indicators we conducted cluster analysis which helped classify the regions including and excluding economic factors. The obtained results of regions' grouping by quality characteristics of their population identified the impact of the following two factors on homogeneity of regions in clusters: economic development and geographical position. We provide a substantial analysis of the groups of regions; demonstrate their distinctive features and their strengths and weaknesses. In order to analyze the influence of population quality on the economic development we carried out regression analysis. The economic development was characterized by GRP per capita. The population's quality indicators serve as regressors. The significant factors are GRP per employee and the level of economic activity. The calculations confirmed the hypothesis about the weak influence of social indicators of population quality on the economic development. This result in no way diminishes the importance of improving population quality insignificant for the economy; it once again emphasizes that, in addition to economic, there are other goals of human development.

Key words: population quality, region, quality characteristics of the population, economic development, cluster analysis, regression analysis.

Information about the Authors

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: info@isesp-ras.ru)

Elena V. Ryumina – Doctor of Economics, Professor, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ryum50@mail.ru)

Vladimir V. Ul'yanov – Doctor of Economics, Professor, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: vulyanov@cs.msu.ru)

Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития

**Наталья Евгеньевна
АНТОНОВА**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: antne60@yandex.ru

**Наталья Валентиновна
ЛОМАКИНА**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: lomakina.eri@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи выступает исследование проявления институциональных новаций, реализуемых в настоящее время в рамках новой модели развития экономики Дальнего Востока, в природно-ресурсных отраслях региона, а также направлений российско-китайского сотрудничества, которые влияют на текущее состояние и перспективы развития этих отраслей. Исследование базируется на теориях ресурсной экономики, пространственной экономики, включающей региональную экономику. Основная научная проблема, затронутая в статье, находится на стыке исследований, связанных с оценкой эффективности государственной политики, системных эффектов ресурсных проектов и их локализации на региональном уровне в условиях влияния внешнеэкономических факторов. Новизна исследования состоит в теоретической

Для цитирования: Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т 11. № 1. С. 43-56. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.3

For citation: Antonova N.E., Lomakina N.V. Natural resource-based industries of the Far East: new drivers of development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 43-56. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.3

постановке и практической реализации исследовательской задачи совместного рассмотрения институциональных новаций и внешнего фактора, определяющих потенциал развития природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока, что обеспечивает приращение научного знания в области пространственной экономики. Объектом исследования являются минерально-сырьевой, рыбохозяйственный и лесной комплексы, что обусловлено народнохозяйственным значением природных ресурсов, на которых базируются эти отрасли. В статье рассмотрены инструменты и формы государственной поддержки новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на конкурентоспособность выбранных отраслей в рамках этой модели; проанализирована фактическая реакция на преференциальные новации экономических агентов, работающих в этих отраслях. Показано, что принятые в соответствии с новой моделью развития Дальнего Востока институциональные решения начинают формировать на его территориях реальные результаты. Рассмотрены новые направления, механизмы и формы участия китайского государственного и частного бизнеса в минерально-сырьевом, рыбохозяйственном и лесном комплексах, а также последствия этого участия как для самих отраслей, так и экономики Дальнего Востока. Перспективы дальнейшего исследования связаны с задачей измерения положительных и отрицательных эффектов от реализации федеральных институциональных инструментов новой модели развития Дальнего Востока для экономики конкретных территорий в природно-ресурсных отраслях.

Ключевые слова: минерально-сырьевой комплекс, рыбохозяйственный комплекс, лесной комплекс, Дальний Восток, институциональные изменения, российско-китайское сотрудничество.

Введение

Фундаментальными константами на протяжении длительного периода освоения и развития Дальнего Востока являются: природные ресурсы как основа региональной экономики; активное участие государства в региональном развитии; ориентация на сотрудничество с сопредельными тихоокеанскими странами и рынками [1]. Именно в рамках совместного рассмотрения этих экономических констант может быть получена системная оценка результатов и перспектив развития природно-ресурсных отраслей региона. Такой подход обусловлен тем, что природно-ресурсный потенциал и связанная с ним деятельность являются элементами как природной, так и социально-экономической системы [2]. Изменения, происходящие в социально-экономической системе, отражаются как в текущих показателях природно-ресурсных отраслей, так и в долгосрочных процессах природопользования.

Природные ресурсы и их использование (в т.ч. и на Дальнем Востоке России) с учетом влияния государственного участия и внешнего фактора многие годы являются объектом научного интереса ученых и специалистов. Вопросы оценки природных ресурсов, устойчивости их использования, роли государства в этих процес-

сах изучаются во многих трудах [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Региональные исследования в области природопользования затрагивают как вопросы использования отдельных видов ресурсов и влияния на него государственной политики [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15], так и специфики природопользования в регионах, расположенных на границе с Китаем и испытывающих влияние от такого соседства [16].

Проблематике природопользования сквозь призму восточноазиатского, в том числе китайского, влияния уделяется много внимания в работах дальневосточных ученых. Проводятся сравнительные исследования систем природопользования на Дальнем Востоке и в странах Северо-Восточной Азии в динамике, трансформации природно-ресурсного потенциала [2; 17]; позиции природно-ресурсного потенциала Дальнего Востока в АТР в долгосрочной перспективе [18]; различных аспектов возможного взаимовлияния приграничных экономических систем России и Китая; функционирования отдельных сегментов ресурсного сектора под влиянием внешнего спроса [10; 19; 20].

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются три ключевые природно-ресурсные отрасли Дальневосточного федерального

округа (ДФО)¹: минерально-сырьевая, рыбохозяйственная и лесная. Природные ресурсы Дальнего Востока, формирующие сырьевую основу этих отраслей, по своим запасам были и остаются «ресурсной кладовой» России.

Так, к 2015 г. в ДФО сосредоточены практически все общероссийские запасы и почти 100% добычи алмазов, 92% запасов и почти 100% добычи олова, 33% запасов и около 45% добычи золота, 35% запасов и 65% добычи серебра, около 23% запасов и почти 80% производства вольфрамового концентрата, 50% запасов и 100% добычи сурьмы [3]. При всех трансформациях реформенного периода роль минерально-сырьевого комплекса (МСК) Дальнего Востока в национальной экономике только возросла: доля добычи в ДФО полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических, в структуре национальной отрасли выросла с 11,8% в 1990 г. до 44,8% в 2016 г.

Ресурсный потенциал водно-биологических ресурсов в отечественной исключительной экономической зоне в Тихоокеанском бассейне составляет 3 млн. т, кроме того, ведется промышленное морское рыболовство в Мировом океане. Потенциал аквакультуры на Дальнем Востоке составляет 1 млн. т готовой продукции. Рыбохозяйственный комплекс ДФО стабильно обеспечивает более 60% суммарного объема добычи водных биологических ресурсов России и 58% налоговых поступлений в бюджеты всех уровней от рыбохозяйственного комплекса страны [3].

Дальний Восток обладает самыми большими лесными ресурсами в стране – непосредственно лесом покрыты 295,2 млн. га (37% от такого же показателя по РФ). Запас древесины в ДФО оценивается в 20,5 млрд. м³ или 24,8% от общероссийских запасов. Однако использование лесных ресурсов, в отличие минерально-сырьевых и водно-биологических, крайне низкое: из 92 млн. м³ расчетной лесосеки (ежегодно допустимого объема рубок) заготавливается менее 20%, что не соответствует имеющемуся ресурсному

потенциалу. Причины заключаются в территориальном несоответствии ресурсной базы и зон промышленной заготовки и переработки древесины, а также падении спроса на российскую древесину на зарубежных рынках [19].

Природные ресурсы по-прежнему остаются базисом экономики Дальнего Востока, сохраняющей свою сырьевую направленность и ориентацию на внешние рынки. С позиции двух других групп фундаментальных факторов развития Дальнего Востока – государственного участия и ориентации на внешнее сотрудничество – в последнее пятилетие (2013–2017 гг.) отмечается их существенная активизация. Так, с 2013 г. для региона на уровне федерального центра объявлена «новая модель» развития с целым набором специальных институционально-экономических режимов. Что касается ориентации экономического сотрудничества региона на страны АТР, то в рассматриваемый период оно продолжает «смещаться» в сторону Китая, что определяется общей активизацией российско-китайского сотрудничества на государственном уровне, особенно стимулируемой с 2014 г. По сути, эти изменения становятся новыми факторами развития Дальнего Востока и, безусловно, отражаются и воздействуют на развитие таких базовых секторов экономики региона, как природно-ресурсные отрасли.

Какова сегодня ситуация в ключевых природно-ресурсных отраслях? Входит ли поддержка и стимулирование природно-ресурсных отраслей в целевую область «новой модели» развития Дальнего Востока, какова фактическая реакция на преференциальные новации и конкурентоспособность ресурсных отраслей в рамках этой модели? Каковы новые направления, механизмы и формы участия китайского бизнеса (государственного и частного) в ресурсных отраслях Дальнего Востока? Поиск ответов на эти вопросы является целью данной статьи. Новизна исследования состоит в теоретической постановке и практической реализации исследовательской задачи совместного рассмотрения институциональных новаций и внешнего фактора, определяющих потенциал развития природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока, что обеспечивает приращение научного знания в области пространственной экономики.

¹ Термины «Дальний Восток», «Дальневосточный федеральный округ» используются в данной статье как синонимы. В состав ДФО входят 9 субъектов Федерации: Хабаровский, Приморский и Камчатский края; Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Методология и методика исследования

Исследование базируется на теориях ресурсной экономики, пространственной экономики (включающей региональную экономику), институциональной экономики. Для реализации задачи выявления воздействия институциональных факторов на развитие природно-ресурсных отраслей использован сравнительный статистический анализ изменения показателей развития этих отраслей, что позволяет выявить происходящие в них изменения. На основе системного подхода рассмотрены новые формы и направления в торговом и инвестиционном российско-китайском сотрудничестве в природно-ресурсных отраслях на Дальнем Востоке, находящиеся под влиянием экономических и институциональных изменений двустороннего взаимодействия.

Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, принятые в последние 5 лет в сфере регулирования развития экономики ДФО; статистическая и аналитическая информация с сайтов федеральных и региональных органов власти, содержащая результаты реализации инструментов регионального развития; аналитические обзоры отечественных и зарубежных отраслевых Интернет-изданий.

Результаты исследования и их анализ

Новые институты развития и природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока. Новые институты развития экономики Дальнего Востока формируются целым рядом законодательных, организационных, инфраструктурных новаций. За 2014–2017 гг. принято 22 федеральных закона², содержащих правовые элементы создания институциональной среды для формирования новой модели развития экономики ДФО. Организационно данная модель реализуется через добавление в отраслевые государственные программы и отраслевые стратегии разделов, посвященных специально ДФО. То есть происходит разделение ответственности между всеми федеральными министерствами за реализацию новых инструментов при общем руководстве со стороны Министерства развития Дальнего Востока РФ.

² До конца года на Дальнем Востоке заработает 86 новых предприятий. URL: https://minvr.ru/press-center/news/10681/?sphrase_id=211593 (дата обращения: 28.11.2017).

К базовым можно отнести законы «О территориях опережающего социально-экономического развития» (ТОР) и «О свободном порте «Владивосток» (СПВ), которые легли в основу формирования новых инструментов современной государственной политики в отношении Дальнего Востока³. К таким инструментам относятся: приоритетное подключение в ТОР к объектам инфраструктуры, созданной за счет бюджетных средств; установление льготных ставок арендной платы за пользование землей; льготное налогообложение резидентов ТОР; снижение административной нагрузки; применение процедур свободной таможенной зоны; льготный размер страховых взносов на фонд оплаты труда; ускоренные процедуры получения разрешения на строительство. На конец 2017 г. создано 18 ТОР в восьми субъектах Федерации (кроме Магаданской области).

В таблице представлена информация об инвестиционных проектах в природно-ресурсных отраслях, инициаторы реализации которых зарегистрированы в качестве резидентов территорий социально-экономического развития. Интересно проанализировать, какие направления деятельности, осуществляемой в природно-ресурсном секторе (воспроизводство ресурсной базы, добыча сырья и его переработка), получают поддержку в рамках ТОР. Кроме того, интерес представляет вопрос о том, на что направлены инвестиции — на новое строительство или модернизацию действующего производства, то есть осуществляется ли в рамках новой модели развития экономики расширенное воспроизводство или же это поддержание уже существующего уровня?

В рыбохозяйственном комплексе присутствуют проекты по воспроизводству рыбных запасов, причем это, как правило, новое строительство, а рыбопереработка осуществляется в рамках модернизации. В лесном комплексе все проекты по деревопереработке реализуются

³ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017); О свободном порте «Владивосток»: федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ; Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утв. пост. Правит. РФ от 15 апреля 2014 г. № 308.

Инвестиционные проекты, реализуемые в природно-ресурсных отраслях в рамках ТОР

ТОР, субъект Федерации	Инвестиционный проект, инициатор	Сфера деятельности
Рыбохозяйственный комплекс		
«Камчатка», Камчатский край	Береговая база переработки морских биоресурсов, Рыболовецкий совхоз им. В.И. Ленина Рыбоперерабатывающий комплекс, ООО «Город 415» и Korea Trading & Industries Co., LTD Рыбоперерабатывающий завод, пресноводное форелеводческое хозяйство, ООО «Рыбная долина»	Рыбопереработка, воспроизводство ресурсной базы Новое строительство
«Беринговский», Чукотский автономный округ	Производство по переработке рыбных ресурсов внутренних водоемов, ООО «Чукотрыбпромхоз»	Рыбопереработка Модернизация
«Кангалассы, Республика Саха (Якутия)	Производство по товарному выращиванию осетра, ООО НПО «ЭКОР»	Воспроизводство ресурсной базы Новое строительство
«Комсомольск», Хабаровский край	Рыбоперерабатывающее производство, наращивание мощностей, ООО «Торговый дом „Юкон”»	Рыбопереработка Модернизация
«Николаевск», Хабаровский край	Цеха по производству консервов из лосося и переработке отходов, ООО «Восточный рыбоперерабатывающий комбинат»	Рыбопереработка Модернизация
Лесной комплекс		
«Комсомольск», Хабаровский край	Дальневосточный центр глубокой переработки древесины, Амурская лесопромышленная компания, и Амурский промышленный центр (принадлежат RFP Group)	Деревопереработка Новое строительство
«Амуру-Хинганская», Еврейская автономная область	Комплекс по глубокой переработке древесины, китайская компания «ООО „Амурпром”»	Деревопереработка Новое строительство
«Комсомольск» Хабаровский край	Целлюлозно-бумажный комбинат, ООО «Новая русская целлюлоза»	Деревопереработка Новое строительство
Минерально-сырьевой комплекс (кроме топливно-энергетических ресурсов)		
«Беринговский» Чукотский АО	ООО «Восток»	Добыча драгоценных металлов
Месторождение золота и серебра «Жильное», ООО «Канчалано-Амгузская площадь»	Геологоразведочные работы, добыча Новое строительство	
Месторождение Ручей Сухой, ООО «ИНТЕХКОМС»	Добыча россыпного золота Модернизация	
ООО «Беринг Золото»	Добыча золота	
ООО «Рудник Валунистый»	Добыча золота	
ОАО С/А «Север»	Добыча драгоценных металлов	
«Амуру-Хинганская» Еврейская автономная область	ГОК на базе Союзного месторождения графита, ООО «Дальграфит»	Добыча и обогащение Новое строительство
Источник: составлено авторами по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР). URL: http://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf (дата обращения: 30.11.2017).		

в рамках нового строительства. В минерально-сырьевом комплексе все заявленные проекты сориентированы на добычу сырья (преимущественно драгоценных металлов).

Сходный с ТОР по предлагаемой системе льгот институциональный механизм «Свободный порт Владивосток» также привлекателен для инвесторов, несмотря на то, что в его рамках отсутствует такой важный инструмент как, финансирование строительства объектов инфраструктуры за счет бюджетных средств.

В рамках СПВ зарегистрировано 13 рыбопромышленных предприятий, деятельность которых направлена на воспроизводство рыбных запасов в пресных и морских водоемах, разведение марикультуры, на пастбищное рыболовство, переработку рыбы и других гидробионтов, логистику рыбной продукции⁴. Резидентами

⁴ Реестр резидентов свободного порта Владивосток. URL: <http://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения: 30.11.2017).

СПВ зарегистрировано десять лесопромышленных предприятий, расположенных преимущественно в Приморском крае. Это средние по размеру вновь созданные предприятия, основной вид деятельности – деревопереработка.

Еще одним планируемым к использованию на Дальнем Востоке инструментом, совмещающим отраслевые и региональные подходы, является введение квот на объем экспорта необработанной древесины по сниженным таможенным пошлинам (с 25 до 6,5%)⁵. Условием получения предприятием такой квоты служит обеспечение переработки не менее 20% заготовленной древесины с последующим ее увеличением до 35%. Общий объем квоты составит 4 млн. м³ экспортных поставок древесины с Дальнего Востока, то есть продажа за рубеж по сниженным пошлинам охватит 60% необработанной древесины. За пределами экспортной квоты таможенная ставка на древесину останется 25% с возможным последующим увеличением до 40% и выше⁶.

Можно сделать вывод, что государственная политика в лесном комплексе, направленная на поддержку в первую очередь крупных компаний, способствует изменению ее «размерной» структуры – сокращению количества мелких предприятий и увеличению доли крупных. Также происходит внутриотраслевое перераспределение лесозаготовительного и деревообрабатывающего сегментов в пользу последнего. Это подтверждает известный тезис о том, что структура рынка во многом формируется под воздействием экономической политики правительства (субсидии, налоговые льготы, предоставление в аренду земельных участков) [21].

Вопросы формирования добавленной стоимости актуальны и для минерального сектора дальневосточной экономики. Однако если до 2013 г. традиционными задачами государственных программ и ФЦП были обозначены «модернизация ресурсного сектора», «повышение комплексности переработки сырья» на фоне исходной посылки о том, что регион не смо-

жет конкурировать со странами АТР по выпуску продукции высокотехнологичных отраслей, то целевая задача развития региона в логике «новой модели» 2013 г. была сформулирована по-иному: «Дальний Восток должен стать конкурентоспособным регионом с диверсифицированной экономикой, в структуре которой преобладают высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью»⁷. По сути, это подразумевает отказ от сырьевой экономики как преимущественного типа развития региона и «выталкивание» минерального сектора Дальнего Востока из «поля» специальной государственной поддержки. Какова ситуация сегодня? Пользуются ли инвестиционные проекты в минеральном секторе, реализуемые в Дальневосточном федеральном округе, какими-либо преференциями в рамках «новой модели»?

Преференциальные меры для минерально-сырьевых проектов, направленные на расширение минерально-сырьевой базы (МСБ), на поиск новых месторождений, способных обеспечить динамичное развитие минерального сектора региона в перспективе, были предусмотрены уже в «первом пакете»⁸ объявленной «новой модели». Прежде всего, имеется в виду введение понижающего коэффициента для налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на 10 лет: от 0 в первые два года до 0,8 в последние два года десятилетних налоговых каникул (с шагом 0,2 каждые два года). При этом вводилась новая категория налогоплательщиков, которые смогут воспользоваться такими льготами – «участник регионального инвестиционного проекта» (РИП). Получение такого статуса требовало соблюдения определенных условий (регистрация на территории субъекта РФ; отсутствие обособленных подразделений на иных территориях; определенная организационно-правовая форма и т.д.) и регистрации

⁵ Квоту на вывоз древесины с Дальнего Востока привяжут к инвестициям в переработку. URL: https://minvr.ru/press-center/news/10811/?sphrase_id=211586 (дата обращения: 02.12.2017).

⁶ Лес клонится под квоту. Коммерсантъ. 2017. 6 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3403041> (дата обращения: 02.10.2017).

⁷ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утв. расп. Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р.

⁸ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 267-ФЗ.

в специальном Реестре. На этом этапе смогли включиться в Реестр лишь небольшое количество компаний, реализующих инвестпроекты на золоторудных месторождениях Дальнего Востока – Озерновском и Аметистовом на Камчатке, Светлом⁹ в Хабаровском крае и некоторых других.

Воздействие этого стимулирующего механизма на первом этапе введения налоговых льгот оказалось весьма ограниченным. На наш взгляд, вовсе не трудности «оформления» в Реестр РИП стали тому причиной. В условиях того, что практически вся эффективная минерально-сырьевая база в регионе распределена между недропользователями, в основном между крупными компаниями, шансы появления новых игроков и возможность их регистрации как особой категории налогоплательщиков весьма невелики. По сути, регистрироваться в Реестре РИП в качестве новых участников оказалось некому. При этом инвестиционным сообществом в минерально-сырьевой сфере стали активно подниматься вопросы об уточнении критериев соответствия новой категории налогоплательщиков и о включении в эту категорию «инвесторов, которые приступили к реализации своих проектов в период, непосредственно предшествующий вступлению Закона в силу (1 января 2014 года)» [22].

В 2016 г. были внесены изменения в процедуру формирования РИП, и результат превзошел всякие ожидания. Теперь любой инвестор, реализующий свой проект в ДФО (вне ТОР и СВП), с объемом инвестиций более 50 млн. руб. за 3 года, уже может получать преференции, в т.ч. и льготу по НДС. При этом учитываются инвестиции, совершенные с 1 января 2013 года. Вводится заявительный принцип получения налоговых льгот¹⁰. При таких количественных

критериях вхождения в РИП практически любой минерально-сырьевой проект становится им автоматически. Однако, на наш взгляд, вопрос о том, будет ли такой подход стимулировать расширенное воспроизводство минерально-сырьевой базы в ДФО, остается открытым.

Не менее важным механизмом «новой модели» развития региона является государственная поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых способна дать значимый для Дальнего Востока эффект. К настоящему времени эта процедура не только нормативно проработана¹¹, но и уже получены первые ее результаты. В 2015–2017 гг. проведено несколько этапов отбора инвестпроектов для прямой государственной поддержки в виде субсидий на создание и реконструкцию инфраструктуры в рамках реализации инвестиционных проектов¹². В ходе отбора было рассмотрено более полусотни проектов в различных отраслях и к настоящему времени для господдержки отобрано 13 инвестпроектов. Предельный общий объем субсидий, предоставляемых инвесторам на Дальнем Востоке, определен в размере 34 млрд. рублей, в том числе в 2017 году – 6,8 млрд. рублей, в 2018 году – 4,8 млрд. рублей, в 2019 году – 5,6 млрд. рублей¹³.

Механизм прямой государственной поддержки инвестпроектов для решения инфраструктурных проблем имеет общий характер и вовсе «не заточен» под минерально-сырьевые проекты. Можно предположить, что он и мог бы «работать» в направлении формирования новой отраслевой структуры в Дальневосточном регионе. Однако, по факту 9 из 13 отобранных проектов, предполагается к реализации именно в ресурсном секторе 8 проектов

⁹ По оценке главы компании «Полиметалл» В. Несиса, освоение Светлого – малозатратный проект и подстраховка на случай истощения сырьевой базы... Компания собиралась осваивать Светлое в любом случае. Меры поддержки втрое снизят налоговое бремя Светлого. Цит. по: Пасмурцев В. Светлому дали «зеленый свет». «Полиметалл» получит льготы по закону о гринфилдах // Коммерсантъ (Хабаровск). 2015. № 130. 23 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2773520> (дата обращения: 14.12.2017).

¹⁰ Александр Галушка: налоговые льготы получают все инвесторы на Дальнем Востоке. 02.06.2016. – URL: https://minvr.ru/press-center/news/2133/?sphrase_id=223038 (дата обращения: 13.12.2017)

¹¹ Об утверждении методики отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона: Постановление Правительства РФ от 16.10.2014 г. № 1055; О внесении изменений в методику отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона: Постановление Правительства РФ от 28.04.2017 г. № 503.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2015 г. № 484-р; Распоряжение Правительства РФ от 13.07.2015 г. № 1339-р; Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2016 г. № 1806-р.

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2017 года № 718-р. URL: <http://government.ru/docs/27317/> (дата обращения: 13.12.2017)

по добыче полезных ископаемых и один — в деревопереработке. В целом предполагаемая поддержка ресурсных проектов ожидается на уровне 90% всех бюджетных средств, предназначенных на эти цели (30,3 из 34 млрд. руб.). То есть де-факто минерально-сырьевые проекты по-прежнему признаны соответствующими стратегическим целям развития региона и конкурентоспособными как для частных инвесторов, так и для государства.

Китайский фактор. Китай является значимым партнером для Дальнего Востока России в торговом и инвестиционном сотрудничестве, и эта его роль выросла в последнее время, особенно в природно-ресурсных отраслях. Доля продукции природно-ресурсных отраслей в дальневосточном экспорте в КНР составляет в последние годы почти 80%. В 2016 г. основными статьями экспорта в КНР явились минеральное сырье (32,8% от всего объема дальневосточного экспорта), рыба и морепродукты (26,1%), древесина и изделия из нее (19,2%)¹⁴. Китайские инвесторы активны и в новых формах инвестиционного развития ДФО: из общего объема заявленных на 2016 г. иностранных инвестиций в проекты, реализуемые в рамках ТОР и СВП, на долю КНР приходится 88,4 и 99% соответственно.

Как упоминалось выше, природно-ресурсные отрасли ДФО ориентированы на экспорт своей продукции, но в разной степени.

Из общего объема добычи ВБР экспортируется 50%. Практически всё идет в КНР, Республику Корея и в меньшей доле в Японию. По данным Федеральной таможенной службы¹⁵, за 2013–2016 годы Китай увеличил свою долю в физических объемах дальневосточных экспортных поставок рыбы и других гидробионтов с 59 до 63% (с 798,6 до 804,9 тыс. т), а в первой половине 2017 г. его доля возросла до 70,7%. В стоимостном выражении этот показатель ниже, поскольку КНР в основном специализируется на импорте рыбы, а не дорогостоящих ракообразных и моллюсков: в структуре дальневосточ-

ных поставок ВБР в Китай более 90% приходится на долю замороженной рыбы. Основной импортируемой породой является минтай — за последние годы от 75 до 82% уходит с Дальнего Востока в Китай.

На поставках российской рыбы, в первую очередь минтая, в приграничных районах Китая создана сеть рыбоперерабатывающих предприятий, способствующих обеспечению занятости местного населения. В приграничной провинции Цзилинь (г. Хуньчунь) действуют 54 рыбоперерабатывающих предприятия и планируется создать еще 25–30 новых. Объем рыбопереработки в этой зоне вырос за 2014–2016 гг. с 1 до 9 млрд. юаней¹⁶.

Учитывая то обстоятельство, что замороженная рыба после переработки на китайских предприятиях в значительных объемах поставляется на экспорт, можно сделать вывод о заинтересованности Китая в сохранении сырьевой направленности дальневосточного экспорта рыбопродукции.

Лесной комплекс Дальнего Востока на 90% осуществляет поставки лесопромышленной продукции на внешние рынки. Основным рынком для него также является Китай, роль которого в географической структуре поставок стала возрастать с начала 2000-х гг., резко усилилась в конце 2000-х — начале 2010-х гг. (после повышения Россией экспортных пошлин на необработанную древесину) и сохраняет свои лидирующие позиции в настоящее время.

Возможности для увеличения экспорта российской древесины в Китай выросли в последнее время, что связано с введением Китаем с 2016 г. запрета на коммерческую заготовку древесины в естественных лесах по всей стране в целях восстановления лесных покровов, нарушенных в результате истощительных рубок в 1990–2000-е годы. В результате в стране началось снижение производства древесины, восполнить которое планируется за счет ее импорта.

Россия, несмотря на падение объемов экспорта, остается в группе основных поставщиков необработанной древесины в КНР, а также

¹⁴ Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017. М.: НП РСМД, 2017. 167 с. URL : <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf> (дата обращения: 30.11.2017).

¹⁵ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 20.11.2017).

¹⁶ Рыбные берега // Российская газета «Экономика Дальнего Востока». 2016. № 7033 (165). 27 июля. URL: <https://rg.ru/gazeta/dfo/2016/07/28.html> (дата обращения: 30.11.2017).

является лидером в поставках пиломатериалов: в первой половине 2017 г. ее доля на этом рынке достигла 46% в сравнении с 33% в 2013 году [23].

Для Дальнего Востока Китай является практически монополистом — с 2013 по 2016 г. его доля в общем стоимостном объеме экспорта древесины и изделий из нее выросла с 72,6 до 81,7%¹⁷. По продуктовой структуре доминирующей остается необработанная древесина — 67,6% в общем стоимостном объеме поставок лесопромышленной продукции. Это значит, что, несмотря на проводимую федеральным центром уже более 10 лет политику по изменению товарной структуры в пользу продукции с высокой добавленной стоимостью, лесной комплекс региона сохраняет сырьевую направленность. Основным продуктом переработки древесины — пиломатериалы, объемы которых удалось нарастить за эти десять лет, также представляют собой продукцию низкого передела, полуфабрикаты, которые китайские деревообрабатывающие предприятия превращают в конечный продукт.

Такая тесная привязка обуславливает зависимость от спроса и цен на лесопромышленную продукцию от единственного потребителя, что делает неустойчивым финансово-экономическое положение предприятий. Падение цен на лесопромышленную продукцию на китайском рынке в 2012–2014 гг., отрицательно повлиявшее на и так нестабильные финансово-экономические показатели лесного комплекса Дальнего Востока, подтверждает этот тезис.

Инвестиционное сотрудничество между Дальним Востоком и Китаем в сфере использования лесных ресурсов в последние годы начало постепенно переходить из стадии намерений в стадию реальных инвестиций. Этому способствовало создание новых форм государственной политики по развитию Дальнего Востока. Пока эти вложения носят единичный характер и осуществляются в проекты с высокой долей государственной поддержки. Реальным примером является вхождение в 2013 г. Российско-китайского инвестиционного фонда¹⁸ (РКИФ) в акционерный капитал крупнейшей

на Дальнем Востоке лесопромышленной компании RFP Group. Привлечение крупной китайской компании в проект гарантировало сбыт и возможные преференции по сравнению с другими поставщиками на китайский рынок¹⁹. Отметим, что не последнюю роль в привлечении китайских инвестиций сыграло то, что RFP Group пользуется многими видами государственной поддержки.

Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока также становится сферой все более активного российско-китайского сотрудничества. Уже в начале 2000-х годов было понятно, что такое сотрудничество имеет объективные основы и обеспечивается определенными институциональными решениями, прежде всего китайской стороны. Именно в этот период для обеспечения своей экономики природными ресурсами в Китае была принята стратегия «Бизнес без границ», согласно которой он предпочитает иметь дело непосредственно с источниками сырья, а не полагаться на мировой рынок. Китайским компаниям было разрешено напрямую инвестировать в развитие зарубежных производителей с целью обеспечить наличие необходимого сырья. При этом более 50% китайских зарубежных инвестиций было вложено в горнодобывающую промышленность разных стран. В условиях реализации такой минеральной политики, с одной стороны, и сырьевого характера развития минерального сектора Дальнего Востока — с другой, в качестве наиболее активного партнера интеграционных взаимодействий в этом секторе Дальнего Востока прогнозировался Китай [24].

К настоящему времени в минеральном секторе Дальнего Востока на разных стадиях «продвинутой» (от намерений до реализации) формируются совместные российско-китайские проекты [10, 15, 16]. К числу реализуемых проектов можно отнести участие ООО «Горнопромышленная компания «Тонхуа Минбан»» (КНР) в долгосрочной программе (2012–2021 гг.) геологического изучения недр в Магаданской области (с объемом затрат около 3 млрд. руб.) и строительство Кимкано-Сутарского ГОКа в Еврейской автономной области.

¹⁷ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 30.11.2017).

¹⁸ РКИФ создан Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation (CIC).

¹⁹ RFP Group. Сайт Российского фонда прямых инвестиций. URL: <https://rdif.ru/Portfolio/5/> (дата обращения: 14.12.2017).

Последний проект можно считать иллюстрацией реализации нового этапа минеральной политики Китая, в целевой области которой произошли существенные изменения²⁰. По сути, рекомендуемые директивным документом Госсовета КНР новые модели сотрудничества, такие как «подряд на сооружение объекта + финансирование + эксплуатация», в случае с освоением железорудных месторождений в Еврейской автономной области уже проходят «апробацию»²¹.

Если оценивать в целом условия вхождения в минеральный сектор, то идеальными китайцы считают: «получение ими активов в полную собственность либо владение не менее 51%; обеспечение прав на полный или не менее 50% вывоз сырья для дальнейшей переработки у себя на территории; комплектование российско-китайских предприятий за счет привлечения китайской рабочей силы; использование в процессе добычи китайской горной техники и оборудования»²².

Такой подход был продемонстрирован, например, при переговорах в 2015 г. по разработке Наталкинского месторождения на Колыме (с запасами 16 млн. унций золота). Китайская сторона в лице China Gold обозначила себя как «стратегический игрок, которому нужен контроль в капитале и в управлении». На этом переговоры по проекту закончились²³. Ключевыми в современной минеральной политике Китая становятся задачи экспорта китайских технологий и оборудования для геологоразведки и горнодобычи, создания на этой основе производственных мощностей и зон за рубежом.

²⁰ Одним из ключевых документов, определяющим новые задачи, является Директива Госсовета от 16 мая 2015 г. «Руководящие положения Госсовета о продвижении сотрудничества с зарубежными странами в области производственных мощностей и производства оборудования» — URL: <http://ru.chhimg.com/article/27004>. Опубликовано 18.05.2015. (дата обращения: 05.04.2016).

²¹ Детально эти вопросы рассмотрены в [10].

²² «Эксперт: надеемся, что яму 2014 года на рынке золота сменит бык 2015 года». 2014. 9 сент. <https://www.lprime.ru/experts/20141209/797619443-print.html>. (дата обращения: 05.04.2016.)

²³ Джумайло А. «Русская платина» с китайским акцентом // Газета «Коммерсантъ». 2017. № 146. 11 авг. С. 7. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3380368> (дата обращения: 11.08.2017).

Минеральный сектор Дальнего Востока становится все более значимой площадкой для российско-китайского сотрудничества. Так, в 2017 г. Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона (ФРДВ) и частный китайский холдинг Metropolis подписали меморандумы о создании двух фондов инвестиций — в добычу полезных ископаемых, а также в инфраструктуру и строительство. Целевой объем фондов в 2017 году составит 1 млрд. долл. каждый. Доля участия ФРДВ — 10%, партнеров из Азии — до 80%, еще около 10% намерены вложить российские инвесторы. Потенциальными объектами инвестиций являются 15 проектов в золотодобыче с ресурсами 1,5 тыс. т золота, два крупнейших медно-золотых проекта Дальнего Востока и ряд других минеральных проектов²⁴.

Все эти примеры показывают, что российско-китайское сотрудничество в природно-ресурсном секторе на Дальнем Востоке «набирает ход». И вопрос о том, что несет такое сотрудничество — проблемы или возможности, не перестал быть актуальным.

Полемика по поводу результатов (дискуссия)

Проведенное исследование влияния новых факторов развития Дальнего Востока на природно-ресурсные отрасли региона, безусловно, вызывает целый ряд дискуссионных вопросов.

Прежде всего, важны оценки последствий от применения новых инструментов государственной поддержки на Дальнем Востоке — как для самих экономических агентов, действующих в природно-ресурсных отраслях, так и для экономики региона.

Рассматривая применение отраслевого инструмента в виде квот на экспорт с Дальнего Востока необработанной древесины по сниженным таможенным пошлинам, нужно понимать, что послабление таможенного режима распространится в основном на крупные компании, которые либо уже создали, либо находятся в стадии завершения создания перерабатывающих мощностей. Мелкие и средние предприятия, ориентированные на экспорт древесины, вряд ли смогут воспользоваться этой льготой, поэтому при введении запрети-

²⁴ Metalinfo.ru. 2017. № 2134211. 31 марта. URL: <http://www.dalvest.polpred.com/?cnt=195&fo=7%3Fcnt%3D79&ns=1&sector=5&page=2>. (дата обращения 16.08.2017.)

тельных пошлин им придется перенаправить потоки древесины на внутренних потребителей или уходить с рынка. Но будут ли созданы в ДФО перерабатывающие производственные мощности в объемах, эквивалентных заготавливаемой древесине? Положительный ответ возможен при условии реализации проекта строительства в регионе целлюлозно-бумажного комбината, для которого необходимо порядка 5 млн. м³ древесного сырья и вопрос по которому остается открытым.

Такие региональные инструменты новой модели развития экономики Дальнего Востока (преференции в рамках ТОР, СВП, инвестиционных проектов) также умело используются крупными компаниями, как правило, уже имеющими преференции от правительства. Например, лесопромышленный холдинг RFP Group активно сотрудничает и с федеральными, и с региональными органами власти, стремясь попасть во все разрабатываемые стратегические документы отраслевого и территориального развития. Реализуемый холдингом инвестиционный проект уже имеет разного рода федеральные льготы и дополнительно получает преференции в рамках ТОР. И это характерно не только для лесного комплекса.

Возникает вопрос: какова отдача от предоставления всех этих преференций? Есть ли гарантии, что проекты будут реализованы компаниями, и что получат население и экономика Дальнего Востока от их реализации? Например, только в рамках субсидий для лесопромышленных предприятий Дальнего Востока было выплачено в 2016 г. из федерального бюджета почти 2 млрд. рублей²⁵, при этом сумма налоговых платежей, поступивших в консолидированный бюджет РФ в этом же году, составила лишь 1 млрд. рублей²⁶. Пока вопросы остаются открытыми.

Такого же рода вопросы возникают и для минерально-сырьевого комплекса. На наш

взгляд, противоречивая ситуация прямой бюджетной поддержки минерально-сырьевых проектов при объявленной цели ухода от сырьевой экономики является результатом применения выбранных управленческой элитой критериев и индикаторов оценки. Ориентация на неизмеряемый критерий «соответствие целям стратегических документов» и вполне количественно измеримый показатель «отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств» еще долго будет обеспечивать «победу» ресурсным проектам (особенно капиталоемким минерально-сырьевым) в борьбе за государственные средства.

Похоже, что развивалась и логика «улучшения» инструментов поддержки инвестпроектов, не входящих в ТОР и СПВ, через «либерализацию» и упрощение подходов к льготному режиму региональных инвестиционных проектов (РИП). Установлено, что «... вводится принципиально новая модель: инвестор получает льготу в заявительном порядке, после достижения определенного уровня инвестиций в проект, льгота возникает по факту инвестиций в уведомительном порядке. Таким образом, закон способен реально увеличить число участников региональных инвестиционных проектов»²⁷. По сути, «увеличение числа участников» становится критерием эффективности преференциального режима. Но стимулы расширенного воспроизводства МСБ и развития регионов, на наш взгляд, только снижаются. Ожидания «завтрашнего счастья» и сегодняшние потери бюджетов регионов с минерально-сырьевой специализацией уже входят в конфликт.

Сформированная на федеральном уровне «новая модель» развития Дальнего Востока и принятые в соответствии с этим институциональные решения создали ситуацию обязательности действий на региональном уровне управления. Созданные институты и механизмы «запущены», и в экономических системах территорий начинают формироваться реальные результаты решений, принятых на федеральном уровне. Актуальной становится задача

²⁵ Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2017 год и основных результатах деятельности за 2016 год. URL: <http://minpromtorg.gov.ru> (дата обращения: 02.08.2017).

²⁶ Данные по формам статистической налоговой отчетности за 2016 год / Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 01.12.2017).

²⁷ Для инвесторов на Дальнем Востоке одобрили новые налоговые льготы. URL: https://www.newsvl.ru/far_east/2016/05/24/147716/ (дата обращения: 13.12.2017).

«уловить» и измерить все эффекты (положительные и отрицательные) от реализации федеральных институциональных решений и инструментов «новой модели» развития Дальнего Востока для экономики конкретных регионов (на примере ресурсных проектов).

Основная научная проблема находится на стыке нескольких исследовательских направлений, в частности проблем оценки: эффективности государственной политики; роли природных ресурсов в экономическом развитии; системных эффектов ресурсных проектов и их локализации на региональном уровне; «институциональных экстерналий» и их интернализации для различных уровней государственного управления.

Что касается «китайского фактора» развития природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока, то близость к Китаю, с одной стороны, позволила выжить природно-ресурсным отраслям в кризисный период за счет экспорта своей продукции, но, с другой стороны, он же поддерживает их сырьевую направленность. Например, в настоящее время на Дальнем Востоке нет в достаточном объеме мощностей для производства рыбной продукции глубокой переработки, поэтому экспорт в Китай замороженной рыбы – оптимальное в текущей ситуации решение по использованию добытых ресурсов. Проблема состоит в том, чтобы снизить сырьевую зависимость от китайского потребителя, для чего необходимо вкладывать полученные от экспорта сырья средства в собственную переработку, а не в дальнейшее наращивание сырьевой базы, по доступным ресурсам которой уже наступает предел в природно-ресурсных отраслях ДФО [3].

Экспорт сырья вместо продукции его переработки ведет к более низким темпам экономического роста, и это общая проблема для развивающихся стран с богатыми природными ресурсами (так называемая Dutch disease [7]). Россия и особенно Дальний Восток, с его географической близостью к самому крупному в мире потребителю основных видов сырья – Китаю, постоянно испытывают большой соблазн получения «легких» денег от продажи имеющихся природных ресурсов. Но надо учитывать, что сырьевая экономика России слишком

уязвима от изменения внешнеэкономических и внешнеполитических факторов²⁸. Поэтому, похоже, альтернативы диверсификации производства продукции природно-ресурсных отраслей в регионе нет.

Что касается «балансировки» выигрышей и потерь российско-китайского сотрудничества, то такие вопросы, только на страновом уровне, ставились в новом исследовании Всемирного банка «Перебалансировка экономики Китая и возобновление роста в Индии: в какую сторону качнется маятник для России?» По оценке экспертов, «вероятные изменения в экономике Китая... для России будут нести скорее проблемы, чем возможности». При этом на национальном уровне (для формирования ВВП) проблемы будут значительно существеннее, чем для домохозяйств: «снижение спроса на сырьевые ресурсы в Китае опосредованно может привести к резкому снижению благосостояния и сокращению сбережений российских домохозяйств по всей стране». А в качестве позитивной возможности в исследовании обозначен существенный рост прямых иностранных инвестиций: «... Особенно это верно для регионов российского Дальнего Востока»²⁹. Вот только сырьевые ли отрасли должны быть приложением китайских инвестиций на Дальнем Востоке России? Как показывают исследования [25], при всей своей значимости в экономике регионов ресурсные отрасли создают небольшое количество «путей» и связей, диверсифицирующих и «скрепляющих» региональную экономику.

Представленные в статье исследования направлены на решение научной задачи оценки положительных и отрицательных эффектов от реализации институциональных инструментов государственной поддержки развития ресурсных регионов, что определяет их вклад в развитие теоретической и прикладной науки.

²⁸ Ресурсные регионы России в «новой реальности». Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.

²⁹ Юго-восточные возможности. Апурва Санги, ведущий экономист Всемирного банка по РФ, об азиатских трендах. 27.11.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3479840>. Дата обращения 27.11.2017.

Литература

1. Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
2. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
3. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
4. Auty R. Natural Resources, the State and Development Strategy // *Journal of International Development*. 1997. Vol. 9. P. 651-663.
5. Gylfason T., Herbertsson T., Zoega G.A. Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth // *Macroeconomic Dynamics*. 1999. 3. June. P. 204-225.
6. Matsuyama K. Agricultural Productivity, Comparative Advantage and Economic Growth // *Journal of Economic Theory*. 1992. Vol. 58, № 2. P. 317-334.
7. Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resources Abundance and Economic Growth // *NBER Working Paper*. 1995. No. 5598. 54 p. Available at : <http://www.nber.org/papers/w5398.pdf>
8. Экономические последствия регулирования лесного сектора / Ю.Ш. Блам, Т.И. Бабенко, Л.В. Машкина, О.В. Ермолаев // *Регион: экономика и социология*. 2011. № 2. С. 211-222.
9. Волков Л.В. Институциональные аспекты развития рыбной промышленности Дальнего Востока // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 6. С. 56-68. URL: <http://regionalistica.org/images/2016-06.pdf#page=56>
10. Глазырина И.П., Яковлева К.А., Жадина Н.В. Социально-экономическая эффективность лесопользования в регионах России // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. №5-6. С. 18-33. URL: <http://regionalistica.org/images/2015-05-06.pdf#page=18>
11. Колесникова А.В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // *ЭКО*. 2013. № 11. С. 5-25.
12. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
13. Clark A.L., Naito K. Structural Reform of the Mining Industry in Asia and the Pacific Region // *Asian Journal of Mining*. 1997. July/August. P. 28-42.
14. Mineral Projects in Asian Countries. Geology, Regulation, Fiscal Regimes and the Environment / K. Naito, H. Myoi, J. Otto, D. Smith, M. Kamitani // *Resources Policy*. 1998. Vol. 24, No. 2. P. 87-93.
15. Nilsson S. Experiences of Policy Reforms of the Forest Sector in Transition and other Countries with Implications for the Chinese Forest Sector. Interim report. IR-02-043. 2002. IIASA, Laxenburg, Austria. Available at : <http://pure.iiasa.ac.at/6742/1/IR-02-043.pdf>
16. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик. Чита : ЗабГУ, 2014. 527 с.
17. Бакланов П.Я., Каракин В.П., Шейнгауз А.С. Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // *Пространственная экономика*. 2005. № 1. С. 3-10.
18. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток : Дальнаука, 2011. 912 с.
19. Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // *Пространственная экономика*. 2017. № 3. С. 83-106.
20. Ломакина Н.В. Реализация проекта Шелкового пути: новые стимулы и механизмы для развития минерального сектора экономики // *ЭКО*. 2016. № 7 (505). С. 56-68.
21. Шерер Ф.М., Росс Д. Структура отраслевых рынков : пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 1997. 698 с.
22. Влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Исследование ЦЭФИР по заказу Корпорации Кинросс Голд. М.: ЦЭФИР, 2013. 110 с.
23. Clever, J. China - Peoples Republic of: Strong Domestic Demand and Declining Production Encourage Wood Imports in 2017. GAIN Report Number: CH17061. Date: 7/25/2012. Global Agricultural Information Network. Available at : <http://gain.fas.usda.gov/>
24. Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. Хабаровск : РИОТИП, 2009. 240 с.
25. Оценка роли ресурсного сектора в экономике региона: пример Хабаровского края / Н.Е. Антонова, О.В. Дёмина, Н.Г. Захарченко, Н.В. Ломакина, Г.И. Сухомиров // *Регионалистика*. 2014. Т. 1. № 2. С. 42-70. URL: <http://regionalistica.org/images/2014-02.pdf#page=42>

Сведения об авторах

Наталья Евгеньевна Антонова — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: antne60@yandex.ru)

Наталья Валентиновна Ломакина — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: lomakina.eri@gmail.com)

Статья поступила 18.12.2017.

Antonova N.E., Lomakina N.V.

Natural Resource-Based Industries of the Far East: New Drivers of Development

Abstract. The goal of the paper is to study the manifestations of institutional innovations currently being implemented within the framework of a new development model for the Far East economy in the region's natural resource-based sectors; another goal is to study the areas of Russian-Chinese cooperation, which affect the current state and prospects of development of these industries. The study is based on the theories of resource-based economy, and spatial economy, including regional economy. The main scientific problem raised in the article is at the junction of the studies related to the evaluation of public policy efficiency, system effects of resource projects and their localization at the regional level under the influence of foreign economic factors. The novelty of the research consists in the fact that it formulates and implements the research task of joint consideration of institutional innovations and external factors determining the potential for the development of natural resource sectors in the Far East; thus, the research helps obtain new scientific knowledge in the field of spatial economics. The mineral resources, fishery and forest complexes are the objects of our study; they have been chosen due to the economic value of natural resources that form the basis for these industries. The article discusses the tools and forms of state support for the new development model of the Far East and their impact on the competitiveness of the industries selected in the framework of this model; the paper also analyzes how the economic agents working in these industries actually react to the preferential innovations. We show that the institutional decisions adopted in accordance with the new development model of the Far East begin to produce tangible results in the territories of the region. We consider new directions, mechanisms and forms of participation of Chinese state-owned and private business in the mineral raw materials, fishery, and forest complexes, and also the consequences of this participation both for the sectors themselves and for the economy of the Far East. The prospects for further research are associated with the task of measuring the positive and negative effects of the implementation of federal institutional tools of the new development model of the Far East for the economy of specific territories in the natural resource-based industries.

Key words: mineral resource complex, fishery complex, forest complex, Far East, institutional changes, Russian-Chinese cooperation.

Information about the Authors

Natal'ya E. Antonova — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: antne60@yandex.ru)

Natal'ya V. Lomakina — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: lomakina.eri@gmail.com)

Оценка эффективности использования водных биоресурсов в отечественном рыболовстве

Елена Геннадьевна

МИХАЙЛОВА

Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН

Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация, 683000,

ул. Партизанская, д. 6

E-mail: rozotop@mail.ru

Аннотация. Эффективное использование природных ресурсов является неотъемлемой составляющей устойчивого развития. Критерии эффективности ресурсопользования должны охватывать все компоненты устойчивого развития: экономические, экологические, социальные. Цель исследования – оценка возможности применения инструментов измерения эффективности использования водных биологических ресурсов. Наиболее разработаны методические подходы к оценке экономической эффективности использования ресурсов. Несмотря на значимость экологических оценок и наличие методической базы, отмечаются пробелы в обеспеченности данными для анализа воздействия рыболовства на окружающую среду. Специфика добычи и переработки природных ресурсов особенно проявляется в показателях экологической эффективности ресурсосбережения. Показана важность учета выбросов водных биоресурсов, неучтенных уловов, технологических потерь при оценке эффективности использования водных биоресурсов. Произведены расчеты частных показателей, характеризующих экономическую эффективность использования водных биоресурсов в РФ в период с 2010 по 2015 г., – материалоотдачи, топливоотдачи, ресурсоотдачи. Повышение материалоотдачи и топливоотдачи свидетельствует о росте экономической эффективности материальных затрат в рыболовстве. Увеличение ресурсоотдачи в среднем за шесть лет составило около 2%, что заметно меньше темпов роста затратных показателей эффективности. Оценку социальной эффективности предлагается проводить с учетом интересов как работников отрасли, так и потребителей рыбы и рыбопродукции.

Для цитирования: Михайлова Е.Г. Оценка эффективности использования водных биоресурсов в отечественном рыболовстве // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 57-69. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.4

For citation: Mikhailova E.G. Evaluation of water bioresources management efficiency in domestic fishing industry. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 57-69. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.4

Полученные оценки социальной эффективности говорят о перераспределении эффекта от потребителей к производителям, но не о росте эффективности. В результате оценки динамики показателей использования водных биоресурсов эффект ресурсного декаплинга в рыболовстве не выявлен. Существующие пробелы в обеспеченности статистическими данными о воздействии рыболовства на окружающую среду не позволяют применить методика декаплинга воздействия в полной мере. Для выявления декаплинга воздействия на примере промысла минтая предлагается использовать показатель времени траления как косвенный индикатор воздействия на окружающую среду. Статья акцентирует внимание на информационном обеспечении оценки экологической, экономической и социальной эффективности ресурсопользования в рыболовстве. В работе использовались методы количественного описания и анализа данных: расчет абсолютных и относительных показателей, построение временных рядов, корреляционный анализ, сравнительный анализ.

Ключевые слова: водные биоресурсы, рыболовство, эффективность, ресурсоотдача, эко-эффективность, декаплинг.

Введение

Проблему ресурсосбережения можно отнести к ряду глобальных. В докладе «Живая планета-2016» отмечается, что человечество стало потреблять в 1,6 раза больше, чем способна устойчиво воспроизводить наша планета [1]. Не может не беспокоить снижение на 58% с 1970 г. к 2012 г. глобального индекса живой планеты (ИЖП). За этот период ИЖП для пресноводных видов снизился на 81%, а для морских видов – на 36%. К одной из основных причин выхода за планетарные границы относится производство продовольствия в масштабах, приводящих к деградации мест обитаний и чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, в т.ч. перелову водных биоресурсов (ВБР), что подрывает основы устойчивого развития.

Исследования, затрагивающие проблемы бережного отношения к ресурсам, в первую очередь природным или первичным, создающим основу жизнедеятельности, проводятся чаще всего именно в контексте концепции «устойчивого развития». При этом на всех уровнях управления переход экономических систем к устойчивому развитию напрямую связывается с ресурсосбережением: рост благосостояния должен обеспечиваться меньшим количеством используемых ресурсов и сокращением воздействия на окружающую среду.

Ресурсосбережение необходимо рассматривать как инструмент, обеспечивающий экономическое будущее общества, а также его экологическое и социальное благополучие. Такой подход используют уже в настоящее время не-

которые международные организации. Например, международная программа «Эффективное использование ресурсов и более чистое производство» (*Resource Efficient and Cleaner Production – RECP*) направлена на повышение эффективности использования ресурсов и снижение рисков для человека и окружающей среды [2]. Три основных направления действий программы согласуются с триадой целей устойчивого развития: экономическая эффективность производства посредством рационального использования природных ресурсов; рациональное природопользование, предполагающее минимизацию воздействия на окружающую среду и природу, предотвращение отходов и эмиссии загрязняющих веществ; развитие человеческого потенциала посредством минимизации рисков для людей и сообществ от деятельности предприятий.

В РФ ресурсосбережение также относится к ряду стратегических задач развития [3, 4]. В перечень основных направлений государственной политики в области экологии входят мероприятия не только по снижению загрязнения окружающей среды выбросами, сбросами и отходами, но и по сокращению удельной энерго- и ресурсоемкости продукции и услуг. Поставлена задача по обеспечению устойчивого природопользования, предполагающего для возобновляемых ресурсов, таких как ВБР, прежде всего неистощительное их использование [5, 6].

Водные биоресурсы играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности страны: в общем балансе потребления живот-

ных белков доля рыбных белков составляет около 10%, а в мясорыбном балансе – около 25% [7]. От эффективности использования ВБР зависит благополучие многих жителей прибрежных российских территорий, где рыбодобывающие и рыбоперерабатывающие предприятия зачастую являются поселко- и градообразующими. Во многих районах Дальнего Востока и Крайнего Севера добыча ВБР остается главным источником жизнеобеспечения, особенно это касается коренных малочисленных народов. Соответственно, рациональное использование ВБР должно относиться к стратегическим целям устойчивого развития рыбохозяйственного комплекса РФ.

Для исследования возможности применения теоретически обоснованных инструментов оценки эффективности использования ВБР были поставлены следующие задачи: провести обзор существующих подходов к оценке использования природных ресурсов в целом и к ВБР; выделить критерии экономической, социальной, экологической эффективности; провести количественную оценку показателей эффективности; обобщить полученные результаты и выявить возможность применения инструмента декаплинга в оценке ресурсоэффективности в рыболовстве.

Методология и методы исследования

Рассматривая проблемы ресурсосбережения как на разных уровнях управления, так и для разных по характеру и видам ресурсов, авторы по-разному трактовали сущность и содержание категории «ресурсосбережение» [8, 9]. Однако все исследователи отмечают, что ресурсосбережение нельзя рассматривать только как экономию сырья, материалов. Важно учитывать их рациональное использование – такое использование ресурсов, которое обеспечивает социально-экономическое развитие и при котором уменьшается нагрузка на природную среду, что, в свою очередь, улучшает качество окружающей природной среды как среды обитания человека [10].

Опираясь на концепцию устойчивого развития, считаем, что в оценке использования природных ресурсов, помимо упоминаемых выше экономических и экологических аспектов, необходимо учитывать социальную составляющую ресурсопользования. Все эти аспекты

не могут быть охвачены одним показателем, требуется система индикаторов, отражающая триаду устойчивого развития.

Производительность ресурсов, как комплексная количественная оценка экономики на международном [11] и на региональном [12, 13] уровнях, широко употребляется в научных кругах. Применительно к природным ресурсам эффективность их использования и их производительность часто употребляются в качестве синонимов. И в самом общем виде это представляется как отношение потока на выходе к потоку на входе экономической системы [14] или соотношение полученного результата с затратами, его обеспечивающими [15]. Обычно показатели ресурсоэффективности, рассчитанные как отношение используемых ресурсов к ВВП, называют прямыми, остальные показатели считают косвенно отражающими результаты ресурсосбережения [16].

Производительность ресурсов может быть определена несколькими способами. Во-первых, с помощью коэффициента полезного действия, показывающего, сколько добавленной стоимости продукта приходится на единицу массы вводимых ресурсов. Второй способ – техническая эффективность, отражающая соотношение объема произведенной продукции и количества используемых ресурсов (оба показателя измеряются в натуральном выражении). Третий вариант – экономическая эффективность, т.е. отношение стоимости «выходов» к стоимости используемых ресурсов на входе в производственную систему. Именно третий вариант расчета ресурсопроизводительности часто используется как синоним материалоотдачи.

Обобщающим показателем экономической эффективности использования в целом материальных ресурсов, в группу которых попадают и природные ресурсы, является материалоотдача продукции. Однако показатель материалоотдачи имеет ряд недостатков. Во-первых, не учитываются отходы и потери материальных ресурсов на различных стадиях их движения (от добычи до потребителя). Во-вторых, величина материалоотдачи может изменяться и под воздействием факторов, не имеющих прямого отношения к ресурсосберегающей деятельности, например, в результате колебания цен.

В-третьих, самый главный недостаток касается утраты основного принципа определения экономической эффективности – сравнимости результата с затратами, вызвавшими этот результат.

Устранить указанные недостатки можно, по мнению Л.Л. Каменик [9], используя показатель полезного потребления материальных ресурсов: в числителе указывается стоимость фактически полезно израсходованного ресурса, в знаменателе – стоимость всех используемых ресурсов. Такой подход позволяет перейти от эффективности материальных затрат к эффективности материальных ресурсов.

Несмотря на явные преимущества показателя полезного применения по сравнению с материалоемкостью, отметим, что и у него есть недостатки. Во-первых, использование такого показателя требует соответствующего учета на всех уровнях управления. Во-вторых, в отношении сложных и неоднородных по составу ресурсов, например ВБР, оценка примененных ресурсов еще более усложнится. Так, если перерабатывается рыба-сырец, то отдельные ее части – тушка, икра, молоки, печень имеют разную стоимость, в сумме многократно превышающую стоимость рыбы-сырца. Вполне возможно, что сравнительная эффективность выпуска филе из лососевых пород может быть меньше, чем выпуска зернистой икры, ввиду более высокой потребительской стоимости икры. Парадоксальность оценки вытекает из особенности лососевых: цена неразделанной рыбы на несколько порядков меньше, чем цена икры, которая находится в самой рыбе.

Признавая выделенные недостатки показателя материалоотдачи и соответственно таких ее частных показателей, как сырьеотдача, топливоотдача, отметим, что в условиях действующей отечественной системы учета затрат и результатов он остается практически единственным стоимостным индикатором, позволяющим оценить экономическую эффективность использования ресурсов.

На мезоуровне для оценки эффективности использования ВБР необходимо использовать помимо материалоотдачи, которая все-таки больше отражает эффективность затрат, показатель ресурсоотдачи, определяемый как соотношение объема добытых ресурсов и валовой

добавленной стоимости (ВДС) в сопоставимых ценах.

К тому же, как отмечает А.М. Васильев, именно рост добавленной стоимости на 1 тонну добытых биоресурсов наиболее полно отражает рациональное их использование [16].

Роль ведущего показателя эффективности использования ресурсов во многих зарубежных методиках играет производительность ресурсов, оцениваемая как отношение экономического результата (*GDP – Gross Domestic Product*) к внутреннему материальному потреблению (*DMC*). Использование в качестве ведущего показателя этого индикатора имеет много недостатков, и, по мнению специалистов он «не совершенен, но практичен» [17]. Практичность его заключается не только в обеспеченности надежными статистическими данными за длительный промежуток времени, но и в возможности наглядного отражения эффекта декаплинга в экономике.

Концепция декаплинга, описывающая такое развитие, при котором происходит рост экономики, а экологические показатели как минимум не ухудшаются, опирается на понятие эко-эффективного экономического роста. Впервые термин «эко-эффективность» был использован в 1992 г. для характеристики такого экономического роста, который достигается за счет предоставления конкурентоспособных товаров и услуг, удовлетворяющих потребности человека и обеспечивающих требуемое качество жизни, при постепенном уменьшении воздействия на окружающую среду и сокращении интенсивности использования ресурсов на протяжении всего жизненного цикла товаров/услуг [19]. Как правило, эко-эффективность количественно определяется отношением добавленной стоимости к величине экологического ущерба. К настоящему времени предложены многочисленные вариации этого подхода [20].

Практическая и теоретическая значимость эко-эффективности заключается в способности этого индикатора объединить производительность по двум из трех осей устойчивого развития: окружающей среды и экономики. Несмотря на имеющиеся, по мнению некоторых ученых [21], проблемы в расчете как показателей воздействия на окружающую среду, так и экономического результата, эко-эффектив-

ность может быть полезным инструментом для предпринимателей и политиков. Активно используется концепция декаплинга для оценки эколого-экономической эффективности региональной экономики отечественными исследователями [22, 23, 24].

При оценке декаплинга обычно выделяют ресурсный декаплинг (*resource decoupling*) и декаплинг воздействия (*impact decoupling*) [25]. В первом случае можно говорить о «дематериализации» экономики, повышении производительности ресурсов, т.е. снижении темпов использования первичных ресурсов при таком же экономическом результате: больший объем добавленной стоимости приходится на единицу использованных ресурсов. Декаплинг воздействия отражает рост эко-эффективности и предполагает увеличение объема производства при снижении негативного воздействия на окружающую среду при добыче природных ресурсов.

Эффект декаплинга отечественные ученые интерпретируют в показателях природоемкости, которые отражают величину затрат природных ресурсов и загрязнений на единицу конечного результата, обычно ВВП [26]. Первая форма показателя «природоемкость» — удельные затраты природных ресурсов в расчете на единицу конечной продукции — отражает эффективность использования природных ресурсов на всех стадиях производственного процесса и соответствует ресурсному декаплингу. Вторая форма — удельные величины загрязнений на единицу конечной продукции — показывает интенсивность загрязнения, что соответствует декаплингу воздействия.

В рыболовстве негативные воздействия на окружающую среду возникают при разрушении морского дна во время траления, загрязнении акватории топливом. Браконьерский промысел наносит особенно серьезный ущерб ВБР. Незаконный промысел может достигать 11–26 млн тонн в год, что составляет 12–28% мирового ежегодного вылова [27]. Другая важная глобальная проблема — потери рыбы на послепромысловой стадии. По оценкам специалистов международной продовольственной организации ФАО, 27% выгруженной рыбы утрачивается из-за потерь или порчи на этапе между выгрузкой и потреблением. Третья, не менее важная про-

блема касается выбросов рыбы за борт — около 8% добычи [28]. Реальный объем добычи ВБР значительно больше официальных данных.

Использовать приведенные выше оценки потерь ВБР для анализа эффективности использования сложно, поскольку такие оценки имеют моментный характер, часто не поддаются сопоставлению в динамике в силу использования экспертами разных методик расчета. Статистика охраны окружающей среды в нашей стране на макроуровне к настоящему времени охватывает не все виды экономической деятельности. Рыболовство и рыбоводство не упоминаются в части негативного воздействия на окружающую среду ни по выбросам загрязняющих атмосферу веществ, ни по сбросу загрязненных сточных вод, ни по образованию и сбросу отходов.

Существующие пробелы в обеспеченности статистическими данными в рыболовстве не позволяют использовать методику декаплинга в полной мере, необходимо продолжить работу по разработке индикаторов. В качестве возможных показателей для оценки декаплинга рассматриваются вылов ВБР и производство рыбопродукции в сравнении с потреблением [29]. Но такой подход отражает не воздействие на окружающую среду, а потребленные ресурсы.

Учитывая, что самый значительный расход топлива осуществляется в момент активной части промысла — траления, представим длительность траления как прокси-показатель ущерба окружающей среде от выбросов загрязняющих веществ. Опираясь на данные бюджета времени судов, предоставляемые отраслевой системой мониторинга Росрыболовства (ФАР), можно определить длительность траления как индикатор негативного воздействия на окружающую среду: чем меньше часов траления обеспечивает больший вылов, тем лучше результаты рыболовства. Соответственно, в качестве показателя эко-эффективности предлагаем использовать отношение объема вылова к времени траления. Такой показатель наиболее близок по содержанию к показателям эффективности промышленного лова [30].

Социальная эффективность использования ВБР должна учитывать не только непосредственно сферу рыболовства, но и сферу потребления. Если рассматриваются интересы работ-

ников отрасли, то социальную эффективность можно отразить с помощью отношения средней заработной платы в отрасли к средней заработной плате в стране (коэффициент опережения отраслевой зарплаты) [31].

Социальная эффективность может выражать и интересы потребителей рыбопродукции. При опережающем росте реальных денежных доходов над ростом, а тем более в случае падения, цен на рыбопродукцию потребители смогут условно получить дополнительный «доход» или выигрыш. В случае одинакового роста доходов и цен индекс равен единице (нет выигрыша, но нет и проигрыша), в случае опережающего роста потребительских цен потребители «проигрывают». Коэффициент выигрыша потребителей рыбопродукции определим как отношение темпа роста реальных располагаемых денежных доходов населения к индексу потребительских цен на рыбу и рыбопродукцию.

Специфика добычи и переработки природных ресурсов особенно проявляется в показателях экологической эффективности использования ВБР. Отсутствие полной и достоверной информации о влиянии экономической деятельности на окружающую среду серьезно сказывается на точности показателей как экологической (отхлодоотдачи, интенсивности загрязнения), так и экономической (ресурсоотдачи, материалоотдачи) эффективности. Следовательно, эффективность использования ВБР будет иметь завышенную оценку, искажая реальные тенденции эксплуатации ресурсов.

Обсуждение результатов

Расчет частных показателей эффективности использования ВБР проводился за период с 2010 по 2015 г. Выбор периода времени обусловлен как доступностью в полном объеме последних данных, так и необходимостью учитывать сопоставимость отдельных показателей в связи с изменениями в методике статистического учета. Наиболее существенным из них для нашего исследования стало приведение с 2010 г. данных о добыче продукции рыболовства в со-

ответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности.

Экономическая эффективность использования материальных ресурсов в отечественном рыболовстве (таблица), несмотря на некоторый спад в 2011–2012 гг., имеет тенденцию к росту. В 2015 г. материалоотдача на 31% выше уровня 2010 г. И выручка, и себестоимость увеличились. Однако темпы роста выручки опережали темпы роста как себестоимости, так и материальных затрат (исключением стали 2011 и 2012 годы). Это и повлияло на положительную динамику материалоотдачи. Особенно заметно выросла топливоотдача – почти в 2 раза к уровню 2010 г. В структуре затрат, при общем росте материальных затрат (на 3% за 6 лет), доля топливных сократилась на 5%. Темп роста топливных затрат заметно отставал от темпа роста и себестоимости, и материальных затрат, что в целом и повлияло на положительную динамику топливоотдачи.

Оценка ресурсоотдачи ВБР, показывающая, сколько валовой добавленной стоимости создано при использовании единицы ресурса, отражена на рис. 1. Динамика ресурсоотдачи имеет положительный тренд. В 2015 г. каждый выловленный килограмм ВБР принес отечественному рыболовству 26 руб. добавленной стоимости. В среднем ежегодный темп роста ресурсоотдачи составил за рассматриваемый период времени не более 2%.

Для выявления эффекта ресурсного декаплинга в рыболовстве РФ воспользуемся такими показателями, как:

- ВДС, созданная в рыболовстве, отражающая экономический результат (данные приводим к ценам 2010 г.);
- вылов ВБР, характеризующий используемые ресурсы.

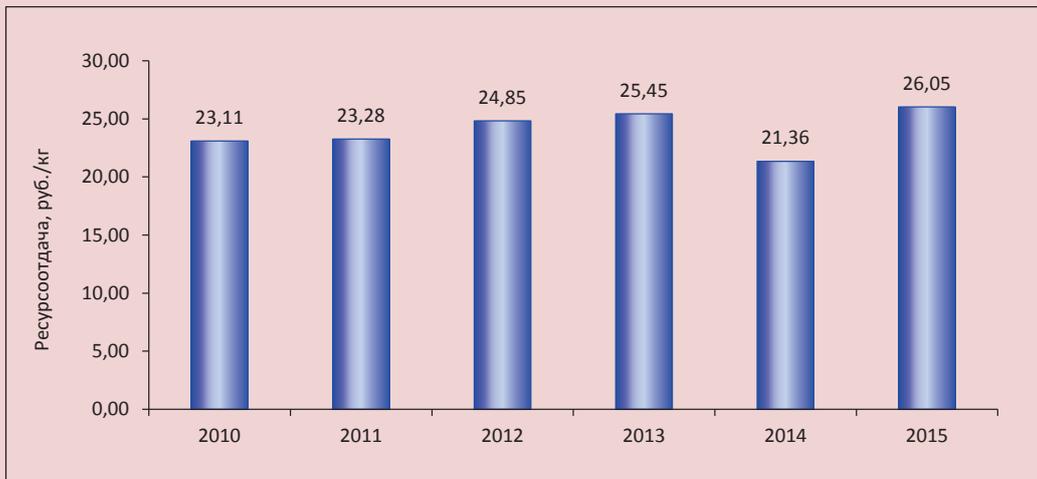
Как видно на рис. 2, синхронное изменение экономического результата и вылова ВБР не подтверждает наличие ресурсного декаплинга в рыболовстве. Коэффициент корреляции

Динамика материалоотдачи и топливоотдачи в рыболовстве РФ

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Материалоотдача	2,79	2,61	2,44	2,60	2,92	3,65
Топливоотдача	5,97	5,60	5,33	5,88	7,03	10,46

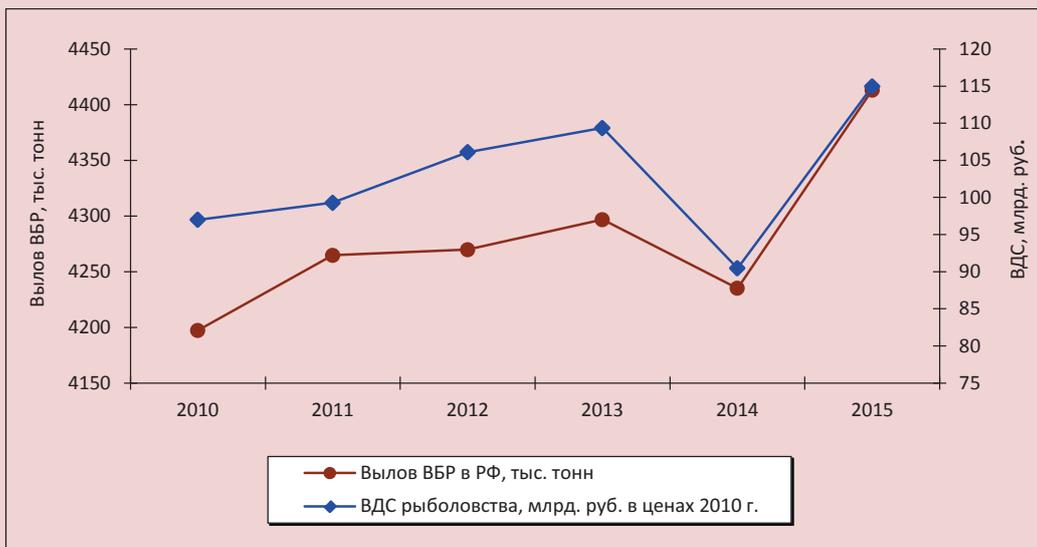
Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

Рис. 1. Динамика ресурсоотдачи в рыболовстве РФ, руб./кг

Источник: рассчитано автором по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru>; официальный сайт ФАП. URL: <http://fish.gov.ru>

Рис. 2. Динамика объема вылова водных биоресурсов и динамика ВДС в рыболовстве РФ, тыс. т

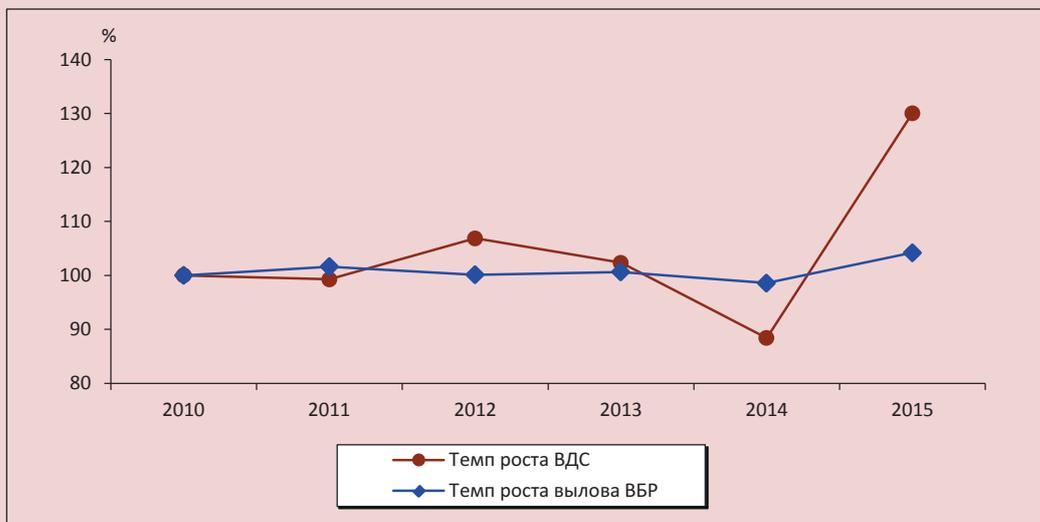
Источник: составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru>; официальный сайт ФАП. URL: <http://fish.gov.ru>

между рассматриваемыми показателями составляет 0,84, что говорит о сильной положительной связи ВДС и объемов добычи.

В рыболовстве наблюдается неустойчивая динамика темпов роста вылова водных биоресурсов и динамика ВДС (рис. 3), темпы роста вылова превышают темпы роста ВДС в 2011 и

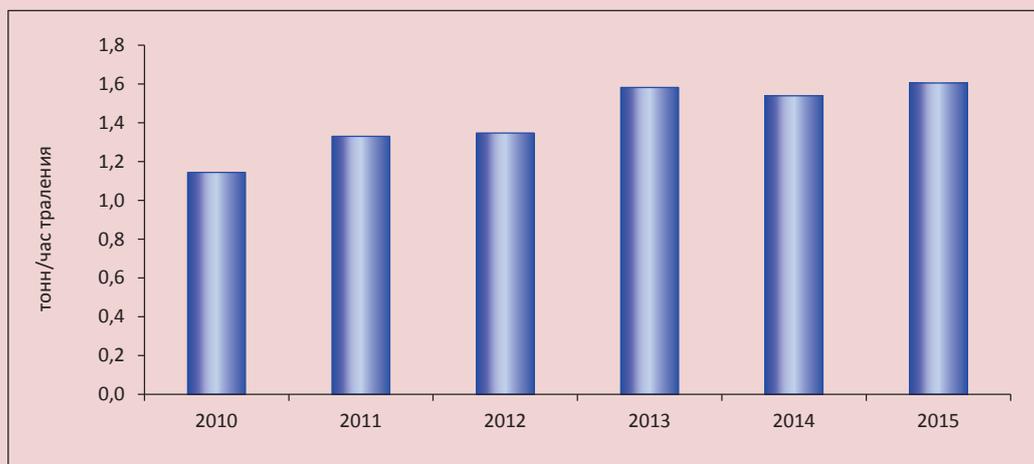
2014 гг. Таким образом, за рассматриваемый период не выявлен абсолютный ресурсный декаплинг. В отдельные годы – 2012, 2013, 2015-й – наблюдается относительный ресурсный декаплинг. Выявленные именно в эти периоды водные биоресурсы используются наиболее эффективно (см. рис. 1).

Рис. 3. Динамика темпов роста ВДС в рыболовстве и вылова ВБР в РФ, %

Источник: рассчитано автором по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru>; официальный сайт ФАР. URL: <http://fish.gov.ru>

Рис. 4. Эко-эффективность промысла минтая

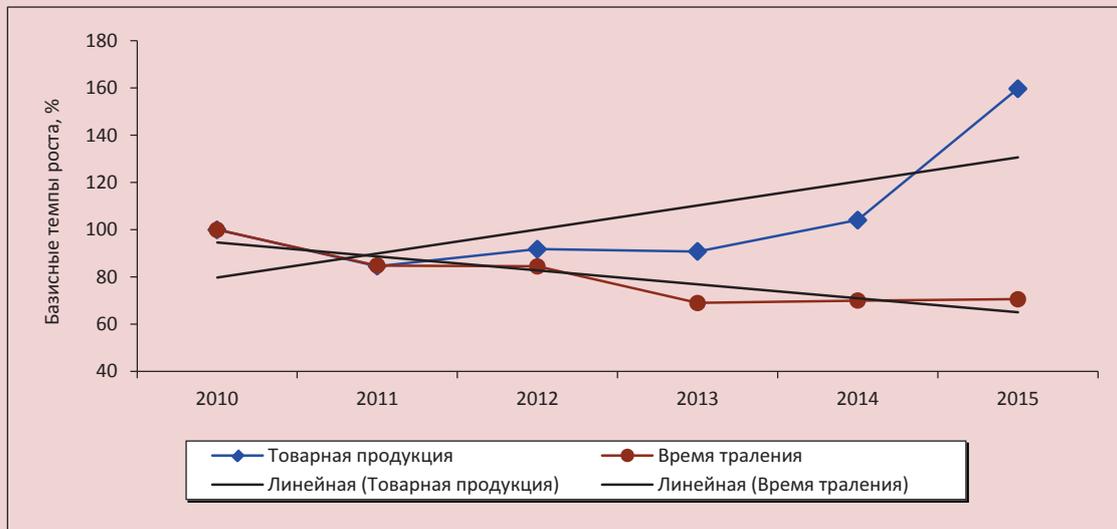
Источник: рассчитано автором по: данные отраслевой системы мониторинга Федерального агентства по рыболовству РФ; официальный сайт ФАР. URL: <http://fish.gov.ru>

Для исследования эко-эффективности, определяемой с помощью показателя объема вылова, добываемого за час траления, воспользуемся данными о промысле минтая. Именно минтай уже долгое время является самым значительным объектом промысла в РФ: его доля в общем вылове ВБР составляет около 40%. Как видно на *рис. 4*, за последние шесть лет эко-эффективность промысла минтая выросла. Если в

2010 г. в результате часового траления добывалось 1,14 тонны минтая, то к 2015 г. вылов увеличился до 1,6 тонны. Рост эко-эффективности обеспечен в основном сокращением в абсолютном выражении времени траления.

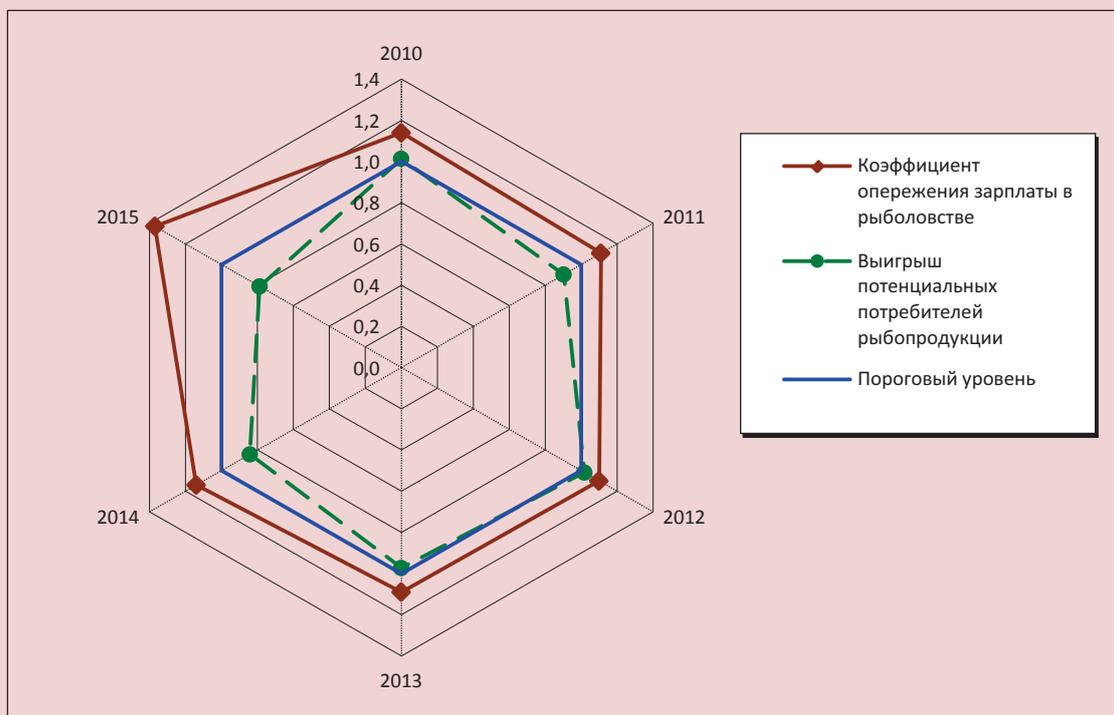
Соотношение динамики базисных темпов роста (к уровню 2010 г.) стоимости товарной продукции из минтая и затрат времени на траление (*рис. 5*) позволяют заметить эффект от-

Рис. 5. Соотношение темпов роста товарной продукции из минтая и времени траления на промысле минтая

Источник: рассчитано автором по: данные отраслевой системы мониторинга ФАР; официального сайта Центра раскрытия корпоративной информации. URL: www.e-disclosure.ru

Рис. 6. Динамика показателей социальной эффективности использования ВБР в рыболовстве РФ

Источник: рассчитано автором по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru>

носительного декаплинга воздействия на промысле минтая. С 2011 г. рост экономического результата сопровождается сокращением времени траления.

Оценка индикаторов социальной эффективности с помощью коэффициентов (рис. 6) позволяет провести не только динамический анализ, но и нормативный. Если величина коэффициента достигла единичного уровня или превысила его (на рисунке единичный – «пороговый уровень»), можно говорить об эффективном использовании ВБР с точки зрения социальной составляющей развития отрасли.

За пределами порогового значения оказался показатель выигрыша потенциальных покупателей рыбопродукции. Это подтверждает опережающий темп роста цен на рыбопродукцию по сравнению с реальными доходами населения, что может сказаться и на объемах потребления, которые значительно снизились в 2015 году. Наибольший уровень в данном году был у коэффициента опережения зарплаты в рыболовстве. Заметим, что темпы роста зарплаты в рыболовстве превышают темпы роста ВДС. При этом структура производства не претерпела существенных изменений, что позволяет говорить о перераспределении эффекта от потребителей к производителям через ценовой механизм, но не о росте социальной эффективности.

Заключение

Анализ динамики показателей эффективности использования ВБР в отечественном рыболовстве с позиций экономической, экологической и социальной составляющих целесообразно проводить с 2010 г. в силу ограничения по сопоставимости данных. Сложно говорить о тенденциях за такой небольшой отрезок времени. Тем не менее индикаторы эффективности затрат (материалоотдача и топливоотдача) показывают довольно устойчивый рост. Динамика

других показателей неустойчива, а если и отмечается рост, как у ресурсоотдачи, то он крайне незначительный. При этом высокий уровень корреляции между ВДС и объемом вылова говорит о преобладании экстенсивных факторов роста.

Для оценки ресурсного декаплинга использовалась общепринятая методика исследования зависимости объема добычи ВБР и созданной ВДС. Результаты исследования показали, что абсолютный ресурсный декаплинг в рыболовстве не выявлен, но в отдельные периоды можно отметить относительный ресурсный декаплинг.

Применение декаплинга в полной мере как инструмента оценки экологической и экономической эффективности в рыболовстве, в отличие от других отраслей, ограничено обеспеченностью статистической информацией. В качестве прокси-показателя воздействия на окружающую среду предложен индикатор длительности траления. На примере промысла минтая анализ соотношения времени траления и стоимости товарной продукции из минтая позволяет косвенно сделать вывод о росте эко-эффективности промысла и выявить относительный декаплинг воздействия. Полагаем, что расход топлива в натуральном измерении, наряду со стоимостной оценкой топливных затрат, можно рассматривать в качестве одного из наиболее перспективных показателей воздействия на окружающую среду в рыболовстве.

Разрыв между теоретически обоснованными показателями экологической эффективности и возможностями практического расчета на существующей статистической базе важно устранить. Для обеспечения эффективного управления ресурсопользования в рыболовстве необходимо продолжить работу по совершенствованию методики оценки использования ВБР.

Литература

1. Доклад «Живая планета 2016». – WWF, Global Footprint Network, Water Footprint Network. London: Zoological Society, 2016. URL: <http://www.wwf.ru/resources/publ/book/1102> (дата обращения: 24.02.2017).
2. Resource Efficient and Cleaner Production. Available at: <http://www.unep.fr/scp/cp/> (дата обращения: 20.04.2017).
3. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А.М. Шелехова. М., 2002. 161 с. URL: <http://www.sbras.ru/win/sbras/bef/strat.html> (дата обращения 22.11.2016).

4. Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.government.ru/media/2012/4/26/49762/file/559_pril.doc (дата обращения: 24.11.2016).
5. Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России. М., 2002. URL: <http://www.caresd.net/img/docs/530.pdf> (дата обращения 22.11.2016).
6. Экологическая доктрина Российской Федерации. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=133908> (дата обращения 22.11.2016).
7. Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса РФ на период до 2020 года, утв. приказом от 30 марта 2009 г. № 246. URL: <http://www.fish-forum.ru/files/112.doc> (дата обращения: 24.02.2017).
8. Гизатов И.И. К вопросу о сущности ресурсосбережения // Вестник ТИСБИ. 2010. № 4. URL: <http://old.tisbi.org/science/vestnik/2010/issue4/Econom/Gizatov.html> (дата обращения: 24.02.2017).
9. Каменик Л.Л. Ресурсосберегающая политика и механизм ее реализации в формате эволюционного развития. – СПб.: ГУАП, 2012. 476 с.
10. Волович В.Н. Пути и формы рационального использования природных ресурсов в условиях интенсификации общественного производства // Общество. Среда. Развитие. 2013. №3 (28). С. 20–24.
11. Bleischwitz R. International economics of resource productivity—Relevance, measurement, empirical trends, innovation, resource policies. *International Economics and Economic Policy*, 2010, 7(2–3). pp. 1–18.
12. Making the Case for Resource Efficiency in Ireland and Options for Taking it Forward (2011). Available at: <https://www.epa.ie/pubs/reports/waste/prevention/prevention/COMHAR%20ResourceEfficiency%202011.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
13. Schandl H., West J. Resource use and resource efficiency in the Asia–Pacific region. *Global Environmental Change*, 2010, 20, pp. 636–647. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0959378010000592> (дата обращения: 24.02.2017).
14. Resource Efficiency Indicators. Proceedings of the Workshop. Brussels, 14 April 2015. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542206/IPOL_STU\(2015\)542206_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542206/IPOL_STU(2015)542206_EN.pdf) (дата обращения: 20.04.2017).
15. Федотов Ю.В. Измерение эффективности деятельности организации: особенности метода DEA (анализа свертки данных) // Российский журнал менеджмента. 2012. Том 10. № 2. С. 51–62. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/08/11/1265221393/fedotov_org_pef_meas_rjm_2_12.pdf (дата обращения: 24.11.2016).
16. Measuring material flows and resource productivity. Volume I. The OECD Guide/ 2008. Available at: <https://www.oecd.org/environment/indicators-modelling-outlooks/MFA-Guide.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
17. Васильев А.М. Глубокая переработка уловов – фактор повышения экономической эффективности рыболовства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 5 (29). С. 89–97.
18. Reisinger H., Tesar M., Read B. Workshop on Resource Efficiency Indicators/ Policy Department A: Economic and Scientific Policy. Brussels, 14 April 2015. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542206/IPOL_STU\(2015\)542206_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542206/IPOL_STU(2015)542206_EN.pdf) (дата обращения: 20.04.2017).
19. Schmidheiny S., Zorraquin F. Eco-efficiency and the Financial Markets/Chapter 1/Financing Change: the Financial Community, Ecoefficiency, and Sustainable Development 1996. Available at: <http://environment.yale.edu/publication-series/documents/downloads/0-9/101schmidheiny.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
20. Kuosmanen T. Measurement and analysis of eco-efficiency: An economist’s perspective. *Journal of Industrial Ecology*, October 2005, 9(4), pp. 15–18.
21. Ehrenfeld J. R. Eco-efficiency: Philosophy, theory and tools. *Journal of Industrial Ecology*, 2005, Vol. 9, № 4, pp. 6–8.
22. Акулов А.О. Эффект декаплинга в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4. С. 177–185.
23. Самарина В.П. Эффект декаплинга в экономическом развитии Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т. 2. № 39. С. 24–30.
24. Яшалова Н.Н. Анализ проявления эффекта декаплинга в эколого-экономической деятельности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 39. С. 54–61.

25. Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth. A Report of the Working Group on Decoupling to the International Resource Panel. UNEP, 2011. 174 p. Available at: http://www.unep.org/resourcepanel/decoupling/files/pdf/decoupling_report_english.pdf (дата обращения: 24.02.2017).
26. На пути к устойчивому развитию России. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития / под ред. В.М. Захарова. – М.: Институт устойчивого развития, 2012. 90 с.
27. Agnew D.J., Pearce J., Pramod G., Peatman T., Watson R., Beddington J.R., Pitcher T.J. Estimating the worldwide extent of illegal fishing. PLoS ONE, 2009, 4(2) Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0004570> (дата обращения: 24.02.2017).
28. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2016. Вклад в обеспечение всеобщей продовольственной безопасности и питания. Рим: ФАО, 2016. 216 с.
29. Indicators to measure decoupling of environmental pressure from economic growth, 2002. 108 p. Available at: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?doclanguage=en&cote=sg/sd\(2002\)1/final](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?doclanguage=en&cote=sg/sd(2002)1/final) (дата обращения: 24.02.2017).
30. Мельников А. В., Мельников В.Н. Улов на усилие и улавливаемость как относительные показатели промыслового усилия // Вестник АГТУ. Серия: Рыбное хозяйство. 2011. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ulov-na-usilie-i-ulavlivaemost-kak-otnositelnye-pokazateli-promyslovogo-usiliya> (дата обращения: 24.02.2017).
31. Михайлова Е.Г. Виды эффективности рыбной отрасли // Вестник КамчатГТУ. 2016. № 35. С. 98-109.

Сведения об авторе

Елена Геннадьевна Михайлова – к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН, лаборатория эколого-экономических исследований (683000, Российская Федерация, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Партизанская, д. 6; e-mail: rozotop@mail.ru)

Статья поступила 03.03.2017.

Mikhailova E.G.

Evaluation of Water Bioresources Management Efficiency in Domestic Fishing Industry

Abstract. Efficient use of natural resources is an integral part of sustainable development. Resource management efficiency criteria should cover all components of sustainable development: economic, environmental and social. The purpose for the study is to assess the possibility of applying tools for measuring natural resources management efficiency in relation to water biological resources. The most developed are methodological approaches to assessing the economic efficiency of resource management. Despite the importance of environmental assessment and the availability of the methodological framework, there still remain some gaps in data availability for analyzing the impact of the fishing industry on the environment. The specific features of natural resources extraction and processing are particularly evident in indicators of environmental efficiency of resource saving. The paper substantiates the importance of taking into account emissions of water bioresources, unreported fishing, technological losses in assessing water bioresources management efficiency. We calculated indicators characterizing economic efficiency of water bioresources management in Russia in 2010–2015: material efficiency, fuel efficiency, and resource efficiency. The increase in material and fuel efficiency indicates an increase in the economic efficiency of material cost in the fishing industry. The growth in resource efficiency was significantly less than the growth in cost indicators: the average growth rate was about 2 percent in six years. It is proposed to evaluate social efficiency taking into account the interests of both industry workers and consumers of fish and fish

products. The obtained estimates of social efficiency indicate the redistribution of effect from consumers to producers, rather than increased efficiency. As a result of assessing the performance of indicators of water bioresources usage, the effect of resource decoupling in the fishing industry has not been revealed. The existing gaps in the availability of statistics on the impact of fishing on the environment impede full application of the impact decoupling method. In order to reveal the impact decoupling, is proposed to use the indicator of trawling time as an indirect indicator of environmental impact on the example of pollock fishery. The article focuses on information support of environmental, economic and social efficiency assessment of resource use in the fishing industry. The applied methods include quantitative description and data analysis: calculation of absolute and relative indicators, time series construction, correlation analysis, and comparative analysis.

Key words: water bioresources, fishing industry, efficiency, resource efficiency, eco- efficiency, decoupling.

Information about the Author

Elena G. Mikhailova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Laboratory for Environmental and Economic Studies, Kamchatka Branch of Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Partizanskaya Street, Petropavlovsk-Kamchatsky, 683000, Russian Federation; e-mail: ekftig@mail.ru)

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.5

УДК 330.341(470+510), ББК 65.9(2Рос+5Кит)-551

© Мазилев Е.А., Шэн Фанфу

Научно-технологический потенциал территорий России и Китая: оценка и направления развития*

**Евгений Александрович
МАЗИЛОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eamazilov@mail.ru

ШЭН ФАНФУ

Академия общественных наук Цзянси
Наньчан, Цзянси, Китай, 330077, North Hongdu Avenue, 649
E-mail: shengff1986@126.com

Аннотация. Россия и Китай входят в число ведущих мировых держав, оказывающих значительное влияние на мировую экономику и крупнейшие мировые рынки. Кроме того, эти страны являются мировыми научными центрами и занимают лидирующие позиции в ряде отраслей науки. Активизация в последние годы сотрудничества между Россией и Китаем обуславливает особый интерес к изучению их научно-технологического потенциала, поиску возможных точек взаимодействия в данном направлении. Проблемы социально-экономического и научно-технологического развития обеих стран во многом идентичны, и это также повышает интерес к его сравнительной оценке и изучению опыта преодоления имеющихся проблем. В связи с этим цель исследования заключается в проведении оценки научно-технологического потенциала и

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-02-00537.

Для цитирования: Мазилев Е.А., Шэн Фанфу. Научно-технологический потенциал территорий России и Китая: оценка и направления развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 70-83. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.5

For citation: Mazilov E.A., Sheng Fangfu. Scientific and technological potential of the territories of Russia and China: assessment and development prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 70-83. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.

выявлении направлений его развития в России и Китае. Исходя из цели в статье исследованы теоретические аспекты научно-технологического развития территорий, дана авторская трактовка понятия «научно-технологический потенциал», основанная на комбинированном варианте, объединяющем ресурсный и результативный подходы к данной экономической категории. Разработана методика сравнительной оценки научно-технологического развития территорий двух (и более) стран, позволяющая выполнить ранжирование регионов по уровню научно-технологического потенциала на основе интегрального индекса, дающего комплексную оценку потенциала территорий. С помощью методики проведена также оценка факторов научно-технологического развития территорий двух государств, выявлены схожие проблемы, присущие как России, так и Китаю. Представлены результаты систематизации опыта их субъектов-лидеров в научно-технологическом развитии, который свидетельствует о ведении системной работы органами власти и управления в области поддержки НТР. В заключении статьи еще раз сделан акцент на значительной дифференциации научно-технологического развития регионов рассматриваемых стран. На дальнейших этапах исследования будет разработана система мер для всех их субъектов, сгруппированных в зависимости от уровня научно-технологического развития.

Ключевые слова: научно-технологический потенциал, методика оценки, проблемы, дифференциация, территории, направления развития.

Введение

Обеспечение экономического роста и повышение конкурентоспособности экономики страны в глобальном масштабе невозможно без развития научно-технологического потенциала. Только государства, стимулирующие и активно ведущие научно-техническую деятельность, становятся лидерами в высокотехнологичных отраслях народного хозяйства, что находит свое отражение в росте социально-экономического благополучия их населения [1; 2; 3]. Стоит отметить, что рост основных показателей эффективности хозяйственной деятельности может быть достигнут за счет существующего научно-технологического задела и незадействованных ресурсов накопленного потенциала. Россия и Китай в данном случае не являются исключением. Входящие в перечень активно развивающихся стран, они в качестве стратегических приоритетов ставят именно научно-технологическое развитие. Особенно актуален данный вопрос в условиях необходимости достижения опережающих темпов социально-экономического развития.

Отношения между Россией и Китаем имеют важнейшее значение во внешней политике той и другой страны. В современных условиях они становятся ключевыми партнерами и в экономическом, и геополитическом плане. За последние годы между ними заключено множество соглашений о сотрудничестве в различных сферах, в том числе в области науки,

образования и технологий. В то же время реализуемые в данном направлении шаги пока являются фрагментарными и не носят системного характера. Одна из причин этого кроется в наличии различий в подходах к организации управления научно-технологической деятельностью и ее стимулирования, в проводимой государственной политике, а также в уровне технологического развития и ресурсной базы.

Для определения возможных точек роста и организации взаимодействия между двумя странами в области науки и технологий необходимо выполнить оценку существующих условий и оценить имеющийся научно-технологический потенциал. В связи с этим цель исследования заключается в проведении оценки научно-технологического потенциала и выявлении направлений его развития в России и Китае. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: исследовать теоретические аспекты научно-технологического развития территорий; выявить факторы, влияющие на НТР; разработать методику сравнительной оценки научно-технологического потенциала территорий двух (и более) стран, апробировать ее на материалах России и Китая; изучить опыт субъектов-лидеров России и Китая в сфере научно-технологического развития; разработать перечень инструментов и мер по его активизации в отстающих территориях обеих стран.

Научная новизна работы состоит в аргументированной сравнительной оценке научно-технологического потенциала территорий России и Китая на базе разработанной авторской методики и в разработке научно обоснованной системы инструментов и мер по активизации процессов научно-технологического развития отстающих территорий этих стран.

Актуальность исследования

Современные экономические теории делятся на три группы: теории экзогенного и эндогенного роста, смешанный подход.

Экзогенное развитие территорий осуществляется при сильном внешнем вмешательстве со стороны государственных органов власти, в том числе через государственное (федеральное) финансирование. Данный тип развития регионов основан на привлечении капитала (инвестиций, субсидий и т.д.), бизнеса из других субъектов и стран и на открытии новых предприятий.

Эндогенный подход к экономическому развитию территорий, ориентированный на исследование, формирование и реализацию стратегического регионального потенциала, в большей степени соответствует условиям новых глобальных рисков и возможностей.

Смешанный подход имеет признаки как первой, так и второй теории. При таком подходе государство создает условия для интенсивного развития территорий-лидеров, что позволяет получать дополнительный экономический эффект и обеспечивает государство экономическими и научно-технологическими ресурсами, в том числе для перераспределения их отстающим территориям. При этом, опираясь на основные позиции эндогенных теорий экономического роста, органы власти и управления на федеральном и региональном уровне создают условия для развития территорий с использованием внутреннего потенциала и резервов роста в целях выравнивания уровня социально-экономического развития, что остается приоритетной задачей. Как можно отметить, это касается не только экономического, но и научно-технологического потенциала (НТП). С нашей позиции такой подход более приемлемый, поскольку, сохраняя полюса роста и территории-локомотивы эконо-

мического роста, государство обеспечивает выравнивание межрегиональных диспропорций за счет внутреннего потенциала отстающих территорий.

Проведенные нами исследования [4; 5] позволили определить, что в современной литературе научно-технологический потенциал рассматривается с помощью двух подходов: ресурсного и результативного. Тем не менее оба варианта в контексте изучения вопросов измерения научно-технологического потенциала являются вторичными и уточняющими. Поэтому предпочтительнее, по нашему мнению, ориентация на комбинированный вариант, объединяющий ресурсный и результативный подходы, что дает возможность отражать как состояние научно-технологического потенциала, так и эффективность его реализации. Исходя из этого под научно-технологическим потенциалом следует понимать совокупность ресурсов и результатов деятельности в сфере науки и технологий, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и внешней средой в определенных организационно-управленческих условиях для решения задач текущего и перспективного развития территории, повышения ее конкурентоспособности и обеспечения устойчивого экономического развития.

Развитие научно-технологического потенциала активно обсуждается на высшем государственном уровне. Так, в РФ принята и реализуется «Стратегия научно-технологического развития РФ», в 2013 г. приняты программы «Развитие науки и технологий», «Экономическое развитие и инновационная экономика». В Китае в 2016 г. утвержден «Национальный стратегический план инновационного развития», определяющий основные цели развития науки, технологий и инноваций на средне- и долгосрочную перспективу.

Из вышесказанного можно заключить, что вопросы развития научно-технологического потенциала, который превращается в ключевую составляющую воспроизводственного потенциала территорий, признаются как властью, так и научным сообществом в качестве необходимой предпосылки интенсивного экономического роста.

Опираясь на исследованные нами ранее аспекты научно-технологического потенциала территорий, можно проводить детальный анализ состояния, уровня и эффективности развития научно-технологического потенциала отдельных территорий в сравнении с другими. В рамках этого выполняется оценка ресурсов, составляющих потенциал, и результатов их использования, а также структурных взаимосвязей между компонентами потенциала в целом [5].

В то же время, несмотря на множество проведенных исследований, методические вопросы оценки НТП и разработка обоснованных направлений его развития остаются актуальной научной задачей. Особую актуальность данная тема приобретает в контексте развития международных отношений России и Китая. Обе страны находятся в стадии становления развитой экономики, обладают значительным потенциалом экономического и научно-технологического роста, имея схожие тенденции в социально-экономическом развитии. Кроме того, факты свидетельствуют о том, что научно-техническое сотрудничество России и Китая налаживается [6] в рамках сотрудничества крупных интеграционных объединений (ШОС, БРИКС и др.).

Таким образом, решение вопросов измерения и поиск направлений развития научно-технологического потенциала являются важной теоретической и практической задачей данного исследования.

Методы исследования

Наши исследования [5; 7] позволили разработать методический аппарат для проведения сравнительного анализа уровня научно-технологического потенциала России и Китая. С помощью этой методики можно ранжировать регионы по уровню НТП на основе интегрального индекса, который дает комплексную оценку потенциала территорий. Условно расчеты можно разбить на следующие основные этапы.

1 этап. Для построения интегрального показателя научно-технологического потенциала выбраны в результате предварительного анализа индикаторы (табл. 1), условно разделенные на 3 блока по вертикали и 2 блока по горизонтали (апостериорный набор частных критериев).

В блоке «Исследования и разработки» учитываются показатели, характеризующие масштабы проведения НИОКР и результаты разработки в регионе новых технических средств. В блоке «Кадры» в расчет принимаются особенности имеющегося уровня образования для осуществления научно-технологической деятельности, а также внимание, уделяемое в регионе развитию образовательной деятельности. В блоке «Технологии и инновации» отражаются, с одной стороны, обеспеченность производства ресурсами для развития научно-технологической деятельности, с другой – основные показатели результативности разработки методов, процессов и средств, используемых в производстве.

Таблица 1. Показатели оценки научно-технологического потенциала*

Показатель	Исследования и разработки	Кадры	Технологии и инновации
Ресурсный	Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП (%) – РФ	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование (на 10 тыс. населения, млн. руб.) – РФ	Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки (на 10 тыс. населения, тыс. руб.) – РФ
	Доля затрат на НИОКР в ВРП (%) – Китай	Расходы на образование (10 тыс. юаней на 10 тыс. жителей) – Китай	Внутренние расходы на научные исследования и разработки (10 тыс. юаней на 10 тыс. жителей) – Китай
Результирующий	Поступление патентных заявок и выдача патентов в России (на 100 тыс. населения, шт.) – РФ	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (на 10 тыс. населения, чел.) – РФ	Объем отгруженной инновационной продукции (на 10 тыс. населения, млн. руб.) – РФ
	Число поданных заявок на выдачу патента (ед. / 10 тыс. жителей) – Китай	Персонал в сфере научных исследований и разработок (чел. / 10 тыс. жителей) – Китай	Объем отгруженной новой продукции промышленных предприятий выше установленного размера (10 тыс. юаней / 10 тыс. жителей) – Китай

* При расчетах индикаторы в денежном выражении переводились в сопоставимые цены и валюту.

Кроме того, приведенные показатели в рамках изложенного подхода могут быть сгруппированы по трем аспектам, которые отражают относительно обособленные сферы научно-технологического развития и виды научно-технической и инновационной деятельности, таким как:

1) ресурсный – включающий виды деятельности, связанные с проведением фундаментальных и прикладных исследований;

2) результативный – включающий виды деятельности, связанные с распространением инноваций, в том числе со сбытом высокотехнологичной продукции.

В представленный набор включены основные показатели, ежегодно публикуемые государственными органами статистики РФ и Китая в открытых источниках, что повышает достоверность расчетов методики.

Данные показатели:

– характеризуются явной связью с общим уровнем научно-технологического потенциала территорий;

– позволяют в полной мере принять в расчет ресурсы и результаты научно-технической и инновационной деятельности;

– равномерно распределяются по блокам – компонентам научно-технологического потенциала, который, в соответствии с теоретическими положениями, включает образовательную, научную, техническую, технологическую составляющие.

Исходя из приведенных аргументов такой набор показателей представляется наиболее универсальным. С учетом рассмотренных трактовок научно-технологического потенциала целесообразно сохранить подход, положивший в основу расчетов определение интегрального показателя научно-технологического потенциала каждого региона. Это средняя величина индексов, отражающих описанные выше отдельные компоненты (блоки) потенциала и, в свою очередь, являющихся средними величинами входящих в них показателей.

2 этап. Информацию, полученную из баз данных официальной статистики, следует унифицировать (привести к сопоставимому виду, пригодному для оценки) по следующему правилу:

1) для исследуемых показателей, которые монотонно возрастают по отношению к резуль-

тирующему, т.е. увеличение фактора (x_j) влечет за собой рост рассматриваемого явления, применяется следующая формула:

$$\widehat{x}_{ij} = \frac{x_{maxj} - x_{ij}}{x_{maxj} - x_{minj}} N, \quad (1)$$

где x_{ij} – i -ое значение j -го фактора,

x_{maxj} и x_{minj} – максимальное и минимальное значения j -го фактора,

N – коэффициент масштаба;

2) для показателей, связанных по отношению к результату монотонной убывающей зависимостью, применяется следующая формула:

$$\widehat{x}_{ij} = \frac{x_{maxj} - x_{ij}}{x_{maxj} - x_{minj}} N, \quad (2)$$

3) редким на практике, но возможным в теории является случай, когда связан с анализируемым интегральным показателем немонотонной зависимостью, т.е. между максимальным и минимальным значениями существует оптимальное – $x_{оптj}$, при котором достигается наилучшее качество. В таком случае используется формула:

$$\widehat{x}_{ij} = \left(1 - \frac{|x_{ij} - x_{оптj}|}{\max\{x_{maxj} - x_{оптj}, x_{оптj} - x_{minj}\}} \right) N, \quad (3)$$

Таким образом, унификация по заданным правилам позволит провести дальнейший этап методики.

3 этап. Реализация метода главных компонент по значениям частных критериев апостериорного набора показателей. Применение данного метода обусловлено выявлением гипотетической величины (научно-технологический потенциал), соответствующей гораздо большему числу исходных факторов. Преимуществом метода можно назвать то, что он не требует предварительной группировки исходных данных, что значительно упрощает анализ.

На основе вычисленных главных компонент можно построить более простую информативную систему научно-технологического потенциала, оценить силу причинно-следственной связи между факторами, исследовать возможности изменения анализируемых факторов под влиянием главных компонент.

Исходный набор показателей был разделен на 4 группы. В каждую из них вошли показатели, наибольшие по модулю, характеризующие долю общего разброса в категории научно-технологического потенциала в каждой отдельной строке. Так в первую группу вошли такие показатели, как «внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки, тыс. руб./на 10 тыс. населения» (50,65%) и «поступление патентных заявок и выдача патентов в России на 100 тыс. населения, шт.» (49,35%). Во вторую группу – «расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, млн. руб. (образование)/на 10 тыс. населения» (42,22%) и «численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 10 тыс. населения» (57,78%). В третью и четвертую группу включено по одному показателю: «доля внутренних затрат на исследования и разработки, в % к ВРП» и «объем отгруженной инновационной продукции, млн. руб. на 10 тыс. населения» соответственно.

4 этап. Определение весовых коэффициентов для критериев из апостериорного набора. Весовые коэффициенты (w_j) определяются в зависимости от выделенных в факторном анализе (по методу главных компонент) гиперпараметров и вычисляются на основе ковариационной матрицы апостериорного набора унифицированных частных критериев по формуле:

$$w_{el} = \begin{cases} \frac{c_{el}}{\sum_{e=1}^z c_{el}}, & \text{если все } c_{el} \text{ одного знака,} \\ \frac{c_{el}^2}{\sum_{e=1}^z c_{el}^2} & \text{в противном случае;} \end{cases} \quad (4)$$

где c_{el} – значение собственного вектора ковариационной матрицы e фактора по l блоку;

z – количество критериев в l блоке.

Таким образом, весовые коэффициенты каждого показателя в общей интегральной оценке составят: «внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки, тыс. руб./на 10 тыс. населения» – 11,2%; «расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, млн. руб. (образование)/10 тыс. населения» – 4,26%; «доля внутренних затрат на исследования и разработки, в % к ВРП» – 33,07%; «поступление патентных за-

явок и выдача патентов в России на 100 тыс. населения, шт.» – 10,09%; «численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 10 тыс. населения» – 5,83%; «объем отгруженной инновационной продукции, млн. руб. на 10 тыс. населения» – 34,73%.

5 этап. Определение значений индекса для выделенных блоков. Данная процедура осуществляется путем суммирования произведений унифицированных критериев, входящих в блок, и их соответствующих весовых коэффициентов:

$$y_{il} = \sum_{e=1}^z w_{ie(l)} \widehat{x_{ie(l)}}, \quad (5)$$

6 этап. Построение мультипликативного интегрального показателя научно-технологического потенциала регионов на основе оценки общей дисперсии (средний квадрат отклонения фактических значений от среднеарифметического по ним же), согласно которой конечный показатель находится по формулам:

$$I_i = N + \sum_{l=1}^k q_l (y_{il} - N), \quad (6)$$

$$q_l = \frac{S_l^2}{\sum_{l=1}^k S_l^2}, \quad (7)$$

$$S_l^2 = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (y_{il} - \bar{y}_l)^2, \quad (8)$$

$$\bar{y}_l = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_{il}, \quad (9)$$

Отметим, что необходимо достаточное количество выборки, чтобы удовлетворить требование «закона больших чисел». Количество значений по фактору должно быть больше либо равно числу факторов, помноженных на 10. При отобранном апостериорном наборе количество наблюдений по фактору должно быть равно 60 (6 факторов). Наблюдение с точки зрения статистики – это единичное восприятие какого-либо объекта или явления, зафиксированное наблюдателем. Различают наблюдения, зафиксированные по времени (временные ряды) и по временному интервалу (перекрестная выборка). Существуют наблюдения, учитывающие оба эти условия (панельные данные).

Таблица 2. Шкала уровня научно-технологического потенциала регионов

Значение индекса	Уровень научно-технологического потенциала
(8; 10]	Высокий
(6; 8]	Выше среднего
(4; 6]	Средний
(2; 4]	Ниже среднего
[0; 2]	Низкий

Добавим, что исследуемая совокупность показателей является расчетной, т.е. они взяты как удельные веса или относительные величины к какой-либо базе. Такой подход позволяет более точно сравнивать исследуемые объекты между собой. Кроме того, необходимо отметить, что прогнозирование недостающих наблюдений должно осуществляться по первичной выборке, а не по расчетным критериям. Подобная процедура позволит избежать излишнего усреднения оценок.

Для интерпретации результатов расчета мультипликативного интегрального показателя научно-технологического потенциала предложена следующая шкала (табл. 2). Пороговые значения рассчитанного показателя находятся в пределах от 0 до 1. Следовательно, можно выделить пять уровней развития научно-технологического потенциала.

Результаты исследования

Апробация методики позволила построить рейтинг регионов России и Китая по уровню развития научно-технологического потенциала. Согласно рейтингу, в 2011 и 2014 гг. в обеих странах нет территорий с высоким уровнем развития НТП, 3 субъекта имеют уровень развития НТП выше среднего (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь), 4 субъекта – средний (Жейян, Цзянсу, Нижегородская область, Гуандун). Санкт-Петербург и Москва занимают седьмую и восьмую позицию соответственно. В первую двадцатку входят 13 провинций Китая и 7 регионов РФ (табл. 3).

Таким образом, анализ полученных результатов свидетельствует о том, что уровень развития научно-технологического потенциала территорий Китая в среднем выше, чем в РФ. В то же время для обеих стран характерны значительные диспропорции в развитии отдельных территорий. Кроме того, для территорий Китая характерен более активный рост значений индикатора по сравнению с показателем 2011 г.

По уровню развития научно-технологического потенциала провинции Китая показывают более равномерное распределение, чем в России, однако низкий уровень имеют свыше половины субъектов, а в России – больше 90% (табл. 4). В Китае за 2011–2014 гг. количество регионов с низким уровнем НТП сократилось на 10 п.п., что, несмотря на незначительное уменьшение значений индексов регионов-лидеров, говорит о его общем росте. В России же наблюдается незначительный, но все же рост количества регионов с низким уровнем НТП. В разрезе подиндексов ситуация выглядит аналогичным образом. Наибольшее число субъектов России и Китая имеют низкие значения по трем блокам: «Исследования и разработки», «Кадры», «Технологии». Но в Китае, в отличие от России, наблюдается более равномерное распределение субъектов по значениям блоков.

По блоку «Исследования и разработки» высокий уровень отмечался только в Пекине (8,63 в 2014 г.; 8,62 в 2011 г.), два субъекта (в том числе Москва) имели уровень развития «выше среднего», пять – «средний», девять – «ниже среднего» (табл. 5). Стоит отметить, что в данном подиндексе из трех наблюдалось наиболее равномерное распределение субъектов как России, так и Китая.

Аналогичным образом выглядит ситуация и с подиндексом «Кадры» (табл. 6). Однако здесь общий уровень развития потенциала значительно ниже, чем в предыдущем случае: только один субъект достиг уровня развития кадрового потенциала «выше среднего» – Пекин (6,63). Причем по сравнению с показателями 2011 г. данный индекс снился на 0,45 ед. Два субъекта характеризуются средним уровнем развития потенциала, еще 15 территорий имеют уровень «ниже среднего». Кроме того, по большинству субъектов также наблюдается сокращение значений подиндекса.

Таблица 3. Рейтинг территорий России и Китая в 2011, 2014 гг. по уровню развития научно-технологического потенциала (первая 20-ка)

Территория	2011 г.		2014 г.		Изменение, 2014–2011 гг.	
	Значение индекса	Место в рейтинге	Значение индекса	Место в рейтинге	Отклонение, %	Изменение позиции
Пекин	7,89	1	7,72	1	97,79	0
Шанхай	6,81	2	6,76	2	99,22	0
Тяньцзинь	5,45	3	6,40	3	117,47	0
Жейян	4,43	5	5,57	4	125,72	1
Цзянсу	4,80	4	5,46	5	113,69	-1
Нижегородская область	3,66	8	4,24	6	115,65	2
Гуандун	3,49	9	4,06	7	116,11	2
Санкт-Петербург	3,69	7	3,60	8	97,81	-1
Москва	3,89	6	3,28	9	84,38	-3
Шаньдун	2,92	12	3,24	10	110,97	2
Московская обл.	3,22	10	3,11	11	96,76	-1
Чунцин	2,33	15	2,47	12	105,98	3
Аньхой	1,97	21	2,44	13	124,38	8
Хубэй	2,04	20	2,39	14	116,89	6
Ульяновская обл.	2,94	11	2,38	15	80,90	-4
Фуцзянь	2,17	18	2,31	16	106,68	2
Калужская область	2,92	13	2,29	17	78,63	-4
Томская область	2,52	14	2,17	18	86,01	-4
Ляонин	2,30	16	2,15	19	93,31	-3
Цзянси	1,63	26	2,13	20	130,89	6

Источник: составлено авторами на основе [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Таблица 4. Распределение субъектов РФ и Китая по индексу научно-технологического потенциала и значениям его блоков в 2011, 2014 гг., %

Индекс	Высокий		Выше среднего		Средний		Ниже среднего		Низкий	
	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.
Россия										
Индекс НТП	0	0	0	0	0	1,25	10	7,5	90	91,25
<i>Распределение субъектов по блокам НТП</i>										
Исследования и разработки	0	0	1,25	1,25	1,25	1,25	6,25	5	91,25	92,5
Кадры	0	0	1,25	0	2,5	1,25	7,5	12,5	88,75	86,25
Технологии	0	0	0	0	1,25	1,25	6,25	5	92,5	93,75
Китай										
Индекс НТП	0	0	6,45	9,68	9,68	9,68	22,58	29,03	61,29	51,61
<i>Распределение субъектов по блокам НТП</i>										
Исследования и разработки	3,23	3,23	9,68	3,23	3,23	12,90	22,58	16,13	61,29	64,52
Кадры	0	0	3,23	3,23	6,45	3,23	32,26	16,13	58,06	77,42
Технологии	0	0	9,68	12,90	6,45	6,45	25,81	25,81	51,61	54,84

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Рейтинг регионов России и Китая в 2011, 2014 гг. по блоку «Исследования и разработки» (первая 20-ка)

Регион	2011 г.		2014 г.		Изменение, 2014–2011 гг.	
	Значение индекса	Место в рейтинге	Значение индекса	Место в рейтинге	Место в рейтинге	Значение индекса
Пекин	8,62	1	8,63	1	100,13	0
Москва	6,94	2	6,29	2	90,62	0
Жейянг	6,04	5	6,18	3	102,34	2
Шанхай	6,41	4	5,16	4	80,51	0
Цзянсу	6,59	3	5,06	5	76,88	-2
Цзянси	3,03	11	5,02	6	165,95	5
Санкт-Петербург	4,91	6	4,83	7	98,26	-1
Тяньцзинь	4,04	7	4,22	8	104,57	-1
Гуандун	3,87	8	3,77	9	97,50	-1
Нижегородская обл.	3,03	12	3,74	10	123,66	2
Московская область	3,52	9	3,40	11	96,64	-2
Томская область	3,06	10	2,59	12	84,80	-2
Шаньдун	2,59	13	2,33	13	89,83	0
Фуцзянь	2,07	19	2,25	14	108,65	5
Аньхой	2,10	17	2,21	15	105,44	2
Калужская область	2,49	14	2,06	16	82,61	-2
Шэньси	2,11	16	2,06	17	97,25	-1
Чунцин	1,97	20	1,95	18	98,81	2
Новосибирская область	1,94	21	1,86	19	96,17	2
Ульяновская область	2,37	15	1,81	20	76,59	-5

Источник: составлено авторами.

Таблица 6. Рейтинг регионов России и Китая в 2011, 2014 гг. по блоку «Кадры» (первая 20-ка)

Регион	2011 г.		2014 г.		Изменение, 2014 – 2011 гг.	
	Значение индекса	Место в рейтинге	Значение индекса	Место в рейтинге	Место в рейтинге	Значение индекса
Пекин	7,08	1	6,63	1	93,74	0
Москва	6,36	2	6,00	2	94,33	0
Тибет	4,29	5	4,31	3	100,41	2
Санкт-Петербург	4,01	6	4,00	4	99,70	2
Тяньцзинь	3,97	7	3,64	5	91,73	2
Шанхай	4,53	3	3,58	6	78,91	-3
Томская область	3,78	9	3,57	7	94,56	2
Республика Татарстан	2,27	19	3,01	8	132,59	11
Камчатский край	1,59	43	2,89	9	181,58	34
Цинхай	3,82	8	2,59	10	67,95	-2
Московская область	2,11	21	2,42	11	114,46	10
Синцзян	2,99	10	2,38	12	79,62	-2
Воронежская область	2,42	15	2,37	13	98,09	2
Ивановская область	4,51	4	2,27	14	50,33	-10
Шэньси	2,64	12	2,21	15	83,65	-3
Новосибирская область	1,74	32	2,15	16	123,69	16
Ульяновская область	2,41	16	2,13	17	88,07	-1
Курская область	1,70	36	2,01	18	117,83	18
Цзянсу	2,32	18	1,93	19	83,40	-1
Самарская область	2,06	23	1,93	20	93,58	3

Источник: составлено авторами.

Судя по данным анализа заключительного подиндекса «Технологии и инновации», за 2011–2014 гг. произошел рост его значений в большинстве субъектов (табл. 7). Уровень «выше среднего» в 2014 г. был зафиксирован в 4 субъектах (все провинции Китая), в 3 субъектах отмечался «средний» уровень значений. Еще в 12 субъектах уровень подиндекса был «ниже среднего». Интересным является тот факт, что в первую двадцатку по блоку «Технологии и инновации» попало порядка 50% провинций Китая (14 ед.). Следовательно, можно сделать вывод о более высоком уровне технологического развития и инновационной активности в Китае по сравнению с Россией.

Таким образом, анализ значений индекса научно-технологического потенциала и подиндексов показал весьма существенный разрыв в уровне НТП между субъектами России, продолжающий усиливаться. В Китае ситуация аналогична, однако в период 2011–2014 гг. наблюдается сглаживание диспропорций, то есть с определенной долей уверенности можно гово-

рить о том, что в Китае политика по поддержке отстающих в развитии территорий имеет определенный эффект.

Результаты проведенных расчетов, а также наши более ранние исследования по данному вопросу [4, 5] позволяют отметить в качестве наиболее важных проблем в России следующее.

1. Наблюдается пространственный дисбаланс научно-технологического развития. Его кадровый потенциал, в силу исторически сложившихся особенностей, концентрируется в основном в Москве и Санкт-Петербурге (более 70%). В подавляющем большинстве регионов доля персонала, занятого в секторе исследований и разработок, в общем количестве занятого населения критически мала и не может существенным образом влиять на повышение инновационной активности и формирование соответствующих конкурентных преимуществ территорий.

2. Разрывы между наукой, бизнесом и образованием, фокусирование поддержки в большей степени на традиционном производстве, а не на

Таблица 7. Рейтинг регионов России и Китая в 2011, 2014 гг. по блоку «Технологии и инновации» (первая 20-ка)

Регион	2011 г.		2014 г.		Изменение, 2014–2011 гг.	
	Значение индекса	Место в рейтинге	Значение индекса	Место в рейтинге	Место в рейтинге	Значение индекса
Шанхай	7,74	1	7,76	1	100,22	0
Пекин	7,54	2	7,58	2	100,54	0
Тяньцзин	6,58	3	7,52	3	114,31	0
Цзянсу	4,72	4	6,11	4	129,38	0
Жейян	4,39	5	5,93	5	135,18	0
Нижегородская обл.	4,06	6	4,82	6	118,75	0
Гуандон	3,75	7	4,51	7	120,14	0
Шэньдон	3,35	8	3,80	8	113,63	0
Санкт-Петербург	2,81	12	3,15	9	111,86	3
Московская область	3,05	10	3,12	10	102,49	0
Чунцин	2,66	13	2,78	11	104,51	2
Хубэй	2,21	16	2,74	12	124,36	4
Анхой	1,98	20	2,71	13	136,36	7
Ульяновская область	3,01	11	2,60	14	86,43	-3
Калужская область	3,17	9	2,57	15	81,10	-6
Ляонин	2,41	14	2,47	16	102,54	-2
Фуцзянь	2,34	15	2,44	17	104,56	-2
Хунань	1,86	21	2,36	18	126,80	3
Шэньси	2,06	18	2,07	19	100,58	-1
Сахалинская область	0,09	102	1,98	20	2317,83	82

Источник: составлено авторами.

целях проникновения инноваций во все сферы экономики вызывают концентрацию большинства инноваций в ограниченном количестве видов экономической деятельности.

3. Несмотря на проведение активной политики в области научно-технологического развития, на практике по-прежнему не решены вопросы финансирования, не определены инструменты поддержки, недостаточно конкретно поставлены цели и задачи развития, целевые индикаторы не достигаются.

Хотя в Китае зафиксирован рост основных показателей научно-технологического развития, ему присущи определенные проблемы:

1. Отсутствие научно-технических кадров мирового уровня. Одной из наиболее важных проблем научно-технологического потенциала Китая является то, что, вопреки значительной численности персонала, крайне недостаточно талантливых исследователей и экспертов мирового уровня в области науки и техники.

2. Небольшое количество собственных прорывных инновационных продуктов, конкурентоспособных на международном уровне. Развитие новых отраслей промышленности, как показывает опыт, основано на производительных силах, созданных на базе прорывных технологий. Рыночная конкуренция – это конкурс технологий, патентов и стандартов. Тем не менее Китай по-прежнему остается преимущественно страной-«последователем» в научно-технологическом развитии, что не позволяет должным образом развивать производительные силы. Это ограничивает не только развитие новых отраслей, но и модернизацию промышленной структуры и реализацию национальной цели расширения внутреннего спроса.

3. Отсутствие полноценной рыночной среды, эффективно поддерживающей научно-технологическое развитие. Успешный мировой опыт показывает, что рынок служит эффективным механизмом распределения ресурсов и «мостом» между наукой и технологией и экономической деятельностью. Научно-технологическое развитие должно опираться на совершенствование современной сферы услуг, особенно услуг в области науки и инноваций. В этой части Китай имеет большой пробел, что является основным препятствием для развития научно-технологического потенциала и экономики, построенной на знаниях.

Несмотря на наличие указанных выше проблем, и Россия, и Китай обладают успешным опытом в развитии научно-технологического потенциала на региональном уровне. Анализ опыта субъектов-лидеров двух стран (согласно разработанному нами методическому инструментарию) дал возможность выявить схожие тенденции и определить перспективы (табл. 8).

Систематизация опыта развития научно-технологического потенциала в России и Китае позволила сделать следующие выводы.

1. Приоритетом в данной сфере должно являться развитие кадрового потенциала экономики. Опыт регионов-лидеров однозначно свидетельствует о необходимости совершенствования системы образования и подготовки научно-технических кадров. Это позволит повысить и эффективность вузовской науки.

2. Законы о научно-технологической, инновационной и промышленной деятельности в исследованных регионах-лидерах качественно проработаны, в стратегиях четко определены приоритетные направления научно-технологического потенциала, финансирование которых осуществляется как из национального, так и регионального бюджетов, отсутствует формализм при их реализации. Все это позволяет поддерживать научно-технологический потенциал на высоком уровне.

3. Важнейшим аспектом развития научно-технологического потенциала выступает необходимость наличия у субъекта развитого диверсифицированного промышленного комплекса, являющегося основным потребителем разрабатываемых технологий, и подготовленных кадров. Кроме того, конкурентоспособный промышленный комплекс может также осуществлять дополнительное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, что будет способствовать развитию НТП.

4. Развитие научно-технологического потенциала невозможно без развития логистической и инновационной инфраструктуры, которая обеспечивает организацию взаимодействия всех субъектов научно-технологической деятельности и вместе с тем «переток» знаний, технологий, опыта. Во всех исследованных регионах органы власти и управления уделяли значительное внимание информационно-аналитическому сопровождению развития научно-технологического потенциала.

Таблица 8. Систематизация опыта поддержки развития научно-технологического потенциала территорий России и Китая

№ п/п	Направление развития	Территории
1.	Стимулирование инновационной активности предприятий промышленности, модернизация производственных компаний, оптимизация структуры промышленности	Москва, Московская область, Ульяновская область, Пекин, Цзянсу
2.	Большое количество вузов и его рост	Москва, Нижегородская область, Пекин, Тяньцзинь, Чжэцзян, Цзянсу
3.	Развитие инновационной инфраструктуры, создание особых промышленных зон, формирование институтов поддержки и сопровождения инновационных проектов	Москва, Нижегородская область, Московская область, Ульяновская область, Пекин, Шанхай
4.	Развитие производственной логистики в регионах	Московская область, Ульяновская область
5.	Законодательное обеспечение в области регулирования правовых основ научно-технологической деятельности	Москва, Нижегородская область, Санкт-Петербург, Московская область, Ульяновская область, Пекин
6.	Законодательное обеспечение в области развития промышленности, определение направлений промышленной политики	Нижегородская область, Ульяновская область
7.	Финансирование ИКТ	Москва
8.	Создание благоприятного инвестиционного климата	Санкт-Петербург, Цзянсу, Чжэцзян
9.	Организация системы трансфера технологий и передачи результатов научно-исследовательской деятельности в реальный сектор экономики	Пекин, Шанхай
10.	Содействие в организации выставочно-ярмарочных мероприятий	Санкт-Петербург
11.	Применение системы льготного налогообложения для субъектов, осуществляющих научно-технологическую деятельность	Московская область
12.	Развитие кооперации между всеми участниками научно-технологической деятельности	Шанхай, Тяньцзинь, Чжэцзян, Пекин
Источник: составлено авторами на основе [5; 15;16; 17; 18; 19; 20; 21].		

Выводы и заключение

Апробация разработанного нами методического аппарата позволила выявить в России и Китае регионы-лидеры научно-технологического развития, а обобщенный опыт успешного выполнения мер по его поддержке дал возможность сформировать его основные направления, которые необходимо реализовать в отстающих субъектах. Это такие направления, как:

1. Развитие кадрового потенциала экономики за счет целенаправленной политики по подготовке научно-технических кадров начиная с начальной школы.

2. Разработка стратегических документов обеспечения развития научно-технологического потенциала на региональном уровне.

3. Стимулирование роста промышленного производства и диверсификации выпускаемой высокотехнологичной продукции.

4. Развитие логистической и инновационной инфраструктуры отстающих территорий.

Подводя итог, стоит отметить, что настоящее исследование имеет комплексный характер. Его результаты вносят вклад в развитие ме-

тодических аспектов оценки и сравнения научно-технологического потенциала России и зарубежных стран. Кроме того, выполнена значительная работа в области прикладной науки: проанализирован опыт системной работы федеральных и региональных органов власти и управления России и Китая по развитию научно-технологического потенциала. Разработан и представлен перечень инструментов и мер по активизации процессов научно-технологического развития отстающих территорий этих стран.

Дальнейшими этапами исследования будет совершенствование математического аппарата оценки научно-технологического потенциала территорий, анализ трендов развития сотрудничества между Россией и Китаем в научно-технологическом плане, а также расширение и детализация разработанной нами системы мероприятий по активизации рассматриваемых процессов. Важность полученных результатов заключается в возможности их применения при разработке стратегических документов федерального и регионального значения, опре-

делении механизмов и системы методов государственного регулирования развития научно-технологического потенциала, а также в возможности использования методических аспектов проведенного исследования при изучении других стран.

Литература

1. Алферьев Д.А. Прогноз развития инновационной активности в России // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 201-213.
2. Герасимов А.В. Инновационный потенциал как основа экономического развития регионов России // Бизнес в законе: экономико-юридический журнал. 2011. № 6. С. 296-299.
3. Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Научно-технический потенциал России. Часть II. М.: ЦИСН, 2003. 122 с.
4. Мазилев Е.А. Развитие промышленного комплекса в контексте модернизации экономики региона / под науч. рук. д.э.н. К.А. Гулина. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
5. Научно-технологический потенциал территорий и его сравнительная оценка / К.А. Гулин, Е.А. Мазилев, И.В. Кузьмин, Д.А. Алферьев, А.П. Ермолов // Проблемы развития территории. 2017. № 1. С. 7-26.
6. Емешкина М.С. Взаимодействие России и Китая в области научно-технического сотрудничества: к вопросу об историографии исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1 (8). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-rossii-i-kitaya-v-oblasti-nauchno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-k-voprosu-ob-istoriografii-issledovaniya> (дата обращения: 18.10.2017).
7. Алферьев Д.А. Инновационная активность организаций – основа научно-технологического развития экономики // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика : материалы IV междунар. науч.-практ. конф., г. Череповец, 27–28 мая 2016 года. Череповец : Филиал СПбГЭУ в г. Череповце, 2016. С. 62-66.
8. Официальный сайт Всемирного банка. Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/IP.JRN.ARTC.SC?end=2013&locations=CN&name_desc=true&start=1981&view=chart.
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: www.gks.ru.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат М., 2016. 900 с.
11. Official site of Eurostat / Eurostat. 2016. Available from: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/science_technology_innovation/data/main_tables.
12. Science and Technology/Community Innovation Survey / Eurostat. 2012. Available from: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database.
13. The measurement of scientific and technological activities. Oslo manual. Guidelines for collecting and interpreting innovation data / Organization for Economic Co-operation and Development; Statistical Office of the European Communities. Paris: OECD, 2005. 163 p.
14. Jarunee Wonglimpiyarat Innovation index and the innovative capacity of nations // Futures. 2010. № 42 (3). P. 247-253.
15. Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л.А. Национальная научно-технологическая политика «быстрого реагирования»: рекомендации для России : аналитич. доклад. М.: Дело, 2016. 160 с.
16. Chen Xionghui, etc. The research of regional innovation capability measure in Guangdong province which Based on the theory of complex network [J] // Scientific and technological progress and countermeasures, 2010 (20), p. 121-124.
17. Guan Jiancheng, Liu Shuzhong. Comparing regional innovative capacities of PR China-based on data analysis of the national patents[J]. Technology Management, 2005, 32: p. 225-245.
18. Xielin Liu and Steven White, 2001a, «An Exploration Into Regional Variation in Innovative Activity in China», International Journal of Technology Management, Vol.21, 1/2, p. 114-129.
19. Xielin Liu and Steven White, 2001b, “Comparing Innovation Systems: A Framework and Application to China’s Transitional Context”, Research Policy, 30, p.1091-1114.
20. Li Xibao, China’s regional innovation capacity in transition: an empirical approach [J]. Research Policy, 2009, 38 (2): p. 338-357.
21. Xin Xie, Fangfang Liu Analysis on Regional Technology Innovation Efficiency Evaluation and Influence Factors in China // International Journal of Business and Management. 2015. № 10 (3). Available at: <http://dx.doi.org/10.5539/ijbm.v10n3p169>.

Сведения об авторах

Евгений Александрович Мазилев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр (наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eamazilov@mail.ru)

Шэн Фанфу – научный сотрудник, Академия общественных наук Цзянси (330077, Китай, Цзянси, Наньчан, North Hongdu Avenue, 649; e-mail: shengff1986@126.com)

Статья поступила 20.11.2017.

Mazilov E.A., Sheng Fangfu

Scientific and Technological Potential of the Territories of Russia and China: Assessment and Development Prospects

Abstract. Russia and China are among the world's leading powers, and they exert significant impact on the world economy and the world's largest markets. In addition, these countries are global scientific centers and occupy leading positions in several branches of science. The intensification of cooperation between Russia and China in recent years is a reason for a growth of interest in studying their scientific and technological potential and finding possible points of interaction in this direction. The problems of socio-economic and scientific and technological development of both countries have much in common, and this fact also increases the interest in its comparative evaluation and the study of the experience of overcoming current problems. In this regard, the goal of the study is to assess the scientific and technological potential and identify areas of its development in Russia and China. Proceeding from the goal, the article studies theoretical aspects of scientific and technological development of territories and provides our own interpretation of the concept "scientific and technological potential" based on the combined option that unites the resource-based and effective approaches to this economic category. We develop a technique for comparative assessment of scientific and technological development of territories of two (and more) countries, allowing the regions to be ranked according to the level of scientific and technological potential on the basis of an integral index providing a comprehensive assessment of territories' potential. We also use the technique to assess the drivers of scientific and technological development of territories of the two countries and reveal the problems typical of both Russia and China. We present the results of systematization of the experience of their constituent entities leading in scientific and technological development; this experience proves that the government engages in systematic work to support the development of science and technology. In conclusion we emphasize once again the presence of a significant differentiation of scientific and technological development of regions in the countries under consideration. At the next stages of the research, we plan to develop a system of measures for all their subjects grouped according to the level of scientific and technological development.

Key words: scientific and technological potential, assessment technique, problems, differentiation, territories, development directions.

Information about the Authors

Evgenii A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eamazilov@mail.ru)

Sheng Fangfu – Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: shengff1986@126.com)

Экономическая активность регионов России*

**Светлана Николаевна
РАСТВОРЦЕВА**

Высшая школа экономики

Москва, Российская Федерация, 101000, ул. Мясницкая, 20

E-mail: srastvortseva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам размещения производительных сил в регионах России, на которое оказывают влияние не только факторы «первой природы» – наличие полезных ископаемых, плодородных земель, выгодное географическое положение, но и факторы «второй природы», в частности вероятность возникновения агломерационных эффектов от скученности и возможность экономии на масштабе. Анализ географической концентрации и региональной специализации отражает общие тенденции размещения промышленного производства, инвестиций и трудовых ресурсов, дает необходимую информационную основу для проведения сбалансированной экономической политики. Целью исследования является теоретическое обоснование и анализ размещения производительных сил в части оценки концентрации и специализации регионов России в динамике. В работе раскрыты терминологические аспекты понятий концентрации, агломерации, специализации, экономики локализации и урбанизации. В качестве методического инструментария оценки в исследовании использовались коэффициент локализации, индексы концентрации и специализации Херфиндаля–Хиршмана и Кругмана, индекс Джини. Научная новизна исследования заключается в формировании терминологического аппарата теории размещения производительных сил (location theory), а именно определении агломерации как процесса сосредоточения деятельности в регионе, который поддерживается круговой логикой на нескольких уровнях с разграничением ее двух типов – «экономики локализации» и «экономики урбанизации», в выделении относительного и абсолютного видов географической концентрации. Элементы научной новизны содержит методологическая часть исследования: в систему традиционных показателей оценки концентрации и специализации региональной экономики предлагается включить соответствующие индексы П. Кругмана, близкие по содержа-

* Исследование поддержано грантом Президента, проект № МД-5717.2016.6.

Для цитирования: Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 84-99. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.6

For citation: Rastvortseva S.N. Economic activity in Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 84-99. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.6

нию индексам Херфиндаля–Хиршмана, но в большей степени отражающие неоднородность развития, а коэффициент локализации рекомендуется использовать для выявления потенциально возможных на территории экономических кластеров при принятии решений в процессе управления регионом. Выявлена высокая концентрация инвестиций и промышленного производства в российских регионах, стабильная тенденция повышения показателя по численности трудовых ресурсов. Данная ситуация приводит к усилению межрегионального неравенства. В обрабатывающей промышленности произошло сокращение занятых. Склонность к концентрации определена в целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности, металлургии, производстве транспортных средств и оборудования, химическом производстве. К регионам с высоким уровнем специализации отнесены Камчатский край, Чукотский автономный округ, Сахалинская, Магаданская, Ивановская и Липецкая области. Полученные результаты могут быть использованы в научных исследованиях для анализа размещения производительных сил, оценки развития агломерационных процессов, как рекомендации при проведении экономической политики в регионах.

Ключевые слова: новая экономическая география, региональная экономика, теории размещения, концентрация экономической активности, регионы России.

Введение. Изучение тенденций территориального размещения производительных сил, возникающих и развивающихся процессов концентрации и агломерации экономической активности, изменений региональной специализации позволяет прицельно проводить региональную политику. Важно понимать, какие условия должны создаваться для привлечения новых производств; какова будет численность населения в будущем и за счет чего произойдет ее изменение; получит ли должный эффект предоставление субсидий; какие транспортные направления необходимо развивать в первую очередь. На сегодняшний день теории размещения производительных сил доказали свою несостоятельность: факторы «первой природы» перестали объяснять эффективность развития многих видов экономической деятельности и их сосредоточение в отдельных регионах. На почве совершенствования имеющихся научных положений в данной области возникли такие ультрасовременные течения в науке, как новая экономическая география, новая и новейшая теории международной торговли, создаются предпосылки для их объединения в единую доктрину. Происходит постоянное тестирование теоретических положений в регионах стран мира.

Вопросы размещения производительных сил актуальны сегодня на мировом уровне. Промышленное производство сосредоточено в крупных городах, лидирующих регионах и некоторых странах, половина мировой промыш-

ленности локализуется на 1,5% территории. Каир, производящий более половины ВВП Египта, занимает 0,5% площади страны. Три юго-центральных региона Бразилии с долей в площади страны в 15% производят более половины ВВП. Три четверти объемов мировой экономики приходится на страны Северной Америки, Европейского союза и Японии, в которых проживает менее миллиарда населения¹. Москва занимает 0,015% территории России, ее доля в обрабатывающей промышленности составляет 14,5%².

Актуальность исследования размещения производительных сил вызвана и высоким уровнем неравенства как среди стран, так и на внутристрановом региональном уровне.

Вопросы концентрации, агломерации и специализации поднимались в работах российских исследователей. Были выявлены специфические особенности, во многом не противоречащие положениям современных научных доктрин:

1) уровень пространственной концентрации в российских регионах увеличивается как

¹ World Development Report 2009. Reshaping economic geography. Retrieved April 18, 2017, from <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991>

² На 01.01.2016 г. Рассчитано автором по данным: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 442 с., с. 106-107; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с., с. 18.

минимум по показателям ВРП, занятости и численности населения (Коломак, 2014);

2) происходит становление системы отношений «ядро—периферия», когда ресурсы имеют тенденцию перемещаться в регионы с большей концентрацией производства, что значительно усиливает территориальную дифференциацию (Растворцева, 2013);

3) положительные эффекты распространяются на все населенные пункты, входящие в городскую агломерацию, при должном развитии транспортной инфраструктуры (Gonchar, 2010); экономический рост имеет тенденцию выходить за пределы границы региона и распространяться на соседние регионы (для всей территории России) и далее — только для западной части страны (Коломак, 2010);

4) агломерационные процессы в регионах стимулируют повышение производительности труда, оказывают прямое влияние на благосостояние населения; процессы концентрации экономической активности сопровождаются притоком трудовых ресурсов и, в последующем, снижением уровня заработной платы (Растворцева, 2013);

5) на социально-экономическое развитие оказывает влияние фактор расположения региона относительно национальной границы: в «лучших» условиях находятся регионы, граничащие с бывшими советскими республиками, в «худших» — с морскими границами (Растворцева, Усманов, 2015);

6) функционирование предприятий в условиях агломерационных процессов увеличивает средний размер выручки на 3,8% в год (Воробьев и др., 2014); на данном уровне большее значение для эффективности играет внутренняя отдача от масштаба, нежели внешняя (Gonchar, 2010).

Целью исследования, результаты которого положены в основу данной статьи, является теоретическое обоснование и анализ размещения производительных сил в части оценки концентрации и специализации регионов России в динамике.

Научная новизна исследования заключается в формировании терминологического аппарата теории размещения производительных сил, а именно определении агломерации как процесса сосредоточения деятельности в регионе, под-

держиваемого круговой логикой на нескольких уровнях с разграничением ее двух типов — «экономики локализации» и «экономики урбанизации», в выделении относительного и абсолютного видов географической концентрации. Элементы научной новизны содержит методологическая часть исследования: в систему традиционных показателей оценки концентрации и специализации региональной экономики предлагается включить соответствующие индексы П. Кругмана, близкие по содержанию индексам Херфиндаля—Хиршмана, но в большей степени отражающие неоднородность развития, а коэффициент локализации рекомендуется использовать для выявления потенциально возможных на территории экономических кластеров при принятии решений в процессе управления регионом.

Статья построена следующим образом. В первом разделе представлена терминология исследования — раскрыты понятия концентрации, агломерации и специализации. Ввиду того что в российской экономической науке агломерации можно рассматривать двояко, данная категория рассмотрена более подробно во втором разделе статьи. В работе представлена методология исследования (раздел 3) и результаты анализа агломерационных процессов в регионах России (раздел 4). В заключительной части сделаны выводы.

1. Концентрация, агломерация, специализация: вопросы терминологии. Современная экономическая наука рассматривает положения теорий размещения производительных сил в двух основных направлениях: с позиции новой экономической географии (в рамках изучения и объяснения концентрации экономической активности в отдельных регионах) и с позиции новой теории торговли (объяснение положения приграничных регионов при конкретных условиях торговли). Проверка адекватности теоретических положений в региональной экономике стран мира позволит привнести новые аспекты в развитие данной области знаний, послужит не только предметом дополнительных исследований, но и основой для пересмотра и дополнения теорий размещения производительных сил.

Размещение производительных сил в регионе характеризуется уровнем концентрации,

агломерации и специализации. Если последняя однозначно трактуется относительно региона и оценивает степень доминирования какого-либо вида экономической деятельности (или равномерное ее распределение), то различия между концентрацией и агломерацией в литературе не столь очевидны. Для начала рассмотрим, что такое концентрация.

Концентрация определяется в отношении вида экономической деятельности, сектора, подсектора, промышленной группы и т.п. и означает степень сосредоточения или разреженности промышленного производства в рамках конкретной территории. Необходимо различать абсолютную и относительную концентрацию. Сектор промышленности является *абсолютно сконцентрированным*, если несколько стран, независимо от их размеров, составляют довольно значимые доли в общем объеме данного производства (Midelfart-Knavik et al., 2000). Сектор промышленности является *относительно сконцентрированным*, если какой-то один вид деятельности отличается от тех, которые в среднем наиболее распространены в объемах промышленного производства в странах. Неоклассическая теория обычно имеет дело с относительной концентрацией, новая экономическая география — с абсолютной, новая теория торговли предусматривает оба вида (Naaland et al., 1999).

Мы считаем, что концентрация отражает распределение в географическом пространстве конкретных видов экономической деятельности, в то время как *агломерация* свидетельствует о целесообразности размещения совершенно разных видов активности на общей территории. Например, черная и цветная металлургия в Свердловской области — это концентрация, а сосредоточение предприятий разных отраслей в Белгородской области — это агломерация. И концентрация, и агломерация могут иметь место в одном и том же регионе, но агломерация является более общим процессом, так как обычно затрагивает несколько отраслевых срезов. Считаем, что правомерно будет утверждение, что «агломерационный процесс — это концентрация экономической активности в регионе (в городе) в динамике», но нельзя сказать, что концентрация — это обязательно агломерационный процесс.

2. Понятие агломерации и ее виды. Ввиду того что в кругу экономистов и географов термин «агломерация» ассоциируется скорее с городскими агломерациями (определенный тип системы расселения, состоящий из нескольких городов), мы предлагаем остановиться подробнее на данной научной категории. Агломерация — это сосредоточение, «скупивание» экономической деятельности, созданное и поддерживаемое круговой логикой на многих уровнях: от местных торговых районов, обслуживающих близлежащие жилые области в городах, до специализированных экономических регионов, таких как Силиконовая Долина или Лондон-Сити, обслуживающих мировой рынок в целом (Fujita et al., 1999, p.1)³.

Термин «агломерация» (*agglomeration*) был введен впервые Альфредом Вебером в 1905 году для обозначения возникающего взаимного притяжения между предприятиями, располагающимися в одной местности. Сегодня в экономической литературе проводится четкое разграничение двух типов агломерации (в зависимости от возникающих экстерналий) — размещение в одном месте предприятий одного вида деятельности и разных.

В первом случае принято говорить об «экономике локализации» (*localization economics*). Здесь возникают эндогенные эффекты от специализации (экстерналии размещения) и появляются экзогенные источники дополнительной выгоды. Предприятия одного вида деятельности получают агломерационные эффекты, располагаясь в одном регионе, от совместного использования различных объектов — торговых ассоциаций, учебных институтов и т.д. Пионером в данной области исследования был А. Маршалл. Он показал, что взаимодействия между предприятиями на одной территории приводят к росту производительности всех факторов производства. Эмпирически такая агломерация оценивается показателями концентрации.

³ В оригинале: Agglomeration — the clustering of economic activity, created and sustained by some sort of circular logic—occurs at many levels, from the local shopping districts that serve surrounding residential areas within cities to specialized economic regions like Silicon Valley (or the City of London) that serve the world market as a whole.

Во втором случае, когда предприятия разных видов экономической деятельности предпочитают размещаться в одном географическом месте, принято говорить об «экономике урбанизации» (urbanization economics). Именно здесь происходит пересечение термина с «городской» агломерацией, более принятой в российской экономической географии. Выгоды предприятий возрастают от сосредоточения экономической деятельности и связаны уже с разнообразием. Ключевой принцип, лежащий в основе экономического механизма возникновения агломерационного процесса в регионе, заключается в том, что при производстве разнообразных потребительских и промежуточных товаров определенное значение имеют три группы факторов: возрастающая отдача на уровне отдельного предприятия, транспортные издержки и миграция рабочей силы (а значит, и потребителей). Предприятия получают агломерационные эффекты не только от большого числа поставщиков и производителей, но и от использования преимуществ присутствия банков, университетов, развитого рынка труда и т.д.

Выделяют три вида агломерационного эффекта (для фирм). Первый – возможность совместного использования локальных объектов, услуг поставщиков сырья и промежуточных товаров, трудовых ресурсов (Scotchmer, 2002; Puga, 2010). Второй – широкое предложение со стороны поставщиков промежуточных товаров позволяет производителям сократить транзакционные издержки (Rosenthal, Strange, 2001). Третий – объединение рабочей силы позволяет снизить возможные проявления разнообразных шоков (Overman, Puga, 2009; Combes, Duranton, 2006; Rosenthal, Strange, 2004). Агломерационные процессы в регионе характеризуются экономическими отношениями между производителями, ослабевающими с ростом расстояния между ними (Fujita, Ogawa, 1982).

3. Методология исследования. Для анализа размещения определенных видов экономической деятельности в регионах мы можем использовать традиционный показатель локализации:

$$LQ = \frac{\frac{E_{ij}}{E_i}}{\frac{E_j}{E}} = \frac{\frac{E_{ij}}{E_j}}{\frac{E_i}{E}}, \quad (1)$$

где LQ – коэффициент локализации;

E_{ij} – численность занятых в секторе экономики j в регионе i ;

E_i – общая численность занятых в регионе i ;

E_j – численность занятых в секторе экономики j ;

E – общая численность занятых в стране;

j – сектор экономики;

i – регион.

Коэффициент локализации показывает, во сколько раз концентрация конкретного вида экономической деятельности превышает средний показатель по стране. То есть коэффициент локализации характеризует регион относительно специфики промышленного производства. Расчеты показателя можно производить не только по численности занятых в секторе экономики, но и по объему выпуска и стоимости основных фондов.

Данный коэффициент имеет хорошее прикладное назначение и широко используется в рамках разработки и проведения региональной экономической политики. Ранее в работе (Rastvortseva & Cherepovskaya, 2013) нами была предложена и апробирована методика с применением коэффициента локализации, позволяющая выявлять в регионе потенциальные кластеры. Например, в Белгородской области эмпирически было выявлено пять экономических кластеров: агропромышленный, добывающий, металлургической промышленности, по производству машин и оборудования и строительный.

Еще одним методическим инструментом анализа размещения производительных сил является индекс Херфиндаля–Хиршмана (*Herfindahl–Hirschman Index (HHI)*). Для его расчета в качестве исходных показателей, по которым будет проводиться оценка, определим объем промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал и численность занятых в экономике:

$$HHI = \sum_{i=1}^n x_i^2 \quad HHI = \sum_{i=1}^n x_i^2, \quad (2)$$

где x_i – доля региона i в общем объеме совокупности.

Индекс Херфиндаля–Хиршмана может использоваться для оценки и географической концентрации (HHI_j^C), и региональной специализации (HHI_i^S):

$$HHI_j^C = \sum_{i=1}^n \left(\frac{E_{ij}}{E_j} \right)^2, \quad (3)$$

$$HHI_i^S = \sum_{j=1}^m \left(\frac{E_{ij}}{E_i} \right)^2, \quad (4)$$

Индекс Херфиндаля–Хиршмана считается абсолютной мерой концентрации или специализации. Индекс возрастает с увеличением степени концентрации или специализации, достигая верхнего предела 1 в том случае, когда отрасль j сосредоточена в одном регионе или регион i специализируется только в одной отрасли. Основным недостатком индекса является чувствительность его нижнего предела к числу наблюдений: самый низкий уровень концентрации составляет $1/n$ (когда все регионы имеют равные доли в отрасли j), а самая низкая специализация – $1/m$ (когда все виды экономической деятельности имеют равные доли в области i). В качестве абсолютной меры этот показатель имеет еще один важный недостаток: крупные по показателю регионы из-за их большого удельного веса в значительной степени влияют на изменения в концентрации/специализации (индекс смещается в сторону больших регионов).

Степень концентрации экономической активности в регионе оценивается индексом Джини (*Gini index* (G)):

$$G = 1 - 2 \sum_{i=1}^k dx_i dy_i^n + \sum_{i=1}^k dx_i dy_i, \quad (5)$$

где dx_i – доля i -ой группы в общем объеме совокупности;

dy_i – доля i -ой группы в общем объеме признака;

dy_i^n – накопленная доля i -ой группы в общем объеме признака.

Коэффициент Джини изменяется от 0 до 1.

Индекс неоднородности Кругмана (*Krugman Dissimilarity Index* (KDI)) считается относитель-

ной мерой концентрации или специализации. Индекс Кругмана дает оценку концентрации по отдельным секторам экономики (KDI_j^C) и специализации по регионам (KDI_i^S):

$$KDI_j^C = \sum_{i=1}^n \left| \frac{E_{ij}}{E_j} - \frac{E_i}{E} \right|, \quad (6)$$

$$KDI_i^S = \sum_{j=1}^m \left| \frac{E_{ij}}{E_i} - \frac{E_j}{E} \right|. \quad (7)$$

Относительный показатель специализации/концентрации Кругмана используется для сравнения одного региона/сектора с экономикой страны в целом. Значение показателя варьируется в диапазоне от 0 (идентичные территориальные/отраслевые структуры) до 2 (совершенно неоднородные структуры).

Индексы концентрации CR_3 , CR_4 , CR_5 показывают, какая доля занятых в промышленном секторе сконцентрирована в трех, четырех или пяти наиболее крупных по этому показателю регионах:

$$CR_{3j} = \sum_{i=1}^3 \frac{E_{ij}}{E_j}, \quad (8)$$

$$CR_{4j} = \sum_{i=1}^4 \frac{E_{ij}}{E_j}, \quad (9)$$

$$CR_{5j} = \sum_{i=1}^5 \frac{E_{ij}}{E_j}, \quad (10)$$

Нами было проведено исследование по 83 регионам России (не вошли Республика Крым и город Севастополь по причине недостаточности статистических данных). Данные по Архангельской и Тюменской областям принимались отдельно, без включения автономных округов. Автономные округа учитывались как отдельные субъекты федерации. Динамика географической концентрации в регионах России по индексу Херфиндаля–Хиршмана и неравенства регионов по индексу Джини были определены за период с 1990 по 2015 г. Исследование географической концентрации промышленного производства по видам деятельности по индексу Херфиндаля–Хиршмана и по индексу

неоднородности Кругмана было проведено за период с 2009 по 2015 г. Анализ индекса специализации проведен за 2009–2015 гг. В качестве исходной информации использовались официальные данные Федеральной службы государственной статистики России (www.gks.ru), в том числе статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2002–2016 гг. и база данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Результаты анализа агломерационных процессов в регионах. Динамику индекса Херфиндаля–Хиршмана мы рассчитали по трем показателям: объему промышленного производства, инвестициям в основной капитал и численности занятых в экономике. Результаты по российским регионам в 1990–2015 гг. представлены на *рисунке 1*.

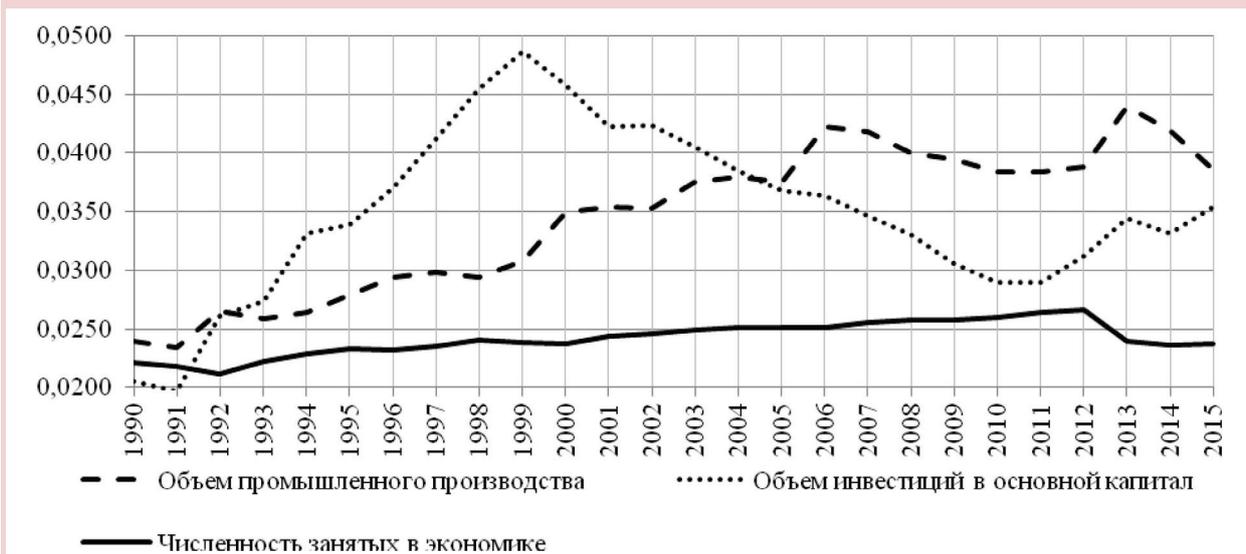
Как видно на рисунке, наибольшую степень концентрации регионы России имеют по показателю инвестиций в основной капитал. До 1999 г. индекс концентрации стабильно увеличивался до 0,0486, затем до 2010 г. имел тенденции снижения до 0,029 и в дальнейшем уже не превышал отметки 0,0345 (2013 г.).

Наименьший показатель концентрации, но со стабильной тенденцией роста имеет место по численности занятых в экономике. Считаем, что в связи со значительными размерами территории страны население России не отличается высокой мобильностью. Однако даже низкая мобильность приводит к постепенному росту концентрации трудовых ресурсов в отдельных регионах, а следовательно, и к росту социально-экономического неравенства. Исключение составляет 2013 год, когда индекс Херфиндаля–Хиршмана снизился с 0,0266 до 0,0239 единицы.

Высокую степень концентрации регионы имеют по показателю объема промышленного производства. Он более чутко реагирует на воздействие глобализационных факторов: до 2006 г. степень его концентрации в регионах России имела стабильную тенденцию к возрастанию, затем плавно снижалась до 2010 года. Индекс Херфиндаля–Хиршмана варьируется на протяжении анализируемого периода (от наименьшего значения 0,0234 в 1991 г. до максимальной отметки 0,0439 в 2013 г.).

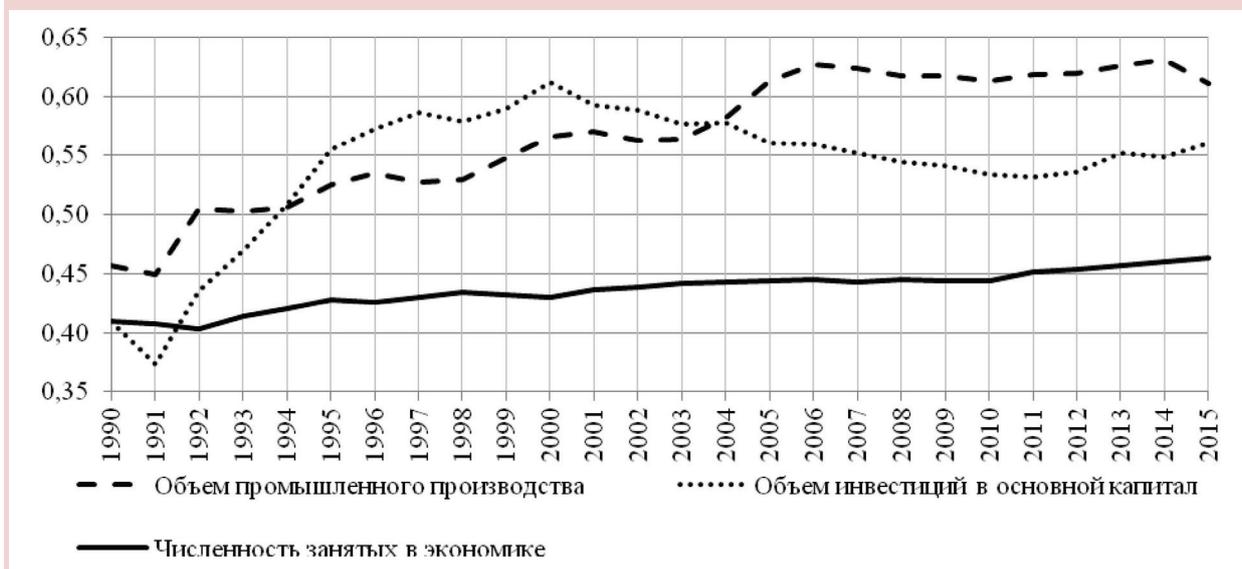
Рассмотрим динамику индекса Джини по этим же показателям (*рис. 2*).

Рис. 1. Динамика географической концентрации в регионах России в 1990–2015 гг., индекс Херфиндаля–Хиршмана

Источник: рассчитано по данным: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>

Рис. 2. Динамика неравенства регионов России в 1990–2015 гг., индекс Джини

Источник: рассчитано по данным: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).
URL: <https://www.fedstat.ru>

Динамика неравенства регионов России по социально-экономическим показателям имеет схожий рисунок, что и концентрация. Индекс Джини по численности занятых в экономике практически полностью повторяет траектории развития индекса Херфиндаля–Хиршмана, имеет стабильный рост, по своему значению уступает показателям промышленного производства и инвестиций. Можно отметить, что некоторое снижение степени концентрации занятых в экономике в 2013 г. не повлияло на положительную динамику роста неравенства регионов по показателю.

Высокая степень концентрации инвестиций в основной капитал в 1999 г. привел к максимальному уровню межрегионального неравенства в 2000 г. В целом траектории динамики показателей схожи, но амплитуда колебаний индекса Джини несколько менее выражена.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно концентрации и неравенства регионов России по показателю промышленного производства. Мы можем сделать вывод, что повышение концентрации приводит к усилению межрегионального неравенства.

Рассмотрим процессы концентрации экономической активности в промышленном секторе более подробно. Для этого мы можем оценить динамику доли региона в численности занятых в обрабатывающей промышленности. За период с 2002 по 2014 г. произошло общее сокращение численности на 28,23%; увеличение удельного веса имело место в 38 регионах страны (безусловно, за счет снижения в других регионах). Особенно можно отметить Московскую область (ее доля возросла на 1,37%), Новосибирскую (0,48%), Республику Татарстан (0,47%), Белгородскую (0,45%), Челябинскую (0,44%), Калужскую (0,42%), Калининградскую (0,38%), Омскую (0,30%), Свердловскую (0,29%), Ленинградскую (0,28%), Ростовскую (0,28%) области. Суммарно доля перечисленных одиннадцати регионов в общей численности занятых в обрабатывающей промышленности увеличилась на 5,16%, и мы однозначно можем говорить о развитии процессов концентрации промышленного производства, а если доля региона увеличивается сразу по нескольким секторам экономики, то и о наличии агломерации.

Положения экономической теории указывают на то, что концентрация экономической активности повышает общую эффективность использования ресурсов, приводит к получению дополнительных выгод и в целом положительно отражается на развитии экономики. Но мы должны понимать, что рост концентрации приводит к усилению межрегионального неравенства, сначала по экономическим, а потом и по социальным показателям. Регионы, которые становятся менее привлекательными для работников, инвестиций и других ресурсов, для развития промышленного производства (а значит, и вспомогательных видов деятельности), становятся реципиентами экономики. Возникающие затраты на поддержание таких территорий снижают выгоды, получаемые от концентрации экономической активности в регионах-лидерах. Именно поэтому мы считаем, что в целом высокая степень концентрации экономической активности в отдельных регионах не может позитивно отражаться на развитии национальной экономики и социальной сферы. Принимая во внимание обширность территории России и наличие межрегиональной дифференциации по социальным и экономическим показателям, необходимо проводить мониторинг возникновения и развития агломерационных процессов, которые могут усилить имеющиеся дисбалансы.

Важно понимать, какие виды экономической деятельности имеют специфику концентрироваться на отдельных территориях, а какие – перспективы развития в любом регионе. Склонность к концентрации объясняется двумя факторами: возможностью получения дополнительной прибыли за счет эффекта масштаба и близостью к ресурсам (полезные ископаемые, высококвалифицированный труд и т.д.). Предлагаем рассмотреть эти виды деятельности на примере обрабатывающей промышленности. Для этого рассчитаем динамику абсолютного (индекс Херфиндаля–Хиршмана, *рис. 3*) и относительного (индекс Кругмана, *рис. 4*) показателей географической концентрации (по численности занятых в секторах промышленного производства).

Индекс Херфиндаля–Хиршмана оценивает абсолютную концентрацию определенных видов обрабатывающей промышленности. Традиционно имеют тенденцию сосредотачиваться

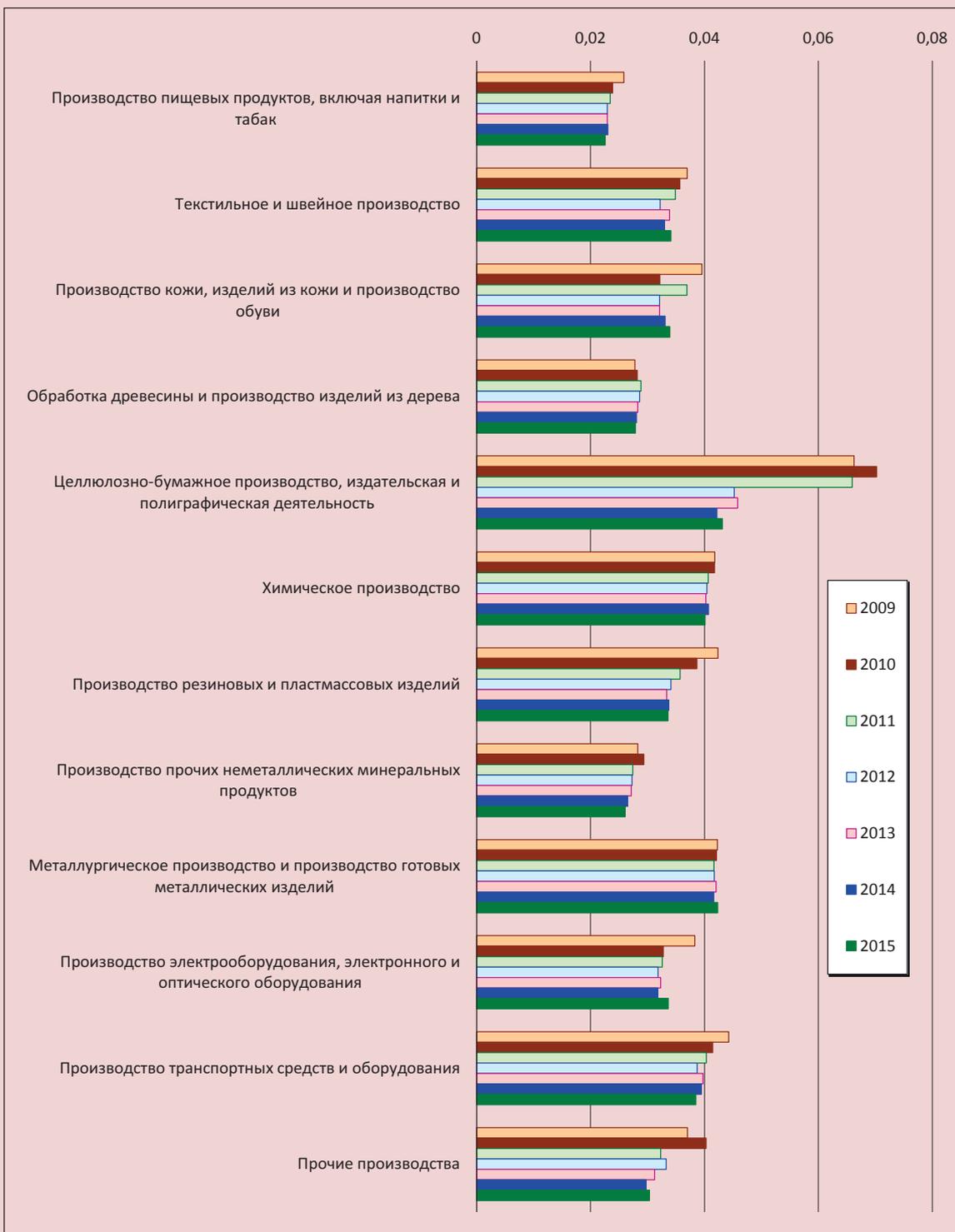
на отдельных территориях предприятия целлюлозно-бумажного производства, издательской и полиграфической деятельности, металлургии, производства транспортных средств и оборудования, химическое производство. Равномерно распределены в регионах страны пищевая промышленность, обработка древесины и производство изделий из дерева, производство неметаллических минеральных продуктов. Близкие выводы можно сделать и по относительному показателю концентрации – индексу неоднородности Кругмана.

Географическая концентрация трудовых ресурсов в производстве пищевых продуктов невысока: индекс Херфиндаля–Хиршмана составляет 0,023–0,026 единицы, индекс Кругмана – 0,32–0,34 единицы. Отметим, что в целом по России численность занятых в этом секторе стабильно сокращается. Снижение концентрации в последние годы происходит за счет ослабления позиций регионов-лидеров 2009 года: г. Москвы (ее доля сократилась с 7,46% в 2009 году до 4,29% в 2015 г.), Краснодарского края (с 6,15 до 5,72%), г. Санкт-Петербурга (с 3,11 до 2,5%). Отметим, что увеличилась доля в производстве Республики Татарстан, Алтайского край, Белгородской и Воронежской областей. Доля Московской области почти не изменилась (в среднем 5,95%). Всего в четырех регионах (CR_4) в 2015 году было занято почти 14% работников производства пищевых продуктов, в трех (CR_3) – почти 11%.

Снижается абсолютная концентрация в текстильном и швейном производствах. Индекс Херфиндаля–Хиршмана имел максимальное значение (0,037) в 2009 г., минимальное (0,032) – в 2012 г. Индекс Кругмана колеблется в пределах 0,49–0,52 и имеет некоторую тенденцию роста. Отметим, что 31,18% работников текстильного и швейного производства сосредоточены в пяти регионах (CR_5). Лидерами в данном секторе являются Ивановская область (ее доля незначительно сокращается) и Московская (доля увеличивается). Растет доля Ростовской и Владимирской областей, снижается доля г. Москвы.

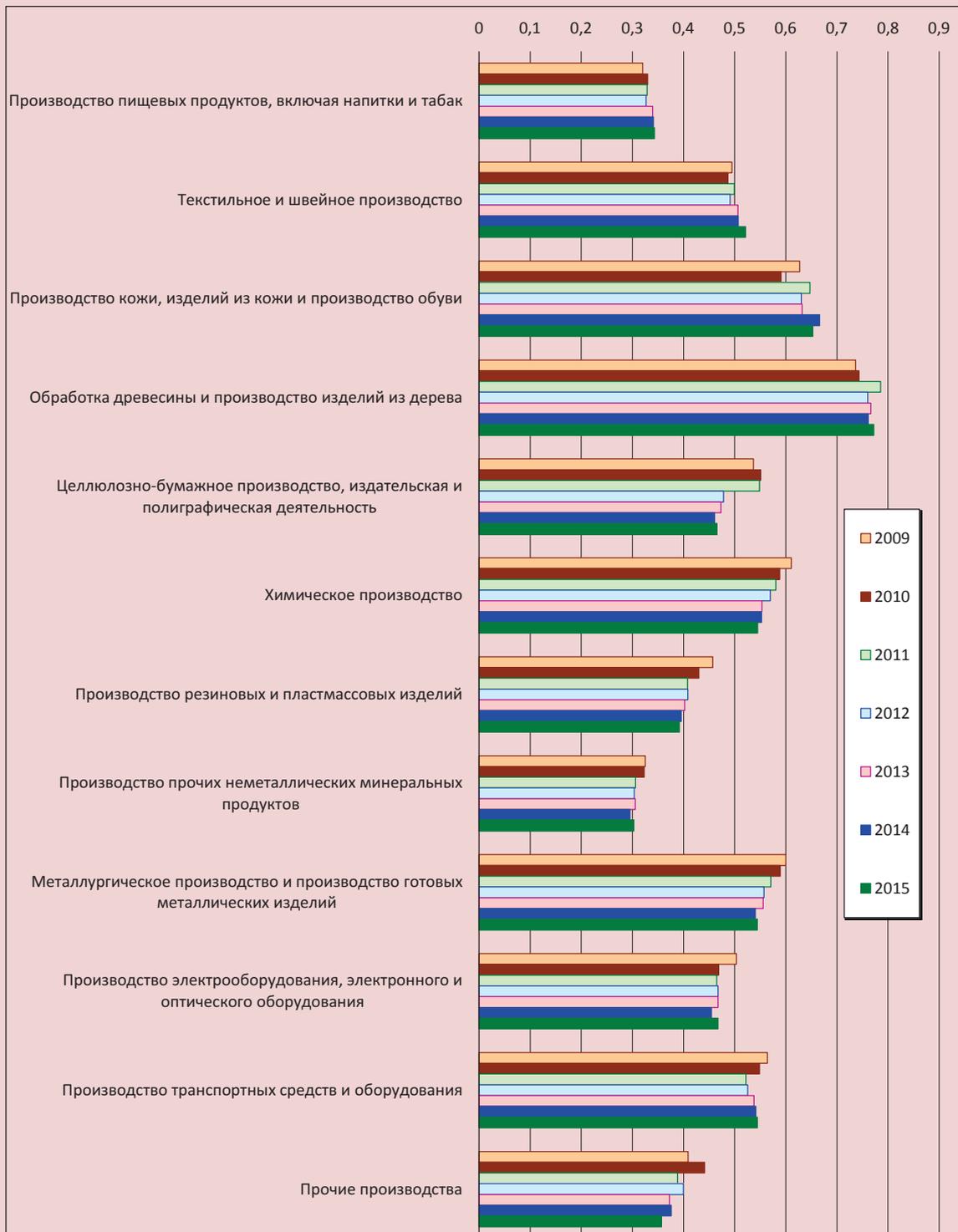
Абсолютную концентрацию производства кожи, изделий из кожи и обуви нельзя назвать высокой – 0,032–0,04, в отличие от индекса неоднородности Кругмана – 0,59–0,67.

Рис. 3. Динамика географической концентрации промышленного производства по видам деятельности в регионах России в 2009–2015 гг., индекс Херфиндаля–Хиршмана

Источник: рассчитано по данным: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>

Рис. 4. Динамика географической концентрации промышленного производства по видам деятельности в регионах России в 2009–2014 гг., индекс неоднородности Кругмана

Источник: рассчитано по данным: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>

Это происходит по той причине, что в 13 регионах данный сектор экономики не представлен вообще, а доля других 40 регионов не превышает 1%. Лидерами в секторе в 2015 году являлись г. Санкт-Петербург (6,55%), г. Москва (5,97%), Тверская (5,68%), Кировская (5,48%) и Московская (5,34%) области. На долю пяти регионов приходится около 29% всей численности занятых в производстве.

Наивысшая степень неоднородности (при умеренной концентрации) в промышленности имеет место в обработке древесины и в производстве изделий из дерева (индекс Кругмана – 0,74–0,79, индекс Херфиндаля–Хиршмана – 0,028–0,029). На пять регионов в последние годы приходится около 25,4% данного сектора экономики. Среди регионов с большей численностью занятых можно назвать Кировскую область, Красноярский край, Иркутскую, Вологодскую и Архангельскую области.

В целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности наблюдается тенденция снижения индекса Кругмана: в 2009 г. он составлял 0,54 ед., а в 2015 г. – 0,47 ед. Степень концентрации максимально высока: в среднем за анализируемый период – 0,054. При этом в г. Москве, Московской области и г. Санкт-Петербурге сосредоточено более четверти занятых; на пять регионов приходится около 33%.

Высокая концентрация наблюдается в химическом производстве: индекс Кругмана варьируется от 0,54 до 0,61 ед., индекс Херфиндаля–Хиршмана – 0,04–0,042. На долю пяти регионов приходится свыше 36% занятых в секторе промышленности. Первое место по численности занятых в химическом производстве занимает Республика Татарстан (8,73%), в последние годы эта доля стабильно увеличивается. Значительные объемы деятельности имеют Пермский край, Московская область, Республика Башкортостан – свыше 7%, Самарская область и г. Москва – 5,16 и 4,4% соответственно.

В производстве резиновых и пластмассовых изделий наблюдается явная тенденция рассеивания промышленности. Индекс Кругмана снижается с 0,46 ед. в 2009 г. до 0,39 ед. в 2015 году; индекс Херфиндаля–Хиршмана – с 0,042 до 0,034 ед. Около 30 % занятых в секторе ра-

ботают в пяти регионах: Московской области (около 10%), Республике Татарстан (6,4% в 2015 году), в г. Москве (5,33%), Нижегородской области и г. Санкт-Петербурге.

Наиболее низкий уровень географической концентрации на протяжении анализируемого периода имеет место в производстве прочих неметаллических минеральных продуктов: индекс Кругмана составляет 0,30–0,34 ед., индекс Херфиндаля–Хиршмана – 0,26–0,29 ед. Доля пяти крупных по показателю регионов варьируется около 25%. К их числу можно отнести Московскую, Челябинскую, Свердловскую области, Краснодарский край и Республику Башкортостан.

В металлургическом производстве, напротив, надо отметить высокую степень концентрации, но при ее постоянном снижении. В данном секторе экономики свыше 27% занятых работают только в трех регионах страны: Свердловской, Челябинской и Московской областях. На долю пяти регионов (с Нижегородской и Кемеровской областями) приходится уже свыше 34% всех занятых в металлургии работников.

Положительно стоит оценить невысокую географическую концентрацию производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования. В пяти регионах страны в 2015 году было занято около 31% сектора. К их числу относятся г. Санкт-Петербург (почти 9%), г. Москва (около 8%), Московская (свыше 5%), Челябинская (4,5%) и Свердловская (4,15%) области.

Сокращается общая численность занятых в производстве транспортных средств и оборудования. Индекс Херфиндаля–Хиршмана снижается с 0,044 до 0,038, Кругмана – с 0,56 ед. до 0,54 ед. за анализируемый период. В последние годы происходит усиление лидирующих позиций Республики Татарстан, Нижегородской области, г. Санкт-Петербурга. Доля первых пяти территорий (со снижающимся вкладом Самарской области и г. Москвы) в 2015 г. составила 32,85%, при этом только в Республике Татарстан, Самарской и Нижегородской областях занято около 24 % трудовых ресурсов данного сектора промышленности.

Сектор «Прочие производства» имеет среднюю степень концентрации, численность занятых здесь постепенно сокращается.

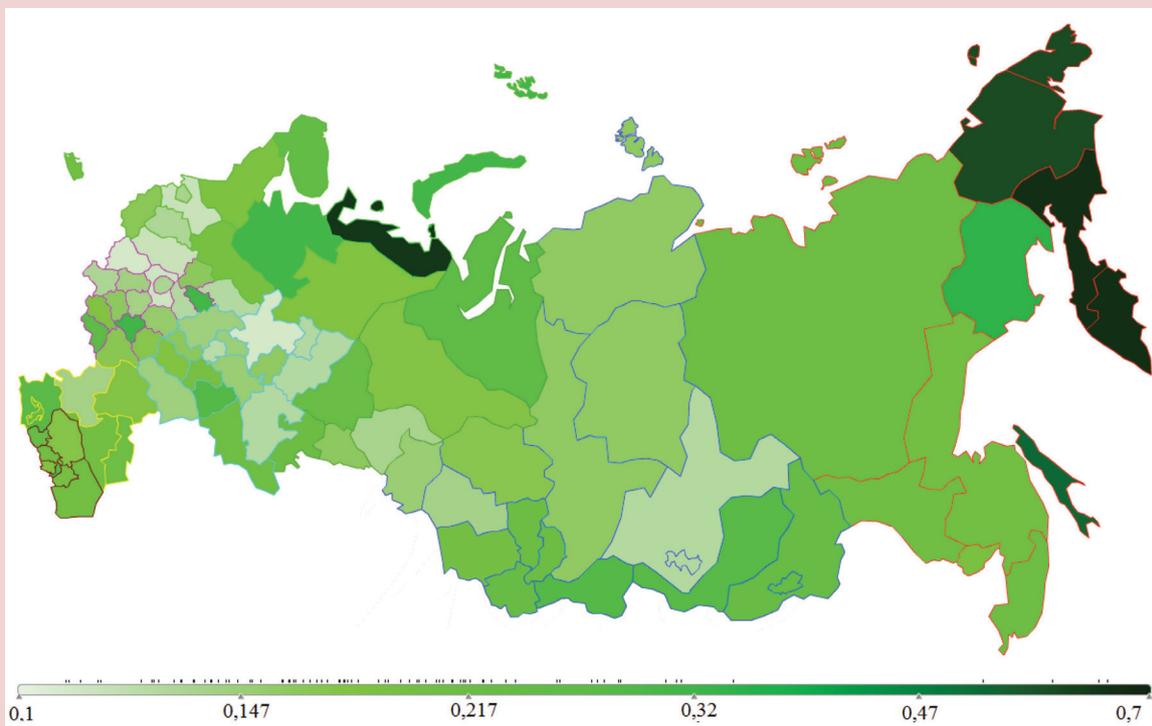
В целом географическая концентрация по численности занятых в обрабатывающей промышленности снижается (от 0,039 в среднем по секторам в 2009 г. до 0,034 в 2015 г.), сокращается и степень неоднородности (с 0,52 до 0,49 ед.). Сочетание данной тенденции с повышением концентрации по показателю объема промышленного производства (см. рис. 2) свидетельствует о различиях в уровне эффективности: в регионах-лидерах сокращается численность работников при сохранении или росте объема производства.

Мы видим, что значительная доля занятых во многих секторах обрабатывающей промышленности приходится на Московскую область, г. Москву и г. Санкт-Петербург, Нижегородскую область, Республику Татарстан, Краснодарский и Пермский края, Свердловскую область. Это не удивительно, так как именно в данных регионах трудится большая часть экономически активного населения.

Проведем анализ динамики специализации промышленного производства в регионах России в 2002–2014 гг. по индексу Херфиндаля–Хиршмана. Результаты анализа представим на рисунке 5.

Среднее значение индекса специализации по секторам промышленности по регионам страны составляет 0,203–0,208. К регионам с наиболее высоким уровнем специализации можно отнести Камчатский край, Чукотский автономный округ, Сахалинскую, Магаданскую, Ивановскую и Липецкую области. Низким уровнем специализации отличаются Кировская, Московская, Тверская, Ленинградская, Смоленская области, г. Москва, Чувашия и Башкортостан, Костромская, Иркутская области и др. Отметим, что в перечисленных регионах Дальнего Востока высокое значение показателя достигается за счет существенной доли работников, занятых в производстве пищевых продуктов (DA), в Ивановской области – тек-

Рис. 5. Среднее значение индекса специализации Херфиндаля–Хиршмана в обрабатывающей промышленности по регионам России в 2009–2014 гг., индекс

Источник: рассчитано по данным: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>

стильном и швейном производстве (DB), в Липецкой – металлургии и производстве готовых металлических изделий (DJ). С 2002 по 2014 г. к числу регионов с уровнем специализации в обрабатывающей промышленности выше среднего можно было отнести 28–32 территории, ниже среднего – 47–51.

Для более глубокого исследования специализации регионов ранее нами проводился анализ (Растворцева и др., 2012) взаимосвязи ее уровня с показателями социально-экономического развития: ВРП в расчете на душу населения, производительностью труда, среднемесячной номинальной начисленной заработной платой, уровнем безработицы. Регионы России были разделены на три группы – с низким уровнем специализации, добывающие регионы с высоким уровнем специализации, регионы с высоким уровнем специализации и отсутствующим добывающим сектором. Было определено, что узкую специализацию в каком-либо секторе промышленности «могут позволить» себе только регионы, обеспечивающие развитие своей экономики за счет добывающего производства. В остальных случаях глубокая специализация российских регионов неэффективна (Растворцева, Куга, 2012).

Анализ индекса неоднородности специализации Кругмана показал, что от среднероссийского уровня значительно отличаются помимо перечисленных выше регионов Архангельская область и Ненецкий АО, Коми, Тыва, Самарская область, Карелия, некоторые республики Кавказа, Алтайский край, Еврейская ОА, Белгородская область.

Полемика и выводы. Развитие теории размещения в настоящее время приобретает особую актуальность. Выявлены новые факторы, оказывающие значительное влияние на географическую концентрацию экономической

активности и региональную специализацию, такие как возникновение агломерационных эффектов от расположения производства на одной территории и возрастающая отдача. Степень доминирования какого-либо вида экономической деятельности в регионе оценивается показателями специализации, сосредоточение или разреженность определенного вида деятельности или ресурса определяется концентрацией. Ситуация, когда концентрация в регионе наблюдается по нескольким видам экономической деятельности, называется агломерацией.

Для анализа тенденций размещения производительных сил в регионах используются показатели локализации, концентрации и специализации Херфиндаля–Хиршмана и Кругмана, индекс Джини, CR_3 , CR_4 , CR_5 . В ходе исследования нами была выявлена высокая концентрация инвестиций и промышленного производства в российских регионах, стабильная тенденция повышения показателя по численности трудовых ресурсов. Данная ситуация приводит к усилению межрегионального неравенства. В обрабатывающей промышленности произошло сокращение занятых за 2002–2014 гг. почти на треть. Склонность к концентрации определена в целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности, металлургии, производстве транспортных средств и оборудования. К регионам с высоким уровнем специализации отнесены Камчатский край, Чукотский автономный округ, Сахалинская, Магаданская, Ивановская и Липецкая области.

Полученные результаты могут быть использованы в научных исследованиях для анализа размещения производительных сил, оценки развития агломерационных процессов, как рекомендации при проведении экономической политики в регионах.

Литература

1. Combes P.-Ph. and Duranton G. 2006. Labour Pooling, Labour Poaching, and Spatial Clustering // *Regional Science and Urban Economics*, 36, 1–28.
2. Fujita M. The Development of Regional Integration in East Asia: from the Viewpoint of Spatial Economics // *Review of Urban & Regional Development Studies*. Volume 19, Issue 1, March 2007, pp. 2–20.
3. Fujita M., and Ogawa H. 1982. Multiple equilibria and structural transition of nonmonocentric urban configuration // *Regional Science and Urban Economics* 12: 161–196.
4. Fujita, M., Krugman, P. R., & Venables, A. (1999). *The spatial economy: Cities, regions and international trade*. Cambridge, MA: MIT Press.

5. Gonchar K. Urban Agglomeration Effects and Company Productivity in Russia: Empirical Evidence Based on Manufacturing Industry Survey. 14th Annual Conference of The International Society for New Institutional Economics. 2010. URL: <http://extranet.sioe.org/uploads/isnie2010/gonchar.doc>
6. Haaland, J., Kind, H., Midelfart-Knarvik, K., Torstensson, J., 1999. What determines the economic geography of Europe?. CEPR Discussion Paper № 2072.
7. Midelfart-Knavik, K., Overman, H., Redding, S., Venables, A., 2000. The Location of European Industry. Economic Papers 142. European Commission.
8. Ottaviano, G., & Thisse, J. (2003). Agglomeration and economic geography. London: Centre for Economic Policy Research.
9. Overman H.G. and Puga D. 2009. Labour Pooling as a Source of Agglomeration: An Empirical Investigation. C.E.P.R. Discussion Papers; Francis J. 2009. Agglomeration, Job Flows and Unemployment // The Annals of Regional Science, 43, 181-198.
10. Puga D. 2010. The Magnitude and Causes of Agglomeration Economies // Journal of Regional Science, 50, 203–219.
11. Rastvortseva, S.N., & Cherepovskaya, N.A. (2013). Identification and assessment of regional clusters. EoR Economy of Region, 123-133. doi:10.17059/2013-4-12.
12. Rosenthal S.S. and Strange W.C. 2004. Chapter 49 Evidence on the Nature and Sources of Agglomeration Economies in Henderson J.V. and Thisse J.-F. (ed.), Handbook of Regional and Urban Economics. Amsterdam: Elsevier, pp. 2119-2171.
13. Rosenthal S.S. and Strange W.C. 2001. The Determinants of Agglomeration // Journal of Urban Economics, 50, 191-229.
14. Scotchmer S. 2002. Local Public Goods and Clubs. Amsterdam: Elsevier, pp. 1997-2042.
15. Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Денисова О.Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. 2014. № 2. С. 21-32.
16. Разнообразие и концентрация отраслей в российских городах как факторы экономической эффективности / П.В. Воробьев, Н.Б. Давидсон, Н.В. Кисляк, П.Д. Кузнецов // Вестник УрФУ. Серия: экономика и управление. 2014. № 6. С. 4-18.
17. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82-99.
18. Коломак Е.А. Пространственные экстерналии как ресурс экономического роста // Регион: Экономика и Социология. 2010. № 4. С. 73-87.
19. Растворцева С.Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии: монография. М.: Экон-информ, 2013. 131 с.
20. Растворцева С.Н., Куга Я.Т. Региональная специализация и географическая концентрация промышленности в России // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Выпуск 23/1. С. 37-46.
21. Растворцева С.Н., Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России: монография. Белгород: Константа, 2015. 260 с.

Сведения об авторе

Светлана Николаевна Растворцева – доктор экономических наук, профессор, профессор департамента мировой экономики, Высшая школа экономики (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; e-mail: srastvortseva@gmail.com)

Статья поступила 27.11.2017.

Rastvortseva S.N.

Economic Activity in Russian Regions

Abstract. The paper deals with the issues of concentration of economic activity in Russian regions influenced not only by factors of the “first nature” – presence of minerals, fertile land, favorable geographic position, but also by factors of the “second nature”, in particular, the agglomeration effects and potential savings in the scale. Analysis of the geographic concentration and the region-specific focus reflects the general trend in the concentration of industrial production, investment and human resources, provides the necessary information framework for a harmonized economic policy. The purpose for the study is to theoretically justify and analyze economic activity concentration in terms of assessment of concentration and specialization of Russian regions over time. The paper reveals terminological aspects of concentration, agglomeration, specialization, agglomeration economics and urbanization. The applied methodological tools of assessment include the localization factor, Herfindahl-Hirschman and Krugman concentration and specialization indices, Gini index. The research novelty lies in the formation of the terminological framework of the location theory, namely the definition of agglomeration as a process of concentration of activities in a region supported by circular logic at several levels with a distinction between its two types – “economy of localization” and “economy of urbanization”; in the identification of the relative and absolute types of geographic concentration. Elements of the research novelty are contained in the methodological framework of the study – the system of traditional indicators for assessing the concentration and specialization of regional economy is supplemented by relevant Krugman indices similar in content to the Herfindahl-Hirschman indices, but reflecting the heterogeneity of development to a greater extent; the localization factor is used to identify potential economic clusters in the territory when making decisions in the process of regions’ management. High concentration of investment and industrial production in Russian regions, consistent upward trend of the labor force is revealed. This situation leads to increased inter-regional inequality. The manufacturing industry has experienced a decline in employment. The tendency towards concentration is identified in the pulp and paper industry, publishing and printing, metallurgy, manufacturing of transport vehicles and equipment, and chemical production. The regions with a high level of specialization include Kamchatka Krai, Chukotka Autonomous Okrug, the Sakhalin, Magadan, Ivanovo and Lipetsk oblasts. The obtained results can be used in scientific research to analyze the concentration of economic activity, assess the development of agglomeration processes, or as recommendations for implementing the economic policy in the regions.

Key words: new economic geography, regional economy, theories of location, concentration of economic activity, Russian regions.

Information about the Author

Svetlana N. Rastvortseva – Doctor of Economics, Professor, National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: SRastvortseva@hse.ru)

Разработка организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике

**Иван Андреевич
ВОХМЯНИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: vokhmyanin35ivan@rambler.ru

Аннотация. Процессы экономического развития государств, отраслей, предприятий непременно сопровождается конкуренция между субъектами хозяйственной деятельности. Именно поэтому важно создать для них условия, конкурентную среду, отвечающие рыночным принципам ведения экономической деятельности, с учетом минимального вмешательства государства в функционирование рынка. Россия уступает по благоприятности условий ведения бизнеса многим странам, в том числе ранее входившим в СССР, занимая в рейтинге «Doing business» 40-е место. Поскольку отсутствует системный подход к формированию рыночной конкурентной среды и государственная конкурентная политика проводится посредством экономической координации хозяйствующих субъектов, актуальным становится определение комплекса элементов (субъектов, объектов, методов, инструментов и т.д.), регулирующих данную сферу, и формирование связей между ними. Исходя из этого целью настоящего исследования определена разработка организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике. Для реализации цели рассмотрен зарубежный опыт становления конкурентной среды в экономике. Используя сравнительный анализ, мы выявили, что в России действуют характерные для иностранных государств управленческие практики, за исключением эффективного проведения приватизации предприятий. Изучены также исходные условия создания указанного механизма формирования и регулирования развития конкурент-

Для цитирования: Вохмянин И.А. Разработка организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. – С. 100-115. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.7

For citation: Vokhmyanin I.A. Developing an organizational and economic mechanism for shaping and regulating the competitive environment in the regional economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 100-115. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.7

ной среды на региональном уровне (на примере Вологодской области). Так, одним из них является необходимость организации пространства для развития в сфере предпринимательства и конкуренции, отмеченная в Стратегии социально-экономического развития области на период до 2030 года. С применением расчетно-аналитического метода и метода обобщения выполнен критический анализ пункта Стратегии, касающегося данной области регулирования. В итоге работы составлена с помощью системного подхода и синтеза концептуальная схема предлагаемого организационно-экономического механизма, описано действие его элементов. Статья может быть полезна как специалистам органов власти, участвующим в регулировании рыночных отношений, при внедрении Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ, разработке соответствующих дорожных карт, программ, так и представителям бизнес-сообщества, научным сотрудникам, имеющим интересы в данной области исследования.

Ключевые слова: конкурентная среда, экономика региона, стратегия развития, зарубежный опыт, Вологодская область, организационно-экономический механизм.

Введение

Развитие экономики капиталистических стран происходит во многом благодаря конкурентной среде на рынках товаров и услуг, представляющей собой институциональные условия координации деятельности хозяйствующих субъектов. И если в одних странах конкурентная среда формировалась эволюционно, то в других – посредством создания условий для конкурентного поведения субъектов экономической деятельности с учетом наличествующих и зарождающихся структур рынка. К последним можно отнести страны Восточной Европы и Россию. Уход от советской экономики, носящей монополизированный характер, к товарным рынкам оформился в них с началом перестройки. В связи с этим в России возникло много проблем при организации рыночной экономики на принципах конкуренции.

Эти проблемы появились на фоне попыток органов государственной власти привести рыночные институты в административно-командную систему и вместе с тем обеспечить демократизацию общественно-политической жизни в стране [1]. Поскольку конкурентная среда может функционировать при политических системах, способствующих или, по крайней мере, не препятствующих развитию рыночных отношений, а ее формирование в России носит революционный характер, не удивительно, что на сегодняшний день наша страна уступает многим другим по благоприятности бизнес-климата и уровню развития конкурентной среды (табл. 1 и 2).

В то же время существенный рост показателя благоприятности условий ведения бизнеса в России (см. табл. 1) позволяет говорить о том, что усилия органов власти по регулированию

Таблица 1. Сопоставление некоторых стран по значению показателя благоприятности условий ведения бизнеса в сравнении с «передовым рубежом»*, в баллах [2]

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Новая Зеландия	88,84	89,08	89,09	89,45	89,32	86,70	86,96	87,01
Сингапур	89,77	90,40	90,41	90,38	91,24	85,08	84,50	85,05
Норвегия	82,05	82,17	82,20	83,45	83,56	82,80	82,30	82,82
Германия	79,49	79,45	79,59	79,24	79,55	79,20	79,88	79,87
Франция	69,79	70,46	70,49	70,29	70,04	75,34	76,21	76,27
Словения	62,75	65,67	67,48	69,48	70,15	73,23	75,44	76,14
Россия**	54,93	54,32	56,66	58,93	66,00	71,25	73,20	73,19
Венгрия	65,39	67,20	66,94	66,92	66,92	72,36	72,74	73,07
Китай	56,52	59,45	58,58	59,94	61,13	63,14	62,86	64,28

* Передовой рубеж, которому присваивается значение 100 баллов, рассчитывается группой Всемирного банка на основе наилучших показателей легкости ведения бизнеса («Doing business») по всем странам и за все годы начиная с 2005-го.
 ** 47-е место в рейтинге – 2017.

Таблица 2. Место России в международных рейтингах, оценивающих предпринимательский климат, уровень развития конкурентной среды

	Международный рейтинг		
	IMD World Competitiveness Yearbook 2016	The Global Competitiveness Index 2016–2017	Index of Economic Freedom 2017
Место	44	45	114
Источники: Discover the World Competitiveness Ranking 2016 results [Электронный ресурс]: World Competitiveness Ranking. – Режим доступа: http://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/scoreboard-2016.pdf ; Country Rankings [Электронный ресурс]: 2017 Index of economic freedom. – Режим доступа: http://www.heritage.org/index/ranking ; The Global Competitiveness Index 2016–2017 Rankings [Электронный ресурс]: The Global Competitiveness Report 2016–2017. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf			

предпринимательской деятельности не были напрасны и дальнейшее развитие конкурентной среды будет способствовать укреплению рыночных отношений и росту экономики. В этой связи становится актуальным поиск путей формирования и развития конкурентной рыночной среды.

Стоит отметить, что для современной экономики не существует как такового механизма регулирования развития конкурентной среды с отлаженным действием входящих в него элементов. Вместо него действует система экономической координации, в которой основным элементом выступает глобальная координация, когда контрагенты в процессе своей деятельности приспосабливаются к управляющим параметрам [3]. При этом правительства государств с учетом глобальной координации осуществляют централизованную экономическую координацию (макроэкономика) для достижения целей развития. На микроуровне же (хозяйствующие субъекты) децентрализованная экономическая координация осуществляет адаптацию к поддерживающей среде и рыночным структурам. Вследствие этого назревает необходимость совершенствования данной среды и рыночных структур прежде всего на мезоуровне (регион), что возможно реализовать посредством создания действенного механизма.

Таким образом, целью статьи является разработка организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике. В соответствии с целью предполагается решение следующих задач: рассмотрение управленческих практик по формированию и развитию конкурентной среды в зарубежных странах, изучение исходных условий создания

механизма на региональном уровне, построение концептуальной схемы механизма и описание действия его элементов.

Методика исследования

В качестве основного метода изучения систем формирования конкурентной среды в зарубежных государствах применен сравнительный анализ, который позволил характеризовать их общие и отличительные черты. Для его проведения использованы труды отечественных и иностранных ученых, таких как К.С. Орешко, А.А. Тараруев, А. Дюме, А. Жёнмэтр, В. Ойкен и др. При исследовании условий создания конкурентной среды на российском региональном уровне задействованы метод обобщения и расчетно-аналитический метод. В качестве информационной базы выступили нормативно-правовые акты, регулирующие конкурентные процессы в экономике, и отчеты Агентства мониторинга и социологических исследований. Разработка концептуальной схемы механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды на основе проведенного анализа осуществлена с помощью системного подхода и синтеза.

Зарубежный и российский опыт

Для достижения поставленной в статье цели проанализируем опыт таких развитых стран, как Германия, Франция, Словения и Норвегия. Германию мы выбрали как одно из самых экономически развитых государств, Францию – по причине реализации в ней масштабной реформы по либерализации экономической среды после проведения национализации. Что касается Словении, то она столкнулась с аналогичными для России проблемами при формировании новых институтов экономики. Норвегия схожа с Россией по сырьевой нефтегазовой структуре экономики (табл. 3).

Таблица 3. Общие характеристики формирования конкурентной среды в экономике зарубежных стран

Страна	Предпосылки	Основные особенности и инструменты формирования
Германия	Переход от административно-командной экономической системы к рыночной	Приватизация государственных предприятий частными компаниями и иностранными инвесторами (индивидуальный расчет по каждой операции) Создание системы поддержки предпринимательства Грантовая и финансовая поддержка высокотехнологичных производств Консультирование предпринимателей Государственная инвестиционная поддержка предприятий в форме прямого участия Льготное кредитование предприятий
Франция	Либерализация экономики	Частичная приватизация имущества национализированных компаний (по высокой стоимости, с последующим контролем деятельности) Формирование институтов финансовой (в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства) и образовательной поддержки предпринимательства Жесткий контроль над ценами естественных монополий
Словения	Переход от плановой к рыночной модели развития, реструктуризация экономики для интеграции в ЕС	Приватизация предприятий (большая часть собственности продавалась работникам предприятий) Формирование институциональной инфраструктуры по демонополизации экономики и развитию малого и среднего бизнеса Предоставление бизнесу налоговых льгот Либерализация контролируемых со стороны государства цен
Норвегия	Структурная перестройка экономики, стремление бизнес-сообщества получить долю в общественном секторе экономики	Частичная приватизация государственного имущества (сохранение госучастия в стратегически важных отраслях) Отмена государственной монополии на некоторые виды деятельности Введение в действие системы поддержки бизнеса (образовательной, технической и др.) Сокращение административных барьеров входа на рынок
Источник: составлено автором по [4; 5; 6; 7; 8].		

Рассматривая политику по формированию конкурентной среды в Германии, необходимо констатировать, что она была нацелена на интеграцию институциональных экономических практик воссоединившихся ФРГ и ГДР. В первую очередь, необходим был переход в ГДР от административно-командной экономической системы к рыночной. Еще в послевоенной Германии экономист Вальтер Ойкен говорил о потребности конкурентного порядка на основе конституирующих и регулирующих принципов, означающих законодательно закрепленные нормы и правила хозяйствования, изменяющиеся под воздействием оперативного мониторинга результатов реализации установленных целей [9]. Ойкен выделил два конституирующих принципа при переходе Германии от командной экономики к рыночной: политика государства должна быть нацелена на роспуск или ограничение экономических властных группировок; политико-экономическая деятельность государства должна быть направлена на создание форм экономической среды,

а не на регулирование экономического процесса. Тем не менее в то время реформа экономики на основе указанных принципов не могла быть проведена из-за невозможности реализации первого принципа.

Сразу же после объединения Германии в 1990 г. в ней, как и во многих государствах Центральной и Восточной Европы, развернулась приватизация предприятий в руки частных компаний и иностранных инвесторов. Однако, в отличие от многих стран, здесь каждую сделку сопровождал строгий экономический расчет и индивидуальный подход. В процессе создания институтов и инструментов рыночной экономики была организована система поддержки предпринимательства. Например, реализовывались конкурсы на получение грантов и финансовой помощи для высокотехнологичных производств, технологическое и информационное консультирование, инвестиционная поддержка в форме вклада в уставной капитал; осуществлялось льготное кредитование без процентов и др. [5, с. 329].

Во Франции же в 1982 г. проводилась национализация предприятий производственной, торговой и банковской сфер с целью сформировать из них «локомотивы» экономического развития. Но это возымело обратный эффект: произошло снижение производительности труда, прибыли предприятий и др. И в 1986 г. было положено начало проведению приватизации имущества национализированных прежде компаний, в результате чего 20% капитала получили иностранные инвесторы, не более 10% – персонал предприятий, остальной капитал – французские инвесторы [7]. Стоит отметить, что государство продавало собственность по более высоким ценам по сравнению с компенсационными платежами при национализации. Экономическая политика, ориентированная на развитие конкурентной среды в частном секторе, выражалась в формировании институтов поддержки (финансовой и образовательной) предпринимательства. Финансовая поддержка осуществлялась в отношении мелких и средних предприятий, а Национальное агентство по созданию предприятий оказывало информационную поддержку, в том числе организовывало образовательные программы по менеджменту (обязательные для предпринимателей) [8].

Обращаясь к опыту формирования конкурентной среды в экономике Словении, следует сказать, что данная задача решалась двумя путями:

1) государство создавало условия для функционирования рынка, хозяйствующие субъекты которого свободно осуществляли деятельность;

2) под созданные условия была сформирована институциональная инфраструктура, содействующая процессу демонополизации экономики и развитию малого и среднего бизнеса.

Разработка нормативной базы, включая Закон о защите конкуренции (1993), изначально была ориентирована на создание конкурентных условий для деятельности национальных предприятий, организацию и выстраивание конкурентных правил функционирования иностранных компаний. В направлениях поддержки бизнеса преобладало предоставление налоговых льгот по трем основным видам налогов (походный, налог на добавленную стоимость, налог на прибыль предприятий) [6].

Так же как в Германии и Франции, в Словении была проведена приватизация предприятий. В соответствии с законом о преобразовании собственности предприятий предполагалась комбинация различных методов приватизации [6, с. 231–232]. Большая часть собственности предприятий (40%) продавалась по льготным ценам в виде акций работникам предприятий, а также другим гражданам на коммерческих условиях, 20% распределялись при помощи бесплатных сертификатов работникам компаний; 20% было передано специальным инвестиционным фондам. Можно сказать, что создание конкурентной среды в Словении было предопределено стратегией вхождения в единое экономическое пространство Европейского союза. Это позволило сформировать институциональные основы конкурентной среды за относительно недолгий период времени – с 1993 по 2004 г.

Обозначив процессы формирования и развития конкурентной среды в Германии, Франции и Словении, стоит указать, что, наряду с их национальной экономической политикой в области конкуренции, в Евросоюзе, куда они входят, также действует Европейский комиссар по вопросам конкуренции, который несет ответственность за конкуренцию в объединенных государствах. В область его ответственности входят:

- приведение в исполнение правил конкуренции для эффективного функционирования внутреннего рынка;

- принуждение к следованию правилам конкуренции при слияниях и поглощениях, субсидировании (в том числе в области транспорта и энергетики);

- развитие рыночного мониторинга;

- продвижение соблюдения антимонопольного законодательства и международной кооперации с антимонопольными органами за пределами ЕС [10, 11].

В сравнении с рассмотренными выше странами в Норвегии процесс формирования конкурентной среды можно назвать уникальным. Его характерной особенностью стала акцентированная политика протекционизма, проявляющаяся в значительной концентрации государственных предприятий в стратегически важных отраслях экономики, в высо-

ких ставках налогов и таможенных пошлин, существенно ограничивающих импорт. Так, правительство Норвегии зачастую являлось держателем минимум трети пакета акций, что позволяло контролировать деятельность предприятий в таких отраслях, как инфраструктура, электрические сети, культура, добыча полезных ископаемых, лесная промышленность и здравоохранение [4].

В конце 70-х гг. XX века, благодаря лоббированию бизнес-сообществом своих интересов к участию в прибыльных государственных компаниях, консервативное правительство начало процесс приватизации государственного имущества. В частные руки были переданы несколько относительно небольших государственных предприятий, затем – крупные металлургические и транспортные концерны. Одновременно с приватизацией вводилась в действие система практик по развитию конкурентной среды, заключавшаяся в поддержке предпринимательства, снижении административных барьеров, принятии законов о защите конкуренции и др. Одна из распространенных форм поддержки бизнеса в Норвегии – это обучение будущих предпринимателей, их переподготовка и повышение квалификации, также техническая поддержка исследовательских инновационных центров и организаций, бизнес-инкубаторов и технопарков [4].

Следовательно, продолжая оставаться «монополистом» и «протекционистом», государство в Норвегии открыло пути для развития частного предпринимательства и иностранного инвестирования в определенных рамках, что позволило бизнесу стать активным участником рынка и оказывать влияние на процессы конкуренции.

Таким образом, многие из рассмотренных управленческих практик зарубежных стран по развитию конкурентной среды, за исключением достаточно эффективного проведения приватизации предприятий [12; 13, с. 9; 14; 15], характерны и для российской экономической политики, в том числе региональной.

Политика по развитию конкурентной среды является также элементом региональной экономической политики. Поэтому необходимо изучить исходные условия создания механизма регулирования развития конкурентной среды в

экономике отдельно взятого региона. Для примера возьмем Вологодскую область. Согласно итогам рейтингования по уровню содействия развитию конкуренции в 2015 году область заняла 32-е место среди 85-ти регионов и 3-е место среди 11-ти регионов, входящих в состав Северо-Западного федерального округа.

Основополагающий документ¹ социально-экономического развития региона – это Стратегия-2030. В пункте 5.6 Стратегии уделено внимание реализации такого приоритета, как «формирование пространства для развития в сфере предпринимательства и конкуренции» (рис. 1). Одним из факторов организации подобного пространства выступает создание на рынке эффективной конкурентной среды. Поэтому формулируемые в указанном пункте положения затрагивают данную сферу регулирования.

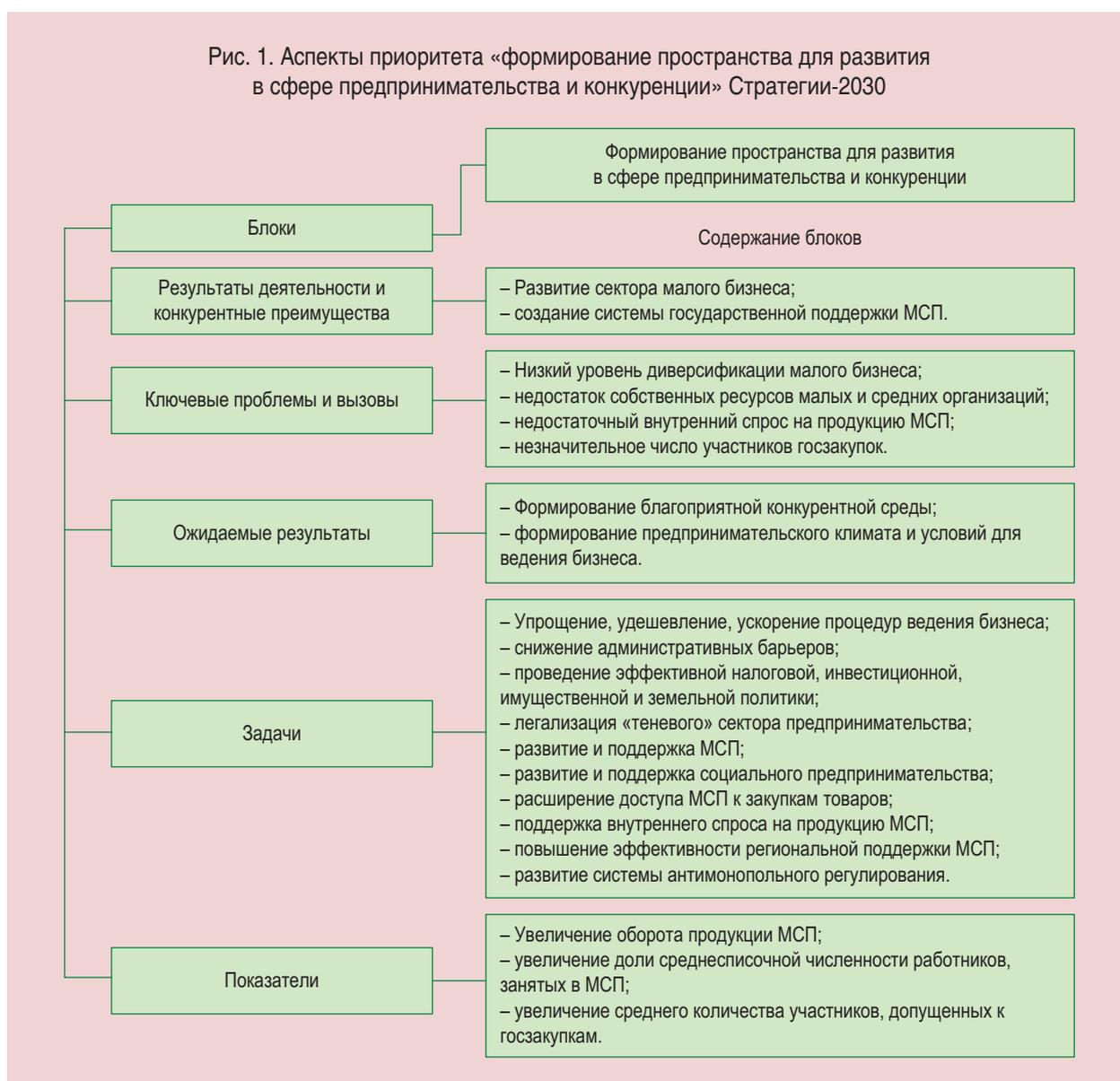
В качестве результатов деятельности и конкурентных преимуществ разработчики Стратегии определили успешное развитие на территории региона малого предпринимательства.

Так, количество малых организаций увеличилось с 2009 г. в 2,2 раза. Еще одно из достижений – создание инфраструктуры всесторонней поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). В целом описываемый блок акцентирует внимание исключительно на этом сегменте бизнеса.

Отметим, что раздел не дает информации о конкурентных преимуществах области перед другими регионами. Приведенная же позиция Вологодской области в рейтинге развития конкуренции (в 2015 г. – 32 место из 82-х) представляется неоднозначной. Поэтому целесообразнее указать среди преимуществ социально-экономические процессы, в которых предпринимательские, организаторские, управленческие способности по использованию имеющихся или потенциальных возможностей (природно-ресурсных, трудовых, инфраструктурных и пр.) оказываются и будут в дальнейшем наиболее эффективными и влияют (повлияют) на конкурентоспособность региона.

¹ О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: пост. Правительства Вологодской области от 17.10.2016 № 920.

Рис. 1. Аспекты приоритета «формирование пространства для развития в сфере предпринимательства и конкуренции» Стратегии-2030

Среди ключевых проблем и вызовов формирования пространства называются низкий уровень диверсификации малого бизнеса (около 50% занимают торговля и услуги, операции с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг), незначительность его перехода в средний и крупный сегмент, а также финансовые, технологические проблемы, несущественный спрос на продукцию МСП и низкий уровень конкуренции при проведении государственных закупок.

В то же время ключевые проблемы, на наш взгляд, заключаются не в обозначенных состояниях организаций и низком уровне конкурен-

ции, а в предпосылках, создающих такое положение: наличии существенных административных барьеров; несовершенстве нормативно-правовой базы, ненадлежащем контроле деятельности субъектов естественных монополий; недостаточном платежеспособном спросе населения и предприятий; высоком проценте коммерческого кредита, сложности его получения; недостаточной защите прав предпринимателей и граждан.

Ожидаемые в Стратегии результаты развития пространства связаны с созданием в области к 2030 г. благоприятных конкурентной среды, предпринимательского климата и условий

Таблица 4. Размещение закупок у субъектов малого предпринимательства в регионах СЗФО по Федеральному закону № 44-ФЗ*

Субъект РФ	Сумма закупок, млн. руб.				Доля в совокупном годовом объеме закупок, %			
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2014 г., раз	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2014 г., +/-
Республика Карелия	1 567	2 594	2 977	1,9	5,2	12,0	11,3	6,1
Республика Коми	2 690	3 162	4 965	1,8	7,6	13,3	19,1	11,5
Архангельская область и Ненецкий а.о.	3 978	4 808	5 478	1,4	7,1	11,5	9,9	2,8
Вологодская область	2 848	3 363	3 843	1,3	12,9	11,0	13,0	0,1
Калининградская область	3 656	4 281	4 242	1,2	7,9	11,1	10,1	2,1
Ленинградская область	4 458	7 986	10 121	2,3	14,0	17,7	17,1	3,1
Мурманская область	2 510	3 223	4 486	1,8	10,6	14,6	20,7	10,1
Новгородская область	1 566	1 647	2 119	1,4	14,6	11,6	19,0	4,4
Псковская область	1 687	2 193	3 158	1,9	10,3	13,6	13,7	3,4
г. Санкт-Петербург	23 367	28 347	34 796	1,5	8,9	7,5	16,1	7,1
Всего по СЗФО	48 327	61 604	76 184	1,6	9,0	9,8	14,9	5,9

* Закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.
Источники: [8]; расчеты автора.

для ведения бизнеса, привлекательных для действующих и новых участников рынка. Очевидно, что такие результаты не позволяют обеспечить контроль их достижения в связи с отсутствием их измеримости. Поэтому следовало бы определить конкретные показатели, преимущественно относительные, характеризующие достигнутое состояние. Заявленное вхождение области в число 30 лучших регионов страны по числу субъектов МСП в расчете на тысячу человек населения заведомо сужает сферу регулирования и не показывает качество процессов развития пространства. Однако серьезным выглядит завоевание областью места в десятке регионов-лидеров России по индексу развития конкурентной среды.

Касательно задач, поставленных органами власти, стоит отметить, что большая часть из них опять же связана с развитием малых и средних организаций и имеет отраслевой аспект. Например, это расширение и обеспечение доступа субъектов малого и среднего бизнеса к закупкам товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, компаний с государственным участием и крупных организаций области. Так, анализируя закупки, размещенные для субъектов малого предпринимательства в регионах СЗФО, можно говорить

о наиболее успешной реализации данной задачи в Республике Коми и Мурманской области. Подтверждается это увеличением в этих регионах доли малых организаций в общем объеме закупок – за три года на 11,5 и 10,1% соответственно (табл. 4).

Ключевые задачи все же, по нашему мнению, установлены следующие: сокращение административных барьеров при создании и ведении бизнеса и уменьшение прямого участия органов исполнительной государственной власти и местного самоуправления в деятельности хозяйствующих субъектов. Так, в 2016 году практически 40% субъектов малого и среднего бизнеса полагало, что существующие административные барьеры не преодолимы или преодолимы с трудом². Вместе с тем перечень задач необходимо расширить, добавив объект воздействия конкурентной среды – потребителя, поскольку соперничество предприятий в конечном итоге идет именно за его спрос и лояльное отношение. В таком случае задача может быть сформулирована как «создание условий повышения качества предоставляемых потребителю

² Исследование Агентства мониторинга и социологических исследований «Оценка состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг Вологодской области (средний и малый бизнес)».

товаров, работ и услуг». Актуальность задачи подтверждается тем, что значительное количество жителей области в 2016 году – от 30 до 40% – не были удовлетворены качеством продуктов питания, одежды, мебели, бытовой техники, лекарственных препаратов, бензина и общественного транспорта, медицинских услуг, услуг управляющих компаний и качеством воды³.

Немаловажным пунктом Стратегии является определение индикаторов, которые необходимо увеличить к 2030 г. За исключением одного, все они исходят из успешности ведения бизнеса субъектами МСП. Это увеличение оборота продукции за 2015–2030 гг. в 1,5 раза, темпов роста оборота продукции субъектов МСП в сфере обрабатывающих производств, повышение доли продукции в общем объеме ВРП с 13% в 2015 г. до 26% в 2030 г., увеличение доли среднесписочной численности работников в общей численности занятого населения с 32,8 до 40% и больше соответственно. Задачи роста в 1,5 раза оборота продукции МСП и двукратного повышения её доли в ВРП предполагают сокращение общего объема ВРП, что выглядит как необоснованное.

Можно констатировать, что все показатели взаимосвязаны и, тем самым, ограничивают перечень задач по развитию конкурентной среды в экономике региона. Тем не менее расширяет задачи такой показатель, как увеличение среднего количества участников, допущенных к конкурентным процедурам определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), с 2,9 единицы в 2015 г. до 4 единиц в 2030 г. Безусловно, его достижение будет свидетельствовать об эффективности регулирования конкурентной среды.

Кроме приведенных в число показателей следовало бы включить «рост удовлетворенности населения качеством продукции», «повышение уровня удовлетворенности предпринимателей конкурентными условиями». Тогда оценка развития конкурентной среды выполнялась бы непосредственно участниками рыночных отношений и была бы более объективной, чем оценка субъекта регулирования.

³ Исследование Агентства мониторинга и социологических исследований «Удовлетворенность потребителей качеством товаров и услуг и ценовой конкуренцией на рынках Вологодской области».

Таким образом, в соответствующем блоке Стратегии-2030, выступающей одной из правовых форм регулирования развития рыночной конкурентной среды, конкуренции и предпринимательства, основное внимание уделено развитию малого и среднего бизнеса. В то же время главным условием развития конкурентной среды, активизации конкуренции и конкурентных отношений должен быть комплексный подход, включающий в себя одновременное совершенствование организационной структуры и внешних взаимосвязей, нормативно-правовых, технологических, финансовых, инвестиционных основ, способствующих развитию бизнеса всех форм и размеров. Эффективная конкурентная среда базируется на четком разграничении полномочий разных уровней власти и сфер деятельности органов власти каждого уровня [17, с. 111].

В настоящее время политику развития конкуренции и конкурентной среды в регионах в различной степени проводят территориальные органы Федеральной антимонопольной службы, департаменты (министерства, комитеты и т.п.) по экономическому развитию, негосударственные отраслевые органы (некоммерческие объединения), уполномоченный по защите прав предпринимателей и др. Региональными органами власти предпринимаются также действия по внедрению Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ⁴.

В соответствии с государственной политикой и вышеотмеченным комплексным подходом основные направления региональной политики в сфере развития конкурентной среды в экономике мы связываем:

- 1) с обеспечением свободы деятельности предпринимателей, устранением административных и экономических барьеров;
- 2) совершенствованием условий хозяйствования для обеспечения экономической эффективности субъектов рынка и повышения качества производимых ими товаров, работ, оказываемых услуг, выпуска инновационной продукции;
- 3) осуществлением контроля за монополистической деятельностью, в том числе деятель-

⁴ Об утверждении Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ: распоряжение Правительства РФ от 05.09.2015 № 1738-р.

ностью естественных монополий, предупреждением и пресечением недобросовестной конкуренции.

Плодотворная работа по данным направлениям, приобретающая характер системной, возможна при задействовании всех институтов, регулирующих конкурентную среду, их организации в единый механизм и установлении соответствующего ресурсного обеспечения для выполнения ими функций, разработки методов, инструментов и форм, применяемых в процессе регулирования. Следовательно, актуальной становится разработка организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике.

Результаты исследования

Общая схема регуляционного механизма включает следующие элементы:

- субъект – движущая сила, осмысленно запускающая в действие механизм;
- цели – программируемые желаемые результаты действия механизма;
- методы – инструментарий, способы и технологии процессов достижения целей;
- форма – организационное и правовое оформление методического обеспечения;
- средства – совокупность видов и источников ресурсов, используемых для достижения целей;
- объекты – хозяйствующие субъекты, экономическая среда [18].

Взаимосвязь и действие элементов в пространстве и времени составляют сущность рассматриваемого механизма. Известны различные подходы к его трактовке. Выделим два из них. Например, А.И. Татаркин понимает механизм региональной промышленной политики как систему правовых, организационных и экономических мер, содействующих формированию конкурентоспособного производства, повышению его эффективности [19, с. 67]. По мнению В.Г. Афанасьева, механизмы управления – это те практические меры, средства, рычаги, стимулы, посредством которых органы управления воздействуют на общество, производство, любую систему социального порядка с целью достижения стоящих перед ними задач [20, с. 234]. В целом, в поиске универсального определения механизма, большинство ученых выделяют ряд схожих для него характеристик.

В настоящей статье будем придерживаться определения организационно-экономического механизма как взаимосвязи и взаимодействия организационной структуры регулирования и организации процессов принятия решений с методами, приемами, инструментами в соответствии с правилами хозяйствования, направленными на наиболее эффективное функционирование и развитие рынка.

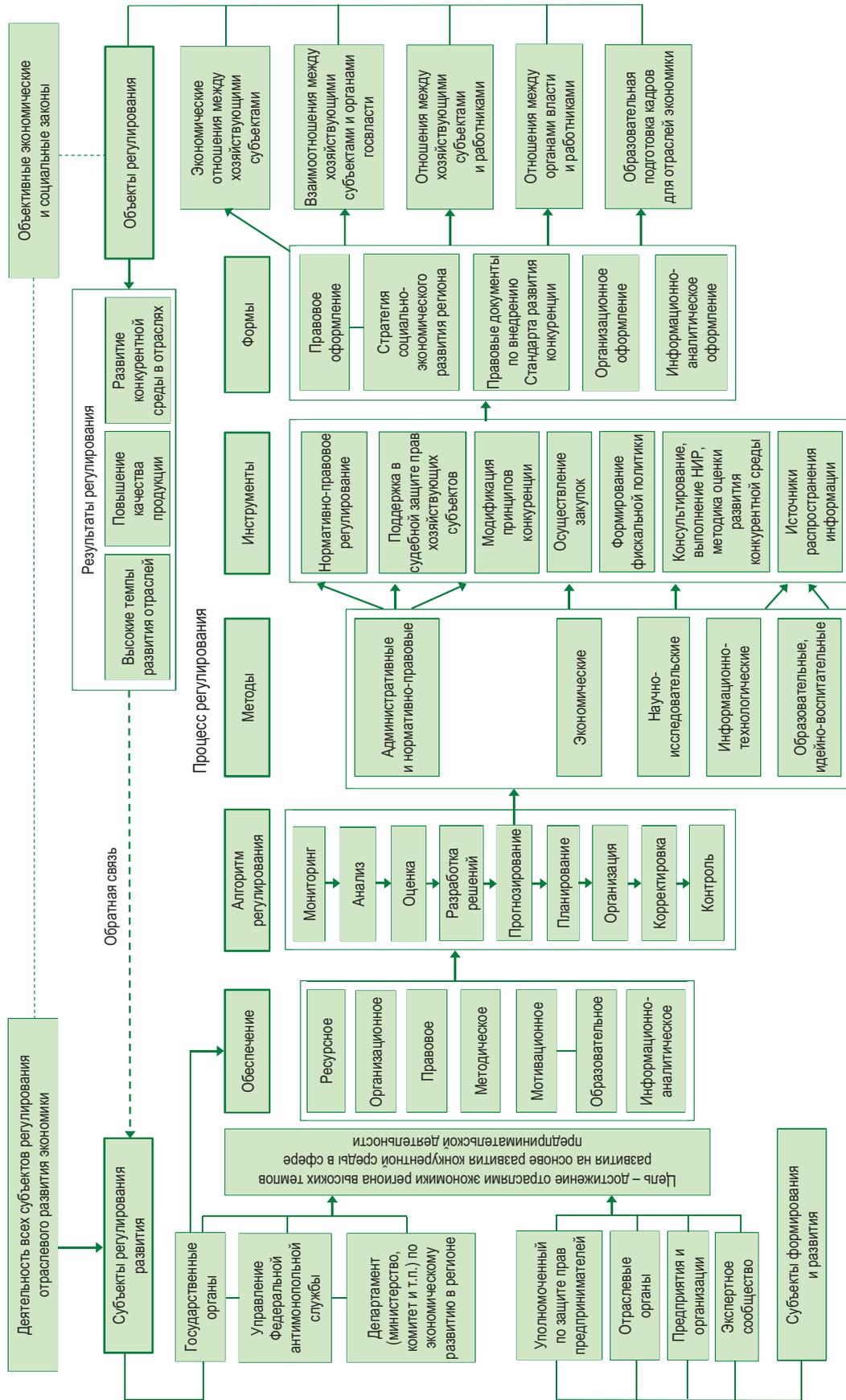
Цель разработки данного механизма заключается в успешном развитии отраслей экономики региона на основе улучшения условий конкурентной среды в сфере предпринимательской деятельности. Его построение базируется на таких принципах, как:

- минимальное государственное вмешательство в регулирование рыночной деятельности;
- свобода экономической деятельности, свобода информации;
- поддержка конкуренции, защита предпринимательства и прав собственности.

Одним из субъектов регулирования в регионах выступает Управление Федеральной антимонопольной службы (рис. 2). В число его функций входят контроль за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательства в сфере деятельности субъектов естественных монополий, рекламы, контроль в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд. Как известно, принятие ФАС четвертого антимонопольного пакета (изменения в Федеральный закон «О защите конкуренции»⁵) направлено на развитие превентивных мер регулирования. Совершенствование законодательства в сфере развития конкуренции необходимо выстраивать в этом ключе. Это связано с целями создания благоприятной конкурентной среды в деятельности хозяйствующих субъектов, обеспечения им равного доступа к товарам (работам, услугам) естественных монополий, прекращения антиконкурентного вмешательства органов власти в функционирование рынков, повышения эффективности бюджетных расходов при размещении государственного и муниципального заказа, эффективного контроля за иностранными инвестициями в хозяйственные общества стратегического значения.

⁵ О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ.

Рис. 2. Концептуальная схема организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в экономике региона

Другой субъект регулирования – департаменты (министерства, комитеты и т.п.) по экономическому развитию в регионах. Например, функции Департамента экономического развития Вологодской области заключаются, в том числе, в разработке и обеспечении реализации мер по развитию МСП на территории региона, регулировании инвестиционной деятельности, создании благоприятного инвестиционного климата, условий для развития инновационной деятельности, регулировании и развитии торговой деятельности, мониторинге состояния и развития отдельных отраслей промышленности, осуществлении мероприятий по международному и межрегиональному сотрудничеству, реализации политики в области качества, повышения конкурентоспособности товаров, продукции и услуг⁶.

Указанные субъекты регулирования относятся к государственным органам.

Немаловажным субъектом формирования и развития конкурентной среды является уполномоченный по защите прав предпринимателей. В сферу его задач входит поддержка развития предпринимателей и защита их прав, интересов.

Что касается негосударственных отраслевых органов формирования и развития конкурентной среды, то, взяв для примера Вологодскую область, к ним можно отнести региональное объединение работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Вологодской области» и входящие в него некоммерческие организации – региональные отраслевые объединения работодателей: «Союз лесопромышленников и лесозэкспортеров Вологодской области», «Союз предприятий и предпринимателей потребительского рынка Вологодской области в сфере торговли и услуг», «Союз строителей и проектировщиков Вологодской области», Ассоциацию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов, а также Вологодскую областную Федерацию профсоюзов.

Основная цель отраслевых органов – это создание в предпринимательской среде равных конкурентных условий для всех, разработка со-

гласованных профессиональных требований к повышению качества труда, организация скоординированного взаимодействия с наемными работниками, осуществление единой корпоративной защиты работников вместе с профсоюзами и другими заинтересованными организациями. Общими задачами для них значатся интеграция российского бизнеса в мировую экономику, сохранение традиционных и поиск новых рынков сбыта продукции российского производства, создание условий для привлечения в страну иностранных инвестиций [21].

Работа Федерации профсоюзов состоит в представительстве и защите социально-трудовых и гражданских прав, производственных, профессиональных, экономических и социальных интересов трудового коллектива и отдельных работников.

В качестве субъектов формирования и развития конкурентной среды выступают и сами предприятия, организации, проводящие честную и открытую конкурентную политику, являющие собой пример для других хозяйствующих субъектов.

Экспертное сопровождение процессов формирования и развития конкурентной среды может быть обеспечено субъекту прежде всего научным сообществом и специалистами в соответствующей области. Привлечение их к регулированию этих процессов позволит выполнять задачи развития конкурентной среды на высоком профессиональном уровне и с большей эффективностью.

Объектом регулирования являются различные стороны отношений, складывающихся между хозяйствующими субъектами, органами государственной власти, работниками в ходе экономической деятельности, а также образовательная подготовка кадров для отраслей экономики.

Соответствующее обеспечение регулирования данных отношений производится за счет материальных, финансовых, трудовых ресурсов, имеющихся в наличии в субъектах регулирования. К обеспечению этих процессов можно отнести также правовую поддержку, включающую консультирование по правовым вопросам в области конкуренции и развития конкурентных отношений, нормативно-правовую базу в этой области. *Информационно-аналитическое* обеспечение заключается в задействовании

⁶ Об утверждении Положения о Департаменте экономического развития Вологодской области: постановление Правительства Вологодской области от 16.12.2013 № 1314.

таких источников, как статданные, результаты научных работ, отчетность предприятий, Интернет и СМИ, с целью доведения обработанной информации до участников регулируемых отношений.

Организационное обеспечение состоит в консолидировании требуемых ресурсов для реализации задач развития конкурентной среды, наделении исполнителей функциями и полномочиями по выполнению работ в соответствии с заданным алгоритмом (см. рис. 2) и по взаимодействию с другими субъектами. В то же время алгоритмирование работ предполагает разработку *методического* обеспечения в виде инструментария, являющегося сопутствующим документом при осуществлении функций регулирования. Основную роль в *мотивационном* обеспечении увеличения функциональности субъектов регулирования выполняет повышение оплаты труда. Сюда же можно отнести *образовательное* обеспечение в виде тренингов, курсов, способствующих росту квалификации и освоению новых знаний и навыков.

Механизм регулирования субъектами представленных в схеме отношений реализуется посредством различных методов и инструментов. Так, к *административным* и *нормативно-правовым* причисляются методы, которые позволяют на законном и подзаконном уровнях закрепить действие условий и факторов рыночной среды, особенности конкурентных отношений участников экономической деятельности, а также обеспечить соблюдение связанных с этим прав. Инструменты метода — это нормативно-правовое регулирование экономической деятельности, поддержка в судебной защите прав хозяйствующих субъектов в различных инстанциях, модификация принципов конкуренции (формализация незакрепленных эффективных правил, действующих в экономических отношениях, с помощью налаживания обратной связи от участников объектов регулирования к субъектам).

Наиболее эффективными методами регулирования развития рыночной конкурентной среды выступают *экономические*, то есть те, при помощи которых оказывается воздействие на предприимчивость, деловую активность агентов рынка и объем выполняемых ими работ [22]. Здесь можно выделить такие инструменты,

как осуществление государственных закупок в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ, участие в формировании оптимальных налоговых ставок, льгот, изменение сроков уплаты налоговых обязательств и предоставление субсидий предприятиям.

К указанным методам необходимо добавить *научно-исследовательский*, заключающийся в научном обосновании процессов регулирования и повышении их качества. Научное сопровождение принимаемых субъектами решений может включать в себя до 5–6 шагов алгоритма регулирования (мониторинг состояния — анализ — оценка — разработка решений — прогнозирование — планирование), предваряя организацию мероприятий по развитию конкурентной среды. При этом один из этапов алгоритма — оценка развития конкурентной среды в экономике нуждается в разработке и практическом применении методического инструментария оценки. До ввода в действие нормативных правовых актов обязательным условием является также проведение оценки их регулирующего воздействия на участников рыночных отношений научными организациями и специалистами.

Информационно-технологические и *образовательные, идейно-воспитательные* методы регулирования охватывают большой объем информационно-аналитических данных, связанных с экономической деятельностью хозяйствующих субъектов, ее правовой охраной и возможностями, передаваемых через источники распространения информации (Интернет, различные виды телекоммуникаций, газеты, специалисты). Образовательные и идейно-воспитательные методы к тому же включают информацию, привносящую новое знание в правила конкурентного соперничества, имеющую характер пропаганды развития здоровой конкуренции между агентами рынка.

Обеспечение регулирования развития конкурентной среды происходит через различные формы: правовое оформление, к которому мы относим региональные стратегии социально-экономического развития, и правовую документацию по вводу Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ; организационное (комплекс форм организации поддержки участников экономической деятельности и содействия развитию конкуренции между ними);

информационно-аналитическое, выражающееся в размещении данных в определенных источниках с помощью различных средств.

Выводы и заключение

В заключение отметим, что процесс регулирования, осуществляемый посредством организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в экономике региона, протекает под воздействием факторов внешней среды, к которым можно отнести:

- мировую и отечественную конъюнктуру рыночного спроса и предложения продукции, рабочей силы, ресурсов;
- тенденции развития глобальной и национальной экономик;
- характер международных политических и экономических отношений и др.

В связи с этим функционирование механизма происходит при постоянном учете факторов и соответствующей корректировке его элементов.

Таким образом, разработанный организационно-экономический механизм формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике представляет собой направленный на эффективное функционирование рынка комплекс взаимосвязанных методов, инструментов и форм, применяемых по заданному алгоритму государственными и негосударственными формированиями (субъ-

ектами) для регулирования различных сторон экономических отношений хозяйствующих субъектов, органов государственной власти, работников, а также образовательной подготовки кадров для отраслей экономики.

Результатами данного регулирования должны стать развитие конкурентной среды в отраслях региональной экономики, повышение качества производимой ими продукции и высокие темпы роста.

Вместе с тем предложенный механизм отвечает особенностям, которые выявлены нами в предыдущем исследовании [23, с. 95] и которые должны быть учтены при его формировании: необходимость обеспечения общедоступности и полноты информации для экономических агентов (формирование качественной и всеохватывающей информационной среды); создание условий свободного доступа к источникам информации; восприятие механизмом эволюционировавших, объективно существующих принципов и правил конкуренции в экономике, их формализация; гарантированность защиты частных интересов на институциональной основе; обеспечение предварительного анализа применения инструментов регулирования с точки зрения их потенциального влияния на развитие конкурентной среды экономики региона; осуществление мониторинга уровня развития конкурентной среды в отраслях экономики регионов и др.

Литература

1. Май В.А. От перестройки к радикальным реформам: к двадцатилетию посткоммунистических преобразований // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 5-20.
2. *Distance to Frontier. Doing Business*. Available at: <http://www.doingbusiness.org/data/distance-to-frontier>
3. Kirzner I.M. *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: The University of Chicago Press, 1973. 256 p.
4. Орешко К.С. Факторы роста малого и среднего бизнеса в Скандинавии (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция) // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 7. С. 33-44.
5. Тараруева А.А. Зарубежный опыт региональной поддержки малых предприятий // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 10. С. 324-331.
6. Формирование конкурентной среды в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : научное издание / под ред. И.С. Сенициной. М. : Ин-т экономики РАН, 2008. 308 с.
7. Dumez H., Jeunemaitr A. *Privatization in Western Europe: pressures, problems and paradoxes. Privatization in France: 1983–1993*. London: Thomson Learning, 1994. pp. 83-104.
8. Estay Ch. Setting up businesses in France and the USA: A cross cultural analysis. *Europ. management*, Oxford, 2004, vol. 22, no. 4, pp. 452-463.
9. Eucken W. *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*. Tübingen: Hrsg. v. Edith Eucken u. K. Paul Hensel, 2004, XIII. 415 p.

10. *Mission letter from President Barroso to the Commissioner designate Joaquín Almunia. European Commission.* Available at: http://ec.europa.eu/archives/commission_2010-2014/mission_letters/pdf/almunia_competition_en.pdf
11. *The World Bank and OECD, A Framework for the Design and Implementation of Competition LAW and Policy (2005).* Available at: <http://www.circ.in/pdf/STRATEGIC%20PRIORITIES%20OF%20COMPETITION%20AND%20REGULATORY%20AGENCIE.pdf>
12. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы / под ред. С.В. Степашина. 2-е изд., доп. М.: Олита, 2005. 408 с.
13. Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие: препринт. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 104 с.
14. Гаджиев Н.О. Проблемы создания эффективной конкурентной среды // Журнал экономической теории. 2014. № 1. С. 22.
15. Институты современной экономики России: опыт и проблемы: монография. М.: ИЭ РАН, 2013. Т. 1. 274 с.
16. Информация по закупкам // Официальный сайт единой информационной системы в сфере закупок. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 02.03.2017).
17. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона: монография / Т.В. Ускова, А.С. Барбанов, О.И. Попова, Л.Г. Иогман, В.В. Ильин. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 246 с.
18. Губанова Е.С. Формирование и реализация региональной инвестиционной политики. Вологда: Легия, 2007. 300 с.
19. Региональная промышленная политика: теоретические основы, практика формирования и механизм реализации: препринт / А.И. Татаркин, О.А. Романова, Р.И. Чененова, М.Г. Филатова. Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 82 с.
20. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 1977. 382 с.
21. Отчет о деятельности в 2015–2016 годах / Региональное объединение работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Вологодской области». – URL: <http://media.rspp.ru/document/4/5/0/50bed0cd598f494d37b8c7fc203c9bd5.pptx> (дата обращения: 16.03.2017).
22. Porter М.Е. *The competitive advantage of nation.* New York: Free press, 1990. 855 p.
23. Вохмянин И.А. Вопросы формирования механизма развития конкурентной среды в экономике региона // Известия вузов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2016. № 1(27). С. 91-96.

Сведения об авторе

Иван Андреевич Вохмянин – инженер-исследователь, аспирант, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: vokhmyanin35ivan@rambler.ru)

Статья поступила 16.03.2017.

Vokhmyanin I.A.

Developing an Organizational and Economic Mechanism for Shaping and Regulating the Competitive Environment in the Regional Economy

Abstract. The processes of economic development of countries, industries, and enterprises are necessarily accompanied by the competition between the subjects of economic activity. That is why it is important to create favorable conditions for them, to form a competitive environment that meets market principles of economic activity, taking into account minimum intervention of the government in the functioning of the market. Russia is inferior to many countries – even to the former Soviet republics – in terms of favorable business environment; it ranks 40th in the Doing Business rating. Since there is no system approach to

the formation of a competitive market environment and state competition policy is carried out with the help of economic coordination of economic entities, it becomes relevant to determine the set of elements (subjects, objects, methods, tools, etc.) regulating this area, and to study the links between them. Based on this, the goal of the present study is to develop an organizational and economic mechanism to shape and regulate the competitive environment in the regional economy. To achieve the goal of the article, we considered foreign experience in the formation of the competitive environment in the economy. Using a comparative analysis, we found that Russia has management practices typical of foreign countries, with the exception of effective privatization of enterprises. We studied the initial conditions for the creation of a mechanism to shape and regulate the competitive environment at the regional level (on the example of the Vologda Oblast). Thus, one of them is the need to organize the space for development in the field of entrepreneurship and competition; it is noted in the Strategy for socio-economic development of the Oblast for the period up to 2030. With the use of the calculation and analytical method and the method of generalization, we performed a critical analysis of the paragraph of the Strategy relating to this area of regulation. As a result, with the help of the system approach and synthesis, we designed a conceptual scheme for the proposed organizational and economic mechanism and described the action of its elements. The paper can be useful both for the authorities involved in the regulation of market relations, in the implementation of the standard for development of competition in the subjects of the Russian Federation, in the development of appropriate road maps, and programs, and for the representatives of the business community and researchers working in this field of studies.

Key words: competitive environment, regional economy, development strategy, foreign experience, Vologda Oblast, organizational and economic mechanism.

Information about the Author

Ivan A. Vokhmyanin – Research Engineer, Graduate Student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: vokhmyanin35ivan@rambler.ru)

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.8

УДК 316.452, ББК 60.54

© Гаврилец Ю.Н., Тараканова И.В.

Компьютерный анализ качественных особенностей формирования социально-идеологической структуры социума*

**Юрий Николаевич
ГАВРИЛЕЦ**

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр-т, д. 47
E-mail: yurkag@mail.ru

**Ираида Васильевна
ТАРАКАНОВА**

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр-т, д. 47
E-mail: Itar4@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является разработка специальной методологии анализа и прогноза массовых социальных взаимодействий, которая может использоваться в различных исследованиях процессов формирования социальных позиций и мнений населения. В статье предложен способ математического моделирования массовых социальных взаимодействий при сложном переплетении социальных контактов, влиянии информационных каналов и влиянии внешней среды. Основой модели служат содержательные представления о причинно-следственных связях между численностями социальных групп, их изменениями в результате взаимных переходов, о влиянии на социально-психологическую установку мнений других участников и различных СМИ, возможных внешних воздействиях на эффективность пропаганды. В отличие от традици-

* Работа выполнена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01080.

Для цитирования: Гаврилец Ю.Н., Тараканова И.В. Компьютерный анализ качественных особенностей формирования социально-идеологической структуры социума // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 116-131. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.8

For citation: Gavrilets Yu.N., Tarakanova I.V. Computer analysis of qualitative features in the formation of the socio-ideological structure of society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 116-131. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.8

онно используемых дифференциальных уравнений, когда главное внимание уделяется анализу стационарного состояния, в статье предлагается анализировать динамику численностей групп при использовании простых модификаций цепей Маркова, когда переходы участников из одной группы в другие происходят не единообразно, а распределяются на несколько временных периодов, а вероятности переходов зависят от текущего состояния. Для этого используются компьютерные программы, выражающие итеративные процедуры Марковских цепей с дополнительными промежуточными состояниями. Важной особенностью, отличающей наш подход от других моделей, является опора на социологическую теорию, требующую рассматривать социальное поведение как зависимое от таких переменных, как социально-психологическая установка членов социальных групп. В работе учитываются также факторы, определяющие установки, а именно – социальные контакты между людьми и доступные участникам информационные каналы разных типов. На имитационных расчётах показано, как может влиять эта установка на межгрупповые переходы при формировании социально-идеологической структуры социума. В целом данные модели являются неким ситуационным стендом, на котором можно изучать особенности формирования идеологической структуры социума. При наличии статистических или экспертных данных разработанные модели могут использоваться при анализе социально-политических региональных проблем.

Ключевые слова: установка, идеологическая структура общества, социальные группы, социальные контакты, СМИ, динамика, вероятности межгрупповых переходов.

1. Важность информации в формировании поведения человека.

Огромная сложность современного мира, информационные потоки, охватывающие все его составные части между всеми его частями, компьютеры и электронное оборудование, являющиеся необходимыми средствами управления, – всё это привело к таким понятиям, как «цифровая экономика», «электронное правительство» и т.п. Необходимость принятия эффективных управленческих решений по всем социально-экономическим проблемам даёт право говорить и о «цифровой социологии» в широком смысле этого слова.

Информация, возникающая в обществе, в определённой степени становится демиургом этого общества, поскольку все более активно влияет на мнения людей об окружающей их действительности и формирует предпочтения социальных групп. Регулярные атаки американских СМИ на своего президента, споры в социальных сетях и о социальных сетях, бесконечные противоречивые выступления и комментарии разных политиков и экспертов, демонстрации, созданные через Интернет, и столкновения на митингах – всё это превращает социум в кипящее море живых людей и информационных потоков.

В связи с этим перед исследователями социально-экономической и политической действи-

тельности встаёт задача понять закономерности и причинно-следственные отношения, возникающие в процессе взаимодействия информации и социальных групп [1, с. 207-214].

Теме влияния СМИ, Интернета и т.п. на общественное мнение, на социально-политическое поведение посвящено немало работ как отечественных, так и за рубежом. Многочисленные работы западных и отечественных авторов направлены в основном на моделирование распространения слухов как инфекции [2, с. 50-54; 3, с. 457-470; 4; 5], анализ влияния рекламы на поведение потребителей, возникновение стадного поведения людей, претензий к власти [6; 7, с. 58-64], формирование протестных групп и подготовку революций [8, с. 440-460; 9, с. 76-188; 10, с. 384-434]. В ряде работ [11; 12] проводится жёсткая критика massmedia, оболванивающих под видом демократии население, и рассматриваются в этом плане общие проблемы современной цивилизации [13;14]. Большая группа отечественных исследователей из Института прикладной математики РАН и Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, развивая модели распространения слухов, разработали математические модели в виде дифференциальных уравнений – для описания информационного противоборства в социуме [15; 16, с. 65-74; 17, с. 29]. В Центральном экономико-математическом институте РАН

в последние годы анализировались модели идеологического противостояния в обществе и проводились статистические исследования факторов протестного движения в России [18, с. 45-66].

В октябре 2016 года в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Ситуационные центры 2016», на которой обсуждались вопросы создания в России системы распределённых ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия. На конференции были доложены и результаты исследований учёных РАН и Высшей школы. По мнению авторитетных ученых и практиков, такие центры в разных регионах страны должны иметь возможность анализировать социально-экономические и социально-политические ситуации и рекомендовать управляющим органам разных уровней научно обоснованные варианты решений по необходимым действиям. Естественно, их выработка должна опираться на обработку больших массивов разнородной информации, отражающей ситуацию, что предполагает её выражение в форме некоторой математической модели, которая допускает компьютерную обработку.

2. Цель данного исследования.

Целью настоящей статьи является разработка специальной методологии анализа и прогноза *массовых* социальных взаимодействий, которая может быть полезной для функционирования ситуационных центров. Она посвящена компьютерному моделированию соотношений, закономерно складывающихся в процессах взаимодействия на «политико-идеологическом поле» между социальными группами, средствами массовой информации и внешней средой. Работа предполагает принципиальную возможность использования специальной статистической информации, однако при проведении и анализе результатов вычислительных экспериментов мы пользовались условными данными. На чисто умозрительном, качественном уровне невозможно проследить, к чему приведут действия всех участников социального взаимодействия, как будут меняться их многочисленные характеристики и свойства. Поэтому использование возможностей компьютеров даже на условных данных позволяет выявлять

роль соотношений между такими параметрами, как доступность информационных каналов, их сила влияния, склонность человека к подражанию, фактор случайности и т.п.

По характеру математического аппарата и способу моделирования данная работа в определённой степени перекликается с подходами в статьях [16, с. 65-74; 17, с. 29] и др., поскольку в этих работах, как и у нас, анализируются свойства моделей виртуальной реальности.

Математически изящные модели в виде дифференциальных уравнений указанных выше авторов хороши тем, что часто позволяют получить явное выражение стационарного состояния и анализировать его зависимость от параметров модели. Однако для проведения практических расчётов, например прогнозных, по нашему мнению, удобнее использовать разностные уравнения, которые по своей природе близки причинно-Марковским зависимостям. Тем более что для практического использования модели необходимо проводить статистическое оценивание параметров не только для предельных состояний, но и на других временных интервалах. По этой причине мы вводим разностные соотношения с самого начала, указывая возможности отражения в них индивидуальных различий участников за счёт введения промежуточных состояний. Проводимые затем вычислительные эксперименты с виртуальной реальностью, по которым можно судить о свойствах социума, дают возможность увидеть различные варианты социальных изменений в результате сложных взаимодействий между социальными группами, средствами массовой информации и внешними условиями жизни.

Существенно, что *качественные выводы* могут быть сделаны уже на ранних стадиях процесса на основе количественных расчётов с использованием компьютерных технологий. При наличии же количественных оценок параметров моделей становится возможным анализировать реальные социально-политические ситуации и решать конкретные задачи прогноза и управления.

Отметим ещё две особенности нашего подхода по сравнению с упомянутым математическим подходом общего описания процессов распространения информации. Во-первых, содержательно мы следуем социологическим

представлениям о зависимости поведения от допускающей количественное измерение *установки* человека, на которую влияют как непосредственные социальные контакты, так и СМИ. Во-вторых, в статье рассматривается *полярность интересов* основных групп населения.

3. Социально-этические установки социальных групп.

Приведем предположения о свойствах реальности, которые далее выражаются математическим языком.

Рассматриваемое сообщество (этим сообществом может быть молодёжь, население региона, электорат накануне выборов и т.д., и т.п.) состоит из нескольких социальных групп, каждая из которых характеризуется своим типом отношения к действительности и возможному поведению.

Отношение людей к действительности, их субъективные оценки (как правило, положительные или отрицательные), склонность к чему-то, выступает латентной характеристикой и проявляется в отдельных высказываниях или поведении. Мы называем его установкой, которая характеризует готовность к определённому поведению и которую можно измерять в определённых шкалах [19]. Примером установок могут служить оценки программ и лозунгов политических партий, отношение к вопросам свободного секса и моральной строгости, толерантности, к вопросам религиозной веры и атеизма и т.д.

Социологи выявили, что установки участников групп могут меняться либо в результате социальных контактов (эффект подражания), либо под воздействием принимаемой информации со стороны некоторых каналов СМИ, рекламы и пр. В свою очередь установки членов группы влияют на поведение, задавая, в частности, вероятности принятия тех или иных решений. В результате реализованного поведения людей возникают разные группы условно одного и того же типа, что и определяет социальную структуру общества в разрезе соответствующих установок и поведения.

4. Основные переменные и параметры модели.

В модели рассматриваются 3 основные группы (2 активные и одна нейтральная) и несколько «промежуточных» групп, члены которых вышли из основных групп и некоторое время не участвуют в социальных контактах.

При модельных расчетах используются следующие обозначения постоянных параметров и переменных для момента времени t :

x_t – количество участников 1-ой активной группы;

z_t – участников 2-ой активной группы;

y_t – участников нейтральной («пассивной») группы;

$e1_t, e2_t$ – количественное выражение установок на поддержку целей 1-ой и 2-ой активных групп, выражаемое в определённой числовой шкале;

$E1, E2$ – количественное выражение значений «навязываемых» СМИ установок (как правило, количество информационного негатива или позитива в адрес поведения и целей активных групп), измеряемое в той же шкале, что и $e1, e2$;

ρ, π – вероятности автономного сокращения численности 1-ой и 2-ой активных групп в момент времени t ;

$p \cdot \Phi(e), r \cdot \Phi(e)$ – произведения параметров p, r на монотонную функцию от установки участника (в нашем случае так называемый интеграл вероятности), обозначающие вероятности перехода из группы «пассивных» в 1-ую или 2-ую активную группы под воздействием приобретённой установки e ;

$A1, A2$ – параметры, обозначающие силу влияния отклонения от навязываемого стандарта на изменение текущего значения установки;

$B1, B2$ – параметры, обозначающие силу влияния представлений участника о численном соотношении между активными группами на изменение текущего значения установки.

5. Социально-этическая структура социума и её изменение.

Социально-этическая структура социума определяется соотношением численностей групп: x, y, z , когда члены первой (x) и второй (z) активных групп самоидентифицируют себя как таковых, а члены пассивной группы (y) не относят себя ни к одной из активных. Примером социально-политической установки может служить измеряемое многими социологами намерение голосовать за определённую партию, степень доверия кандидату на выборах или государственному деятелю, оценка их определённых качеств и т.п.

Изменение значения установки происходит под влиянием двух процессов коммуникации: под влиянием возможных контактов с представителями активных групп, а также под воздействием принимаемой информации соответствующего канала. По предположению моделей, информацией канала каждому реципиенту «рекомендуется» конкретное значение «стандартной» установки ($E1$ или $E2$), выражающее собой, как правило, отрицательный или положительный тон по отношению к предмету агитации, что может измеряться в определённых количественных шкалах.

Разница между навязываемым стандартом и текущим значением установки $E-e$ создаёт психологический дискомфорт, который под дополнительным влиянием социальных контактов с другими участниками может меняться в ту или иную сторону. Согласно простейшей гипотезе, вполне проверяемой [20, с. 110-134], возможное изменение установки вследствие прямого влияния навязываемого стандарта пропорционально величине этой разности:

$$\Delta = A \cdot (E - e).$$

Можно также считать, что изменение происходит нелинейно, убывая по мере приближения к стандарту:

$$\Delta = A \cdot (\text{cnorm}(E - e) - 0.5).$$

Функция $\text{cnorm}(\cdot)$ представляет собой так называемый интеграл вероятности, она монотонно растёт от 0 до 1 (здесь мы следуем подходу известного учёного [15]).

На *рис. 1* показано, что при значении установки $u < E1=5$ величина её изменения положительна, при $u > E1$ — отрицательна. Влияние на изменение установки вследствие возможных социальных контактов взаимодействия, обычно считается, зависит от частоты встречаемости со сторонниками той и другой позиции. Вероятность таких контактов можно моделировать, считая её либо пропорциональной преобладанию доли той или иной позиции среди активистов, либо пропорциональной этой доле по отношению к численности всей нейтральной группы. Ясно, что вид статистической связи должен определяться данными объективного наблюдения. Тогда величины изменения могут быть представлены, например, так:

$$A \cdot (E - e) + B \cdot \frac{x - z}{x + z} \cdot y,$$

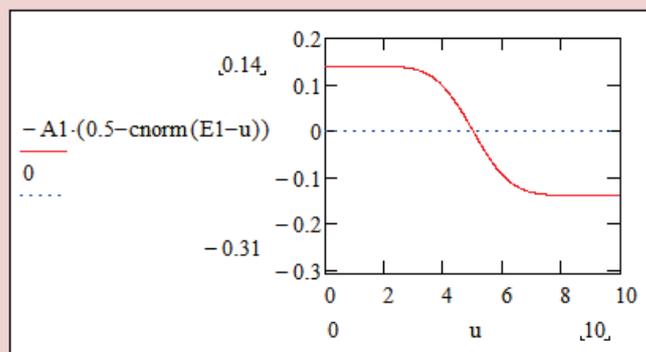
или так:

$$A \cdot (\text{cnorm}(E - e) - 0.5) + B \cdot \frac{x - z}{x + z} \cdot y, \quad (1)$$

где коэффициенты A и B сопоставляют влияние на текущую установку отличия от стандарта E и численного перевеса $(x-z)$ той или иной группы. При положительности этой суммы величина установки будет расти, а при отрицательности — уменьшаться.

Выразим теперь идейный смысл основной модели формулами для простейшей макромодели равновесия, когда выполняется требование равенства нулю изменений в численностях групп x , y , z и изменений установок $e1$ и $e2$.

Рис. 1. Нелинейная зависимость изменения установки

Источник: составлено по расчетам авторов.

Уравнения равновесия (Модель Ia):

$$\begin{aligned}
 1. & -x \cdot \rho + r \cdot \text{cnorm}(e1) \cdot y = 0 \\
 2. & -r \cdot \text{cnorm}(e1) \cdot y - p \cdot \text{cnorm}(e2) \cdot y + \rho \cdot x + \pi \cdot z = 0 \\
 3. & -\pi \cdot z + p \cdot \text{cnorm}(e2) \cdot y = 0 \\
 4. & A1 \cdot (E1 - e1) + B1 \cdot \frac{x-z}{x+z} \cdot y = 0 \\
 5. & A2 \cdot (E2 - e2) + B2 \cdot \frac{z-x}{x+z} \cdot y = 0 \\
 6. & x + y + z = N, \text{ где } N - \text{общее число участников.}
 \end{aligned}$$

Первое соотношение показывает, что в равновесии выбывание (ρ — доля уходящих) из первой активной группы полностью компенсируется той долей членов нейтральной группы, воспринявших информацию источников первого вида и получивших установку $e1$, под воздействием которой с вероятностью $r \cdot \text{cnorm}(e1)$ они ушли из нейтральной группы. Третье соотношение аналогично первому и описывает ситуацию с равновесием z -участников. Второе соотношение указывает равенство между числом пришедших из активных групп и числом ушедших в активные группы.

Таким образом, из активных групп участники автономно выходят в нейтральную с известными вероятностями (ρ , π). Приход же в них происходит из нейтральной группы с вероятностями $r \cdot \text{cnorm}(e1)$ и $p \cdot \text{cnorm}(e2)$. Четвёртое и пятое равенства показывают, как влияние информации $E1$, $E2$ из СМИ на текущую установку $e1$, $e2$ (коэффициенты влияния $A1$, $A2$) увязывается с информацией, получаемой путём межгрупповых контактов (коэффициенты влияния $B1$, $B2$). Значения параметров, при которых произведены расчёты равновесия данной модели:

$$\begin{aligned}
 A1=0.28, A2=0.28, B1=0.05, B2=0.045, E1=6, \\
 E2=6, r=0.01, p=0.015, \\
 \rho=0.015, \pi=0.015, N=1000.
 \end{aligned}$$

Решением этих уравнений равновесия являются значения переменных:

$$x=181.531, y=106.762, z=711.717, e1=0, e2=6.$$

За счёт различия в параметрах $B2 > B1$ и $p > r$, означающего большую склонность к подражанию и большее влияние установки на переход, z -группа получает явное преимущество: $z > x$.

6. Модели динамики структуры социума.

Динамика численностей для этого простейшего случая может быть представлена системой разностных уравнений, куда добавлены логические условия, задающие интервал для значений установок. Время в моделях дискретно и пробегает значения от $t_0=0$ до необходимого числа итераций. При всех проводившихся расчетах исходные данные (параметры) задавались искусственно и экспертно с учётом выполнявшихся ранее исследований [20, с. 110-134; 21, с. 107-118]. Дополнительно проводилось несколько тысяч вариантных расчётов с целью проверки структурной устойчивости моделей.

Говоря о задаваемых параметрах модели, необходимо особо указать на один факт, которому не всегда уделяется должное внимание при моделировании социально-экономических процессов. Речь идёт о, казалось бы, вспомогательных параметрах, с помощью которых мы переходим от дифференциальных к разностным уравнениям — о параметрах h_k , задающих величину шага или скорости изменения показателей итеративного процесса.

В случае дифференциальных уравнений они, конечно, обеспечивают (своей малостью) близость решений разностных и дифференциальных уравнений. Но от их количественных соотношений между собой зависит устойчивость стационарного состояния. А в случае моделей «марковского» характера они ещё определяют скорость, с которой реально происходит изменение моделируемых показателей. Фактически они являются равноправными параметрами модели и так же, как и другие, должны оцениваться статистически по наблюдениям, как это мы делали в других работах. Применительно к рассматриваемым моделям отметим, что величины h -коэффициентов для переменных x , y , z могут считаться одинаковыми в силу однородности показателей численности. Это же в некоторой степени справедливо для h -коэффициентов у переменных $e1$ и $e2$. Что же касается их численных значений, то это зависит от общих предположений модели. При конкретном моделировании можно уточнять, влияние какой пропаганды усваивается быстрее, какой — медленнее.

Простейшая динамическая *Модель 1b* характеризуется прежними параметрами и начальными значениями переменных: $x_0=50$, $y_0=900$, $z_0=50$; скорости изменения $h_0=0.1$, $h_1=0.1$, $h_2=0.1$, $h_3=0.015$, $h_4=0.015$:

$$\begin{aligned}
 x_{t+1} &= x_t + h_0 \cdot [-x_t \cdot \rho + r \cdot \text{cnorm}(e1_t) \cdot y_t] \\
 y_{t+1} &= y_t + h_1 \cdot [-r \cdot \text{cnorm}(e1_t) \cdot y_t - p \cdot \text{cnorm}(e2_t) \cdot y_t + \rho \cdot x_t + \pi \cdot z_t] \\
 z_{t+1} &= z_t + h_2 \cdot [-\pi \cdot z_t + p \cdot \text{cnorm}(e2_t) \cdot y_t] \\
 e1_{t+1} &= \text{if} \left[e1_t \leq 0, 0, \text{if} \left[e1_t \geq E1, E1, e1_t + h_3 \left[A1 \cdot (E1 - e1_t) + B1 \cdot y_t \cdot \frac{x_t - z_t}{x_t + z_t} \right] \right] \right] \\
 e2_{t+1} &= \text{if} \left[e2_t \leq 0, 0, \text{if} \left[e2_t \geq E2, E2, e2_t + h_4 \left[A2 \cdot (E2 - e2_t) + B2 \cdot y_t \cdot \frac{z_t - x_t}{x_t + z_t} \right] \right] \right]
 \end{aligned}$$

При моделировании изменений установок, не теряя общности, делается предположение, что шкальные значения лежат в диапазоне от 0 до 6, можно выбирать шкалы и других диапазонов в зависимости от конкретных случаев. Чтобы не получать при расчётах значения установок за пределами нуля и $E1$, $E2$, в двух последних уравнениях системы введены специальные логические условия, обеспечивающие необходимые ограничения.

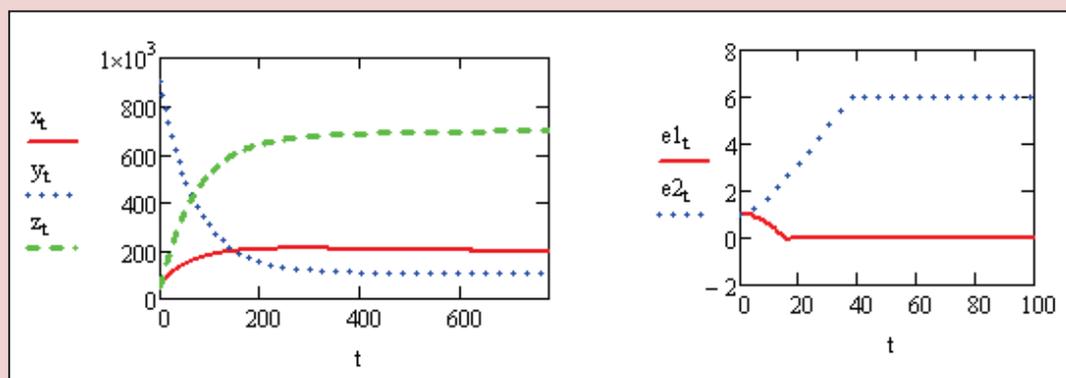
В результате расчётов стационарное решение этой системы (состояние при $t = 500$) совпадает с прежним равновесием. Заметим, что

суммарное изменение всех численностей равно N , что означает неизменность во времени общей численности всех групп. Траектории поведения, начинавшиеся из начального состояния, зависят от значений параметров модели.

График на *рис. 2* показывает, что уже на 400-й итерации процесс стабилизируется и совпадает с равновесием.

Необходимо теперь заметить, что моделирование динамики установок путём последовательных итераций по типу стандартных Марковских цепей, как в *Модели 1b* (впрочем, и

Рис. 2. Траектории динамики переменных модели

Источник: составлено по расчетам авторов.

при стандартном решении дифференциальных уравнений с помощью разностных схем), обладает существенным недостатком. Поскольку вероятность перехода отдельного члена группы (доля группы) зависит только от самой группы, то она будет одной и той же для всех её членов независимо от того, когда и как он попал в эту группу, т.е. все члены группы между собой не различаются и одновременно осуществляют переходы.

Правда, мы рассматриваем переходы не Марковских цепей, а «типа Марковских» (вводя скорости изменений h -коэффициентами), т.к. за один такт меняет состояние только небольшая часть группы. Всё равно недостаток общей «марковости» ослабляет модель, и, чтобы уменьшить этот дефект, мы вводим далее дополнительно некоторое число «промежуточных» групп – по моментам переходов – участники которых стали другими. В результате, чтобы стать «равноправным» членом конкретной группы, переходящий член должен пройти последовательно несколько этапов. Такой приём, конечно, увеличивает число переменных и размерность системы, но зато делает модель более адекватной реальности.

Далее мы построим и исследуем именно такую, более правдоподобную модель, которая является как бы промежуточным «мало-размерным» вариантом так называемых «агентно-ориентированных» моделей [22], в которых участниками являются отдельные индивиды.

Дополнительно введём более определённое предположение о зависимости численности переходящих от распространённости и доступности информационных каналов. Этот факт отражается в модели вероятностью подключения к каналам ($q1$ и $q2$). Дополнительно к предыдущей модели (кроме введения этих вероятностей) мы отразим и влияние на переход частот социальных контактов.

Участник-нейтрал в зависимости от распространённости СМИ первого или второго канала с вероятностью $q1$ или $q2$ попадает в подгруппу носителей соответствующей установки ($e1$ или $e2$), принимающих информацию ориентации $E1$ или $E2$. Изменение текущей

установки далее описывается приведённой выше формулой (1). После этого в результате коммуникаций с активными членами и под влиянием приобретённой установки ($e1$ или $e2$) происходит сам переход с вероятностью, зависящей от обоих результатов коммуникации. Попавшие под влияние x -идеологии составляют $q1 \cdot y$ участников. Вероятность «идти дальше» зависит от распространённости её сторонников и информационно-психологического давления со стороны СМИ, что приводит к росту числа сторонников x -идеологии на величину $q1 \cdot \left(r \cdot \frac{x}{x+z} + G1 \cdot cnorm(e1) \right) \cdot y$. Попавшие под влияние z -идеологии образуют $q2 \cdot y$ участников. Это приводит к росту числа сторонников z -идеологии на величину $y \cdot q2 \cdot \left(p \cdot \frac{z}{x+z} + G2 \cdot cnorm(e2) \right)$. Разумеется, обе дроби в этих формулах, обозначающие соотношения между численностями групп, в действительности не могут быть известны конкретному участнику. Однако если они отражают реально существующую и изменяющуюся пропорцию между типами людей в обществе [23; 24], то, согласно принципам социальной психологии [25] в современном информационном обществе, влияние такого факта на поведение не должно вызывать сомнения, а современные статистические процедуры способны оценить необходимые значения параметров.

Не предполагая теперь одинаковость всех членов одной группы, считаем, что после ухода из одной группы участник некоторое число тактов находится в промежуточном состоянии, по которым участники теперь отличаются один от другого. Поскольку нас интересуют здесь методологические аспекты, мы ограничиваемся рассмотрением только двух промежуточных переходов, хотя их число может быть увеличено. У нас уравнения динамики будут отражать два дополнительных момента времени и соответствующие им промежуточные группы Δx , Δy , x_x , y_y . В расчётных формулах модели эти переменные записаны с одним и тем же индексом момента времени t , хотя содержательно относятся к предыдущим: x_x , y_y отстают на 1 шаг, а Δx , Δy – на 2.

Тогда уравнения динамики выглядят следующим образом:
 Модель II (базовая)

1. $x_{t+1} = x_t + h_0 \cdot (-x_t \cdot \rho + xx_t)$
2. $xx_{t+1} = \Delta x_t$
3. $\Delta x_{t+1} = q1 \cdot \left(r \cdot \frac{x_t}{x_t + z_t} + G1 \cdot cnorm(e1_t) \right) \cdot y_t$
4. $y_{t+1} = h_1 \cdot \left[-q1 \cdot \left(r \cdot \frac{x_t}{x_t + z_t} + G1 \cdot cnorm(e1_t) \right) \cdot y_t - q2 \cdot \left(p \cdot \frac{z_t}{x_t + z_t} + G2 \cdot cnorm(e2_t) \right) \cdot y_t \right] + yy_t$
5. $yy_{t+1} = \Delta y_t$
6. $\Delta y_{t+1} = x_t \cdot \rho + \pi \cdot z_t$
7. $z_{t+1} = z_t + h_2 \cdot (-\pi \cdot z_t + zz_t)$
8. $zz_{t+1} = \Delta z_t$
9. $\Delta z_{t+1} = q2 \cdot \left(p \cdot \frac{z_t}{x_t + z_t} + G2 \cdot cnorm(e2_t) \right) \cdot y_t$
10. $e1_{t+1} = if \left[e1_t \leq 0, 0, if \left[e1_t \geq E1, E1, e1_t + h_3 \left[A1 \cdot (E1 - e1_t) + B1 \cdot y_t \cdot \frac{x_t - z_t}{x_t + z_t} \right] \right] \right]$
11. $e2_{t+1} = if \left[e2_t \leq 0, 0, if \left[e2_t \geq E2, E2, e2_t + h_4 \left[A2 \cdot (E2 - e2_t) + B2 \cdot y_t \cdot \frac{z_t - x_t}{x_t + z_t} \right] \right] \right]$

Модель реализована и просчитана авторами в пакете MATHCAD на условных данных.

Попавшие (с вероятностями $q1, q2$) под влияние информационных каналов образуют первую «промежуточную группу» (Δx и Δz), после этого через этап они попадают в следующую промежуточную группу (xx и zz). И только на следующем этапе они становятся равноправными членами соответствующей активной группы. Аналогичная процедура происходит с выбывающими из пассивных групп (Δy и yy). Уравнения для изменения установки содержат также логические условия, обеспечивающие значения установки между нулём и $E1$ или $E2$.

Рассмотрим динамику траекторий с начальными условиями $x_0 = z_0 = 100$, $y_0 = 800$, $e1_0 = 1$, $e2_0 = 3$ и при следующих значениях параметров:

$A1=0.28$, $A2=0.28$, $B1=0.05$, $B2=0.05$, $E1=6$, $E2=6$, $G1=0.43$, $G2=0.43$, $r=0.01$, $p=0.031$, $q1=0.32$, $q2=0.20$, $\rho=0.015$, $\pi=0.015$.

Результаты расчётов представлены в табл. 1 и на рис. 3.

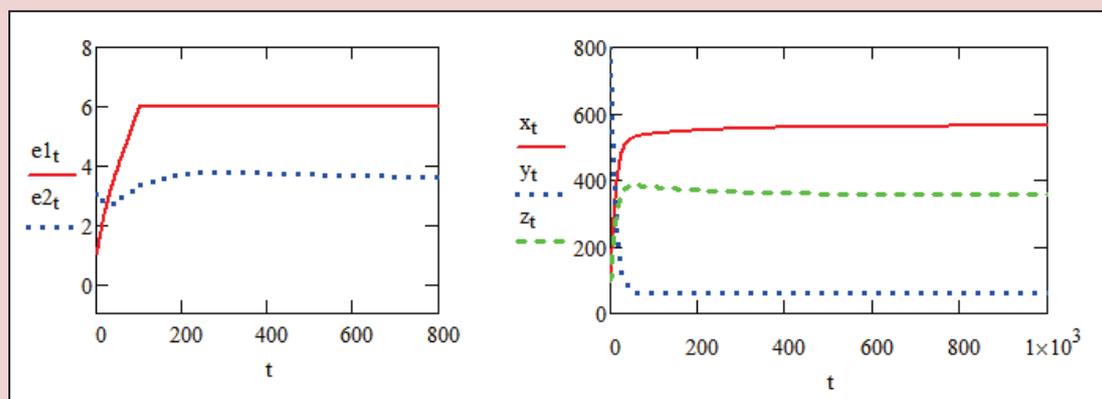
Начальные численности активных групп одинаковы. Начальная установка ($e2_0=3$) у контактирующих с z -СМИ больше, чем у контактирующих с x -СМИ ($e1_0=1$); значимость социальных контактов для переходов z -группы также больше, чем у x -группы ($p > r$). Тем не менее за счёт большей распространённости x -СМИ ($q1 > q2$) предельные установка и численность x -группы превосходят значения их «конкурентов».

Таблица 1. Стационарные значения переменных

X	xx	Δx	y	yy	Δy	z	zz	Δz	$e1$	$e2$
563.03	8.445	8.445	60.515	13.794	13.794	356.592	5.35	5.35	6	3.6

Источник: составлено по расчетам авторов.

Рис. 3. Траектории переменных модели

Источник: составлено по расчетам авторов.

Мы также видим, что численность переходящих за один такт итерации («промежуточных» групп) гораздо меньше основных, что естественно, так как группы трансформируются постепенно. А доли переходящих в активные группы определяются и распространённостью пропаганды ($q1, q2$), вероятностями контактов (p, r) и силой воздействия установки ($G1, G2$). В данном виртуальном мире x -идеология побеждает альтернативную довольно быстро.

7. Модель с постоянным процентом «неподдающихся» (Модель III).

Чтобы подчеркнуть определённую универсальность нашего подхода, были рассчитаны траектории основной модели при *нелинейном законе влияния на установку со стороны СМИ* согласно

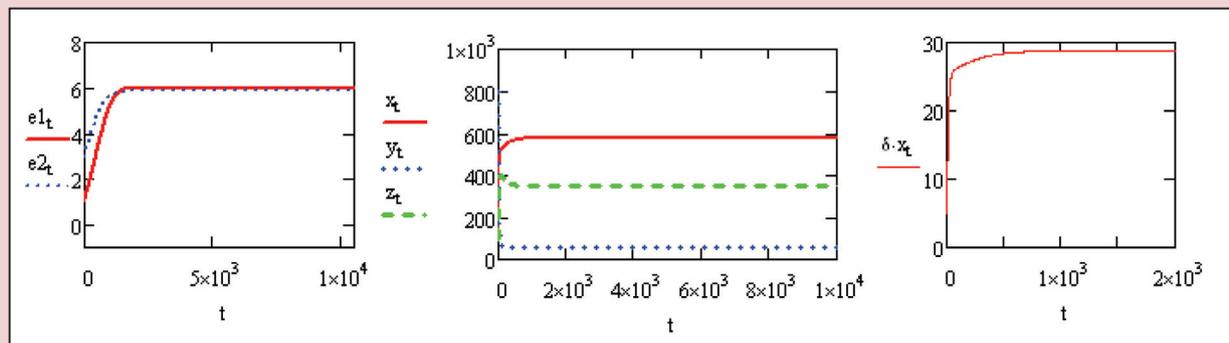
(1). Кроме того, был введён новый параметр δ , обозначающий неизменную долю тех членов активной первой группы («неподдающиеся»), которые при любом t не уходят из неё. Теперь уравнения 1 и 6 в *Модели II* заменяются на такие:

$$x_{t+1} = x_t + h_0 \cdot [-(1 - \delta)x_t \cdot \rho + \pi x_t]$$

$$\Delta y_{t+1} = (1 - \delta)x_t \cdot \rho + \pi \cdot z_t$$

Графики на *рис. 4* показывают, что характер траекторий численностей практически не меняется, но обе установки стремятся к своему пределу. На третьем из них видно, что количество наиболее «стойких» (или «консервативных») участников быстро стабилизируется и не меняется.

Рис. 4. Траектории переменных Модели III

Источник: составлено по расчетам авторов.

Таблица 2. Зависимость стационарных значений от начальных

Начальные	Решение				
	x	y	z	$e1$	$e2$
$x_0; y_0; z_0$					
50; 900; 50	457.789	78.93	457.789	6	6
80; 900; 20	594.97	102.19	297.485	6	0

Источник: составлено по расчетам авторов.

Рассмотрим ещё одну имитацию реального процесса при разных вариантах значений отдельных параметров. Сначала пусть параметры для всех групп одинаковы ($G1=G2$, $p=r$, $q1=q2$, $\rho=\pi$), а начальные значения переменных представлены в 1 столбце *табл. 2*.

Поведение переменных x и z при $t > 0$ не различается, достигая своего конечного состояния (см. на первой строчке *табл. 2*), а нейтральная группа тоже приходит в своё стационарное состояние. Однако даже небольшое преобладание одной из начальных численностей активных групп $x=80$, $z=20$ сохраняет преобладание на весь период (вторая строка), как и в предыдущем случае. Характерно, что перевес по численности второй группы в силу эффекта подражания «заглушил» даже тот уровень установки z -группы ($e1_0=e2_0=2$), который был вначале. Этот факт показывает роль социальных контактов при различии численностей групп.

Компьютерные расчёты показывают, как можно компенсировать небольшую начальную численность одной из групп для обеспечения в дальнейшем её преобладания. Во-первых, можно уменьшить разрыв, выравнять численность или даже увеличить её, увеличивая распространённость СМИ (коэффициенты $q2$). Во-вторых, можно увеличить силу влияния установки на переходы из нейтральной группы в активную (p , $G2$). При уменьшении распространённости СМИ второй группы ($q2$) увеличивается численность x -группы за счёт остальных групп. При увеличении параметров p и $G2$ численность нейтральной группы y , а также z сокращается, в то время как x -группа усиливается. При одновременном уменьшении распространённости каналов СМИ $q1$, $q2$ численности в активных группах (z , x) сокращаются, а в нейтральной (y) – увеличиваются. Проведённые расчёты подтвердили эти возможности.

8. Модель с внешними влияниями (Модель IV).

Модель III описывает взаимодействие социальных групп с информационными каналами, когда кроме указанных факторов больше ничто на мнения и поведение группы не влияет. И при известных значениях параметров модель является методом прогнозирования наблюдаемых процессов. Поведение населения всегда находится под влиянием общих условий, в которых оно находится: это уровень жизни, рост цен, политические события в обществе и пр. Именно эти условия определяют фиксированные значения параметров модели. Это обстоятельство может быть отражено *в виде зависимости* от внешней среды параметров, определяющих вероятности поведения: уйти из группы активистов (ρ , π), перейти из нейтральной группы в какую-то активную группу (r , G), с большим или меньшим доверием воспринимать информацию (A , B). Можно также отразить усиление или уменьшение эффективности информационного влияния за счёт дополнительных средств на рекламу, пропаганду и агитацию. Тем самым модель становится моделью управления, поскольку, зная, как надо изменять, например, параметры q или G , мы увеличиваем численность группы.

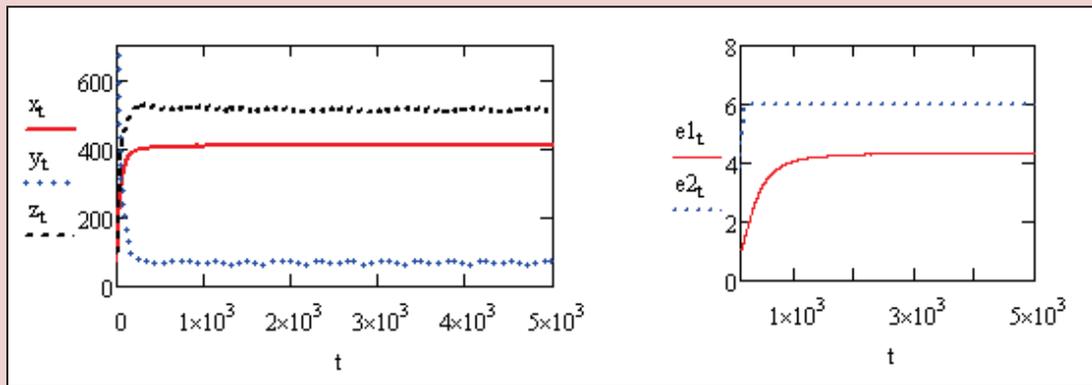
Конкретно, в определённом варианте расчётов по *Модели IV* предполагается, что с течением времени на переходы из нейтральной группы в группу z -активистов оказывается внешнее влияние, проявляющееся в том, что коэффициент $G2$ (влияние установки на переходы) периодически увеличивается на некоторую величину. В результате происходит естественное увеличение численности z -группы. Если изменение проявляется регулярно в виде периодически возникающего «довеска» Ψ , то определённого стационарного состояния не существует, а появится некий аттрактор, задающий множество возможных состояний. Это приводит к колебательному усилению z -пропаганды и, при прочих равных условиях, преобладанию численности в z -группе (*табл. 3, рис. 5 и 6*).

Таблица 3. Квазистационарные значения переменных для t=1000

Ψ	x	xx	Δx	y	yy	Δy	z	zz	Δz	$e1$	$e2$
0.757	411.94	6.53	6.50	74.47	13.78	13.78	507.37	10.5	10.98	4.33	6

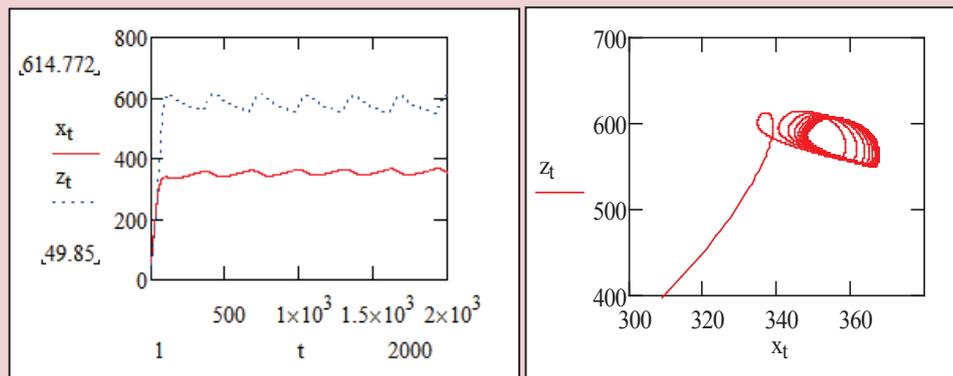
Источник: составлено по расчетам авторов.

Рис. 5. Траектории переменных Модели IV

Источник: составлено по расчетам авторов.

Рис. 6. Зависимость траекторий от периодических внешних влияний

Источник: составлено по расчетам авторов.

В Модели IV величина Ψ представляет собой увеличение прежнего значения параметра G, изменение моделируется некоторой синусоидой во времени:

$$\Psi = G2 + d \cdot \Phi(2 \cdot \sin(k \cdot t) - 1) \cdot 2 \cdot \sin(k \cdot t) - 1.$$

Коэффициент d – множитель, задающий величину дополнительного слагаемого. Функция $\Phi(\cdot)$ оставляет только положительные значения аргумента. Каждые $x = \frac{2 \cdot \pi}{k}$ промежутков времени значение величины «вливания»

повторяется, а коэффициент k характеризует эту частоту. Естественно, что новые значения отличаются от полученных ранее без внешнего влияния.

Эта модель получается из Модели II добавлением начальной строки для определения Ψ , а также изменением строк 5 и 10:

$$y_{t+1} = h_1 \cdot \left[-q2 \cdot \left(p \cdot \frac{z_t}{x_t + z_t} + \Psi_t \cdot \text{cnorm}(e2_t) \right) \cdot y_t - \dots \right] + y_t$$

$$\Delta z_{t+1} = q2 \cdot \left(p \cdot \frac{z_t}{x_t + z_t} + \Psi_t \cdot \text{cnorm}(e2_t) \right) \cdot y_t$$

Параметры данной модели одинаковы для обеих активных групп за исключением введённого Ψ .

$$h_0=0.1, h_1=0.1, h_2=0.1, h_3=0.015, h_4=0.015,$$

$$A1=0.28, A2=0.28, B1=0.06, B2=0.06, E1=6, E2=6, G1=0.43, G2=0.43, r=0.01, p=0.01, q1=0.2,$$

$$q2=0.2, d=0.5, \rho=0.015, \pi=0.015.$$

Начальные значения переменных: $x=z=50$, $y=900$.

Вследствие внешнего влияния численность z -группы неравномерно увеличивается, приводя к колебательным изменениям численности остальных групп. В то же время предельные значения установок сохраняются неизменными, но разными по величине.

Технически аналогичным способом можно учесть влияние неопределённости при оценке того или иного параметра. Задавая такой параметр как случайную величину с известными характеристиками, мы можем получать набор возможных реализаций траекторий и исследовать структурную устойчивость модели, как это описано в нашей работе [2, с. 107-118].

9. Заключение.

Основной задачей, которую ставили перед собой авторы этой статьи, была разработка компьютерного подхода, способного отразить на основе простой математической модели сложные взаимодействия социальных групп между собой и СМИ, формирующие идейное миропонимание. Актуальность этой проблемы особенно ощущается, когда понятно, что социальным конфликтам всегда предшествует идейное расслоение.

В статье предложена отличная от других такая формализация динамики идеологической структуры социума, когда:

1. Изменение численностей групп происходит под влиянием социальных установок, а установки меняются в зависимости от численностей групп и влияния СМИ.

2. Для увеличения реалистичности моделей марковского типа введены «промежуточные переменные», относящиеся к нескольким предыдущим моментам времени. Это позволяет учитывать временные различия участников одинаковых групп.

3. Прогнозные и управленческие способности моделей увеличены за счёт рассмотренных факторов внешних влияний и возможности добавления случайных возмущений на параметры модели.

Важно отметить, что в статье рассматриваются массовые процессы, которые могут быть описаны статистическими показателями. Анализ формы организации членов групп, которая часто оказывается определяющей, не входил в задачу нашей работы. Разработанная программа на условных данных о виртуальном мире позволяет просматривать различные пути формирования социальных позиций населения, а при наличии реальных данных – выполнять варианты прогнозных расчётов и управляющих воздействий. В частности, на модельном уровне удаётся выявлять роли и факторов распространённости и доступности каналов СМИ, и их эффективности, и социальных контактов, что в совокупности приводит к самым различным эффектам. В экспериментальных расчётах показано, как с помощью СМИ и подготовленных социальных контактов можно влиять на формирование численностей социальных групп той или иной политической ориентации. Наконец, предложенные процедуры могут быть положены в основу создания «агентно-ориентированной» модели идеологического противостояния в обществе, в которой логика отражения реальности фактически соответствует логике наших моделей.

Конечно, «архимедовой точкой опоры» для реального решения задачи прогноза и управления потоками общественного сознания являются полнота и адекватность доступной информации. В свою очередь, это может быть реализовано только при наличии не отдельных частных статистических выборок, а действующего социологического мониторинга, что далее предполагает проведение грамотных эконометрических работ по оценке параметров моделей. На наш взгляд, основная часть математических соотношений в предложенных моделях при наличии реализованных (и наблюдаемых) данных может служить основой для построения эконометрических уравнений, из которых возможно получить оценки параметров модели. И самое сложное здесь то, что нужно иметь данные за несколько последующих моментов времени. Для этого, собственно, должна работать служба мониторинга.

В заключение хочется заметить, что, хотя предложенный подход ориентирован на описание политико-идеологического противостояния в обществе, он применим к моделированию ситуаций в различных сферах жизнедеятельности, например, при изучении таких позиций населения, как отношение к власти, идеологий государственника и либерала, строгого моралиста и сторонника свободной любви, верующих людей

и атеистов. В дальнейшем предполагается распространить наш подход на случай не двух, а большего числа конкурирующих групп, учесть социальные характеристики групп [24] и влияние нескольких внешних факторов, провести расчёты на основе реальных статистических данных. Предполагается также разработать эконометрические подходы к оцениванию параметров компьютерных моделей.

Литература

1. Шведовский В.А. Моделирование распространения информации в смежных социальных группах // Математические методы в социологическом исследовании. М.: Наука, 1981. С. 207-214.
2. Isea R., Mayo-García R. Mathematical analysis of the spreading of a rumor among different subgroups of spreaders // Pure and Applied Mathematics Letters. 2015. Pp. 50-54.
3. Nekovee M., Moreno Y., Bianconi G., Marsili M. Theory of Rumor Spreading in Complex Social Networks // Physica A. 2007. № 374. Pp. 457-470.
4. Thompson K., Castro Estrada R., Cinstron-Arias A. Deterministic Approach to the Spread of Rumors // Working paper. Washington. DC. USA, 2003.
5. Turchin P. Secular Cycles // Princeton University Press, 2009.
6. Sieff M. Major challenges faced Central Asia in 2011 // Central Asia News-wire. – 2010. 30 янв. URL: <http://centralasianewswire.com>
7. Долгаева Е.И., Крылова В.В. Претензии населения к власти: что остается за рамками количественных измерений // Социс. 2015. № 7. С. 58-64.
8. Малков А.С. Процессы в модернизирующихся обществах и циклы нестабильности // Арабская весна 2011: сб. М.: изд. ЛКИ, 2011. С. 440-460.
9. Малков С.Ю. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели // Моделирование социально-политической и экономической динамики. М.: РГСУ, 2004. С. 76-188.
10. Ходунов Ю.В., Зинькина А.С., Каратаев А.В. К прогнозированию социально-политической нестабильности // Арабская весна 2011: сб. М.: ЛКИ, 2011. С. 384-434.
11. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
12. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.
13. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010.
14. Walton V. Creating Europe: The Discourse of Civilization // Interstate Journal of International Affairs. V. 2013/2014. № 1. P. 1/1.
15. Рашевский Н. Две модели: подражательное поведение и распределение статуса // Математические методы современной буржуазной социологии. М.: Мир, 1966.
16. Развитие модели распространения информации в социуме / А.П. Михайлов, А.П. Петров, Н.А. Маревцева, И.В. Третьякова // Математическое моделирование: сб. 2014. Т. 26. № 3. С. 65-74.
17. Прончева О.Г. Влияние степени поляризации общества на исход информационного противоборства // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2016. № 75. С. 29.
18. Гаврилец Ю.Н., Клименко К.В., Кудров А.В. Статистический анализ факторов социальной напряжённости в России // Экономика и математические методы. 2016. № 52 (1). С. 45-66.
19. Пфанцгаль И. Теория измерений. М.: Мир, 1976.

20. Гаврилец Ю.Н., Фомина Ю.В. Моделирование динамики социальной установки (отношение к коммерческой рекламе на телевидении) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2002. № 15. С. 110-134.
21. Гаврилец Ю.Н., Чекмарёва Е.А. Моделирование равновесного функционирования экономики в Северо-Западном федеральном округе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 4(12). С. 107-118.
22. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бахтизина Н.В. CGE модель социально-экономической системы России со встроенными нейронными сетями. М.: ЦЭМИ РАН. Сайт Лаборатории искусственных обществ, 2005. URL: www.abm.center
23. Горский Д.П. Обобщение и познание. М.: РЖ ИНИОН АН СССР, 1986.
24. Rose M. Why Gender Relations Important to Include in Study of Politics and Society? // Journal of international affairs. V. 2015/2016. – № 1. P. 1-2.
25. Юнг К. Психологические типы. Минск: Попурри, 1998.

Сведения об авторах

Юрий Николаевич Гаврилец – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: yurkag@mail.ru)

Ираида Васильевна Тараканова – научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: Itar4@mail.ru)

Статья поступила 14.08.2017.

Gavrilets Yu.N., Tarakanova I.V.

Computer Analysis of Qualitative Features in the Formation of the Socio-Ideological Structure of Society

Abstract. The goal of the present paper is to develop a special methodology for analyzing and forecasting mass social interactions; the methodology can be used in various studies of how social positions and opinions of the population are formed. The paper proposes a technique of mathematical modeling of mass social interactions in the context of a comprehensive interplay of social contacts, under the impact of information channels and the external environment. The model is based on substantial ideas about cause-effect relationships between the size of social groups and their changes as a result of mutual transitions, the ideas about how the views of other participants and various media influence socio-psychological attitudes, and about possible external impact on the effectiveness of propaganda. In contrast to commonly used differential equations focusing on the analysis of the stationary state, we propose to analyze the group size dynamics with the use of simple modifications of Markov chains when participants do not move from one group to another uniformly, but are distributed through several time periods, and the probabilities of such a transition depend on the current state. For this purpose, computer programs that express the iterative procedures of Markov chains with additional intermediate states are used. An important feature that distinguishes our approach from other models consists in the reliance on a sociological theory that requires social behavior be considered as dependent on variables such as socio-psychological attitudes of members of social groups. Our work also takes into account the factors that determine the attitudes, namely social contacts between people and information channels of different types available to the participants. With the help of simulation calculations, we show how this attitude may affect the inter-

group transitions in the formation of a socio-ideological structure of society. In general, these models are a kind of situational stand where we can study the features of formation of the ideological structure of society. If statistical or expert data are available, then the model we have developed can be used to analyze regional socio-political issues.

Key words: attitude, ideological structure of society, social groups, social contacts, the media, dynamics, probability of inter-group transitions.

Information about the Authors

Yurii N. Gavrilets – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Laboratory, Central Economics and Mathematics Institute RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: yurkag@mail.ru)

Iraida V. Tarakanova – Researcher, Central Economics and Mathematics Institute RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: Itar4@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9

УДК 332.1 (470.12), ББК 65.050.23 (2Рос – 4Вол)

© Бухвальд Е.М.*, Ворошилов Н.В.

Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления

**Евгений Моисеевич
БУХВАЛЬД**

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: buchvald@mail.ru

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, г. ул. Горького, д. 56а
E-mail: niks789@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи выступают оценка тенденций и выявление ключевых проблем социально-экономического развития муниципальных образований и института местного самоуправления, определение путей решения наиболее острых из них. Тенденции развития муниципалитетов рассматриваются во взаимосвязи с процессами реформирования местного самоуправления; при этом анализ осуществляется не только на основе данных статистики, но и с использованием результатов мониторинга местного самоуправления, проводимого в Вологодской области с 2007 г. в форме анкетного опроса глав муниципалитетов. Это отличает выполненную работу от аналогичных работ других ученых и формирует ее научную новизну. Для достижения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-02-00043 «Малое и среднее предпринимательство в система стратегического планирования в Российской Федерации».

Для цитирования: Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 132-147. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9

For citation: Bukhval'd E.M., Voroshilov N.V. Current issues in the development of municipal entities and in reforming the institution of local self-government. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 132-147. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9

поставленной цели использованы такие научные методы, как экономический, статистический и компаративный анализ, методы обобщения и экспертного опроса, монографический метод. Установлено, что основными проблемами, сдерживающими эффективное управление развитием муниципалитетов, являются: несовершенство законодательства, регламентирующего развитие местного самоуправления; дефицит собственных доходных источников и недостаточность финансовой поддержки со стороны государства; низкая эффективность взаимодействия с органами государственной власти; отсутствие полной и достоверной информации о социально-экономическом развитии муниципалитета; пассивность местного населения; ограниченность полномочий органов местного самоуправления в сфере экономического развития территории. Показано, что институт местного самоуправления в России находится в постоянном процессе реформирования, которое пока никак не направлено на решение ключевой проблемы муниципалитетов – низкой финансово-экономической самостоятельности. Так, в 2014–2017 гг. на федеральном уровне были приняты решения, в соответствии с которыми значительно сокращено количество вопросов местного значения сельских поселений; вопросы выбора порядка формирования органов местного самоуправления решаются теперь на региональном уровне; установлена возможность фактического преобразования муниципальных районов в городские округа. Обосновано, что всё это приводит лишь к ослаблению роли института местного самоуправления. Предложены рекомендации по устранению вероятных негативных последствий подобного реформирования. Результаты проведённого нами исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов власти, а также служить базой для дальнейших исследований по данной тематике, касающихся развития организационных и финансово-экономических основ функционирования института местного самоуправления.

Ключевые слова: муниципальные образования, местное самоуправление, социально-экономическое развитие, дифференциация, регион, Вологодская область.

Введение. Современные проблемы социально-экономического развития страны, ее регионов и муниципальных образований во многом связаны с последствиями радикального перехода к рыночной экономике и общеэкономического спада 1990-х годов, с усилением централизации бюджетных ресурсов и ограничением вследствие этого возможностей самостоятельного решения органами власти субфедерального уровня проблем социально-экономического развития территорий.

Управление развитием территорий в России в настоящее время носит в основном недостаточно комплексный характер, часто не учитывает специфику конкретных территорий и в результате этого не является эффективным. Последнее порождается усилением бюрократизации во взаимодействии между уровнями власти, чрезмерным контролем над муниципальными образованиями. Подобная ситуация представляет собой следствие восприятия муниципального звена преимущественно как самого нижнего уровня власти и управления, а не как самостоятельного и равноправного партнера в решении проблем социально-эко-

номического развития территорий. Не получает достаточного практического воплощения и особая природа местного самоуправления, сочетающего начала публичной власти и гражданского общества. Кроме того, проводимая в последние годы непродуманная политика «оптимизации» учреждений социальной сферы (а в большинстве случаев – их фактическая ликвидация, особенно в сельской местности) приводит к негативным последствиям, то есть к дальнейшему ограничению перспектив развития муниципальных образований, миграционному оттоку населения в города, вымиранию целых населенных пунктов. Нельзя не упомянуть о сложившейся в России модели экономических отношений, когда в большинстве случаев интересы собственников крупных корпораций преобладают над интересами развития страны и ее территорий. В этой связи актуализируются вопросы оценки тенденций и выявления ключевых проблем социально-экономического развития муниципальных образований, а также поиска путей решения наиболее острых из них, что и выступает целью данной статьи.

Описание методики исследования и обоснования ее выбора

Для достижения обозначенной цели использовались методы экономического, статистического и компаративного анализа, методы обобщения и экспертного опроса, монографический метод. Методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных экономистов в области региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Следует отметить, что вопросы исследования проблем местного самоуправления (МСУ) в России и оценки его реформирования представлены в трудах Р.В. Бабуна; Е.М. Бухвальда [1; 2]; В.И. Василева; О.Б. Глезер; В.Г. Игнатов; В.И. Клисторина [3]; В.Н. Лексина [4]; Э. Маркварта [5]; А.С. Маршалловой; А.С. Новоселова; А.В. Одинцовой [6]; Р.В. Петухова; Т.В. Сумской; Т.В. Усковой [1; 7]; В.Е. Чиркина; А.Н. Швецова [8]; Е.С. Шоминой; Е.С. Шугриной [9] и других. В настоящее время развитие муниципальных образований рассматривается чаще всего в контексте формирования в стране единой системы стратегического планирования, институтов развития на местном уровне, определения роли муниципалитетов и института местного самоуправления в пространственном развитии страны, совершенствования «зональных» инструментов стимулирования экономической динамики территорий [10] (особые экономические зоны, территории опережающего развития, зоны территориального развития, кластеры и т.д.) и агломераций [11], обеспечения саморазвития локальных территорий. Данные тенденции во многом характерны и для мировой науки, в которой также значительное внимание уделяется вопросам реформирования системы управления на местном уровне [12; 13; 14] и необходимости обеспечения глобальной конкурентоспособности регионов на основе сильной местной экономики (это является приоритетом территориальной повестки ЕС до 2020 года [15; 16]).

Исследования тенденций и особенностей развития института МСУ в регионах России проводятся также Общероссийским конгрессом муниципальных образований, Всероссийским советом местного самоуправления, ассоциациями (советами) муниципальных об-

разований субъектов Федерации, межрегиональными ассоциациями муниципальных образований (например, Ассоциацией сибирских и дальневосточных городов [17]). Однако в большинстве случаев такие исследования носят разовый характер, направлены на изучение отдельных, весьма узких вопросов. Исходя из этого, современные проблемы развития муниципальных образований рассматриваются в нашей работе во взаимосвязи с тенденциями реформирования института местного самоуправления. Выводы и предложения обосновываются результатами анализа не только статистических данных, но и многолетнего мониторинга функционирования института МСУ, проводимого в Вологодской области в форме ежегодного анкетного опроса глав муниципальных образований, что, безусловно, является элементом научной новизны в публикуемой статье.

Результаты исследования. На примере Вологодской области рассмотрим более детально ситуацию в муниципальных образованиях, для которых острота и многообразие проблем существенно характернее, нежели различия между регионами в общефедеральном социально-экономическом пространстве. Так, среди основных проблем муниципальных образований Вологодской области на современном этапе можно отметить следующие.

Во-первых, значительная неравномерность развития муниципальных районов, обусловленная заметными различиями в средствах, ресурсах, источниках, факторах и условиях развития. В России в 1990-е годы в результате существенного снижения роли государства в регулировании процессов пространственного развития, а также вследствие конкуренции муниципальных образований за население, инвестиции, за средства федеральной поддержки и пр. обострились проблемы муниципалитетов, и в первую очередь значительно усилилась территориальная дифференциация¹.

¹ Под территориальной дифференциацией мы понимаем объективное явление, обусловленное множеством факторов природно-географического, экономического, политического характера и выражающееся в значительных различиях по основным параметрам социально-экономического развития между странами, регионами и муниципальными образованиями.

В Вологодской области наибольшая острота внутрирегиональной дифференциации территорий наблюдается в экономической сфере (табл. 1).

Разрыв между муниципальными районами по показателю среднедушевого объёма промышленного производства увеличился с 30 раз в 1991 г. до 733 раз в 2013 г., сельскохозяйственного – с 10 до 19 раз, инвестиций – с 2,5 до 160 раз соответственно. В социальной сфере различия по ряду параметров (в частности, обеспеченность врачами, жильём и оборот розничной торговли) к 2015 г. сократились.

Более детальная оценка дифференциации и ее долговременных трендов весьма важна для регулирования пространственной структуры экономики региона, включая целевые меры поддержки и «вытягивания» депрессивных и отсталых муниципалитетов; обоснования гибких подходов к системе межбюджетных отношений на субрегиональном уровне и экономически мотивированных подходов к институциональным изменениям в системе местного самоуправления.

Во-вторых, это усиление концентрации хозяйственной деятельности в городских округах и прилегающих к ним районах. В области 86% объёма отгрузки продукции промышленного производства (в стоимостном выражении)

и 79% инвестиций приходится на два городских округа (Вологда и Череповец), а почти 2/3 (61%) объёма сельскохозяйственного производства – на четыре прилегающих к ним района (Вологодский, Грязовецкий, Череповецкий и Шекснинский). Вследствие этого происходит сужение возможностей и перспектив развития большинства периферийных территорий, снижение уровня жизни их населения и его значительный миграционный отток.

В-третьих, существенное отставание уровня и качества жизни населения районов от среднеобластных показателей. В 1991–2011, 2013–2015 гг. лидером по уровню оплаты труда был г. Череповец (как промышленный центр области), опережавший в 1991 г. район с наименьшим значением данного показателя (Чагодощенский) в 1,7 раза, в 2015 г. – в 2,1 раза (Кичменгско-Городецкий). В 2012 г. в лидеры по размеру среднемесячной заработной платы вышел Нюксенский район – 34 199 руб., что в 2,9 раза выше, чем в Кичменгско-Городецком (11 791 руб.). В 25 районах области в 2001–2015 гг. уровень оплаты труда был ниже среднеобластного значения, а в 11–15 районах ниже и среднерайонных значений. По итогам 2015 г. размер заработной платы в пятнадцати районах области не превышал стоимости двух областных прожиточных минимумов.

Таблица 1. Соотношение максимального и минимального значений показателей муниципальных районов Вологодской области, раз

Показатель	Год									
	1991	1996	2001	2006	2011	2012	2013	2014	2015	
Объём производства промышленной продукции на 1 жителя	29,9	40,6	78,8	47,7	537,3 ¹	366,2 ¹	733,5 ¹	23,0 ^{1,2}	29,3 ^{1,2}	
Объём производства сельскохозяйственной продукции на 1 жителя	10,1	10,1	9,7	20,1	19,6	19,6	19,1	18,9	18,1	
Объём инвестиций в основной капитал на 1 жителя	2,5	14,7	26,8	35,3	22,2 ¹	83,8 ¹	160,4 ¹	72,0 ¹	52,1 ¹	
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	1,3	2,2	2,0	1,5	2,1	2,9	1,9	1,8	1,8	
Оборот розничной торговли на 1 жителя	1,3	3,0	2,8	2,5	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1	
Обеспеченность населения врачами на 10000 населения	2,8	2,8	3,6	3,5	3,4	3,4	3,0	3,4	2,5	
Обеспеченность населения жильём	1,5	1,5	1,4	1,8	1,6	1,6	1,6	1,8	1,8	

1 – Без учёта субъектов малого предпринимательства.

2 – Различия между районами по объёму отгрузки продукции.

Источники: рассчитано по: Районы Вологодской области в 1990 – 1999 годах: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2001. 384 с.; Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2000–2015: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2016. 308 с.

В-четвёртых, это слабая финансово-экономическая самостоятельность большинства муниципальных образований. Возможности органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, удовлетворению основных потребностей и нужд населения и обеспечению условий его жизнедеятельности напрямую определяются размером финансовых средств, аккумулируемых в местном бюджете. Собственные источники формирования местных бюджетов в России (земельный налог и налог на имущество физических лиц), а также отчисления от ряда налогов недостаточны для формирования доходной базы бюджета для полного и качественного решения вопросов местного значения. Большую часть (более половины) доходов местных бюджетов по-прежнему составляют безвозмездные поступления из вышестоящих бюджетов (дотации, субсидии и субвенции).

По итогам 2016 г. 47,8% общего объёма доходов всех местных бюджетов страны аккумулируется в городских округах, 40,2% – в муниципальных районах. На сельские поселения приходится 5,3% доходов, хотя больше всего образовано именно сельских поселений (около 18 тыс. единиц).

За 2006–2016 гг. наибольшую динамику показали доходы местных бюджетов поселений (рост составил 3,9 раза), за 2009–2016 гг. – бюджеты районов и городских округов (1,5 раза). Однако в сопоставимых ценах (с учётом индекса потребительских цен) по сравнению с 2009 г. отмечается снижение доходов всех местных бюджетов (за исключением внутригородских территорий городов федерального значения): в среднем по России – на 12%, по Вологодской области – на 25%. При этом следует отметить, что число вопросов местного значения муниципальных образований (за исключением поселений) увеличилось за 10 лет в полтора раза, возросло и количество переданных на местный уровень государственных полномочий. Эти факты свидетельствуют о том, что у органов местного самоуправления стало меньше возможностей, финансовых ресурсов для полного и качественного решения всех вопросов местного значения.

Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов местных бюджетов (за исключением внутригородских территорий) весь анализируемый период не превышала 60% общего объёма доходов (табл. 2). Минимальное значение данного показателя в целом по стране

Таблица 2. Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов бюджетов муниципальных образований Российской Федерации и Вологодской области за 2006–2016 гг. в общем объёме доходов, %

Вид муниципального образования	2006 г.	2009 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2006 г., п.п.	2006 г. к 2009 г., п.п.
Сельские поселения	-	-	-	40,7	-	-
- в т.ч. Вологодская область	-	-	-	27,8	-	-
Городские поселения	-	-	-	58,6	-	-
- в т.ч. Вологодская область	-	-	-	49,0	-	-
Городские и сельские поселения	33,3	40,6	48,5	48,6	+15,4	+8,0
- в т.ч. Вологодская область	28,4	34,4	38,9	36,5	+8,1	+2,1
Муниципальные районы	27,6	24,9	25,2	26,0	-1,5	+1,1
- в т.ч. Вологодская область	15,4	17,7	29,7	35,0	+19,6	+17,3
Городские округа	49,6	51,6	43,3	42,3	-7,3	-9,3
- в т.ч. Вологодская область	44,8	62,7	44,5	45,9	+1,1	-16,8
Внутригородские МО городов федерального значения (ВМОГФЗ)	77,0	55,0	75,7	75,4	-1,6	+20,4
Местные бюджеты (2006 г. *)	46,4	-	-	-	-	-
Внутригородские районы	-	-	-	33,1	-	-
Городские округа с внутригородским делением	-	-	-	41,6	-	-
Все МО	39,7	39,6	36,6	36,5	-3,1	-3,1
- в т.ч. Вологодская область	32,2	38,9	36,9	39,8	+7,6	+0,9

* Бюджеты муниципальных образований, не относившихся в 2006 г. к поселениям, районам или городским округам (в тех субъектах Российской Федерации, в которых федеральный закон № 131-ФЗ не вступил в полную силу с 1 января 2006 г.).
 Источник: рассчитано по: Отчёты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов // Официальный сайт Федерального казначейства. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Таблица 3. Оценка результатов изменений, проводимых в рамках реформы местного самоуправления (в % от числа ответивших глав муниципальных образований)

Вариант ответа	Муниципальные образования								
	Муниципальные районы			Городские поселения			Сельские поселения		
	2006 г.	2015 г.	2016 г.	2006 г.	2015 г.	2016 г.	2006 г.	2015 г.	2016 г.
Положительно	57,1	41,2	16,7	77,8	30,0	35,7	63,5	27,3	25,3
Ситуация не изменилась	42,9	35,3	72,2	0,0	30,0	57,1	21,2	36,4	37,4
Отрицательно	0,0	23,5	11,1	22,2	40,0	7,1	15,3	36,4	37,4

Источник: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН). Вологда, 2007–2017.

отмечается в муниципальных районах (26%). В Вологодской области в последние годы удалось укрепить финансовую базу местных бюджетов путём замены дотаций дополнительными нормативами отчислений от НДФЛ, отсюда доля собственных доходов в районах выросла за 2006–2016 гг. на 19,6 п.п., в поселениях – на 8,1 п.п. соответственно. Однако настораживает заметное снижение данного показателя к 2016 г. по сравнению с 2009 г. в городских округах – на 9,3 п.п. в целом по России (на 16,8 п.п. в Вологодской области).

Доля собственных доходов (налоговые и неналоговые доходы бюджета) муниципальных районов Вологодской области в 2006–2016 гг. была менее 50%.

В структуре расходов местных бюджетов России преобладают расходы на образование (48,1% всех расходов), жилищно-коммунальное хозяйство (12,6%), национальную экономику (10,7%), управление – общегосударственные вопросы (9,3%). В бюджетах поселений более высокая доля расходов на управление, ЖКХ и культуру (22,3, 35,1 и 15,1% соответственно). За 2006–2016 гг. в целом по муниципалитетам произошло снижение доли расходов на здравоохранение (данные полномочия были фактически переданы на уровень субъекта Федерации) и ЖКХ. В то же время наблюдался рост расходов на национальную экономику: с 1,4 до 13,8%. Хотя это в большей степени обусловлено тем, что разделе «Национальная экономика» отражаются в основном расходы муниципалитетов на дорожное хозяйство и транспорт. Так, доля расходов на реальный сектор экономики (сельское и лесное хозяйство) в структуре расходов по данному разделу в 2016 г. в муниципальных районах Вологодской области составила всего 3,9%.

В-пятых, на устойчивости трендов социально-экономической дифференциации территорий сказывается нерешенность проблем функционирования самого местного самоуправления, отсутствие экономически мотивированных и, следовательно, максимально продуктивных новаций в его институциональной структуре. Проводимые здесь изменения характеризуются отсутствием как экономических обоснований, так и четкого целеполагания.

Согласно данным анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области², результаты изменений, осуществляемых в рамках реформирования местного самоуправления, положительно оценили по итогам 2016 г. лишь 17–36% респондентов. При этом доля позитивных оценок заметно снизилась по сравнению с уровнем 2006 г. (табл. 3).

Отсутствие у органов местного самоуправления возможности эффективно решать вопросы социально-экономического развития муниципальных образований объясняется нерешенностью ряда проблем, наиболее значимыми среди которых, по мнению руководителей администраций, являются:

- несовершенство законодательства, касающегося вопросов функционирования и развития местного самоуправления;
- недостаточность финансовых ресурсов (дефицит собственных доходных источников,

² Для исследования проблем и перспектив реформы местного самоуправления Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН, ранее – ИСЭРТ РАН) с 2007 г. проводится анкетный опрос глав муниципальных образований Вологодской области. На вопросы анкеты (30–40 вопросов) ежегодно отвечают 160–210 глав муниципальных образований из 218–372-х, что позволяет обеспечить ошибку выборки 4–5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2017 года – по итогам 2017 года.

недостаточность финансовой поддержки со стороны государства);

- недостаточно эффективное взаимодействие с органами государственной власти («бюрократические проволочки», несогласованность программных документов, направленных на развитие территории, противоречивость системы разграничения полномочий и др.);

- отсутствие полной и достоверной информации о социально-экономическом развитии муниципалитета и его налоговом потенциале;

- пассивность местного населения и отсутствие механизмов учёта балансов интереса бизнеса, власти и населения в процессе развития территории.

В-шестых, на сложившуюся ситуацию негативно влияет дефицит квалифицированных кадров в органах местного самоуправления. Более трети опрошенных глав районов Вологодской области оценили обеспеченность местной администрации кадрами как крайне низкую и низкую. Кроме того, по мнению большинства из них, уровень профессионализма и компетентности муниципальных служащих можно оценить только как удовлетворительный (в 2016 г. на это указали 69% руководителей муниципальных районов, 79% – городских поселений и 46% – сельских).

Во многом кадровые проблемы связаны с невысоким уровнем оплаты труда в органах МСУ, относительной непопулярностью деятельности такого рода среди наиболее активной молодежи и непривлекательностью жизни в сельской местности. Так, согласно данным Росстата, в среднем по стране размер оплаты труда в органах местного самоуправления в 2016 г. составлял всего 78,7% от средней зарплаты по экономике (без учёта субъектов малого предпринимательства), а в Центральном и Сибирском округах – ещё меньше (63 и 78% соответственно).

В-седьмых, низкая эффективность и результативность взаимодействия органов государственной власти региона и органов местного самоуправления.

Большинство руководителей муниципальных образований области в 2016 году оценили результаты сотрудничества с органами государственной власти области только как низкие и

удовлетворительные, исключение составили лишь 4–5 органов исполнительной власти. Основные причины такого положения главы видят в финансовой зависимости муниципальных органов (на это указали 83% руководителей муниципальных районов, 79% – городских и 69% – сельских поселений), отсутствии у органов государственной власти информации о реальной ситуации в муниципалитетах (50, 29 и 64% соответственно), отсутствии дифференцированной политики по отношению к территориям с разным уровнем социально-экономического развития (50, 50 и 42%), противоречивости системы разграничения полномочий (44, 36 и 42%).

Эффективное управление муниципальным развитием сдерживают также законодательные и правовые сложности, препятствия и ограничения. Несмотря на то, что по сравнению с первоначальным перечнем в полтора раза увеличилось число вопросов местного значения районов, городских округов и городских поселений, существенного перераспределения соответствующих доходных источников бюджета между уровнями власти не было. При этом заметно выросло количество государственных полномочий, переданных на муниципальный уровень. Однако полномочия органов МСУ недостаточно четко прописаны в отраслевом законодательстве. Имеют место и противоречивость самой системы разграничения полномочий, и несоответствие ряда вопросов местного значения природе и содержанию местного самоуправления.

Вместе с тем сохраняется неэффективность территориальной структуры муниципальных образований. Сетка муниципалитетов была сформирована исходя из транспортной и пешей доступности центра муниципального образования преимущественно в границах территорий бывших сельских и городских советов, но без учёта критериев формирования финансово-экономической базы муниципального образования в современных условиях. Данные проблемы характерны и для большинства муниципальных образований всех субъектов Федерации. Для их решения требуется прежде всего наличие эффективной системы государственного управления развитием территорий, поддержки института местного самоуправления.

Управление пространственным развитием страны должно строиться на основе единой региональной политики, чёткого понимания приоритетов, особенностей и перспектив развития различных территорий страны. Концептуальные положения такой политики должны быть закреплены в нормативных актах.

Согласно Указу Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16 января № 13 в качестве одного из принципов этой политики выступает необходимость дифференцированного подхода к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей.

В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ стратегия пространственного развития страны должна разрабатываться на основе положений государственной политики регионального развития в целях реализации стратегии социально-экономического развития и стратегии национальной безопасности России, определять приоритеты, цели и задачи регионального развития и меры по их достижению и решению. Разработать стратегию пространственного развития Российской Федерации предусматривается в 2018 году.

Хотя на начало октября 2017 г. проект данной Стратегии не был опубликован на официальном сайте какого-либо федерального органа государственной власти, однако уже с 2016 г. в научных и общественных кругах идет его обсуждение. Поскольку в Интернете размещён проект «Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года»³, можно предположить, что обсуждается именно этот документ, находящийся еще в стадии доработки. Ознакомление с данным вариантом Стратегии позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

³ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. Проект]. URL: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf.

1. Проектом Стратегии предусмотрено 3 сценария пространственного развития страны: консервативный, поляризованного развития, диверсифицированного пространственного роста. Однако в этом случае не проанализированы реальные возможности, условия, угрозы и риски реализации каждого сценария. Декларирование реализации третьего сценария как целевого может остаться всего лишь «красивой картинкой», так как не подкреплено никакими конкретными механизмами.

2. Важной задачей Стратегии пространственного развития России на долгосрочный период предполагается формирование макрорегионов, что позволит обеспечить интеграцию всех без исключения субъектов Федерации в единое экономическое пространство при сохранении их самостоятельности. При этом из проекта Стратегии нельзя понять, на основе каких критериев будут сформированы данные макрорегионы, учитывая уже сложившуюся в рамках федеральных округов целостную систему управления. Кроме того, предусматриваемое проектом поэтапное формирование макрорегионов вплоть до 2050 года вряд ли обеспечит эффективное управление комплексным пространственным развитием страны.

3. Фактически из объекта Стратегии полностью выпали сельские территории, в которых проживает в настоящее время 26% населения страны. Опора лишь на агломерации, конурбации, «сетевую кластерную модель» приведёт к дальнейшему «вымыванию» населения из сельских территорий, так как влияние агломерационных эффектов не может распространяться на всю территорию огромных по площади субъектов Федерации. Поэтому в данном случае фактически не будет решаться задача развития региональной периферии. Кроме того, в проекте Концепции Стратегии пространственного развития упущены проблемы местного самоуправления и развития муниципальных образований.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо широкомасштабное обсуждение проектов подобных документов с привлечением профильных научных и образовательных учреждений, федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, заинтересованных общественных организаций с целью

подготовки качественного и реального документа, а не очередного набора красивых деклараций.

Следует также указать на то, что институт местного самоуправления в России находится в постоянном и порой непредсказуемом процессе реформирования. За 14 лет с момента принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (далее – ФЗ № 131) соответствующими федеральными законами в него было внесено более 100 изменений. Однако, как показывает практика, большинство этих изменений касались организационных основ функционирования местного самоуправления (закрепление новых вопросов местного значения, уточнение и изменение элементов системы муниципального управления и др.), а не вопросов укрепления финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований.

За последнее время (2014–2017 гг.) наиболее значимыми решениями, принятыми на федеральном уровне и повлиявшими на функционирование института местного самоуправления, были следующие.

1. Федеральным законом от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ сокращено количество вопросов местного значения сельских поселений до 13-ти. При этом законом субъекта Российской Федерации за сельскими поселениями могут закрепляться также отдельные вопросы городских поселений.

2. Согласно этому же федеральному закону органы государственной власти субъектов Федерации получили право самостоятельно определять порядок формирования (избрания) органов местного самоуправления на всей территории региона, приняв соответствующий закон. До принятия 136-ФЗ данный порядок определялся на местном уровне (уставами муниципальных образований). После принятия этого закона в большом количестве субъектов Федерации (в том числе и в Вологодской области) прямые выборы населением главы муниципальных образований на муниципальных выборах были заменены на его избрание представительным органом муниципального образования из своего состава. В этом случае главы

местных администраций («сити-менеджеры») назначаются представительным органом муниципального образования по результатам конкурса, проводимого конкурсной комиссией, половина состава которой формируется высшим должностным лицом субъекта Федерации (губернатором). В некоторых случаях (в том числе и в Вологодской области) конкурсную комиссию возглавлял сам губернатор. Поэтому в реальности речь идёт не о повышении эффективности функционирования местного самоуправления, как было заявлено, а об ослаблении данного института и о дальнейшем усилении вертикали власти.

В соответствии с Федеральным законом от 3 февраля 2015 года № 8-ФЗ глава муниципального образования может быть избран представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавлять местную администрацию. В данном случае жители муниципалитета вообще никак не участвуют в формировании исполнительной власти на местах.

3. Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 62-ФЗ установлена возможность фактического преобразования муниципальных районов в городские округа посредством объединения всех поселений, входящих в состав муниципального района, с городским округом.

Складывается впечатление, что этот закон – очередная попытка ослабить роль института местного самоуправления. Возникает ощущение, что данный законопроект (№ 768237-6), внесенный в Государственную Думу ещё 13 апреля 2015 г., был принят в спешке, без широкого общественного обсуждения и анализа возможных последствий. Причем в первоначальном тексте упомянутого законопроекта предусматривалось лишь изменить порядок принятия решения о ряде преобразований муниципалитетов. Кроме того, изменения, внесенные в ФЗ № 131, привели к возникновению некоторых противоречий. В частности, теперь под городским округом (ст. 2 ФЗ № 131) понимается «один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов...», хотя неясно, обязательно ли наличие в данном случае городского населённого пункта (города, поселка городского типа). Вместе с тем согласно

статье 11 ФЗ № 131 «границы городского округа устанавливаются с учетом необходимости создания условий для развития его социальной, транспортной и иной инфраструктуры, обеспечения органами местного самоуправления городского округа единства городского хозяйства».

Судя по данным Росстата на 1 января 2017 г., большинство муниципалитетов в стране являются малонаселёнными: так, население 52,6% городских округов составляет менее 50 тыс. чел., а население 46,8% муниципальных районов – менее 20 тыс. чел. (в Вологодской области доля таких районов – 65,4%); население 59,9% городских поселений составляет менее 10 тыс. чел. (в Вологодской области доля таких поселений – 68,2%), а население 45,2% сельских поселений – менее 1 тыс. чел. (в Вологодской области доля таких поселений – 41,7%).

Чрезмерное количество мелких, слаборазвитых муниципальных образований приводит к нерациональному расходованию бюджетных средств. Зачастую более половины расходов местного бюджета таких муниципалитетов направляется на обеспечение функционирования самих органов власти, а на развитие территории и решение местных проблем остаётся минимум средств.

В Вологодской области с 1 января 2006 г. начали функционировать 372 муниципальных образования. В результате осуществленного в два этапа объединения поселений (2008–2010 и 2013–2016 гг.) общее число муниципалитетов области сократилось на 154 единицы и составило на начало 2017 года 218 единиц, в том числе 2 городских округа (Вологда и Череповец), 26 муниципальных районов, 22 городских поселения, 168 сельских поселений. Правительством Вологодской области было принято решение, согласно которому финансовые средства, сэкономленные в результате сокращения работников органов местного самоуправления упраздняемых поселений, должны передаваться в местные бюджеты в форме трансфертов. С 2018 г. в Вологодской области планируется начать объединение поселений, в которых проживает менее 1000 человек. Однако исследования, выполненные сотрудниками ВолНЦ РАН [7], показали, что объединялись, как правило, слаборазвитые поселения, и, следовательно,

ожидать значительного улучшения ситуации не приходится. Как видно из результатов ежегодных анкетных опросов глав муниципальных образований области, проводимых ВолНЦ РАН, положительно оценивают изменения, произошедшие на территории объединённых муниципалитетов, лишь 17% опрошенных глав районов и всего 21% глав сельских поселений.

Следует также отметить, что дискуссия о том, нужен ли поселенческий уровень местного самоуправления, началась в разных научных и властных структурах и кругах фактически сразу после вступления в силу ФЗ № 131. Вместе с тем при ликвидации поселений и преобразовании районов в городские округа произойдёт, на наш взгляд, ослабление доступности органов власти и соответствующих услуг для населения удалённых территорий, снижение возможности участия населения в непосредственном осуществлении власти на местах (инициативы жителей этих территорий могут быть просто не услышаны, так как органы власти будут находиться от них далеко, решая прежде всего вопросы развития муниципалитета в целом, а не упразднённых поселений).

В Вологодской области о возможности проведения таких преобразований было заявлено в связи с принятием ФЗ № 62. Рассматривается проект объединения всех поселений Кадуйского муниципального района и формирования городского округа вместо района, с ликвидацией тем самым поселенческого уровня управления. Инициатива подобного преобразования исходит от главы района, ее поддержал и губернатор области. В конце апреля 2017 г. в Кадуйском районе состоялись публичные слушания по данному вопросу, однако большинство их участников высказались против образования городского округа. Одновременно была создана рабочая группа, которая будет более тщательно прорабатывать возможность и целесообразность рассматриваемых преобразований в Кадуйском районе⁴.

Как известно, 15 из 26 муниципальных районов Вологодской области имеют в своём составе городские поселения. Кроме того, адми-

⁴ Союз нерушимый... // Газета «Премьер». 2017. № 18. 9 мая. URL: <http://premier.region35.ru/gazeta/np1017/s29.html>

нистративными центрами Вологодского и Череповецкого районов являются города Вологда и Череповец, имеющие статус городских округов, к которым можно присоединить все поселения этих районов. Соответственно на территории области присутствуют предпосылки для преобразования муниципальных районов в городские округа и формирования 17 новых, крупных городских округов. Таким образом, однозначно говорить о возможных негативных последствиях принятия ФЗ № 62 пока сложно. Главное в настоящее время видится в том, чтобы не допустить усиления вертикали власти и ее централизации, а также снижения доступности органов власти для населения и качества и доступности предоставляемых населению услуг.

Выводы и заключение. Полагаем важным высказать ряд принципиальных замечаний и предложений как по дальнейшему совершенствованию законодательства, регламентирующего муниципальное устройство, так и устранению вероятных негативных последствий принятия ФЗ № 62.

1. Целесообразность преобразования муниципальных районов в городские округа и ликвидации поселений должна определяться индивидуально для каждого района на основе анализа⁵ всех социально-экономических аспектов и последствий принятия такого решения, связанных с ним рисков и проведения расчётов и оценки эффективности подобного преобразования.

2. Необходимо внести изменения в ФЗ № 131, в соответствии с которыми принятие решения об объединении поселений с городским округом, о преобразовании городского поселения в сельское и наоборот будет осуществляться с учётом мнения населения, выраженного путем голосования, предусмотренного частью 3 и 4 статьи 24 данного закона (то есть на местном референдуме). Такие референдумы можно проводить в общероссийские дни голосования одновременно с выборами Президента России, губернаторов, депутатов всех уровней, что позволит значительно сэкономить средства.

3. В случае преобразования муниципального района в городской округ необходимо обеспечить представительство органов местного

⁵ Алгоритм проведения такого анализа представлен, например, в статье [18].

самоуправления вновь образованного городского округа в упразднённых поселениях (создать территориальные подразделения администрации городского округа). При разработке и реализации стратегии социально-экономического развития такого городского округа важно учитывать специфику, условия и перспективы развития всей территории округа, а не только административного центра.

4. Преобразование муниципального района в городской округ при наличии соответствующих экономических предпосылок может использоваться в качестве модели управления городской агломерацией. В данном случае объединяются все муниципальные образования (включая районы), входящие в агломерацию, и формируется единый городской округ. При этом также следует сформировать территориальные подразделения администрации округа в упразднённых поселениях. Мероприятия по подготовке рекомендаций в отношении создания механизмов управления агломерациями обозначены в «дорожной карте» по развитию агломераций в России⁶.

5. Необходимо устранить все противоречия и неоднозначные формулировки, появившиеся после принятия ФЗ № 62, проверить согласованность данных решений с другими нормативно-правовыми актами (градостроительный, земельный кодексы и др.), касающимися регулирования данных вопросов.

Исходя из проведенного выше анализа, отметим ещё некоторые моменты, затрагивающие проблемы развития института местного самоуправления в целом.

1. Требуется провести инвентаризацию полномочий органов местного самоуправления: устранить нечеткие и неоднозначные формулировки; исключить дублирование полномочий между разными уровнями управления; обеспечить согласованность полномочий органов МСУ, определенных в ФЗ № 131, с полномочиями, обозначенными в иных федеральных законах.

2. Важно реализовать комплекс мер по укреплению финансово-экономических основ

⁶ План мероприятий («дорожная карта») «Развитие агломераций в Российской Федерации» / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/wg/dk>

муниципальных образований, то есть обеспечить соответствие объема собственных и переданных полномочий закрепленному за этим уровнем власти объему доходных источников бюджетов. Одним из решений здесь может быть передача местным бюджетам ставки налога на прибыль организаций (за исключением консолидированных групп налогоплательщиков) в размере 2% (с 2017 г. в федеральный бюджет зачисляются поступления по ставке 3%), суммы поступлений от которой зачисляются в федеральный бюджет. В результате этого, по нашим расчётам, общий объём доходов местных бюджетов в целом по России в 2016 г. мог бы быть на 223,7 млрд. руб. или на 6,1% больше фактически исполненных значений (в Вологодской области – на 834,2 млн. руб. или на 2,8%); а доля собственных доходов местных бюджетов выросла бы с 36,5 до 40,2% (в Вологодской области – с 39,8 до 41,5%). Поступления от данного налога дадут возможность вывести ряд муниципалитетов на бездотационность, а также устранить дефицитность местных бюджетов.

3. Следует урегулировать вопросы и устранить правовые препятствия для развития различных форм межмуниципального сотрудничества. С этой целью нужно принять специальный федеральный закон «О межмуниципальном сотрудничестве» или «О межмуниципальном хозяйственном сотрудничестве». Например, опыт Германии показывает важность и эффективность данного сотрудничества в решении местных вопросов и проблем [19].

4. Необходимым является и обеспечение условий для повышения роли в решении вопросов и проблем местного значения таких институтов самоорганизации населения, как территориальное общественное самоуправление – ТОС (его значение в данных процессах обосновано, например, в статье [20]), местные референдумы и др. Согласно данным мониторинга, проводимого Министерством юстиции⁷, на территориях более 4,8 тыс. муниципальных образований, представляющих 76 субъектов Федерации,

созданы 27,6 тыс. ТОС, уставы которых зарегистрированы в органах местного самоуправления, из них около 2,5 тыс. зарегистрированы в качестве некоммерческих организаций. Около 15,5 тыс. ТОС создано на территориях городских поселений, городских округов и городов федерального значения, около 12,1 тыс. – на территориях сельских поселений. Более 400 муниципалитетов сотрудничают с 2,5 тыс. ТОС на основе соглашений, предусматривающих использование ими бюджетных средств для участия в реализации мероприятий по благоустройству территорий, а также по решению иных вопросов местного значения. Наибольшее развитие движение ТОС получило в республиках Башкортостан, Бурятия и Марий Эл, Краснодарском крае (в данном регионе действуют 6 тысяч ТОС, охватывающих территории всех муниципалитетов), Архангельской, Белгородской, Воронежской, Кировской и Тамбовской областях.

Одной из форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления является местный референдум. По данным того же мониторинга Минюста, в 2016 году было проведено 1555 местных референдумов в 10 субъектах Российской Федерации. В подавляющем большинстве случаев местные референдумы были связаны с введением механизма самообложения (1554 референдума). Сельские старосты назначены (избраны) и действуют в 24,1 тыс. сельских населенных пунктов, охватывающих около 4,3 тыс. муниципальных образований (из которых 3,8 тыс. – сельские поселения) в пределах 42 субъектов Российской Федерации. Данный институт получил наибольшее распространение в Удмуртской и Чувашской республиках, Владимирской, Вологодской, Ленинградской, Тверской, Тульской и Нижегородской областях, причём в Тверской области (7,1 тыс.) и Удмуртской Республике (2,1 тыс.) они действуют в большинстве сельских населенных пунктов. В то же время наиболее распространенными формами гражданской активности являются собрания граждан (в 2016 г. проводились 85,9 тыс. раз) и публичные слушания (95,6 тыс. раз). Несколько реже проводятся опросы граждан (5,1 тыс. в 2016 г.), а также конференции (собрания делегатов – 5,5 тыс.).

⁷ Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2016 год – начало 2017 года) / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: http://minjust.ru/sites/default/files/monitoring-msu-2017_11283.docx

5. Целесообразно сформировать (возможно, на базе Общероссийского конгресса муниципальных образований) ежегодно обновляемую базу лучших практик муниципального управления по решению всех вопросов местного значения.

6. Острым вопросом в настоящее время является развитие муниципальной статистики. Для управления территориями необходимо иметь своевременную и достоверную статистическую информацию о социально-экономическом развитии муниципальных образований. Вместе с тем здесь обнаружен ряд проблем, которые требуют первоочередного решения:

- на муниципальном уровне официально отсутствует показатель, аналогичный ВВП и ВРП;

- сокращается объём и полнота представления статистической информации в разрезе муниципальных образований (например, в Вологодской области с 2014 г. не публикуются данные об индексах физического объёма инвестиций в основной капитал в разрезе районов и городских округов; по ряду показателей приводятся данные без субъектов малого предпринимательства; по отдельным показателям не представляются данные некоторых муниципалитетов; показатель «объём промышленного производства» заменен на показатель «отгружено товаров собственного производства», причем информация о нем, а также об объёмах производства в натуральных величинах отсутствует по некоторым районам и видам экономической деятельности; не публикуются данные о численности занятых и результатах финансово-экономической деятельности предприятий по видам экономической деятельности обрабатывающих производств и т.д.);

- отсутствуют общепризнанная методология и соответствующий статистический учёт показателей для стоимостной оценки потенциала (ресурсов) развития муниципальных образований.

7. Как видится, назрела и необходимость разработки и принятия концепции или стратегии развития института российского местного самоуправления.

Кроме того, Указ Президента «Об основных положениях государственной политики в области развития местного самоуправления в Рос-

сийской Федерации» от 15 октября 1999 г. № 1370 целесообразно заменить новым. Впоследствии, возможно, потребуется также принятие нового федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». На наш взгляд, данная политика должны носить системный характер, включая экономически осмысленные меры по «выравниванию» территорий (полного выравнивания быть не может, значит, должна быть обоснована некая разумная мера); по гибкой государственной поддержке различных типов муниципальных образований, в т.ч. в системе внутрирегиональных межбюджетных отношений; по методам экономического обоснования преобразования институциональной структуры местного самоуправления в регионе и пр. В данном случае важную роль будет играть типизация муниципальных образований субъекта Федерации для целей гибкой адресной политики пространственного регулирования его экономики. Причем в подобной типизации существуют определённые сложности, обусловленные необходимостью комбинирования для целей управления территориями различных подходов к типизации, основанных как на количественных показателях, так и на особых качественных признаках тех или иных территорий.

Анализ трендов и причин дифференциации муниципальных образований, потенциалов их роста и пр. – это «универсальный ключ» к решению многих вопросов в рамках политики управления социально-экономическим развитием территорий: а) обоснование мер в системе программно-целевых методов управления пространственным развитием экономики региона, включая целевые меры поддержки и «вытягивания» депрессивных и отсталых муниципалитетов; б) обоснование гибких подходов в системе межбюджетных отношений на субрегиональном уровне; в) выбор методов и институтов кластерной политики развития экономики территорий; г) обоснование путей решения социальных проблем различных типов территорий, включая регулирование миграционных процессов и пр.; д) обоснование неформальных, экономически мотивированных подходов к институциональным изменениям в системе местного самоуправления.

Итак, результаты выполненного исследования показали наличие комплекса проблем в развитии муниципальных образований. Это требует проведения серьёзных научных исследований, посвященных формированию эффективной модели, системы управления пространственным развитием страны и регионов, разработке концептуальных основ совершенствования и дальнейшего развития института местного самоуправления, а также решения более конкретных прикладных задач, касающихся, например, определения допустимой величины межмуниципальных различий, не приводящей к негативным последствиям.

Предлагаемые нами идеи, мероприятия отчасти носят полемический характер, открывая возможности для дальнейших дискуссий по рассматриваемой проблематике. Таким образом, вклад исследования, результаты которого представлены в данной статье, в развитие теоретической науки заключается в научном осмыслении влияния реформ института местного самоуправления на развитие муниципальных образований, а вклад в развитие прикладной науки – в обосновании конкретных рекомендаций по совершенствованию государственной политики в области местного самоуправления и устранению негативных последствий его формирования.

Литература

1. Бухвальд Е.М., Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Местное самоуправление в России: реформа в зеркале анкетирования // Самоуправление. 2016. № 5. С. 13-18.
2. Десять лет муниципальной реформы в России: итоги и перспективы / И. В. Караваева, Е. М. Бухвальд, С. Д. Валентей и др. ; отв. ред. Е. М. Бухвальд, И. В. Караваева. М. : ИЭ РАН, 2014. 300 с.
3. Клисторин В.И. Федеративные отношения, региональная политика и проблема деформации экономического пространства России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3 (79). С. 79-95.
4. Лексин В. Что происходит с местным самоуправлением в России // Федерализм. 2016. № 1. С. 64-76.
5. Маркварт Э. Местное самоуправление в России перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. 2016. № 6. С. 3-17.
6. Одинцова А.В. Как оценить устойчивость развития муниципалитетов? // Федерализм. 2017. № 1 (85). С. 39-52.
7. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития : монография. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
8. Швецов А. Реформы и контрреформы местного самоуправления: марафон длиною в полтора столетия // Федерализм. 2016. № 1. С. 77-90.
9. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы развития / под ред. Е. С. Шугриной. М : Проспект, 2016. 312 с.
10. Швецов А.Н. «Точки роста» или «черные дыры»? (к вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 40-61.
11. Швецов А. Зачем и как следует управлять городскими агломерациями // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 65-75.
12. *Grundwissen Kommunalpolitik*. Bonn: FES, 2011. 482 s. Available at: <http://library.fes.de/pdf-fi les/akademie/kommunal/08975>
13. Kutscherauer A. at al. *Regional disparities in regional development of the Czech Republic: their occurrence, identification and elimination*. Ostrava: VŠB-Technical University of Ostrava, 2010. 120 p.
14. Lockner A.O. *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*. USA, Bloomington: iUniverse, 2013. 621 p.
15. *European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union*. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf
16. *Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions*. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf

17. Горяченко Е. Е. Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России (результаты опроса руководителей муниципальных образований, апрель–май 2014 г.) : аналитическая записка. Новосибирск : Исполнительная дирекция АСДГ, 2014. 55 с. Режим доступа: http://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XXXI/Monitoring_2014.pdf
18. Ворошилов Н.В. Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разнообразию // Вопросы территориального развития. 2017. № 2. Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2202>
19. Frick H.-J., Hockeler M. *Interkommunale Zusammenarbeit: Handreichung für die Kommunalpolitik*. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, KommunalAkademie, 2008. 84 p.
20. Чекавинский А.Н., Ворошилов Н.В. Территориальное общественное самоуправление как институт развития на муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6. С. 153-168.

Сведения об авторах

Евгений Моисеевич Бухвальд – доктор экономических наук, профессор, заведующий центром федеративных отношений и регионального развития, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: buchvald@mail.ru)

Николай Владимирович Ворошилов – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Статья поступила 06.10.2017.

Bukhval'd E.M., Voroshilov N.V.

Current Issues in the Development of Municipal Entities and in Reforming the Institution of Local Self-Government

Abstract. The goal of the present article is to evaluate the trends and identify key problems in the socio-economic development of municipal entities and in the development of local self-government, and to identify ways to solve the most acute of them. We consider trends in the development of municipal entities in their relation with the processes of reforming local self-government; the analysis uses not only statistics, but also the results of a local self-government monitoring held in the Vologda Oblast since 2007 in the form of a questionnaire survey of heads of municipalities. This distinguishes our present work from similar works of other scholars and forms its scientific novelty. To achieve our goal we used such scientific methods as economic, statistical and comparative analysis, generalization, expert survey, and a monographic method. We have found out that the main problems that impede efficient management of development of municipal entities are as follows: flaws in the legislation regulating the development of local self-government; lack of own revenue sources and insufficient financial support from the state; low efficiency of interaction with public authorities; lack of complete and reliable information on the socio-economic development of the municipality; non-involvement of the local population; limited powers of local self-government bodies in the sphere of economic development of the territory. We prove that local self-government institution in Russia is being continuously reformed, and the reforms do not address a key problem of municipalities – their low economic and financial independence. Thus, in 2014–2017, appropriate decisions were made at the federal level, according to which the number of issues of local importance of rural settlements were significantly reduced; the issues concerning the choice of the procedure of forming local self-government bodies are now handled at the regional level; now there exists the possibility of actually converting municipal districts to urban districts. We prove that all this only undermines the role

of local self-government institution. We propose recommendations to eliminate possible negative effects of this reform. The results of our study can be used in the work of relevant federal and regional authorities, and serve as a basis for further research on this topic in the area of designing organizational and financial-economic foundations for the functioning of local self-government institution.

Key words: municipal entities, local self-government, socio-economic development, differentiation, region, Vologda Oblast.

Information about the Authors

Evgenii M. Bukhval'd – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Center, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: buchvald@mail.ru)

Nikolai V. Voroshilov – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.10

УДК 332.1; 338.2; 911.375, ББК 65.049 (2); 65.054; 65.9 (2Рос)

© Тарасова О.В., Руднева В.А.

Модели ревитализации старопромышленных городов: сибирские кейсы*

**Ольга Владиславовна
ТАРАСОВА**

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, пр. Академика Лаврентьева, д. 17
E-mail: tarasova.o.vl@gmail.com

**Вера Анатольевна
РУДНЕВА**

Иркутский научный центр Сибирского отделения РАН
Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН
Иркутск, Российская Федерация, 664033, ул. Лермонтова, д. 134
E-mail: varud8892@yandex.ru

Аннотация. Исследование процессов реиндустриализации в приложении к экономике России в целом, макрорегионам, федеральным округам, отдельным субъектам федерации, моногородам – достаточно распространенное направление научных исследований, как теоретических, так и прикладных. Однако для многих сибирских городов вопрос реструктуризации экономики также актуален. С переходом к рыночной экономике сибирские города из точек экономического роста превратились в отстающие территориальные образования, испытывающие весь спектр социально-экономических проблем. На данный момент большинство из них остаются в состоянии поиска пути, выбора модели развития. Основной целью исследования являлась оценка перспектив реиндустриализации экономики сибирских городов разного размера. Вводится термин «реви-

* Статья подготовлена при поддержке РГО: проект 17-05-41018 «Комплексная оценка вариантов формирования опорной транспортной сети Азиатской части России: ресурсные и социально-экономические возможности».

Для цитирования: Тарасова О.В., Руднева В.А. Модели ревитализации старопромышленных городов: сибирские кейсы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т 11. № 1. С. 148-163. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.10

For citation: Tarasova O.V., Rudneva V.A. Models of revitalization of old-industrial cities: case studies of Siberia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 148-163. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.10

тализация экономики», более подходящий для определения процесса реструктуризации экономики отдельных городов. Для сбора информации были проведены экспедиционные исследования в Кемеровской области, Алтайском крае, Иркутской области, в ходе которых использованы метод наблюдения, мониторинга, систематизации, опросные методы. В работе осуществляется описание сформировавшихся моделей ревитализации (оживления) экономики в рамках концепции тройной спирали. При этом спецификация моделей для городов при выделении ключевого игрока, а также определении тесноты взаимодействия власти, бизнеса и научного комплекса на территории является, безусловно, новым. Результаты представлены в форме разбора кейсов с применением сравнительного анализа. Исследуемые территориальные образования (Новокузнецк, Братск, Бийск, Усолье-Сибирское, Шерегеш) отличаются масштабом, статусом и отраслевой специализацией. Модели их развития при этом довольно схожи: велика зависимость экономики от основных предприятий, интересы которых экстерриториальны; остро стоит проблема сохранения населения и повышения качества трудовых ресурсов; существенна зависимость экономики от конъюнктуры отдельных рынков; отношение к государственно-частному партнерству сдержанное, наблюдаются диспропорции между обязательствами, полномочиями местных властей и бюджетными доходами; недостаточно проработан механизм взаимодействия администраций с малым бизнесом, существующий потенциал межмуниципальных взаимодействий не реализован. Узким местом всех моделей является недостаток консолидации интересов и интенсивности взаимодействий участников. Результаты исследования могут быть использованы при стратегическом планировании на муниципальном уровне, написании и корректировке концепций и программ развития территориальных образований, проработке проектов межрегиональных соглашений. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в мониторинге изменений описанных институциональных моделей ревитализации, а также в расширении поля кейсов.

Ключевые слова: старопромышленный город, ревитализация экономики, case-study, тройная спираль, взаимодействие, моногород, наукоград, кластер.

Введение

На юге Сибири в конце XIX в. крупными предприятиями была начата добыча и переработка угля, позже было организовано производство черных и цветных металлов, бурно развивалось сельское хозяйство. Интенсивная индустриализация, начиная с 1930-х гг., способствовала значительному притоку населения, диверсификации экономики, росту уровня жизни. На сегодняшний день Сибирь – важное звено российской экономики (более 10% валового регионального продукта приходится на Сибирский ФО).

С переходом к рыночной экономике в 1990-е гг. острое снижение темпов социально-экономического развития ощутили города и поселки: из точек экономического роста они превратились в отстающие муниципальные образования, испытывающие весь спектр социально-экономических проблем и имеющие крайне мало средств и полномочий для выхода на траекторию устойчивого роста.

На данный момент большинство из них остаются в состоянии поиска пути, выбора модели развития.

Основной целью данной работы являлась оценка перспектив реиндустриализации экономики сибирских городов разного размера¹.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1. Выявление особенностей изучения перспектив реиндустриализации на уровне городов.
2. Выбор городов-кейсов сибирской реиндустриализации и первичный сбор данных об их социально-экономическом развитии.
3. Проведение комплексных экспедиционных исследований для получения углубленной информации о состоянии экономики поселений. Систематизация и анализ полученных данных.

¹ В анализ сознательно не были включены столицы субъектов федерации.

4. Описание и схематичное представление моделей развития городов с указанием на тесноту взаимодействий между участниками и выделением инициативного лидера процесса реструктуризации.

5. Выявление общих черт моделей, определение их слабых мест и предложение на этой основе рекомендаций по ускорению экономического развития.

1. Методы исследования.

Исследование процессов реиндустриализации в приложении к экономике России в целом [1, 2], экономике макрорегионов [3], федеральных округов [4], отдельных регионов [5, 6], моногородов [7, 8, 9] — достаточно распространенное направление научных исследований, как теоретических, так и прикладных. Работ по реиндустриализации российских городов крайне мало (в частности, не очень объемные [10, 11], предлагающие ориентироваться на мировой опыт без приложения к конкретным объектам), несмотря на общепризнанную высокую роль крупных и средних городов в социально-экономическом развитии территорий. Вместе с тем вопрос реструктуризации экономики для многих сибирских городов весьма актуален.

Традиционно в подобных исследованиях важным источником может служить комплекс программно-стратегических документов, действующих на территории. Однако практика показала, что зачастую в документах высшего уровня нет достаточной детализации в части описания механизмов реализации, а документы муниципального уровня устарели или отсутствуют. Объем и качество статистических данных об основных показателях социально-экономического развития населенных пунктов также не достаточны для понимания сути и построения моделей развития, выявления узких мест.

Блок работ о перспективах развития моногородов России послужил авторам отправной точкой для формирования методики настоящего исследования. К примеру «Базовый элемент» [7] опирался на полевой метод сбора информации (глубинные интервью), анализ статистических данных. Для решения проблемы моногородов «Базовый элемент» предлагает использовать три типовые модели: управляемое сжатие, стабильный моногород, индустриаль-

ная диверсификация. Для отнесения города к той или иной модели развития предлагается брать во внимание состояние и планы развития градообразующего предприятия. Роли администрации и научно-образовательного комплекса поставлены на второй план. Напротив, в работе Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова [9] роли инфраструктуры знаний для развития российских монопрофильных городов уделяется особое внимание. В то же время, признают авторы, роль административного ресурса в формировании новой промышленной политики, снятии блокировок развития также велика. В работе В.В. Дидык и Л.А. Рябовой [8] группировка восьми моногородов Мурманской области осуществляется с учетом ведущего актора в реализации комплексных инвестиционных планов городов: федеральное, региональное правительство, градообразующий бизнес или малый бизнес. В настоящей работе предлагается рассматривать другой состав участников: бизнес (крупный, средний, малый), государство (муниципальный, региональный и федеральный уровень власти), научно-образовательный комплекс. Взаимодействие аналогичного триплекса акторов рассматривается разработчиками программы реиндустриализации Новосибирской области в статье [6].

При участии авторов для изучения сложившихся моделей и сбора актуальной информации по сибирским кейсам реиндустриализации в июле 2015 г. и июле 2016 г. были проведены экспедиции по центральным и южным районам Кемеровской области, юго-западным районам Алтайского края, северным районам Иркутской области. В ходе экспедиционного исследования были использованы методы наблюдения, мониторинга, систематизации, опросов. Членами отряда проведены содержательные совещания с главами администраций муниципальных образований (МО), руководителями и работниками крупных производственных предприятий, беседы с местным населением, представителями малого и среднего бизнеса на изучаемой территории.

Результаты исследования представлены в форме разбора кейсов 5 сибирских поселений (г. Новокузнецк, г. Братск, г. Бийск, г. Усолье-Сибирское, пос. Шерегеш) с применением сравнительного анализа наравне с практикой

российских и зарубежных ученых (см., например, [12]; [13, с. 70-73]). Описание моделей развития осуществляется на основе концепции тройной спирали с выделением ключевого игрока, а также указанием на тесноту взаимодействий власти, бизнеса и научного комплекса на территории.

Разбор кейсов является распространенным методом изучения процессов и механизмов реструктуризации территорий. Так, в одной из работ [14] описана трансформация сталелитейного Питтсбурга с крайне напряженной экологической ситуацией в центр качественной медицины, образования, нанотехнологий, финансовых услуг. В других [15, 16] анализируется превращение текстильного Манчестера в колыбель культурной жизни за счет реконструкции городских территорий, развития креативных индустрий, модернизации транспортной инфраструктуры. Успех Эмшер парка – символа новой экономики городов Рурской области (некогда центра угольной и сталелитейной промышленности всей Европы) – объясняется следующими факторами [17]: инициаторами и исполнителями многочисленных проектов становились коммерческие компании, некоммерческие организации, а также жители региона, самостоятельно привлекавшие необходимые ресурсы. Государству досталась преимущественно координирующая роль.

Учитывая российскую и сибирскую специфику, отметим, что применение лучших зарубежных практик управления развитием ста-

ропромышленных территорий возможно лишь в ограниченном объеме. Если за рубежом неотъемлемым элементом каждой стратегии становится реализация транспортных, жилищных и экологических проектов, направленных на повышение качества жизни в городе [8], то в России основное внимание уделяется перспективам деятельности градообразующих предприятий, их инвестиционным планам, социальной ответственности, обязательствам по диверсификации производства [18] или же их консервации.

Результаты исследования

Исследуемые города являются старопромышленными: их основные предприятия функционируют давно (*таблица*) и требуют обновления в техническом, идеологическом, социальном плане.

Поскольку населенные пункты старопромышленных территорий не всегда имеют достаточно ресурсов для проведения масштабной реиндустриализации, по нашему предположению, в сибирских городских поселениях должны сложиться особые модели развития – модели ревитализации.

Ревитализация – это процесс «оживления» экономики путем раскрытия новых возможностей традиционных форм хозяйствования в рамках сложившейся отраслевой структуры с учетом их современных функций (социальной, инновационной, интеграционной). Она является более «мягким» приемом и менее масштабным процессом, чем реиндустриализация [19].

Первичное сравнение городов-кейсов

Показатель	Новокузнецк	Братск	Бийск	Усолье-Сибирское	Шерегеш
Статус	Моногород	-	Наукоград	Моногород	Моногород
Численность населения на 01.01.2016, чел.	551 253	234 147	203 826	78 569	10 101
Тренд численности за 25 лет	Снижение	Снижение	Снижение	Снижение	Рост
Доходы бюджета в 2015 году, млн. руб.	18 094	5 542	3 001	1 350	75,2
Годы создания основных предприятий	Конец XIX века	1955–1966	1942–1991	1936–1983	1952–1981
Отраслевая специализация	Цветная металлургия	Энергетика, цветная металлургия, целлюлозно-бумажная	Химия, приборостроение, фармацевтика	Химия	Добыча черных металлов, туризм
Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2016 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14t/Main.htm (дата обращения 12.10.2017); данные, полученные в ходе экспедиционного исследования.					

В таблице можно увидеть, что исследуемые территориальные образования отличаются масштабом, статусом, отраслевой специализацией. По исследовательской гипотезе, проблемы развития экономики и пути их решения в контексте модернизации экономических систем и реиндустриализации, скорее всего, будут отличаться. Вместе с тем, территориальная близость открывает возможности для того, чтобы эти проблемы решались совместными усилиями, максимально использовалась синергия пространства [20].

Кейс «город Новокузнецк»

Сложившуюся в городе модель ревитализации можно назвать «Индустриальная диверсификация» (рис. 1).

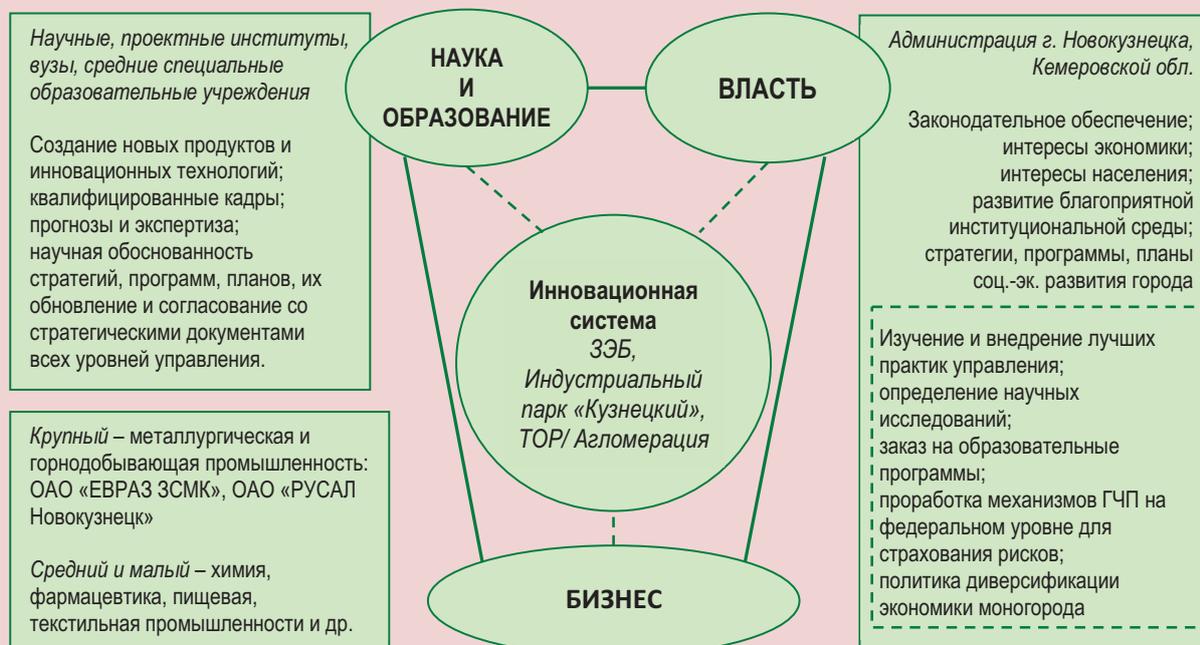
Ключевыми экономическими агентами в городе являются крупные предприятия металлургической отрасли. Их развитие сильно зависит от политики головных офисов холдингов, в частности, установленных ими жестких рамок по уровню затрат. В то же время значительное давление оказывают администрацией города и

области. В результате градообразующие предприятия явным образом выполняют, в том числе, и социальную функцию. Руководство предприятий придерживается политики сохранения рабочих мест даже с учетом прогнозируемых потерь коммерческого эффекта.

В некоторых случаях процесс обновления технологий промышленных предприятий происходит не с целью снижения издержек, а под давлением администрации города. Так, ОАО «РУСАЛ Новокузнецк» реализовало программу повышения энергоэффективности предприятия, ввело в эксплуатацию систему замкнутого водоснабжения и др.

Продуктовая диверсификация внутри фирм происходит под влиянием мировой конъюнктуры рынков. В результате возрастают зависимость доходов от мирового рынка и соответствующие риски для предприятий. Возможности использования механизма государственно-частного партнерства (ГЧП) видятся представителями бизнеса в сфере разделения этих рисков.

Рис. 1. Модель индустриальной диверсификации г. Новокузнецка

Источник: составлено авторами.

В Комплексной программе социально-экономического развития города Новокузнецка до 2025 г. одним из основных направлений значится диверсификация отраслевой структуры экономики. Диверсификация должна включать развитие действующих непрофильных отраслей промышленности в основном силами малого и среднего бизнеса. Перспективными являются отрасль переработки техногенных отходов, энергетика, стройиндустрия, машиностроение на инновационной базе, пищевая промышленность. Реализованы следующие проекты: производство ферросплавов, утилизация отходов от магнитного обогащения руд, производство товарной огнеупорной продукции из огнеупорных отходов и т.д. Вместе с тем в администрации отмечают, что, к сожалению, банк реальных проектов для значимого изменения ситуации в обозримой перспективе крайне невелик.

В городе наблюдается нехватка специалистов технического профиля. На данный момент высокую роль в подготовке кадров играют сами предприятия-гиганты. Они реализуют программы обучения, стажировки, обзаводятся профильными подшефными классами в ключевых образовательных учреждениях. Отдельное место в кадровой политике занимает проведение среди сотрудников масштабных конкурсов, таких как «Проект 250», «Профессионал РУСАЛа», корпоративный чемпионат профессионального мастерства по стандартам WorldSkills на базе ЗСМК ЕВРАЗ, посещенный нами во время экспедиционного выезда. В перспективе при поддержке администрации должен заработать механизм: потребности рынка – среднее профессиональное образование – вуз.

Особенностью модели являются интенсивные, но четко попарные взаимодействия между администрацией, наукой и бизнесом. В результате инновационная система в городе слабая, так как в нее не вовлечены все три элемента одновременно.

По нашему мнению, должна значительно возрасти роль блока «Наука и образование» в обеспечении кадрами, разработке и внедрении инновационных продуктов и технологий, в проведении экспертизы проектов, построении прогнозов.

Кейс «город Братск»

Основными видами промышленного производства в городе являются металлургическое производство и целлюлозно-бумажное производство, которое сформировалось на собственной природно-ресурсной базе. Большое значение имеет энергетическая отрасль.

Сложившуюся модель ревитализации мы определили как «Инновационная диверсификация г. Братска» (рис. 2). Здесь задействованы все 3 института (власть, бизнес и научно-образовательный комплекс), которые формируют характер нынешней экономики за счет производственного потенциала действующих предприятий и инфраструктуры поддержки инноваций.

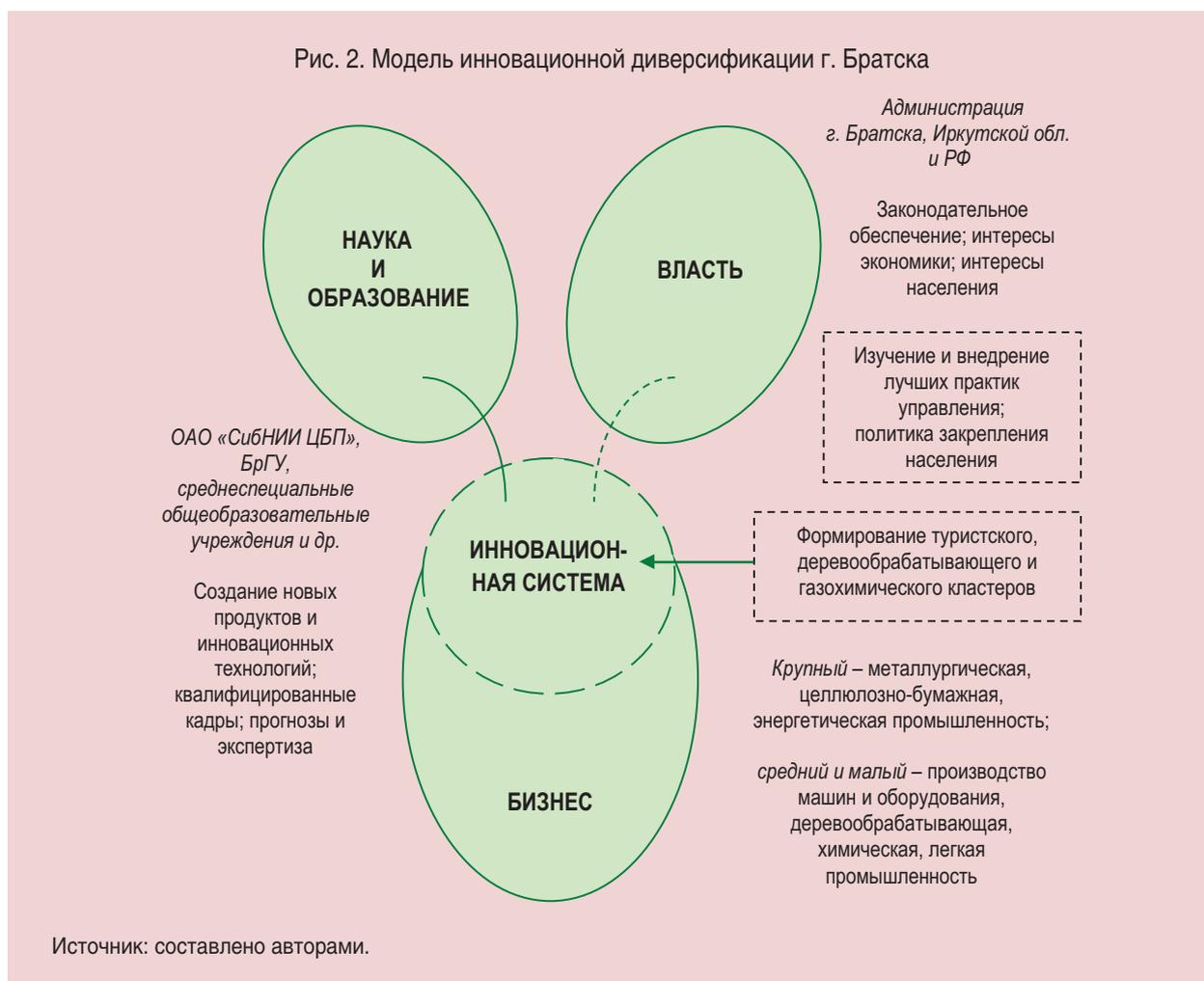
Предприятия-гиганты (Братская ГЭС, Братский алюминиевый завод, Братский ЛПК) постоянно модернизируют свою техническую базу с внедрением инновационных технологий, которые в основном поставляются Братским государственным университетом и ОАО «СибНИИ ЦБП» [21]. Большая часть продукции крупных предприятий ориентирована на внешний рынок и соответственно развивается в рамках мировой конъюнктуры, при этом увеличивая нагрузку на экологию города².

Экстерриториальность интересов собственников ключевых предприятий, связанных в единый хозяйственный комплекс, многообразие инструментов перераспределения эффектов внутри корпоративных структур, непрозрачность их деятельности зачастую приводят к ущемлению региональных и общественных интересов. Поиск механизмов регулирования деятельности крупных компаний в ресурсных регионах, таких как изучаемый, является крайне актуальной задачей. Решение должно быть разработано при участии научного блока.

Крупные предприятия Братского промышленного узла работают достаточно стабильно, неся в определенной мере и социальную нагрузку. Ключевые предприятия имеют резервы мощности, которые можно было бы задействовать под новые перерабатывающие проекты, связанные с перспективными проектами соседних регионов (Нижнее Приангарье, проекты

² Инвестиционный паспорт города Братска на 2014–2015 гг. URL: <http://www.invest.bratsk-city.ru> (дата обращения: 14.10.2016)

Рис. 2. Модель инновационной диверсификации г. Братска

Республики Саха (Якутия)). При этом, однако, подвижек к стратегическому сотрудничеству нет ни на уровне производственных объектов, ни на уровне муниципалитетов.

Братск отстает от других городов области по уровню развития сферы услуг и, соответственно, малого бизнеса. В плане социально-экономического развития уделяется особое место крупному и среднему бизнесу. У города имеется более 20 инвестиционных проектов (промышленное производство, медицина, туризм, транспортная инфраструктура и т.д.) и большая часть находится на стадии реализации³.

В Братске активно ведется работа по повышению инвестиционной привлекательности, созданию банка проектов, площадок по их про-

³ Концепция социально экономического развития города Братска до 2018 года: утв. решением Думы г. Братска от 01.12.2006 № 228/г-Д. URL: <http://www.bratsk-city.ru> (дата обращения: 14.10.2016).

движению. С точки зрения стратегического видения собственного развития власти указывают на потребность в плановом задании, просчитанном на уровне народного хозяйства. Отталкиваясь от регионального и тем более муниципального уровней, составить такой план сложно, особенно в части оценки возможностей соседей и соблюдения графиков выполнения. Не получив статуса территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), муниципальные власти северных районов Иркутской области во главе с Братском тем не менее от этой идеи окончательно не отказываются.

Для изучаемого региона особо остро стоят проблемы лесной отрасли. Восстановление лесных массивов ведется слишком малыми темпами (менее 10% от объема лесосеки), не развиваются сопутствующие производства (фанерный завод БЛПК частично продан, оставшаяся

часть не функционирует), крупными игроками отрасли лоббируется снижение минимального возраста рубки со 102 лет до 60-ти, что, с очевидностью, ускорит истощение ресурсной базы.

Опрос, проведенный среди молодежи, подтвердил высокую актуальность проблемы сохранения населения на территории. Большая часть ответивших предпочла бы жить в другом крупном городе (в Новосибирске, Красноярске, Санкт-Петербурге), но не в Братске. Практически у всех студентов, принявших участие в опросе, есть друзья или знакомые, которые решили переехать из Братска. Как правило, возраст решающих переехать находится в промежутке от 18 до 25 лет, они имеют высшее образование и переезжают с целью продолжить учебу или найти более высокооплачиваемую работу; 40% от числа ответивших собираются уехать из Братска в ближайший год-два [22]. Проработка комплекса мер по удержанию молодежи, с учетом выделенных при опросе предпочтений, должна стать одной из первоочередных задач муниципальных и региональных властей.

В городе отлаженно работает система подготовки кадров в местных вузах и средних специальных учреждениях в зависимости от потребностей ведущих предприятий города.

Несмотря на достаточно интенсивные попарные связи блоков модели, инновационная система институционально не оформлена. Особенностью модели является относительная самостоятельность крупного бизнеса.

Кейс «город Бийск»

Бийский научный комплекс сложился в 1950-х гг. после создания в городе крупных промышленных предприятий оборонного комплекса. В 1990-е гг. отсутствие государственных оборонзаказов вызвало рост безработицы и снижение уровня жизни населения. В связи с этим в постреформенный период все большее значение приобретает сфера малого и среднего бизнеса, развивается сеть оптовой и розничной торговли как основная сфера занятости населения. При этом главенство научно-производственного комплекса (НПК) не утрачено: промышленность представлена в основном предприятиями, создающими наукоемкую продукцию. Данная особенность, а также усилия городской администрации позволили Бийску в 2005 г. войти в число наукоградов России. Ра-

бота администрации направлена на сохранение этого статуса, на изучение траекторий развития и использование опыта других наукоградов страны.

Ревитализация экономики Бийска реализуется в рамках классической модели «тройной спирали» [23]. Она предусматривает участие всех трех ключевых институтов — власти, бизнеса, науки и образования — при их тесном взаимодействии. Естественным лидером в Бийске является научно-образовательный комплекс (рис. 3).

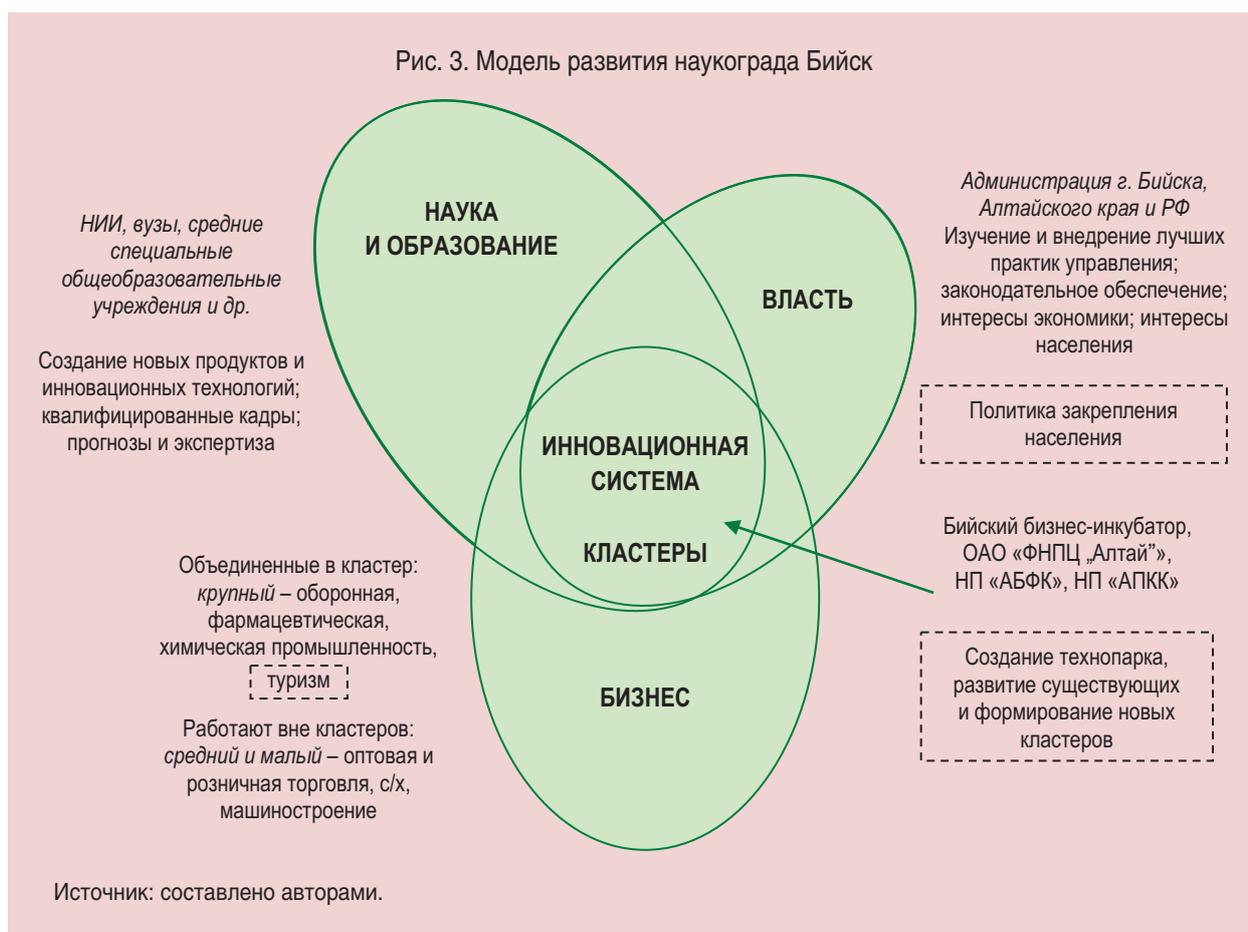
Город Бийск обладает достаточно диверсифицированной экономикой и преуспел в создании кластеров из мелких и средних предприятий. В постсоветский период крупные государственные предприятия города разделились на множество мелких, многие из которых вскоре прекратили существование. Сохранившиеся и новые предприятия объединились вновь на добровольной основе.

В 2008 г. образовано некоммерческое партнерство (НП) «Алтайский биофармацевтический кластер». Основными направлениями деятельности участников кластера являются химико-фармацевтическое производство, биофармацевтика, производство продуктов питания с заданными полезными свойствами и производство медицинской техники. Организация из более чем 35 участников функционирует на собственном сырье, стараясь реализовать максимум технологических цепочек внутри кластера.

В начале 2015 г. образовано НП «Алтайский полимерный композитный кластер». Основным направлением его деятельности является разработка и промышленный выпуск композиционных материалов и изделий, применяемых в строительстве, энергетике, добыче полезных ископаемых, ЖКХ. Российский рынок полимерных композиционных материалов находится на стадии зарождения, однако прогнозируется его ударный рост (до 10 раз к 2020 г.) с упором на внутреннее потребление.

Внутри кластеров работает система повышения квалификации, работники ежегодно получают международные сертификаты, проводятся конкурсы поддержки индивидуальных инициатив (УМНИК), образовательные программы для начинающих предпринимателей. В то же время на уровне города политика удер-

Рис. 3. Модель развития наукограда Бийск

жания молодого населения проработана минимально: администрация не проводит дней открытых дверей, ярмарок вакансий, на которые реально могли бы (с учетом расписания) прийти школьники. Это является слабым местом сложившейся модели развития наукограда.

Бизнес-инкубаторы имеются почти при всех технопарках мира. При этом бизнес-инкубаторы являются своеобразной надстройкой, служа потребностям резидентов технопарка. В Бийске же бизнес-инкубатор существует отдельно (с 2012 г.), выполняя те же функции для «вольного» малого бизнеса. Местной администрации и НПК пока не удается реализовать проект по созданию технопарка.

По нашему мнению, в специфических условиях Бийска возможно создание международного промышленного парка по аналогии с Промышленным парком Сучжоу (КНР) [24].

За 10 предшествующих лет отношение к туристической отрасли, как к значимому направлению диверсификации экономики, су-

щественно изменилось в положительную сторону. Администрацией разработан проект автотуристского кластера «Золотые ворота», который на данный момент проходит этап утверждения концепции и организационно-финансовой проработки. Проект кластера предусматривает реализацию на основе ГЧП следующих мероприятий: строительство объектов бытовой инфраструктуры, туристско-информационного центра, предприятий торговли, двух комплексов придорожного сервиса, оздоровительного центра, объектов общественного питания, коллективных средств размещения, включая придорожную гостиницу, мотель и мини-отели повышенной комфортности, кемпинга с инфраструктурой (туалеты, душевые, кухня). В дополнение к этому можно рекомендовать проведение реставрации старых зданий в центре города либо же развитие направления абандон-туризма⁴.

⁴ Экскурсионные туры по заброшенным зданиям (Urban Trip).

В транспортной сфере следует сделать акцент на улучшении пропускной способности транспортной сети, а также обеспечить должный доступ в отдаленные районы города. Необходимо включиться в Китайский проект по возобновлению и функционированию «Шелкового пути» (Китай – Монголия – Россия). Отметим, что КНР в этом проекте делает упор на высокие технологии (инновации) и Бийск может им их предложить.

Кейс «город Усолье-Сибирское»

Доминирующей отраслью города остается химическая промышленность (до 60%), которая заметно сократила свою значимость с 2013 г., т.к. градообразующие предприятия ООО «Усолье-химпром» и ООО «Усолье-Сибирский Силикон» прекратили производственную деятельность. В программе социально-экономического развития города до 2017 г. предполагалось формирование химико-фармацевтического кластера, но из четырех потенциальных производств пока не создано ни одно. Кроме создания новых производств необходима модернизация существующих

предприятий. Это решило бы ряд экономических и экологических проблем города.

В рамках мер поддержки монопрофильных муниципальных образований РФ в 2016 г. была создана ТОСЭР смешанного типа. В настоящее время имеется один резидент – индустриальный парк «Deга-Иркутск». Основным направлением работы будет инновационная деятельность (центр 3D-печати и прототипирования, проекты по разработке и внедрению IT-технологий и робототехники). Предполагается создание кластеров деревообрабатывающей, легкой промышленности и машиностроения. Еще один проект ГЧП планируется в рамках программы по импортозамещению в России: АО «Фармасинтез» предполагает строительство завода по выпуску активных фармацевтических субстанций на ТОСЭР «Усолье-Сибирское», которые будет производить на собственном сырье⁵.

⁵ Официальный сайт АО «Фармасинтез». URL: <http://www.pharmasyntez.com/node/303> (дата обращения: 19.10.2016).

Развития города осуществляется в рамках модели инновационно-индустриальной диверсификации по тройной спирали взаимодействия. Ее отличительной и негативной чертой является малая доля участия научной сферы в силу того, что в городе отсутствуют крупные НИИ, вузы (рис. 4).

Система стратегического планирования города основана на среднесрочных планах, в которых не указывается основная стратегическая задача развития – инновационная диверсификация.

Основным сдерживающим фактором развития остается отток местного населения и нехватка высококвалифицированных кадров для новых производств. Местная администрация выполняет ряд программ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации населения [25]. В силу близости к административному центру области следует опираться на его образовательный потенциал.

Кейс «поселок Шерегеш»

Основными видами экономической деятельности поселка являются горнодобывающая промышленность и туристско-рекреационная деятельность.

В Шерегеше реализована модель двойной спирали взаимодействия между властью и бизнесом (рис. 5). Бизнес вкладывает средства в модернизацию и диверсификацию экономики, а власть занимается социальными аспектами: выбор социально ответственных партнеров, улучшение инвестиционного климата, формирование благоприятной институциональной среды и др.

В настоящее время Горношорский филиал ОАО «Евразруда» разрабатывает одноименное месторождение железной руды и поставляет ее на комбинаты Новокузнецка. Работа и планы данного градообразующего предприятия в большей степени определяются за пределами поселения – головная компания расположена в г. Новокузнецке. Требования холдинга к уровню рентабельности привели к запуску проекта реконструкции: предприятие полностью перейдет на новую технологию добычи руды с применением высокопроизводительного самоходного оборудования. Реализация проекта также частично снизит остроту кадровой проблемы.

Благодаря природно-климатическим условиям в поселке стало возможным появление новой крупной отрасли на основе развития

Рис. 5. Модель двойной спирали взаимодействия в пос. Шерегеш

зимнего туристического курорта Шерегеш. В начале 1990-х гг. увеличился спрос на внутренний туризм, и в Шерегеше стала активно развиваться туристическая инфраструктура: ведется строительство современных отелей, освоение новых горнолыжных трасс. Создание в 2011 году дороги до курорта существенно улучшило его транспортно-географическое положение. Для повышения инвестиционной привлекательности все новые туристические объекты будут включены в экономическую зону с льготным налоговым режимом (зона экономического благоприятствования туристско-рекреационного типа «Горная Шория» создана в 2010 г.). На настоящий момент развитие курорта и доведение его до международного уровня является точкой роста не только всего Таштагольского района, но и Кемеровской области⁶. Именно это дало нам основания включить его в анализ.

Развитие горнолыжного курорта предъявляет высокие инфраструктурные запросы. Необходимо поддерживать качество дорожного полотна транспортных подходов к курорту, расширить сеть бытовой инфраструктуры, обеспечить работу ЖКХ в связи с растущим фондом гостиниц, кафе, бань, организовать достаточное количество служб проката. Вместе с тем остро стоит вопрос использования создаваемых мощностей в летний период. По оценке администрации района загруженность гостиниц в летний период составляет максимум 23%, поток туристов снижается до 7% от пикового за зимний период. Таким образом, в настоящий момент доходы в отрасли подвержены сезонности, а способы использования простаивающей летом инфраструктуры не проработаны. Для снижения зависимости доходов отрасли от фактора сезонности мы предлагаем развивать следующие виды туризма в поселке: рекреационный, спортивный, промышленный, деловой, а также сквозной туризм при взаимодействии с Республикой Алтай, Алтайским краем, Республикой Хакасия. Администрация поселка должна сыграть

⁶ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года: утв. Советом народных депутатов Кемеровской области от 11 июля 2008 года № 74-ОЗ. URL: <http://www.docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.09.2016).

значимую роль (инициативную, консолидирующую) в развитии туристического кластера. Факторами успеха будут также являться эффективный маркетинг, работа по консолидации интересов, привлечение иностранных партнеров и консультантов, изучение российского и международного опыта (ЮАР, Франции, Турции, США, Краснодарского края, Самарской области, Северного Кавказа) [26, 27]. В условиях ограниченности финансовых ресурсов требуется интенсификация взаимодействия с областной администрацией по вопросам продвижения горнолыжного курорта.

Интенсивное развитие новой отрасли осложняется дефицитом кадров: привлечение необходимого количества квалифицированных специалистов составит большие затруднения с учетом текущего уровня развития поселка и условий жизни в нем.

В то же время перед администрацией стоит задача организации работы с малым бизнесом: требуется выявление общих интересов, их консолидация. Ведь с учетом специфики туристической отрасли здесь справедливо делается опора на мелкий и средний бизнес. Крупный сетевой бизнес пока находится в стороне от проектов поселка. Это происходит частично из-за недостатка информации о возможностях, частично из-за непрозрачности условий ведения бизнеса. При этом в администрации указывают на большое количество сопутствующих распространению малого бизнеса проблем, таких как массовое уклонение предпринимателей от налогов, манипуляции с земельными участками, нечестная конкуренция. Опыт их решения в настоящее время отсутствует.

Отметим, что система стратегического планирования в поселке не выстроена: документы не разработаны, на сайте показаны лишь отдельные инвестиционные проекты (информация о которых не всегда актуализирована).

В данном случае блок «Наука и образование» не включается в модель ревитализации, так как он участвует в обновлении экономики лишь опосредованно (через систему подготовки кадров вне муниципалитета). Перспективы подключения блока к модели состоят в разработке и применении системного подхода к проблемам регулирования малого и среднего бизнеса с учетом специфики туристической отрасли.

Заключение

Поселения старопромышленных территорий не всегда имеют достаточно ресурсов для проведения масштабной реиндустриализации. При этом на настоящий момент они сформировали довольно устойчивые модели ревитализации, то есть оживления экономики.

Общими для выявленных моделей развития городских поселений выступают следующие моменты:

1. Велика зависимость экономики от основных предприятий, интересы которых зачастую экстерриториальны.

2. Остро стоит проблема сохранения населения и повышения качества трудовых ресурсов.

3. Существенна зависимость экономики от конъюнктуры отдельных рынков.

4. Нехватка ресурсов для осуществления функций по управлению социально-экономическим развитием связывается с диспропорцией между обязательствами, полномочиями местных властей и бюджетными доходами.

5. Отношение к ГЧП сдержанное. В изучаемых поселениях экономические агенты рассматривают ГЧП в основном не как инструмент инициации и/или интенсификации работы над проектами, но как механизм, обеспечивающий гарантию стабильности. Зачастую для снятия/разделения существующих рисков полномочий и ресурсов муниципального и регионального уровня недостаточно, поэтому необходимо усиление роли федерального центра.

6. Недостаточно проработан механизм взаимодействия администраций с малым бизнесом. Во всех муниципальных образованиях респонденты указывали на отсутствие организационно-правового механизма влияния на размер теневого сектора. За исключением Бийска, поддержка малого бизнеса точечная, недостаточная для достижения целей диверсификации экономики.

7. Уровень активности муниципалитетов в отношении изучения лучших практик управления территориями различен. За исключением г. Бийска, интерес к межмуниципальным сопоставлениям минимален. Для изучения передового опыта муниципального управления рекомендуется вступление в одну или несколько

ассоциаций, таких как Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, Ассоциация малых туристских городов, Ассоциация малых и средних городов.

8. Существующий потенциал межмуниципальных взаимодействий практически не реализован. Возможна проработка сквозных туристических маршрутов вместо разделения потока туристов на условиях жесткой конкуренции. Целесообразно также наладить сотрудничество в фармацевтической отрасли: организация межмуниципальных и межрегиональных цепочек добавленной стоимости позволит ослабить зависимость от импорта сырья в основном кластере г. Бийска.

Узким местом всех моделей является недостаток консолидации интересов и интенсивности взаимодействий.

В целом предложенный авторами комплексный подход к изучению в ходе полевых исследований сформированных моделей развития с точки зрения механизмов взаимодействия ключевых участников позволил выявить узкие места развития, открыл возможности разработки рекомендаций для ускорения процессов ревитализации экономики изученных поселений и является, безусловно, новым.

Представленные институциональные модели с выявленными проблемами, предложенными путями решений могут быть использованы при стратегическом планировании на муниципальном уровне, написании и корректировке концепций и программ, проработке проектов межрегиональных соглашений. Принятие во внимание лидерства того или иного институционального участника процесса ревитализации, а также тесноты взаимодействия между ними может существенно скорректировать механизмы достижения целей социально-экономического развития, заложенные в программных документах. Фактор соседства рассмотренных городов-кейсов указал на потенциальные возможности интенсификации межмуниципальных взаимодействий.

Материалы исследования вошли в учебные курсы по региональной экономике и специальный курс «Сибирь в системе государственной региональной экономической политики», преподаваемые в бакалавриате ЭФ НГУ и ГФ ИГУ.

Перспективы продолжения исследования видятся в расширении поля кейсов ревитализации. Это позволит разработать сеть возможных межмуниципальных и межрегиональных взаимодействий, способствующих повышению темпов социально-экономического развития

сибирских городов и регионов. Мониторинг процессов ревитализации в уже изученных поселениях позволил бы оценить устойчивость сложившихся моделей и определить факторы, оказывающие наиболее сильное влияние на их институциональную трансформацию.

Литература

1. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / С.М. Белозерова, Е.В. Бушмин, В.К. Бурлачков и др. М.: Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова, 2015. 72 с.
2. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19-49.
3. Анохов И.В. Братско-Усть-Илимский ТПК как ориентир для реиндустриализации Сибири // Вестник УрФУ: Экономика и управление. 2017. Т.16. № 1. С. 8-26.
4. Дьяченко О.В., Зарубежнов Е.С. Реиндустриализация промышленности Уральского федерального округа // Новый университет: Экономика и право. 2016. № 11-1 (69). С. 23-32.
5. Дьяченко О.В. Реиндустриализация Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 8 (363). С. 92-103.
6. Кулешов В., Селиверстов В. Наука, власть, бизнес – треугольник реиндустриализации // В мире науки. 2016. № 6. Спецвыпуск. С. 9-15.
7. Базовый элемент. Моногорода-перезагрузка. Режим доступа URL: <http://www.basel.ru/monogoroda> (дата обращения: 27.04.2017).
8. Дидык В.В., Рябова Л.А. Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4(34). С. 84-99.
9. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика, план действий. М.: ЛЕАНД, 2015. 216 с.
10. Афанасьев К.С. Реиндустриализация в современном городе: варианты и модели // Тез. докл. на международной научной конференции: XIX Царскосельские чтения, г. Санкт-Петербург, 21-22 апр. 2015. СПб. 2015. Т. 1. С. 236-239.
11. Печаткин В.В. Реиндустриализация городов России: ключевые проблемы и пути их решений (на примере города Уфы) // Фундаментальные исследования. 2016. № 6-1. С. 202-206.
12. Реструктуризация старопромышленных регионов: опыт России и мира / А. Гранберг, С. Аргоболевская, Г. Ковалёва, Э. Россель // Региональное развитие и сотрудничество. 1998. № 1-2. С. 4-23.
13. Хилл Ф. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России: пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.
14. Detrick, S (1999), "The Post Industrial Revitalization of Pittsburgh: Myths and Evidence", *Community Development Journal*, № 1(34), pp. 4-12.
15. Dicken, P (2002), *Global Manchester: from globaliser to globalised*. In *City of Revolution: Restructuring Manchester*, [Online], available at: [https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/global-manchester-from-globaliser-to-globalised\(9bf1bac7-b30e-4f0b-8938-5a72ee1d1fa3\).html](https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/global-manchester-from-globaliser-to-globalised(9bf1bac7-b30e-4f0b-8938-5a72ee1d1fa3).html) (Accessed 2 May 2017).
16. Koutský, J., Slach, O. and Boruta, T. (2011), *Restructuring Economies of Old Industrial Regions – Local Tradition, Global Trends*, [Online], available at: http://conference.osu.eu/globalization/publ2011/166-173_Koutsky-Slach-Boruta.pdf (Accessed 28 April 2017).
17. Schreckenbach, C. and Teschner, C. (2006), *IBA Emscher Park – a beacon approach, dealing with shrinking cities in Germany*, [Online], available at: <https://ru.scribd.com/document/14741581/Industrial-Re-use-in-Germany> (Accessed 2 May 2017).
18. Лободанова Д.Л. Стратегии развития старопромышленных городов // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 56-76.

19. Шеншинов В.Ю. Ревитализация промышленных предприятий как инновационное направление развития современной экономики // Вестник Алтайской Академии экономики и права. 2010. № 4. С. 26-28.
20. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры, перетоки знания / отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.
21. Заборцева Т.И., Руднева В.А. Трансформация хозяйства и населения территорий Иркутского Севера в XXI веке // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Науки о Земле. 2016. Т. 15. С. 28-43.
22. Тарасова О.В., Шевелев А.А., Иванова В.В. Экономика севера Иркутской области и Республики Бурятия: рост или регресс в перспективе // Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика. 2015. С. 350-357.
23. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Оськина Н.А. Региональная политика в Кемеровской области при различных моделях экономического развития. Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А.С. Новосёлова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. Гл. 10. С. 291-321.
24. Hague, C., Hague, E. and Breitbach, C. (2011), *Regional and Local Economic Development*, Palgrave Macmillan, UK.
25. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Города Иркутской области. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 342 с.
26. Александрова А.Ю. Кластерные принципы организации туристского пространства (мировой опыт) // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов. 2010. С. 21-27.
27. Волков С.К. Зарубежный и российский опыт развития туристских кластеров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 16(237). С. 5-15.

Сведения об авторах

Ольга Владиславовна Тарасова – к.э.н., старший научный сотрудник, старший преподаватель, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com)

Вера Анатольевна Руднева – инженер, аспирант, Иркутский научный центр Сибирского отделения РАН (отдел региональных экономических и социальных проблем), Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН (664033, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 134; e-mail: varud8892@yandex.ru)

Статья поступила 13.06.2017.

Tarasova O.V., Rudneva V.A.

Models of Revitalization of Old-Industrial Cities: Case Studies of Siberia

Abstract. The study of re-industrialization processes in relation to the Russian economy as a whole, to macro-regions, federal districts, separate constituent entities, single-industry towns is a fairly common area of scientific research, both theoretical and applied. However, for many Siberian cities the issue of economic restructuring is also relevant. With the transition to market economy Siberian cities turned from points of economic growth into lagging territorial entities with a full range of socio-economic problems. At the moment, most of them are currently searching for their own way and development model. The main purpose for the research is to assess the prospects of economic re-industrialization in Siberian cities of different size. We introduce the term “economic revitalization” which is more suitable for determining the process of economic restructuring of individual cities. In order to collect information we performed

field research in the Kemerovo Oblast, Altai Krai, and Irkutsk Oblast using the methods of observation, monitoring, systematization, and survey. The paper describes the established models of economic revitalization in the framework of the Triple Helix concept. The specification of models for cities with the allocation of key actors, as well as the identification of closeness of interaction between the government, business and the scientific community in the territory is certainly new. The results are presented in the form of case studies using comparative analysis. The studied territorial formations (Novokuznetsk, Bratsk, Biysk, Usolye-Sibirskoye, Sheregesh) differ in scale, status and industry specialization. The models of their development are quite similar: dependence of the economy on key enterprises whose interests are extraterritorial is high; there is an acute problem of preserving the population and improving the quality of labor resources; the dependence of the economy on the conditions of individual markets is significant; the attitude to Public Private Partnership (PPP) is restrained, there are imbalances between the obligations, the powers of local authorities and budget revenues; the mechanism of interaction between administrations and small businesses is insufficiently developed, the existing potential of inter-municipal interaction is not implemented. The bottleneck of all models is lack of consolidation of interests and interaction intensity of participants. The research results can be used in strategic planning at the municipal level, in developing and adjusting concepts and programs of territorial entities development, in developing draft interregional agreements. The prospects for further research are to monitor changes in the described institutional models of revitalization and expand the field of cases.

Key words: old industrial city, economic revitalization, case study, triple helix, interaction, single-industry town, science city, cluster.

Information about the Authors

Olga V. Tarasova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Akademika Lavrent'eva Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com)

Vera A. Rudneva – Graduate Student, Engineer, Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (134, Lermontov Street, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: varud8892@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11

УДК 331.101.26(470.12), ББК 65.240(2Рос-4Вол)

© Чекмарева Е.А.

Качество трудового потенциала за пределами крупных городов*

Елена Андреевна

ЧЕКМАРЕВА

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: miteneva@inbox.ru

Аннотация. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий в условиях сокращения количества трудовых ресурсов, вызванного естественной убылью населения и миграционным оттоком в крупные города, возможно только за счёт модернизации экономики, наращивания качества трудового потенциала и повышения эффективности его использования. Целью представляемого в статье исследования является оценка качества трудового потенциала территорий за пределами крупных городов. Информационную базу работы составили данные беспрецедентного лонгитюдного социологического исследования, осуществляемого Вологодским научным центром РАН с 1997 года, – мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области. Анкетирование проходит в восьми районах области, а также в городах Вологде и Череповце. Объем выборки составляет 1500 человек трудоспособного возраста. Методика измерений основывается на концепции качественных характеристик населения ИСЭПН РАН и позволяет оценить в индексной форме (от нуля до единицы) восемь базовых качеств трудового потенциала: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. Оригинальность и новизна авторского подхода, обоснованного в данной статье, заключается в том, что оценка качества трудового потенциала проводится в возрастном разрезе и сопровождается сравнительным анализом «городских» и «сельских» показателей. Анализ осуществлялся по трём возрастным категориям: молодёжь в трудоспособном возрасте (16–30 лет), лица предпенсионного возраста (женщины в возрасте от 50 до 54 лет, мужчины – от 55 до

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-60011 мол_а_дк.

Для цитирования: Чекмарева Е.А. Качество трудового потенциала за пределами крупных городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 164-179. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11

For citation: Chekmareva E.A. The quality of labor potential outside large cities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 164-179. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11

59 лет), лица среднего возраста (женщины в возрасте от 31 года до 49 лет, мужчины — до 54 лет). Использование данного подхода позволило автору показать, что, хотя среднее качество трудового потенциала сельских территорий (средний индекс социальной дееспособности) стабильно ниже, чем в крупных городах, качество сельской молодёжи, в целом, не уступает показателям городской: селяне «проигрывают» горожанам по энергетическому потенциалу, однако компенсируют это высоким развитием социально-психологического потенциала, включая коммуникативный. Таким образом, распространённое мнение о низком качестве населения за пределами крупных городов не подтвердилось относительно молодёжи в трудоспособном возрасте. В сложившихся условиях стратегически важно «закрепить» молодёжь на селе и дать возможность реализовать свой трудовой потенциал на благо малой родины.

Ключевые слова: трудовой потенциал, качество трудового потенциала, крупные города, районы, сельские территории.

Введение

В 50-х–60-х годах прошлого века центростремительная внутренняя миграция воспринималась учёными-экономистами во всём мире как положительное явление, благодаря которому избыточный сельский труд был выведен из традиционного сельского хозяйства, чтобы обеспечить дешёвую рабочую силу для растущего промышленного комплекса [1; 2; 3]. Позже многочисленные исследования обнаружили, что во всех развивающихся странах показатели миграции из сельской местности в города превышают темпы создания новых рабочих мест и значительно превосходят возможности городских социальных служб [4, с. 361–362]. Обратной стороной «медали» также оказались проблемы развития сельских территорий¹, обусловленные закономерным ухудшением качества населения за пределами крупных городов².

Отток квалифицированных кадров создаёт существенные препятствия устойчивому экономическому развитию, о взаимосвязи кото-

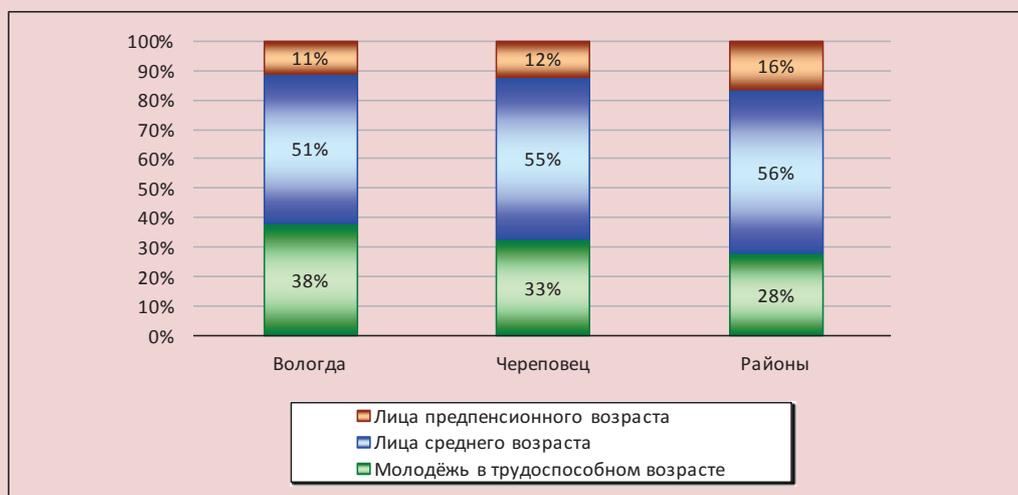
¹ Согласно подходу ЕС, сельскими территориями считаются территории за пределами крупных городов со своим населением, его образом жизни, традициями, материальными и культурными накоплениями прошлого, природными условиями и ресурсами (Введение в устойчивое развитие сельских территорий: важнейшие понятия и теоретические основы: учеб. пособие / А.В. Мерзлов [и др.]. М., 2012. 57 с. С. 9). В силу данного определения далее по тексту понятия «сельские территории» и «территории за пределами крупных городов» используются как синонимичные.

² В географии городов и градостроительстве принята следующая классификация городов по их величине: малые города — до 50 тыс. жителей, средние — 50–100, крупные — 250–500, крупнейшие — 500 тыс.–1 млн., города-миллионеры — свыше 1 млн. (Лаппо Г. М. География городов. М.: Владос, 1997. 478 с. С. 43).

рого с качеством населения и человеческим капиталом говорят как отечественные, так и зарубежные исследователи [5; 6; 7; 8]. В России ситуацию усугубляет общий демографический кризис. Последнее десятилетие в нашей стране происходит систематическое сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, в том числе сельского. По словам Л.Л. Рыбаковского, «из этого тупика возможны лишь два выхода: либо продолжать привлекать в российскую экономику многомиллионные массы неквалифицированных трудовых мигрантов, снижая и без того низкий уровень оплаты труда занятого российского населения, либо интенсивно модернизировать экономику на инновационной основе» [9, с. 57]. Первый вариант наиболее прост в реализации, позволяет решить проблему в относительно короткие сроки, однако влечёт за собой множество негативных последствий. Второй — стратегически более правильный, но требует значительных временных и финансовых затрат. Кроме того, порождает сопутствующие кадровые проблемы: модернизация рабочих мест существенно повышает требования к качеству трудового потенциала. Недостаточно модернизировать исключительно экономику, необходимо «модернизировать» людей, подготовить их к работе в новых условиях. Ведущая роль в данном процессе отводится городам.

Крупные города становятся «центрами модернизации экономики и человеческого капитала» [10], формируя при этом «опорный каркас расселения» [11]. В современной России как внутренние, так и внешние мигранты по-прежнему «стремятся в крупные города, где есть много возможностей для трудоустройства,

Рис. 1. Возрастная структура населения трудоспособного возраста в крупных городах Вологодской области и за их пределами на начало 2016 года

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2015 году: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2016. 97 с.; расчёты автора.

получения высоких заработков, самореализации» [12, с. 66]. Города служат «центрами роста» [13], являются своеобразными «моторами» развития, определяющими тенденции и перспективы всей страны [14].

Как отмечает *Н.В. Зубаревич*, концентрация человеческих и экономических ресурсов дает городам объективные преимущества и, несмотря на отсутствие адекватной политики властей, естественные тенденции пространственного развития будут и дальше стягивать население в крупные города и их пригороды [10, с. 5–19]. Что же остаётся сельским территориям, устойчивое развитие которых является сейчас одним из важнейших направлений [15] государственной политики в Российской Федерации?

Среди отечественных исследователей утвердилось мнение, что «качество сельского населения было и остаётся низким» [16, с. 136]. На наш взгляд, это соответствует действительности в той же степени, в которой средняя зарплата говорит об уровне жизни в регионе. В частности, если рассуждать о трудовом потенциале, то сравнивать показатели по населению трудоспособного возраста в целом не вполне корректно: как рассчитано нами ранее на примере Вологодской области, средний возраст в районах выше, чем в городах [17].

Для примера на *рисунке 1* приведена структура населения трудоспособного возраста в крупных городах Вологодской области и за их пределами на начало 2016 года. При выделении молодёжи мы традиционно придерживались подхода созвучного российскому законодательству³ и относили к данной категории население в возрасте от 14 до 30 лет [18]. Поскольку объектом нашего рассмотрения является население трудоспособного возраста, лица 14 и 15 лет оставались за рамками анализа и к молодёжи в трудоспособном возрасте причислялись жители соответствующей территории в возрасте от 16 до 30 лет. Предпенсионным возраст человека считался за пять и менее лет до достижения пенсионного. Остальная часть населения трудоспособного возраста условно была названа лицами среднего возраста.

Как можно увидеть из приведённой диаграммы, доля молодёжи в трудоспособном возрасте за пределами крупных городов значительно ниже, а доля населения предпенсионного возраста выше, что, естественно, накладывает отпечаток на средние показатели качества населения.

³ Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: постановление ВС РФ от 03.06.1993 № 5090-1 // Консультант-Плюс.

Целью нашего исследования являлась оценка качества трудового потенциала территорий за пределами крупных городов. Оценка проводилась в возрастном разрезе и сопровождалась сравнительным анализом «городских» и «сельских» показателей.

Анализ выполнен на примере Вологодской области и осуществлялся по трём возрастным категориям:

– молодёжь в трудоспособном возрасте – та часть молодёжи, которая находится в пределах трудоспособного возраста – 16–30 лет;

– лица предпенсионного возраста – часть населения в трудоспособном возрасте, которому осталось не более 5 лет до достижения пенсионного возраста – женщины в возрасте от 50 до 54 лет, мужчины – от 55 до 59 лет;

– лица среднего возраста – женщины в возрасте от 31 года до 49 лет, мужчины – до 54 лет.

Методология

Под трудовым потенциалом территории в исследовании понимается «обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей к труду» [19, с. 14], оцениваемая в количественном отношении численностью населения в трудоспособном возрасте, а в качественном – уровнем развития качественных характеристик населения трудоспособного возраста. Это соответствует комплексному экономическому подходу к трактовке данного понятия [20].

Следует отметить, что термин «трудовой потенциал» является результатом оригинального развития российской экономической мысли. Обоснование необходимости введения данного понятия «для характеристики личного фактора производства в объёмном, многомерном выражении» [21, с. 5] можно найти в работах А.С. Панкратова. В современных зарубежных учебниках и лекциях по экономике труда⁴ такой термин не встречается, а потенциальные производственные возможности населения рассматриваются в рамках теории человеческого

капитала [7; 22]. При этом если в России принято говорить о качественных характеристиках населения трудоспособного возраста, то в иностранных исследованиях в фокусе внимания оказываются образование и навыки работников (skills).

Качество трудового потенциала – более широкое понятие, чем навыки, приобретаемые в ходе обучения в школе и вузе. В частности, такие качественные характеристики населения, как нравственность и внутренняя культура, не являются навыками, их нельзя «натренировать», они прививаются в процессе воспитания. Причем как показывают измерения, проведённые в Вологодской области, данные качества значимы и востребованы в трудовой деятельности: более трети работников в трудоспособном возрасте указали, что для успешного осуществления трудовой деятельности им очень важно иметь высокие морально-нравственные качества (35,5%) и обладать высокой общей культурой (38,3%). Вместе с тем только 5 и 7% работников соответственно отметили, что эти качества совсем не важны в деле, которым они занимаются (табл. 1).

Указанный факт свидетельствует в пользу учёта и оценки всего многообразия качественных характеристик населения трудоспособного возраста. Необходимы измерения, способные дать властям развёрнутую информацию о состоянии и развитии трудового потенциала на местах, не ограничивающуюся скудными статистическими показателями здоровья и образования. Такие данные предоставят реальную «пищу для размышлений» и помогут принять адекватные управленческие меры.

Осознавая стратегическую важность достоверной и оперативной информации на уровне регионов, Вологодский научный центр РАН уже на протяжении двадцати лет осуществляет регулярный социологический мониторинг⁵ качественного состояния трудового потенциала Вологодской области [23; 24; 25]. Результаты проводимых измерений составили информационную базу нашего исследования.

⁴ Acemoglu D., Autor D. Lectures in Labor Economics. MIT, 2011. 299 p.; Borjas G.J. Labor economics. New York: McGraw-Hill, 2013. 576 p.; Ehrenberg R.G., Smith R.S. Modern labor economics: theory and public policy. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2012. 672 p.

⁵ Опрос 1996 года носил пилотный характер, а с 1997 года социологические измерения качества трудового потенциала ведутся в мониторинговом режиме (до 2009 года – ежегодно, сейчас – раз в два года).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Каких качеств от человека требует то дело, которым Вы занимаетесь в настоящее время?», %

Чтобы добиться успеха в деле, которым я занимаюсь, нужно...	Вариант ответа				Всего
	Совсем не важно	Более или менее важно	Достаточно важно	Очень важно	
1. Хорошее физическое здоровье и самочувствие	2,8	13,8	43,6	39,9	100
2. Высокая устойчивость к нагрузкам на психику (работа нервная)	4,4	15,6	41,1	38,8	100
3. Иметь разносторонние знания, большую эрудицию, высокую квалификацию	9,8	23,8	40,4	26,0	100
4. Иметь творческие способности (изобретать, создавать новое, решать неизвестные мне ранее задачи и т.д.)	19,0	25,1	33,5	22,4	100
5. Общительность, умение ладить с людьми	3,2	12,7	34,5	49,6	100
6. Обладать высокой общей культурой (быть хорошо воспитанным, вежливым, сдержанным, всегда хорошо выглядеть)	6,6	18,9	36,2	38,3	100
7. Иметь высокие морально-нравственные качества (честность, правдивость, чувство долга, порядочность, и т.д.)	5,2	17,5	41,8	35,5	100
8. Постоянно стремиться к повышению по службе, повышать свою квалификацию, проявлять инициативу и предприимчивость	12,1	26,2	35,8	25,9	100
Примечание. В таблице приведено распределение ответов работающего населения Вологодской области в трудоспособном возрасте по данным опроса 2016 года. Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.					

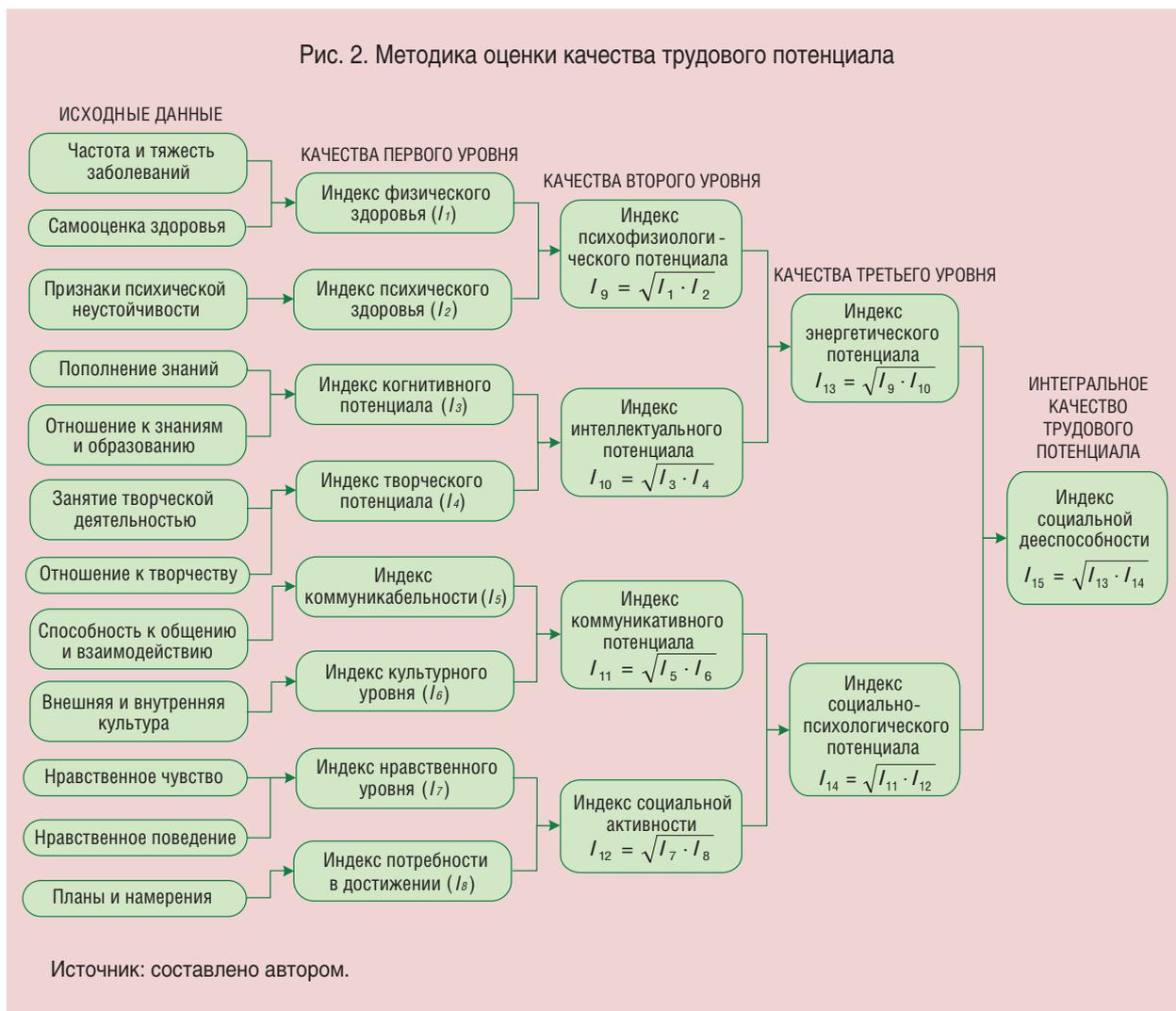
Характеристика опроса следующая. Объектом исследования является население Вологодской области в трудоспособном возрасте. Опросы проходят ежегодно в августе–сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 чел. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3–4% при доверительном интервале 4–5%. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

В основу методики измерения положена концепция качественных характеристик населения, разработанная учёными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством Н.М. Римашевской [26; 27]. Согласно используемому подходу интегральным показателем качества трудового потенциала является социальная дееспособность, имеющая сложную иерархическую структуру и вбирающая в себя восемь качественных компонентов первого уровня: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении.

Для социологической оценки перечисленных качеств применяются шкалы Лайкерта⁶. Анкета состоит из блоков утверждений большей частью с пятибалльными рейтинговыми шкалами оценивания, позволяющими установить степень согласия респондента с предложенными ему утверждениями. Каждому из базовых компонентов трудового потенциала соответствует свой блок вопросов. По итогам измерений все восемь качеств получают численную оценку в виде индексов в интервале от нуля до единицы, которые рассчитываются как отношение фактического числа баллов по шкале к максимально возможному. Интерпретируются индексы следующим образом: чем ближе значение индекса к единице, тем лучше развито соответствующее ему качество у респондента, и наоборот.

⁶ Шкалы Лайкерта – разновидность опросников установок (аттитюдов). Названы по имени автора – Р. Лайкерта, предложившего их в 1932 г. Шкалы Лайкерта состоят из набора утверждений с пяти- или семибалльными рейтинговыми шкалами оценивания, которыми устанавливается степень согласия испытуемого с данным утверждением. Более подробная характеристика шкалы измерения базовых качеств представлена в работе: Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. 76 с.

Рис. 2. Методика оценки качества трудового потенциала

Оценка качества трудового потенциала верхних уровней иерархии выполняется путем вычисления среднего геометрического индексов нижних уровней. Интегральный индекс социальной дееспособности рассчитывается как среднее геометрическое индексов энергетического и социально-психологического потенциалов (рис. 2).

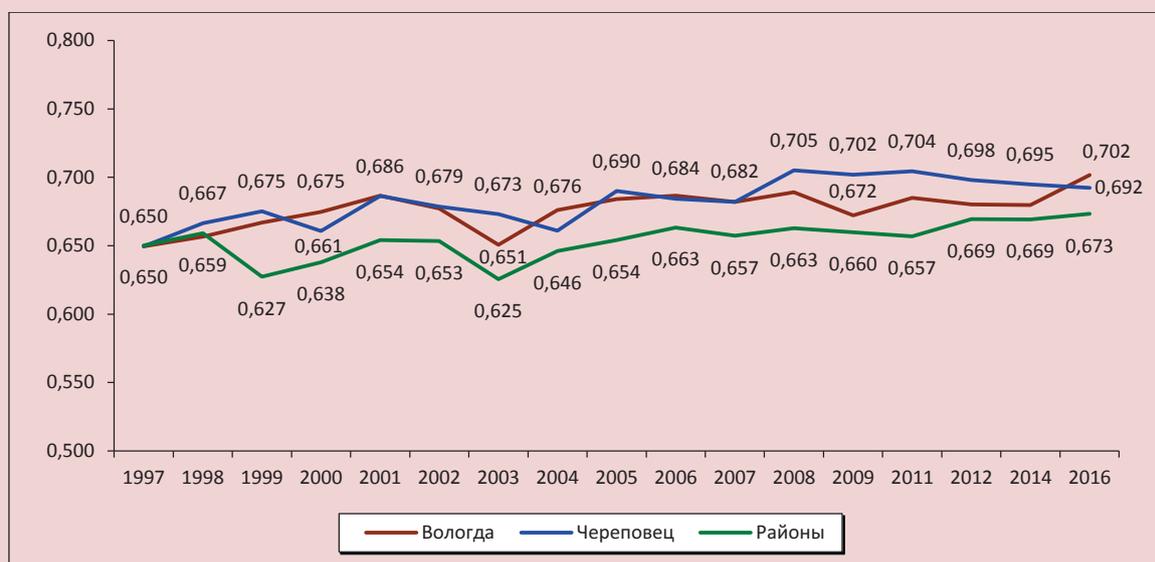
Результаты и обсуждение

На протяжении всего периода измерений территории за пределами крупных городов характеризуются более низкими средними значениями индексов социальной дееспособности (рис. 3). В настоящее время (по результатам измерений 2016 г.) интегральный индекс качества трудового потенциала районов Вологодской области составляет 0,673 ед., города Череповца – 0,692 ед., Вологды – 0,702 ед.

Если рассматривать первичные качественные характеристики трудового потенциала, из которых складывается интегральный индекс, то, судя по средним показателям, сельские территории отстают от крупных городов по большинству базовых качеств. Как выявлено нами ранее [17], исключение составляют индексы коммуникабельности, культурного и нравственного уровня. То есть за пределами крупных городов люди, в среднем, более общительны и консервативны в вопросах культуры и нравственности.

Анализ динамики базовых качеств трудового потенциала показал, что за два десятилетия трудоспособное население сельских территорий потеряло 2% когнитивного и 7% творческого потенциала, 5% физического здоровья и 3% нравственного уровня (табл. 2).

Рис. 3. Динамика индексов социальной дееспособности в крупных городах Вологодской области и за их пределами в 1997–2016 гг.

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Таблица 2. Динамика качества трудового потенциала за пределами крупных городов Вологодской области в 1997–2016 гг., индекс

Качество	Год							Δ, ед.	Δ, %
	1997	2000	2003	2006	2009	2012	2016		
Физическое здоровье	0,756	0,678	0,639	0,706	0,715	0,720	0,716	-0,040	-5,2
Психическое здоровье	0,682	0,676	0,642	0,738	0,715	0,748	0,783	0,101	14,8
Когнитивный потенциал	0,634	0,614	0,599	0,636	0,599	0,619	0,620	-0,013	-2,1
Творческий потенциал	0,581	0,560	0,552	0,557	0,548	0,525	0,540	-0,042	-7,2
Коммуникабельность	0,729	0,718	0,685	0,735	0,726	0,768	0,751	0,021	2,9
Культурный уровень	0,603	0,589	0,605	0,644	0,663	0,705	0,689	0,086	14,3
Нравственный уровень	0,795	0,774	0,714	0,774	0,737	0,790	0,772	-0,023	-2,9
Потребность в достижении	0,595	0,611	0,663	0,624	0,631	0,616	0,641	0,045	7,6

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Далее сконцентрируемся на современном качестве трудового потенциала территорий Вологодской области, находящихся за пределами крупных городов. Согласно подходу, обоснованному во введении, для адекватного отражения реальной ситуации и корректности сравнения данных с показателями по Вологде и Череповцу анализ проводится по трём возрастным категориям.

Как показали измерения, в настоящее время индекс социальной дееспособности молодежи трудоспособного возраста за пределами крупных городов не уступает показателям Череповца (табл. 3): селяне «проигрывают» горо-

жанам по энергетическому потенциалу, однако компенсируют это высоким развитием социально-психологического потенциала, включая коммуникативный. Качество трудового потенциала лиц среднего и предпенсионного возрастов в районах области заметно ниже, чем в крупных городах. При этом наибольший разрыв наблюдается по компонентам энергетического потенциала, который в сельской местности к пенсионному возрасту оказывается существенно истощён, что говорит о проблемах в социальной инфраструктуре и качестве жизни (в том числе трудовой) за пределами крупных городов.

Таблица 3. Качество трудового потенциала в крупных городах Вологодской области и за их пределами по возрастным категориям в 2016 году, индекс

Качество	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Базовые качества 1-го уровня									
Физическое здоровье	0,772	0,780	0,766	0,733	0,745	0,714	0,672	0,671	0,647
Психическое здоровье	0,816	0,787	0,806	0,822	0,792	0,786	0,765	0,773	0,738
Когнитивный потенциал	0,631	0,612	0,616	0,654	0,638	0,618	0,643	0,645	0,635
Творческий потенциал	0,598	0,573	0,537	0,586	0,587	0,545	0,608	0,562	0,530
Коммуникабельность	0,748	0,764	0,763	0,773	0,766	0,746	0,774	0,727	0,745
Культурный уровень	0,697	0,674	0,710	0,688	0,706	0,684	0,694	0,638	0,670
Нравственный уровень	0,773	0,765	0,769	0,788	0,790	0,768	0,829	0,800	0,787
Потребность в достижении	0,730	0,715	0,707	0,682	0,677	0,638	0,580	0,559	0,546
Качества 2-го уровня									
Психофизический потенциал	0,790	0,780	0,782	0,771	0,764	0,742	0,711	0,715	0,686
Интеллектуальный потенциал	0,608	0,587	0,571	0,614	0,608	0,576	0,621	0,599	0,576
Коммуникативный потенциал	0,719	0,712	0,731	0,726	0,730	0,709	0,728	0,674	0,702
Социальная активность	0,747	0,736	0,734	0,725	0,726	0,695	0,686	0,663	0,650
Качества 3-го уровня									
Энергетический потенциал	0,688	0,672	0,665	0,684	0,678	0,648	0,662	0,651	0,626
Социально-психологический потенциал	0,731	0,721	0,730	0,723	0,726	0,700	0,705	0,666	0,673
Интегральный показатель качества трудового потенциала									
Дееспособность	0,708	0,695	0,696	0,702	0,700	0,671	0,681	0,656	0,646

Примечание. Здесь и далее в таблицах приведены результаты опроса 2016 года.
Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Таблица 4. Самооценка здоровья населения трудоспособного возраста, %

Самооценка здоровья	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Отличное	14,0	16,2	11,7	10,5	9,6	5,2	5,9	5,3	3,3
Хорошее	53,4	48,7	50,0	36,2	51,2	36,5	13,7	24,6	14,2
Удовлетворительное	30,3	32,5	34,4	49,3	34,0	52,1	72,5	54,4	71,7
Плохое	2,2	2,6	3,3	3,3	4,8	4,0	5,9	15,8	9,2
Очень плохое	0,0	0,0	0,6	0,7	0,5	2,1	2,0	0,0	1,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Самооценка здоровья населения трудоспособного возраста в районах области ниже во всех возрастных категориях (табл. 4). Так, «отличным» и «хорошим» считают своё здоровье 62% сельской молодёжи (в Вологде – 67%, Череповце – 65%), 42% лиц среднего трудоспособного возраста и 18% – предпенсионного. Отрицательные самооценки здоровья дали 4, 6 и 11% респондентов рассматриваемых возрастных групп соответственно.

Кроме того, согласно результатам мониторинга 7% молодёжи, 17% лиц среднего и 32% предпенсионного возраста, проживающих за пределами крупных городов, пожаловались на очень частые мелкие недомогания (головная боль, общая слабость, обострения хронических болезней, травм и т.д.), не снижающие в целом трудоспособности. В то же время болезни, приводящие к потере способности работать и учиться, никогда не достигали 51% молодёжи.

Для лиц среднего и предпенсионного возраста этот показатель ощутимо ниже – 39 и 27% соответственно.

Если говорить о психическом здоровье населения трудоспособного возраста, то наряду с тенденцией к росту соответствующего индекса, наблюдаемой в период мониторингового исследования (см. табл. 2), следует отметить, что на данный момент среди сельских жителей чаще распространены такие признаки психологической неустойчивости, как проблемы со сном, трудности с концентрацией внимания и чувство нереальности всего происходящего (табл. 5).

Одной из проблемных точек развития трудового потенциала за пределами крупных городов является интеллектуальный потенциал населения, включающий в себя имеющие тенденцию к сокращению когнитивный и творческий потенциалы. В то же время, если уйти от анализа средних показателей, то можно заметить, что когнитивный потенциал молодёжи районов области не уступает показателям череповчан, хотя и проигрывает потенциалу вологжан (см. табл. 2). При этом доля молодёжи трудоспособного возраста, регулярно читающей специальную литературу в крупных городах на 10% ниже, чем за их пределами; примерно на столько же в городах выше доля тех, кто читает научно-популярную литературу хотя бы по одной теме (табл. 6). В целом порядка 60% молодёжи как в крупных городах, так и за их пределами читает специальную или научно-популярную

литературу. Ничего не читают только 9% сельской молодёжи, 11% лиц среднего трудоспособного возраста, 8% – предпенсионного.

Преобладающая часть населения трудоспособного возраста характеризуется положительным отношением к знаниям и образованию. Интересен тот факт, что вне зависимости от возрастной категории 68% опрошенных за пределами крупных городов считают, что «знания украшают жизнь человека, делают его счастливее». Однако наибольшая доля согласных с данным утверждением наблюдается среди молодёжи города Вологды – 83%. Молодёжь Череповца настроена более скептически – 67%. Важно понимать, что позитивные общественные настроения формируют благоприятную среду для развития интеллектуального потенциала населения, поэтому должны поддерживаться и использоваться. Распространение негативных настроений по отношению к знаниям неминуемо будет перерастать в деструктивные практики, отрицание ценности образования не на словах, а на деле. В настоящее время каждый второй трудоспособный житель районов области придерживается мнения, что «можно и без особых знаний хорошо устроиться в жизни, быть полезным людям» (53% молодёжи в трудоспособном возрасте, 52% лиц среднего и 51% предпенсионного возраста). Наименьшее одобрение такая позиция находит среди лиц предпенсионного возраста, проживающих в крупных городах: 42% – в Вологде, 44% – в Череповце.

Таблица 5. Проявление некоторых признаков психической неустойчивости у населения трудоспособного возраста, %

Признак	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Иногда бывает трудно уснуть, приходится прибегать к снотворному	9,5	18,8	19,4	15,7	23,9	25,4	37,3	31,6	46,7
Временами бывают приступы неудержимого смеха или плача	22,3	16,9	17,8	17,6	13,9	15,9	3,9	7,0	11,7
Все время одолевают какие-то заботы	34,1	31,2	26,7	37,3	32,1	33,9	43,1	29,8	47,5
Некоторые вещи так сильно волнуют, что невозможно о них разговаривать	21,8	20,1	27,8	20,3	17,2	23,5	19,6	19,3	35,0
Трудно на чем-нибудь сосредоточиться	9,5	11,0	10,6	5,9	6,7	18,7	5,9	10,5	20,0
Беспокоит возможность заразиться какой-нибудь болезнью	19,0	17,5	20,0	19,0	17,2	22,9	11,8	21,1	19,2
Часто возникает чувство, как будто вокруг все нереально	8,4	9,7	13,9	2,6	9,1	14,4	0,0	7,0	16,7

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Таблица 6. Деятельность населения трудоспособного возраста, направленная на пополнение знаний, %

Характеристика деятельности	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Регулярно читают специальную, научную и другую литературу хотя бы по одной теме, общаются со специалистами	27,8	28,8	39,4	30,3	38,0	38,4	29,4	31,6	37,3
Ограничиваются чтением научно-популярной литературы	33,0	32,7	21,1	25,7	26,4	16,7	35,3	22,8	19,5
Читают только то, что встречается в газетах, общественно-политических журналах, телевидении и радио, новостях в сети Интернет	30,7	31,4	30,6	39,5	30,8	33,7	29,4	45,6	35,6
Ничего не читают, но участвуют в обсуждении вопросов с друзьями, знакомыми, коллегами	7,4	5,2	5,0	4,6	2,4	7,4	2,0	0,0	5,9
Ничего не читают и ничем не интересуются	1,1	2,0	3,9	0,0	2,4	3,7	3,9	0,0	1,7

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Сокращению интеллектуального потенциала населения также способствует слабая востребованность творческих способностей работников. Как видно из таблицы 1, приведённой в начале статьи, умение изобретать, создавать что-то новое, решать неизвестные ранее задачи является по оценкам респондентов наименее важным для достижения успеха в профессиональной деятельности.

Согласно результатам опроса, в районах области постоянное занятие творческой (рационализаторской, изобретательской) деятельностью характерно для 3% молодёжи, 5% лиц среднего и 6% предпенсионного возраста. По мере возникновения практической необходимости занимаются творчеством 17, 19 и 14% респондентов соответственно. Никогда не проявляют креативности – 58, 56 и 63% (табл. 7), что

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «В какой мере для Вас в настоящее время характерно занятие творческой (рационализаторской, изобретательской и т.д.) деятельностью?», %

Вариант ответа	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
1. Постоянно что-нибудь изобретаю, пишу, сочиняю и т.д. – это стиль моей жизни	8,0	5,9	2,9	10,6	6,3	5,3	2,0	5,5	6,0
2. Придумываю, изобретаю и т.д., когда передо мной возникает практическая необходимость что-нибудь сделать, а как – неизвестно, нет готовых решений	29,7	28,1	16,9	22,5	29,8	18,9	42,0	21,8	13,7
3. Придумываю, изобретаю, сочиняю и т.д., когда получаю соответствующее задание от начальства	22,3	16,3	22,1	23,2	21,6	20,1	16,0	16,4	17,1
4. Никогда ничего не предпринимаю, делаю то, чему меня научили раньше, или что подсказывают другие, о чем могу прочитать в книгах, справочниках и т.д.	40,0	49,7	58,1	43,7	42,3	55,7	40,0	56,4	63,2

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

существенно отличается от соответствующих показателей в крупных городах. На наш взгляд, это объясняется прежде всего разницей в структуре занятости населения городских и сельских территорий, распространённости и объективной востребованности творческих профессий.

Отношение к творчеству и творческим людям является неоднозначным. С одной стороны, в районах области не меньше 64% численности каждой возрастной группы придерживается мнения, что «если есть творческие способности, надо их реализовать полностью». С другой стороны, как минимум каждый четвёртый считает, что «уже понапридумывали всего достаточно, нужно работать, дело делать». При этом 19% молодёжи трудоспособного возраста, 24% лиц среднего и 20% предпенсионного возраста согласны с тем, что «человек, который вечно носится со своими идеями, мешает другим нормально жить и трудиться».

В условиях активного развития сферы услуг самым востребованным качеством становится вовсе не творческий потенциал, а коммуникабельность (см. табл. 1). За период мониторингового исследования рост индекса коммуникабельности в районах области составил 3%: с 0,729 в 1997 г. до 0,751 в 2016 г. (см. табл. 2). В настоящее время каждый второй человек испытывает трудности в поиске подходящей темы для разговора, когда находится в обще-

стве (табл. 8). 58% населения в трудоспособном возрасте легко раздражается при общении с людьми. 41% молодёжи, 39% лиц среднего и 47% предпенсионного возраста испытывают неловкость, если оказываются в центре внимания группы людей. Вместе с тем легче сходятся с людьми лица предпенсионного и среднего возраста по сравнению с представителями младшей возрастной группы и больше любят коллективные развлечения. В то же время молодёжь из крупных городов чаще разговаривает с незнакомыми людьми в общественном транспорте, а жители районов являются более общительными в предпенсионном возрасте.

Анализируя показатели внутренней и внешней культуры населения, следует отметить, что умение хорошо говорить и красиво выразить свои мысли наименее развито во всех возрастных группах вне зависимости от территории (табл. 9). Однако умение слушать собеседника и вникать в смысл его высказываний является одним из наиболее разработанных. Слабее развито умение уступать и идти на компромиссы, особенно у людей предпенсионного возраста в районах области. В то же время они высоко оценивают свою вежливость и манеры, хотя и уступают вологжанам по данному показателю.

Внутренняя культура человека во многом предопределяется морально-нравственным развитием. На протяжении всего периода из-

Таблица 8. Характеристика способности к общению и взаимодействию у населения трудоспособного возраста, %

Характеристика	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Испытывают трудности в поиске подходящей темы для разговора, когда находятся в обществе	54,2	50,6	51,7	61,4	60,3	50,8	52,9	56,1	51,7
Легко раздражаются при общении с людьми	51,4	58,4	58,3	69,3	63,6	58,4	62,7	57,9	58,3
Испытывают неловкость, если оказываются в центре внимания группы людей	42,5	43,5	41,1	48,4	45,5	38,8	47,1	42,1	46,7
Любят коллективные развлечения	12,3	11,7	13,9	19,6	22,0	25,1	21,6	35,1	19,2
Легко сходятся с людьми и хорошо себя чувствуют в обществе	6,7	10,4	8,9	12,4	12,0	10,4	9,8	14,0	16,7
Часто разговаривают с незнакомыми людьми в поезде, автобусе и т.д.	53,1	49,4	37,2	44,4	40,2	30,9	33,3	36,8	37,5

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Таблица 9. Уровень развития некоторых показателей внутренней и внешней культуры населения трудоспособного возраста, средний балл по 4-х-балльной шкале

Качества и умения	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Вежливость, обходительность, хорошие манеры, знание этикета	2,99	2,97	3,01	3,01	3,05	2,89	3,10	2,88	2,90
Умение одеваться со вкусом	2,71	2,68	2,84	2,72	2,77	2,65	2,65	2,35	2,49
Умение хорошо говорить, красиво выражать свои мысли	2,53	2,40	2,66	2,50	2,64	2,55	2,61	2,32	2,55
Умение слушать собеседника, вникать в смысл высказываний	3,03	2,79	2,91	3,03	3,00	2,83	2,92	2,72	2,74
Умение идти на компромиссы с другими людьми, уступать	2,73	2,67	2,79	2,72	2,81	2,68	2,76	2,56	2,55
Тактичность, умение не задевать самолюбие других людей	2,87	2,75	2,80	2,84	2,90	2,83	2,86	2,81	2,77
Умение сдерживать себя в любой критической ситуации, «не терять лицо»	2,70	2,58	2,72	2,72	2,86	2,65	2,90	2,49	2,69
Умение поддерживать здоровье	2,68	2,62	2,84	2,59	2,66	2,68	2,49	2,37	2,63

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН

Таблица 10. Самооценка важности нравственных ценностей (нравственное чувство) населения трудоспособного возраста, средний балл по 4-х-балльной шкале

Качества и умения	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Честность, правдивость	3,30	3,32	3,31	3,38	3,39	3,28	3,47	3,42	3,27
Порядочность	3,33	3,30	3,36	3,54	3,46	3,36	3,73	3,54	3,37
Сострадание, милосердие	3,03	2,93	3,03	3,13	3,07	3,03	3,25	3,09	3,04
Справедливость	3,31	3,23	3,20	3,34	3,28	3,20	3,47	3,35	3,18
Чувство собственного достоинства	3,25	3,14	3,27	3,42	3,33	3,20	3,47	3,26	3,08
Уважение к чужой (частной, государственной) собственности	2,97	2,97	3,04	3,06	3,00	2,94	3,18	3,12	2,83
Уважение к родителям, близким	3,51	3,46	3,50	3,60	3,56	3,50	3,73	3,53	3,44
Уважение к людям других национальностей	2,86	2,66	2,90	2,99	2,74	2,87	3,00	2,91	2,74
Терпимость, уважение к взглядам и мнениям других людей	3,11	3,04	3,13	3,23	3,17	3,05	3,39	3,11	3,00
Равенство между людьми	3,03	2,80	2,94	3,07	2,85	2,90	3,29	3,07	2,84

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

мерений индекс нравственного уровня имеет самые высокие значения среди восьми качественных характеристик трудового потенциала (см. табл. 2). Наибольшую субъективную важность для сельских жителей имеют уважение к родителям и близким, порядочность, честность, справедливость. Меньше ценятся уважение к людям других национальностей и равенство между людьми (табл. 10).

Нравственное чувство тесно связано с нравственным поведением. Так 34% молодёжи в трудоспособном возрасте, 43% лиц среднего и 53% предпенсионного возраста, проживающих за пределами крупных городов, не могут себя упрекнуть в недостаточном внимании к родителям: в их жизни не было такого случая. Невыполненных обещаний, данных кому-либо, не бывало у 18, 24 и 30% лиц соответствующих

возрастных групп; невольных или сознательных обманов – у 22, 24 и 35%. В среднем нравственный уровень лиц предпенсионного возраста в настоящее время выше, чем у представителей младших возрастных групп.

Кроме того, многие показатели потребности в достижении также существенно отличаются в зависимости от возраста. Например, если стать высококлассным специалистом планирует 51% молодёжи, то в среднем и предпенсионном возрасте этот вид социальных притязаний становится менее распространённым: такое достижение входит в планы только

37 и 21% соответственно (табл. 11). Естественно, наблюдаемая разница во многом объясняется наличием у старших поколений планов и достижений, которые уже реализованы за продолжительную профессиональную деятельность.

Важно отметить, что молодёжь за пределами крупных городов зачастую не менее, а даже более амбициозна, чем в центре. Так, в Вологде добиться общественного признания (получить награды, знаки отличия) намерен каждый пятый представитель молодёжи, в районах – каждый третий.

Таблица 11. Распространённость отдельных видов социальных притязаний среди населения трудоспособного возраста, %

Планы и намерения	Молодёжь в трудоспособном возрасте			Лица среднего возраста			Лица предпенсионного возраста		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Повысить уровень своих знаний, стать эрудированным человеком	54,2	42,9	50,6	39,5	39,2	24,6	20,0	21,4	16,7
Стать высококлассным специалистом, с которым считаются мои коллеги	57,4	50,0	51,1	53,6	44,5	36,6	26,0	21,4	20,8
Продвинуться по службе, сделать карьеру	58,5	57,8	51,1	42,8	40,2	31,4	16,0	8,9	9,2
Добиться высокого материального положения	61,7	64,9	62,8	58,3	56,0	50,2	20,0	30,4	18,3
Занять высокое положение в обществе	35,4	31,8	41,1	26,5	22,5	19,7	4,0	5,4	10,0
Добиться общественного признания (получить награды, знаки отличия)	21,1	17,5	33,3	18,0	15,8	20,3	4,0	8,9	15,0

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Таблица 12. Уровень реализации качества трудового потенциала в крупных городах Вологодской области и за их пределами по возрастным категориям в 2016 году, %

Территория	Качество								Среднее
	Физическое здоровье	Психическое здоровье	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Коммуникабельность	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении	
Молодёжь в трудоспособном возрасте									
Вологда	83,5	87,5	83,7	69,4	87,4	86,9	86,5	74,6	82,4
Череповец	82,0	82,4	76,2	70,5	82,4	81,0	81,7	74,3	78,8
Районы	82,8	81,1	78,1	70,3	85,7	83,0	82,8	78,8	80,3
Лица среднего возраста									
Вологда	85,7	87,1	86,0	72,4	88,7	86,6	86,9	74,3	83,5
Череповец	84,3	82,4	80,7	71,5	84,9	81,9	83,6	75,7	80,6
Районы	82,7	78,6	76,7	68,3	81,7	78,9	79,2	73,4	77,4
Лица предпенсионного возраста									
Вологда	82,7	87,2	84,0	72,4	88,2	87,8	87,2	69,9	82,4
Череповец	80,4	78,0	79,2	66,1	78,0	73,2	78,0	62,5	74,4
Районы	84,2	80,6	78,1	66,0	82,3	77,8	80,0	64,4	76,7

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ВолНЦ РАН.

Наряду с этим, уровень реализации качества трудового потенциала [28] сельских территорий заметно проигрывает показателям областной столицы (*табл. 12*), что ставит вопрос о повышении эффективности использования ресурсов труда, накопленных за пределами крупных городов.

Как справедливо отмечает *Н.В. Зубаревич*, «сокращение численности населения неизбежно, и в таких условиях самое главное — эффективно использовать человеческие ресурсы, воспроизводить и наращивать в первую очередь их качество» [10, с. 5].

Заключение

Подводя итоги, кратко резюмируем ключевые тезисы исследования. Во-первых, мониторинг качества трудового потенциала объективно необходим в условиях сокращения численности и доли населения в трудоспособном возрасте, поскольку позволяет выявить конкретные проблемы и разработать адекват-

ные дифференцированные меры. Во-вторых, анализ качества трудового потенциала в территориальном разрезе корректнее проводить по сопоставимым возрастным группам, что дает возможность учесть структуру населения и нивелировать эффект более быстрого демографического старения сельской местности. В-третьих, распространенное мнение о низком качестве населения за пределами крупных городов не подтверждается относительно молодёжи в трудоспособном возрасте. В частности, хотя сельская молодёжь уступает городской по творческому потенциалу, она характеризуется хорошим психическим здоровьем, развитой коммуникабельностью, высоким культурным и нравственным уровнем. В современных условиях стратегически важно закрепить молодёжь на селе, дать возможность реализовать свой трудовой потенциал на благо малой родины, стать драйвером социально-экономического развития территорий за пределами крупных городов.

Литература

1. Kuznets S. Economic Growth of Nations. Total Output and Production Structure. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 363 p.
2. Lewis W.A. Economic development with unlimited supplies of labour // The Manchester School. 1954. Vol. 22. Iss. 2. Pp. 139-191.
3. Population and Economic Change in Developing Countries / Edited by R.A. Easterlin. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 581 p.
4. Population Redistribution and Economic Growth, United States, 1870–1950. Vol. III: Demographic Analysis and Interrelations / Edited by H. T. Eldridge, D. S. Thomas, with introduction by S. Kuznets. Philadelphia: American Philosophical Society, 1964. 403 p.
5. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения: связь с экономическим развитием региона // Народонаселение. 2016. № 4. С. 68-76.
6. Barefield A. Discussion: Human Capital and Rural Economic Development // Journal of Agricultural and Applied Economics. 2009. Vol. 41. Iss. 2. Pp. 431-433.
7. Becker G.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 412 p.
8. Bollman R.D. Human Capital and Rural Development: What Are the Linkages?: Working Paper#39. Ottawa: Statistics Canada, 1999. 35 p.
9. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49-60.
10. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5-19.
11. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
12. Миграция и демографический кризис в России / под ред. Е.В. Тюрюкановой, Ж.А. Зайончковской. М.: МАКС Пресс, 2010. 106 с.
13. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Российское экспертное обозрение. 2006. № 2 (16). С. 19-23.

14. Зубаревич Н.В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. № 551–552. 15–28 апреля 2013. Режим доступа: demoscope.ru/weekly/2013/0551/demoscope551.pdf
15. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. Режим доступа: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77.htm>
16. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
17. Чекмарева Е.А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 173-194.
18. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / кол. авт. ; общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 148 с.
19. Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования. М., 1987. 32 с.
20. Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Опыт оценки качества трудового потенциала на региональном уровне // Человек и труд. 2009. № 12. С. 30-33.
21. Панкратов А.С. Трудовой потенциал: социально-экономические аспекты управления процессом его воспроизводства: дис. в виде науч. докл. на соиск. уч. ст. д.э.н. : 08.00.05. М., 1993. 60 с.
22. Schultz T.W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research / T.W. Schultz. New York: Free Press, 1971. 284 p.
23. Гулин К.А., Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Трудовой потенциал региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 84 с.
24. Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. 72 с.
25. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 107 с.
26. Качество населения / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной. М.: ИСЭПН, 1993. 185 с.
27. Римашевская Н.М. О методологии определения качественного состояния населения // Демография и социология. Вып. 6. М., 1993. С. 7-21.
28. Чекмарева Е.А. Экономико-математическое моделирование реализации трудового потенциала региона: дис. на соиск. уч. ст. к. э. н.: 08.00.13. Вологда, 2012. 182 с.

Сведения об авторе

Елена Андреевна Чекмарева – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: miteneva@inbox.ru)

Статья поступила 28.09.2017.

Chekmareva E.A.

The Quality of Labor Potential Outside Large Cities

Abstract. Sustainable development of rural areas in the context of reducing labor force caused by the natural loss of population and migration outflow to major cities is possible to ensure only through economic modernization, enhancement of the quality of labor potential and improvement of its efficiency. The goal of the research presented in the paper is to assess labor potential quality in the territories outside major cities. The information base of the work is the data of the monitoring of the qualitative state of labor potential of the Vologda Oblast population, an unprecedented longitudinal sociological research carried

out by Vologda Research Center of RAS since 1997. The questionnaire survey takes place in eight districts of the Oblast and in the cities of Vologda and Cherepovets. The sample size is 1,500 people of working age. The assessment technique is based on the concept of qualitative characteristics of the population developed at RAS Institute of Socio-Economic Studies of Population and allows us to evaluate in index form (from zero to one) eight basic qualities of labor potential: physical health, mental health, cognitive potential, creativity, sociability, cultural and moral levels, achievement need. The originality and novelty of our approach described in the article lies in the fact that the assessment of labor potential quality is carried out in the context of age and is accompanied by a comparative analysis of “urban” and “rural” indicators. The analysis was carried out for three age groups: working age youth (16–30 years old), pre-retirement age persons (women aged 50–54, men aged 55–59), middle-aged persons (women aged 31–49, men aged up to 54). The use of this approach allows us to show that although the average quality of labor potential of rural areas (the average index of social capacity) is steadily lower than in major cities, the quality of rural youth, in general, is not inferior to that of urban youth: the villagers “lose” to urban residents in terms of energy potential, but compensate for this by their high development of social and psychological potential, including communicative potential. Thus, a widespread perception of the low quality of population outside major cities has not been confirmed with regard to working age youth. Under the current conditions, it is strategically important to “retain” young people in rural areas and provide them with an opportunity to implement their labor potential for the benefit of their home region.

Key words: labor potential, labor potential quality, major cities, districts, rural territories

Information about the Author

Elena A. Chekmareva – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: miteneva@inbox.ru)

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.12

УДК 316.4, ББК 60.59

© Немировский В.Г.

Динамика социокультурных показателей трудовой конкурентоспособности населения крупного сибирского региона (2010–2016)*

Валентин Геннадьевич
НЕМИРОВСКИЙ

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Ленина, д. 16
E-mail: valnemirov@mail.ru

Аннотация. Цель данной работы – изучение изменений конкурентоспособности населения крупного сибирского региона (на материалах Красноярского края). Автор опирается на социокультурный подход (чл.-корр. РАН Н.И. Лапин) и соответствующий методический инструментарий. В качестве социокультурных показателей конкурентоспособности впервые анализируются традиционная и рыночная мотивация населения и его трудовые предпочтения. Последние выступают в форме ориентаций на работу на предприятиях (организациях), относящихся к различным формам собственности. Показано, что в большинстве зарубежных работ, осуществлённых с позиций экономики, конкурентоспособность рассматривается как качество и способность достижения своих целей на международном уровне со своими продуктами и услугами. Немало публикаций посвящено сравнительным исследованиям конкурентоспособности на уровне предприятий (фирм). В данном контексте изучаются и такие междисциплинарные феномены, как человеческий капитал и образование. Раскрыто содержание и важность международных компаративных исследований конкурентоспособности и её формирования с позиций теории менеджмента и психологии, в том числе у различных категорий молодёжи. Статья основана на данных массовых опросов жителей региона с помощью формализованного интервью,

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики». Код проекта 28.2941.2017/4.6.

Для цитирования: Немировский В.Г. Динамика социокультурных показателей трудовой конкурентоспособности населения крупного сибирского региона (2010–2016) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 180-190. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.12

For citation: Nemirovskii V.G. Dynamics of socio-cultural indicators of labor competitiveness of the population of a large Siberian region (2010–2016). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 180-190. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.12

проведённых в 2010, 2012, 2014, 2016 гг. Показано, что в Красноярском крае происходил процесс некоторого ослабления традиционных трудовых ориентаций и предпочтений населения. Но в массовом сознании респондентов они всегда оставались на ведущем месте. Установлено незначительное повышение доли жителей края, имеющих рыночные трудовые ориентации и предпочтения. Делается вывод о снижении конкурентоспособности населения региона в условиях рыночных отношений, сформировавшихся в российском обществе. Обоснована необходимость реализации компаративистского подхода к изучению особенностей конкурентоспособности населения различных территорий России с использованием методики «Социокультурный портрет региона». Предложено осуществление дальнейшего анализа конкурентоспособности населения регионов в разрезе социальных групп и возрастных когорт, а также включения в инструментарий индикаторов, используемых в ряде международных компаративных исследований.

Ключевые слова: регион; трудовая мотивация; трудовые предпочтения, конкурентоспособность, социокультурный подход.

Введение

Целью исследования выступает анализ изменений конкурентоспособности населения крупного сибирского региона (на материалах Красноярского края). Новизна реализуемого подхода выражается в анализе мотивации труда и трудовых предпочтений населения как показателей его конкурентоспособности. Трудовые предпочтения — довольно многозначное понятие, которое включает ориентации людей относительно различных аспектов трудовой деятельности. В данной работе мы рассмотрим предпочтения респондентов относительно работы на предприятиях той или иной формы собственности. **Актуальность** исследования связана со сложностью и противоречивостью процесса формирования рыночных трудовых предпочтений и мотивации населения в современном транзитивном российском обществе, с наличием выраженной региональной специфики. **Проблема** выражается в том, что данный процесс не приводит однозначно к усилению рыночной мотивации работников и выбора ими предприятий частной формы собственности как предпочтительного места трудоустройства. Тем не менее, он выступает важным социокультурным фоном для развития трудовой конкурентоспособности населения в условиях рыночной экономики. Очевидно, что социокультурными феноменами личности, конкурентоспособной в трудовой сфере отечественной рыночной экономики, выступает мотивация на достижение успеха в ней, с одной стороны, и выбор ею такой производственной среды, которая позволила бы наиболее полно реализовать свои ориентации.

Логично предположить, что, по мере развития рыночных отношений как в регионе, так и в России в целом, в массовом сознании населения должна возрастать значимость социокультурных феноменов, репрезентирующих эти отношения. По нашему мнению, люди, имеющие рыночную трудовую мотивацию и ориентацию на трудоустройство на негосударственных предприятиях, в современной российской социокультурной ситуации являются более конкурентоспособными.

Тематика трудовых предпочтений и мотивации населения широко изучалась в российской социологии ещё в советский период. Однако особый интерес исследователей она привлекла в конце прошлого века [1]. Особенно важны для подобного анализа, на наш взгляд, региональные аспекты данной темы, к анализу которых обращались в своих работах прежде всего Л.А. Беляева, а также Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Г.П. Бессокирная, Е.В. Каргополова [2; 3; 4; 5] и ряд других авторов. В частности, следует обратить внимание на серьёзную публикацию, в которой анализируются мотивы трудовой деятельности работников в период кризисной ситуации, сложившейся в финансово-экономической системе нашей страны в конце нулевых годов XXI в. Тогда авторы выявили преобладание «советских моделей поведения» в системе трудовых ценностей населения Тюменского региона [3].

Важным элементом новизны данной работы выступает территориальный аспект исследований. В ней пойдёт речь о Красноярском крае как одном из наиболее развитых современных промышленных регионов Сибири. Следует под-

черкнуть, что в современной зарубежной литературе анализ данных феноменов в контексте сибирских регионов отсутствует. Особую актуальность изучению их динамики придаёт ситуация финансово-экономического кризиса и выхода из него, совпавшая по времени с противоречивыми процессами модернизации нашей страны. Особо следует учесть отсутствие отечественных научных публикаций, в которых данные показатели применялись бы для анализа конкурентоспособности населения региона.

Состояние изученности, существующие методологические и методические подходы

В современной зарубежной социологии и смежных науках анализ конкурентоспособности имеет многолетнюю традицию, подробный анализ которой выходит за рамки нашей статьи. Трудно не согласиться с мнением П. Босар и У. Чаттопада, что «конкурентоспособность стала модным словом, таким как глобализация. Это привлекло внимание исследователей, правительств и деловых организаций из-за его тесной связи с успехом организации» [6, с. 665]. Авторы анализируют современные представления о конкурентоспособности, моделях её изучения и измерения, традиционных и современных, предлагают новые направления исследований данного феномена, которые, на наш взгляд, могут быть эффективно использованы и в практике отечественной социологии.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование, авторы которого с помощью специального программного обеспечения для анализа качественных данных (QDAS) в качестве инструмента исследования осуществили качественный контент-анализ текстового материала литературы по конкурентоспособности. Были изучены 34 определения конкурентоспособности (1998–2013 гг.), при этом выделены 837 слов, используемых для характеристики данного понятия. Авторы пришли к выводу, что «термин „конкурентоспособность” в равной мере связан с фирменным или корпоративным уровнем экономики, а также страны или нации в целом. Значительно реже в определениях присутствуют конкретный сектор, промышленность и региональная конкурентоспособность. Очевидным является тот факт, что „конкурентоспособность” – это качество и способность чего-то достичь на международном, глобальном

уровне со своими продуктами и услугами» [7, с. 379]. Анализ публикаций о международной конкурентоспособности в контексте экономической теории показывает: в последние годы наблюдается активное обращение и к междисциплинарным феноменам, таким как образование и человеческий капитал [8].

Кроме работ в рамках экономической тематики большинство зарубежных публикаций, посвящённых эмпирическим исследованиям конкурентоспособности, рассматривают факторы её повышения с позиций психологии управления и менеджмента на базе компаративистских исследований, а также изучения отдельных организаций и сфер деятельности. Среди них важное место занимает анализ факторов региональной и национальной культуры. Например, Р. Такеучи и др. рассмотрели кросс-уровневые (индивидуальные и установочные) эффекты влияния высокопроизводительных рабочих систем на отношения служащих в 76 японских заведениях (в целом представляющих 56 фирм) [9]. Аналогичным образом Х. Перец и И. Фрайд (2012) проанализировали влияние культурных различий в 21 стране на практику служебной аттестации и выявления конкурентоспособности работников [10].

Распространённость подобных исследований, на наш взгляд, во многом связана с устойчивым в зарубежной литературе подходом, в соответствии с которым социокультурные факторы участвуют в экономическом процессе уже на уровне отдельных организаций, и негативные процессы, которые в них происходят, могут оказывать влияние также на все общество. Поэтому социально-экономический менеджмент в конкурентном обществе начинается с анализа моделей управления. Его задача: определить, какие характеристики дают наилучшие результаты на экономическом и социальном уровнях [11].

В контексте изучаемой нами темы особый интерес представляют крупные проекты национального и межнационального уровня, посвящённые конкурентоспособности и её формированию, прежде всего у такой группы населения, как молодёжь, реализуемые в ряде стран мира. Отдельного внимания заслуживает, в частности, проект «Система индикаторов молодежной конкурентоспособности в Гонконге», реализа-

ция которого началась в 2011 г. и была рассчитана на четыре года. В данном проекте проведён обстоятельный анализ понятия «конкурентоспособность молодёжи», изучалась конкурентоспособность различных категорий учащихся и студентов. Исследовательская группа, проанализировав более 100 публикаций по данной проблеме, выделила 14 элементов категории «конкурентоспособность молодёжи»: «способности», «командный дух», «навыки общения», «целостность», «гражданское сознание», «устойчивость», «эмоции», «опыт работы», «структура занятости», «система образования», «кадровая политика», «внутренняя конкурентоспособность», «менеджмент», «социальная система» [12].

Нельзя не отметить и проект Европейской Комиссии – «Erasmus + Конкурентная Европейская Молодёжь», реализация которого началась в 2015 г. Исследование охватывало молодёжь в возрасте 14–18 лет, получающую образование в области ИКТ и управления проектами, которая проживает в различных странах Европы: это Испания, Венгрия, Кипр и Литва [13].

Исследование «Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся» (PISA) включает «батарею» вопросов по когнитивным способностям и компетенциям школьников. Оно тестирует ориентацию на конкуренцию у школьной молодёжи в сравнительной межстрановой перспективе [14].

Вместе с тем указанные работы, как правило, не охватывают собственно социологическую и социокультурную проблематику, что, на наш взгляд, создаёт одну из серьёзных проблемных зон в изучении данного феномена.

В современной отечественной науке конкурентоспособность также имеет различные интерпретации в зависимости как от предметной области (социологической, психологической, экономической, теории управления), так и от уровня анализируемого субъекта конкуренции, например: индивид – организация – отрасль – регион – государство. Конкурентоспособность населения рассматривается в основном в двух аспектах. Значительное число исследований с позиций экономики и менеджмента посвящено изучению конкурентоспособности трудовых ресурсов и способов её повышения, сотрудни-

ков предприятия (организации), жителей региона или иного социального субъекта или территории в целом [15; 16; 17; 18; 19]. Например, при исследовании конкурентоспособности регионов Сибирского федерального округа авторы выделяют экономическую, социальную и экологическую конкурентоспособность [20, с. 136]. Нам представляется, что видов конкурентоспособности в реальности значительно больше, чем указывают исследователи, однако данный вопрос выходит за рамки нашей статьи. Важно, что для анализа используются, как правило, только статистические показатели, а этого, как видится, явно недостаточно для изучения конкурентоспособности. Кроме того, «за скобками» остаётся население территории как важнейший социальный субъект конкурентоспособности.

Некоторое исключение представляет изучение конкурентоспособности персонала организаций в рамках менеджмента, для которого также применяются социально-психологические и психологические методики. С позиций социологии, психологии и педагогики конкурентоспособность изучается, в том числе, с помощью опросных и тестовых методов. Подобные исследования направлены главным образом на совершенствование подготовки конкурентоспособных специалистов в учебных заведениях и анализ состояния конкурентоспособности различных категорий молодёжи [21; 22; 23].

Малоизученным аспектом проблемы является взаимосвязь мотивации труда и конкурентоспособности работника; позитивное исключение, на наш взгляд, представляет работа Т.Г. Озерниковой [24]. В частности, автором установлено, что «высокий уровень трудовой мотивации внутреннего и инструментального типов характеризует развитость социально-го компонента конкурентоспособности и, соответственно, более высокий общий уровень конкурентоспособности» [24, с. 73]. Вместе с тем социологический анализ трудовых предпочтений населения в качестве социокультурных показателей его трудовой конкурентоспособности до сих пор оставался вне рамок социологических исследований.

Реализуемый нами методологический и методический подходы были раскрыты в различных публикациях, посвящённых социокультур-

ным процессам в регионах, выполненных по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов» (руководитель Н.И. Лапин) и использованием Типовой методики «Социокультурный портрет региона» [2; 25; 26; 27] и др. При этом следует подчеркнуть отсутствие попыток анализа феноменов трудовых предпочтений в контексте конкурентоспособности населения региона, что представляется нам весьма актуальным в социокультурной ситуации, существующей в современной России.

С учётом специфики используемого подхода конкурентоспособность в общем виде можно рассматривать как интегральную характеристику, выражающую способность человека конкурировать на рынке труда, которая имеет сложную иерархическую структуру и обусловлена различными социокультурными факторами. Трудовые предпочтения являются одними из важных элементов её структуры. Одновременно они выступают детерминирующими её социокультурными факторами.

Нами была выдвинута **гипотеза**, согласно которой в Красноярском крае с 2010 по 2016 г. увеличивается доля респондентов, имеющих рыночную трудовую мотивацию и ориентацию на трудоустройство на частных предприятиях. В случае её подтверждения мы можем говорить о тенденции к росту конкурентоспособности населения региона в существующих социально-экономических условиях.

Методика исследования

В основе исследований, которые анализируются в данной статье, лежат Типовая программа и методика «Социокультурный портрет региона» ЦИСИ ИФ РАН [26]. Согласно данной методике «опросы населения осуществлены методом формализованного интервью по месту жительства респондентов, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населённых пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населённые пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края».

Всего опросом было охвачено 28 населённых пунктов региона [27, с. 5]. Статья опирается на данные, полученные в процессе исследований, проведённых: в 2010 г. (n = 1000 респондентов), 2012 г. (n = 1300), в 2014 г. (n = 1000), в 2016 г. (n = 1000). Первые три из них были реализованы в контексте проектов, поддержанных РГНФ, четвертое исследование носило инициативный характер, в его инструментарий был включён ряд вопросов из методики «Социокультурный портрет региона».

Трудовая мотивация жителей региона как показатель его конкурентоспособности

Использование в проведённых нами исследованиях методики «Социокультурный портрет региона» даёт возможность выявить изменения мотивов трудовой деятельности его населения на протяжении семи лет — с 2010 по 2016 год. Следует отметить, что настоящая методика используется в течение ряда лет во многих исследованиях, выполненных в контексте данной программы (это даёт возможность сравнительных исследований). Респондентам были предложены суждения, описывающие различные мотивы трудовой деятельности. Всего методика включает пять суждений, респонденту предлагается ответить на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?», остановившись на одном из них (*рис. 1*) [27, с. 228].

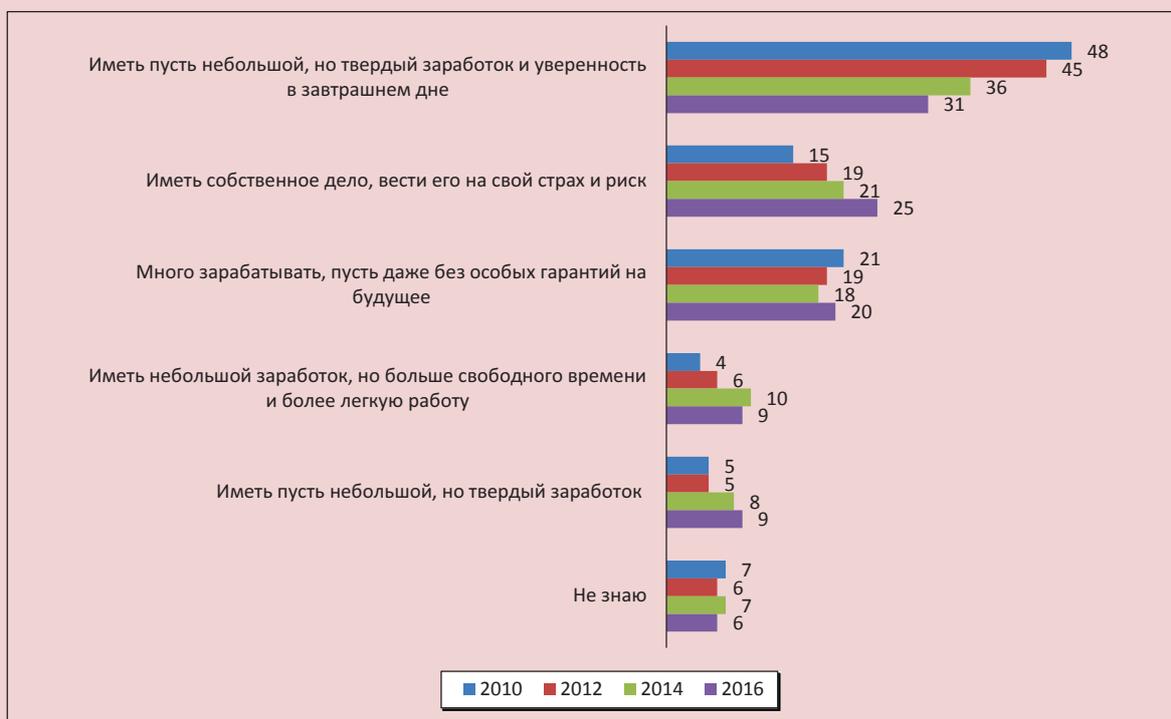
Первые два индикатора выражают рыночные мотивы трудовой деятельности, три последующих, соответственно, нерыночные.

Согласно результатам опросов, проведённых в Красноярском крае, была выявлена существенная динамика в мотивации трудовой деятельности его населения. Но, при этом, как видно из рисунка, главный мотив трудовой деятельности остался прежним: в 2010 г. почти половина респондентов выбрали первое из приведённых суждений. Через семь лет их доля упала на 17%, но данный мотив также оставался приоритетным практически для трети опрошенных.

За исследуемый период ценностная ориентация на обладание собственным бизнесом поднялась на 2-е место (рост с 15 до 25%).

Стремление иметь высокие доходы, независимо от каких-либо гарантий, сохранило число своих «сторонников»: соответственно 21 и 20%. Но при этом со второго места оно перемести-

Рис. 1. Динамика мотивов трудовой деятельности населения Красноярского края (% от числа опрошенных)

Источник: данные опросов жителей края.

лось на треть в общей иерархии мотивов трудовой деятельности у жителей Красноярского края. Ориентация на лёгкий труд, который оставляет много свободного времени, за семь лет стала более распространённой, хотя и занимает одно из последних мест в иерархии трудовых ценностей респондентов: соответственно 4 и 9%. Мотив «иметь пусть небольшой, но твёрдый заработок» также стал несколько более привлекательным (5 и 9%).

При каждом опросе доля респондентов, выбравших вариант ответа «не знаю», составляла около 6%.

Как видим, респонденты, проживающие в регионе, стали несколько чаще ориентироваться на ценности труда, характеризующие его рыночные мотивы. Если в 2010 г. подобные мотивы трудовой деятельности в целом отметили 36% опрошенных, то в 2016 г. — 45%. Тем не менее у опрошенных продолжают преобладать нерыночные ценности трудовой деятельности, хотя их распространённость незначительно

уменьшилась (соответственно 57 и 49%). Отсюда напрашивается вывод о доминировании в массовом сознании населения Красноярского края в 2016 г., как и семь лет назад, традиционных мотивов трудовой деятельности.

К числу важных причин такой ситуации следует отнести отток конкурентоспособных квалифицированных молодых специалистов, обладающих развитой рыночной трудовой мотивацией, в западные регионы России и за рубеж.

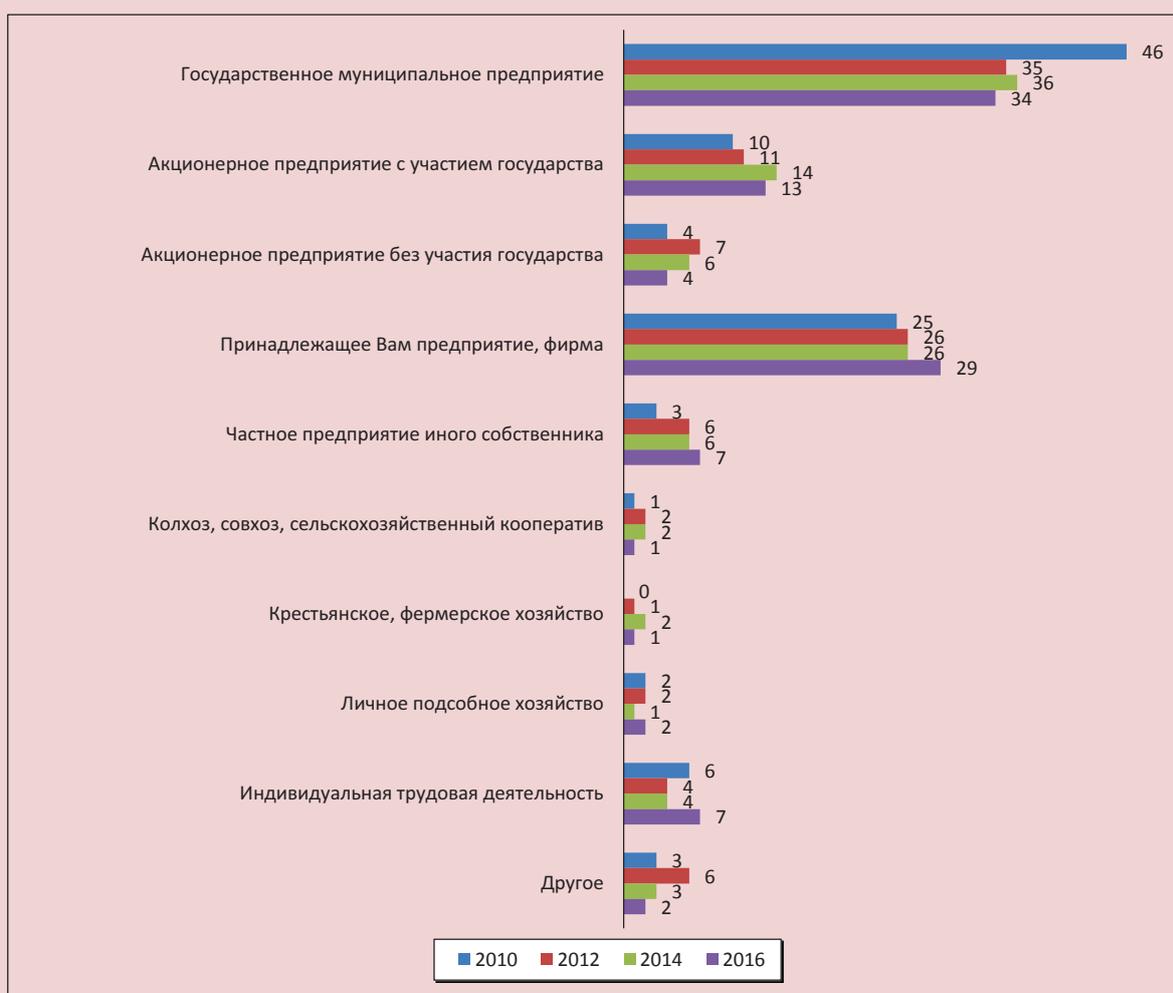
Трудовые предпочтения жителей края в контексте их конкурентоспособности

Исследования показали, что с 2010 по 2016 год заметно возросла доля респондентов, которые трудятся на частных предприятиях и организациях. Но учитывая фактическую занятость, при анализе конкурентоспособности населения нельзя игнорировать предпочтения жителей региона относительно их возможного трудоустройства на предприятиях, относящихся к различным формам собственности.

Анализ полученных данных (рис. 2) свидетельствует о том, что в 2010 г. почти для половины респондентов были предпочтительны как место потенциального трудоустройства государственные муниципальные предприятия – 46%. Работа в своей фирме или вообще на частном (акционерном) предприятии были малопопулярными. Правда, уже в 2012 г. незначительно возросла доля опрошенных, которые хотели бы работать на частном предприятии, принадлежащем какому-то иному лицу (соответственно с 3 до 6%). Наряду с этим заметно снизилась доля респондентов, которые предпочли бы трудиться «на государство» (с 46 до 35%). Подобная тенденция сохранилась и в последующие годы.

Можно предположить, что уже на данном этапе существенно снизилась доля работников – носителей пассивной жизненной стратегии в сфере трудовой деятельности. Однако это не сопровождалось соответствующим увеличением среди опрошенных приверженцев частных предпринимательских практик, что свидетельствует о наличии серьёзных препятствий для их реализации. Причём подобные препятствия существуют в первую очередь на институциональном уровне. Безусловно, это говорит об отсутствии в регионе эффективных путей для реализации человеческого потенциала в сфере проявления разного рода частнопредпринимательских трудовых инициатив.

Рис. 2. Динамика трудовых предпочтений населения Красноярского края (% от числа опрошенных)

Источник: данные опросов жителей региона.

Данные, полученные в 2014 г., демонстрируют нам приблизительно ту же картину. Правда, незначительно возросло число опрошенных, которые предпочли бы трудиться в акционерном обществе с участием государства.

В 2016 г. сохранялась тенденция снижения числа респондентов, желающих трудиться на государственном, муниципальном предприятии (с 46 % в 2010 г. до 34% в 2016 г.) или заниматься на них «подработкой» (соответственно с 10 до 7%). Это может объясняться достаточно просто – уменьшением доли подобных предприятий в структуре народного хозяйства региона.

Напротив, несколько выросла доля тех опрошенных, кто предпочитает иметь основную работу на акционерном предприятии с участием государства (соответственно 10 и 13%). Как показывают результаты интервью с респондентами, в основном их привлекает более высокая оплата труда на подобных предприятиях и социальные гарантии их сотрудников.

За семь лет незначительно увеличилась доля респондентов, ориентированных на трудоустройство на предприятиях различных видов частной формы собственности:

- принадлежащее Вам предприятие, фирма 25–29%;
- частное предприятие иного собственника: 3–7%.

Ориентации на иные формы трудовой занятости остались на прежнем уровне:

- акционерное предприятие без участия государства: 4–4%;
- индивидуальная трудовая деятельность: 6–7%;
- личное подсобное хозяйство: 2–2%.

Отметим, что в разные годы небольшая часть респондентов высказала нежелание иметь постоянную работу.

Как видим, общая иерархия трудовых предпочтений населения региона с 2010 по 2016 г. изменилась мало; несмотря на определённое снижение доли респондентов, ориентированных на работу на государственных предприятиях, она доминирует в иерархии трудовых предпочтений населения Красноярского края.

Выводы

Итак, можно сделать вывод, что конкурентоспособность населения в зарубежной и отече-

ственной литературе исследуется главным образом с экономических и психолого-педагогических позиций. Отечественные социологи уделяли недостаточно внимания данному междисциплинарному феномену, в том числе его анализу в контексте трудовых предпочтений и мотивации населения. Между тем трудовые предпочтения и мотивация населения выступают одновременно и важным фактором формирования конкурентоспособности различных возрастных категорий, и одним из элементов её структуры.

Проведённый анализ показал, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась лишь частично. С 2010 по 2016 год выявлено незначительное повышение значимости суждений, выражающих ценности труда рыночного содержания. Наиболее значимым продолжает выступать мотив трудовой деятельности, выражающий стремление к небольшому, но устойчивому заработку, который позволяет уверенно смотреть в своё будущее. Судя по динамике использованных социокультурных показателей, профессиональная конкурентоспособность населения региона не растёт, а имеет некоторую тенденцию к снижению.

В массовом сознании немалой части опрошенных жителей региона продолжает преобладать нерыночная трудовая мотивация. Это во многом нивелирует позитивные изменения в трудовой конкурентоспособности его населения. Более того, существует парадокс: увеличение числа жителей региона, которые работают на различных негосударственных предприятиях (той или иной формы собственности), не привело к усилению рыночных трудовых ориентаций у работников. Образно выражаясь, в условиях капитализма в регионе остаётся немало людей, обладающих «социалистическим» менталитетом и соответствующей трудовой конкурентоспособностью. Причём, согласно результатам наших исследований, среди респондентов с подобными ориентациями несколько увеличилась доля молодёжи. Очевидно, происходит воспроизводство социалистической культурной матрицы, что требует специального углублённого изучения.

В Красноярском крае, как и других регионах страны, квалифицированным конкурентоспособным работникам нередко приходится нахо-

дить занятость в «теневом» секторе. Подобную трудовую деятельность сегодня относят к «серой» («гаражной») экономике. Наблюдается также массовая миграция квалифицированных конкурентоспособных кадров в другие регионы страны и за её пределы.

Представляется важным использовать преимущества крупных компаративных исследований для изучения конкурентоспособности. В частности, нами показана возможность и целесообразность применения ряда показателей, используемых в проекте, осуществляемом под

руководством Н.И. Лапина, для анализа конкурентоспособности населения региона [25]. Речь может идти и о других показателях, например инновационной активности населения. Учитывая полученный в процессе реализации проекта большой массив региональных и всероссийских данных, можно сказать, что существует возможность применения компаративистского подхода к изучению особенностей конкурентоспособности населения различных территорий России, в том числе в разрезе тех или иных социальных групп, а первую очередь – молодёжи.

Литература

1. Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российского населения (1991–2007) // Социально-трудовые отношения: проблемы и перспективы: материалы первого германо-российского форума «Формирование социальной политики». М.: 2009. С. 88-101.
2. Беляева Л.А. Проблемы социальной стратификации и трудовая мотивация населения (общероссийский контекст) // Опыт апробации Типовой методики «Социологический портрет региона»: сб. материалов Всерос. научно-методич. конф. В 2 ч. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2006. Ч. 2. С. 45-58.
3. Андрианова Е.В., Давыденко В.А. Трансформация системы мотивации труда и трудовых отношений в условиях кризиса: на примере Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С. 55-61.
4. Бессокирная Г. П. Мотивация труда в постсоветской России: опыт и методики исследований // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 29-38.
5. Каргополова Е. В. Мотивация трудовой деятельности: региональный аспект (на примере Астраханской области) // Вестник Омского университета. 2012. № 3 (65). С. 325-328.
6. Bhawsar P., Chattopadhyay U. Competitiveness: Review, Reflections and Directions. *Global Business Review*. 2015, vol. 16, issue 4, pp. 665-679. <https://doi.org/10.1177/0972150915581115>
7. Plumins M., Sceulovsb D., Gaile–Sarkane E. Competitiveness Definitions and Concepts Qualitative Content Analysis. 21st International Scientific Conference, Economics and Management 2016 (ICEM 2016) hosted by Faculty of Business and Management, Brno University of Technology, May 19-20, 2016, Brno, pp. 379-387. Available at: http://www.icem.lt/public/icem/ICEM_2016_selected%20papers.pdf
8. Olczyk M. A. Systematic Retrieval of International Competitiveness Literature: a Bibliometric Study. *Eurasian Economic Review*, 2016, vol. 6, issue 3, pp. 429-457. DOI 10. 1007/s40822-016-0054-9
9. Takeuchi R., Lepak D., Wang H., Takeuchi K. An empirical examination of the mechanisms mediating between high performance work systems and the performance of Japanese organizations. *J. Appl. Psychol.* 2007, № 92, pp. 1069-83. DOI: 10.1037/0021-9010.92.4.1069.
10. Peretz H., Fried Y. National cultures, performance appraisal practices, and organizational absenteeism and turnover: a study across 21 countries. *J. Appl. Psychol.* 2012, vol. 9, pp. 448–459. doi: 10.1037/a0026011
11. Krau E. *Social and Economic Management in the Competitive Society*. Springer-Science+Business Media, B.V. 1998. 198 p.
12. Youth Competitiveness Indicator System in Hong Kong. DOI: 10.1037/0021-9010.92.4.1069 Available at: http://www.coy.gov.hk/filemanager/template/common/images/archive/research/youth_report_2012s_e.pdf
13. Competitive European Youth. Available. at: http://fundacionesplai.org/socioeducativa/proy_finalizados/cey/
14. Program for International Student Assessment (PISA). Available at: <https://nces.ed.gov/surveys/pisa/index.asp>
15. Васильева З.А. Иерархия понятий конкурентоспособности субъектов рынка // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 83-90.
16. Землянухина С.Г. Методологические аспекты исследования конкурентоспособности трудовых ресурсов регионов России // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-

- технологического развития и сотрудничества. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. РАН. М.: ИНИОН, 2013. Ч. 1. С. 390-393.
17. Мазин А.Л. Конкурентоспособность участников трудовых отношений // Современная конкуренция. 2013. № 5(41). С. 117-128.
  18. Хлопова Т.Э. Классификация конкурентоспособности работника как интегральной характеристики степени развития его трудового потенциала // Вестник Пермского ун-та, Экономика. 2012. Вып. 2 (13). С. 111-117.
  19. Хохлова И.И. Классификация факторов конкурентоспособности работника // Российское предпринимательство. 2011. № 11-2 (195). С. 52-56.
  20. Кузьмин Д.И., Соколовский А.А. Конкурентоспособность региона и ее факторы (на примере Красноярского края) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 135-139.
  21. Евплова Е.В. Конкурентоспособность как педагогическая проблема // Известия УрГУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 4 (95). С. 169-174.
  22. Резник С.Д., Коновалова, Е.С., Соколова, С.С. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность студенческой молодежи России: опыт, проблемы, перспективы: моногр. 2-е изд. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 292 с.
  23. Харченко В.Н. Конкурентоспособность в системе высшего образования // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. 2015. С. 142-151.
  24. Озерникова Т.Г. Мотивация и конкурентоспособность работников: проблемы взаимосвязи // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2005. Вып. № 1. С. 71-75.
  25. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
  26. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Материалы конференции / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006. 328 с.
  27. Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010–2014 гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 244 с.

Сведения об авторе

Валентин Геннадьевич Немировский – доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: valnemirov@mail.ru)

Статья поступила 18.05.2017.

Nemirovskii V.G.

Dynamics of Socio-Cultural Indicators of Labor Competitiveness of the Population of a Large Siberian Region (2010–2016)

Abstract. The goal of the paper is to study the dynamics of competitiveness of the population in one of the large Siberian regions (on the materials of Krasnoyarsk Krai). We use the socio-cultural approach (RAS Corresponding Member N.I. Lapin) and appropriate methodological tools in the research. Traditional and market motivation of people and their labor preferences are analyzed for the first time as socio-cultural indicators of competitiveness. Labor preferences act in the form of orientation toward working at enterprises (organizations) belonging to various forms of ownership. We show that in the majority of foreign economic studies, competitiveness is considered as the quality and ability to achieve one's own goals at the international level with one's own products and services. Many publications are devoted to comparative studies of competitiveness at the level of enterprises (firms). Interdisciplinary phenomena such as human capital and education are also studied in this context. The paper reveals the content and

importance of international comparative studies of competitiveness and the formation of this phenomenon from the standpoint of management theory and psychology, among various categories of young people, as well. The article is based on the data of mass surveys of the region's residents through formalized interviews conducted in 2010, 2012, 2014, and 2016. We show that Krasnoyarsk Krai experienced a slight weakening of traditional labor attitudes and preferences of the population. But they have always occupied the most important position in the mass consciousness of the respondents. We found out that there is a slight increase in the proportion of residents with market labor orientation and preferences. We conclude that the competitiveness of the region's population decreases in conditions of market relations formed in the Russian society. We prove it is necessary to implement a comparative approach to studying the features of competitiveness of population of various Russian territories with use of the "Socio-cultural portrait of the region" technique. We propose to carry out further analysis of people's competitiveness in the regions broken down by social groups and age cohorts and to supplement the set of tools with the indicators used in several international comparative studies.

Key words: region, labor motivation, labor preferences, competitiveness, socio-cultural approach.

Information about the Author

Valentin G. Nemirovskii – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Senior Researcher at the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (16, Lenin Street, office 108, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: valnemirov@mail.ru)

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.13

УДК 352/354, ББК 60.82

© Фролова Е.В., Рябова Т.М.

Социокультурные и ценностные ориентации государственных гражданских служащих в России

**Елена Викторовна
ФРОЛОВА**

Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация, 129226, ул. Вильгельма Пика, д. 4
E-mail: efrolova06@mail.ru

**Татьяна Михайловна
РЯБОВА**

Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация, 129226, ул. Вильгельма Пика, д. 4
E-mail: tani-87@inbox.ru

Аннотация. В современном российском обществе существует противоречие между целями и задачами государственной службы, ее социальной значимостью и прикладным характером, с одной стороны, и прогрессирующей неудовлетворенностью населения – с другой. В статье рассмотрены и проанализированы социокультурные и ценностные ориентации государственных гражданских служащих в РФ, определяющие характеристики их деятельности. Авторы подчеркивают важность такого мотивационного ресурса, как социокультурные и ценностные ориентации в процессе реформирования современного института государственной службы. Результаты исследований позволили выявить ряд проблем. В структуре жизненных целей государственных служащих значительную часть занимают материальные интересы, выполняемая ими деятель-

Для цитирования: Фролова Е.В., Рябова Т.М. Социокультурные и ценностные ориентации государственных гражданских служащих в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 191-200. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.13

For citation: Frolova E.V., Ryabova T.M. Socio-cultural and value paradigms of public civil servants in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 191-200. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.13

ность не относится, по оценкам самих респондентов, к категориям «любимое дело», «интересная работа». При этом главной целью своей профессиональной деятельности многие служащие считают «служение Отечеству», «пользу обществу и государству». В ходе проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, что эффективность и результативность профессионального труда гражданских служащих зависит не только от стимулирующих факторов, но и от жизненного опыта, нравственных устоев, сложившегося понимания своей роли в процессе реализации государственной политики и жизненной стратегии. Рутинный характер работы не оправдывает ожидания сотрудников, приравнивающих политическую деятельность к государственному администрированию. Бюрократические ценности, отсутствие взаимодействия с внешней средой, авторитарный стиль управления, жесткая субординация отражаются на личности служащего, на его поведении. Те служащие, которые в силу личностных особенностей и специфики характера оценивают себя и собственный опыт выше, чем занимаемую должность, стараются либо самостоятельно искать новую должность, иной вид деятельности, удовлетворяющую жизненную стратегию, либо останавливаются в профессиональном развитии. Социокультурные и ценностные ориентации служащих варьируются в соответствии с категорией и группой должностей. Также была подтверждена гипотеза в отношении категории «специалисты» старшей и ведущей групп должностей о том, что государственная служба рассматривается служащими и гражданами не как ценностно-нормативный комплекс, обеспечивающий взаимодействие государства и общества с целью удовлетворения интересов последнего, а как определенный механизм достижения финансового успеха.

Ключевые слова: государственная служба, ценностные ориентации государственных гражданских служащих, жизненные стратегии служащего, имидж государственной службы, карьера.

Введение. Государственная служба в современной России — институт административной власти, отражающий вехи истории формирования русской государственности и постоянно реформируемый в целях оптимизации и борьбы с коррупцией.

Согласно Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ государственная гражданская служба — «вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации»¹.

В широком смысле слова под государственной и муниципальной службой принято пони-

мать вид профессиональной деятельности граждан, посредством которой реализуются задачи и функции государственных и муниципальных органов. При этом государственная служба обеспечивает реализацию функций и полномочий государства. Как политический институт государственная служба выполняет следующие функции: защита политического строя государства; создание условий для укрепления взаимосвязи государства и граждан, общественных объединений; преодоление отчуждения власти от народа; налаживание эффективного взаимодействия политической элиты и государственных служащих и т.д. Как социальный институт государственная служба выполняет функции контроля реализации интересов гражданами; обеспечения и защиты их прав и свобод; организации и обеспечения государственных социальных услуг; регулирования социального статуса государственных служащих и т.д. От эффективности выполнения поставленных перед институтом государственной службы задач зависит оценка гражданами работы государственных органов, удовлетворенность общества деятельностью системы государственного и муниципального управления [1], стабильность политического строя, взаимо-

¹ Ст. 5 ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ. URL: http://base.garant.ru/185886/1/#block_100 (дата обращения: 5.05.2016).

действие граждан с действующей властью, что в совокупности определяет социально-экономическое благополучие населения.

В последние десятилетия говорят о кризисе легитимности государственной службы, снижении доверия граждан к ней и к ее аппарату, неспособности административного аппарата реагировать на вызовы сегодняшнего, а тем более завтрашнего дня. По данным социологических опросов, в ряде стран сокращается число людей, считающих, что они получают от государства достаточно за те налоги, которые платят, и, напротив, возрастает удельный вес мнения, согласно которому государство нецелесообразно расходует деньги налогоплательщиков. Признается, что существующие системы управления «оказались полностью неадекватны для решения как политических, так и управленческих задач» [2, с. 233]. Снижение коррупции, развитие плюралистичности государственного управления, ориентация на потребности граждан являются наиболее значимым вектором модернизации государственной службы в современных условиях [3]. «Эрозия этики государственной службы, проблемы в области планирования кадровой преемственности, отсутствие компетентного руководства» рассматриваются как наиболее значимые ограничения социально-экономического и политического развития страны [4]. Государственные услуги должны соответствовать потребностям населения, удовлетворять основные требования граждан [5].

Особую актуальность в последнее десятилетие получили научные работы по вопросам подготовки, обучения, карьеры, построения организационной культуры [6; 7] и непосредственной профессиональной деятельности гражданских служащих [8; 9; 10]. Формирование устойчивого бренда работодателя органами государственной гражданской службы рассматривается как возможность привлечения и удержания молодых специалистов [11]. Подчеркивается необходимость реформирования бюрократической системы государственного управления именно через использование компетентностного подхода к государственной службе [9].

Изучение и формирование социокультурных и ценностных ориентаций государственных гражданских служащих является одним из

актуальных направлений научного дискурса. Комплекс этико-правовых механизмов рассматривается как один из наиболее эффективных в современных условиях путей преодоления очевидно неблагоприятного положения, сложившегося в данной сфере общественной жизни [12]. Некоторые авторы исследовали проблему формирования ценностных ориентаций государственных служащих, используя аспектный подход [13; 14], другие – психолого-акмеологический [15; 16].

В рамках создания новой модели государственной гражданской службы в России следует особым образом отметить роль такого мотивационного ресурса [17], как социокультурные и ценностные ориентации. В ряде научных работ данные понятия рассматриваются как тождественные. Однако авторы дифференцируют ключевые элементы их содержания следующим образом. Так, ценностные ориентации государственных служащих включают в себя отражение сформированных в процессе социализации ценностей, моральных идеалов, нравственных убеждений и морально-этических принципов. Социокультурные ориентации государственных служащих в большей степени характеризуют их социальные ожидания, нормы, жизненные стратегии, обусловленные образом жизни, социальным статусом, принадлежностью к определенной социально-профессиональной группе.

Метод

Цель исследования – выявление и анализ основных социокультурных и ценностных ориентаций государственных гражданских служащих.

Эмпирическая база включает в себя результаты следующих социологических исследований:

1. Социологическое исследование «Формирование социокультурных и морально-нравственных ценностей государственной гражданской службы» за период с 2013 по 2014 г. (И1). В исследовании принимали участие граждане, проходившие конкурс на замещение должностей государственной гражданской службы в Правительстве Московской области ($N=365$), а также служащие, замещающие должности государственной гражданской службы в Правительстве Московской области ($N=130$). Выборка простая вероятностная согласно списочному составу.

2. Социологическое исследование «Формирование позитивного образа государственной гражданской службы» (И2). Выборка одноступенчатая: 97 госслужащих Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, 42 – Управы «Бескудниково» САО г. Москвы, 30 – Управы «Люблино» г. Москвы, 89 – Министерства труда и социальной защиты РФ, 38 – Префектуры ЮЗАО г. Москвы, 58 – Департамента образования г. Москвы ($N=354$), 73 студента специальности «Государственное и муниципальное управление» РГСУ. Исследование проводилось с октября 2014 до апреля 2015 г.

3. Социологический экспресс-опрос выпускников специальности «Государственное и муниципальное управление» РГСУ посредством рассылки анкет по Интернету (И3). В опросе приняли участие выпускники 2008, 2009, 2014 и 2015 гг. ($N=103$). Из их числа в были отобраны те, кто работает или работал на государственной службе. При опросе не учитывался факт пребывания в должности государственной гражданской службы на настоящий момент.

Кроме того, использовались результаты исследований ВЦИОМ, ФОМ.

Результаты исследования

Жизненные стратегии государственных служащих. Сегодня благодаря кадровой политике, проводимой властью на протяжении последних 10–15 лет, на государственную службу приходят граждане, получившие большой опыт в коммерческой сфере. «Утверждение о том, что для повышения эффективности государственной службы и успешной борьбы с коррупцией в государственных организациях должны работать люди с особой мотивацией, считается аксиоматичным» [18]. Одним из важных стимулирующих факторов является не только стабильность государственной службы в условиях экономического кризиса (68% респондентов, претендующих на замещение старшей группы должностей), но и возможность принести пользу обществу и государству (47% респондентов, претендующих на ведущую и главную группу должностей). При этом лишь 34% опрошенных отметили вариант «возможность спокойно поработать до пенсии» (И1, $N=365$).

Важным является вопрос: как видят себя, свой вклад и свое место в государственном ор-

гане граждане, претендующие на замещение должности государственной службы и государственные служащие. Судя по результатам исследования (И1), почти половина опрошенных считают, что достойны большего, нежели имеют на данный момент. В процессе работы возникает противоречие между жизненными стратегиями гражданина, положением в обществе и занимаемым служебным местом. После двух-трех лет работы эффективность труда служащего начинает снижаться, а интерес к профессиональной деятельности угасать. 48% отметили, что «хотели бы чаще менять замещаемую должность в рамках развития карьеры», а 35% опрошенных государственных служащих считают, что их «личный, профессиональный опыт и знания превышают должностные обязанности». Вероятно, кадровые перестановки, проводимые на современной государственной службе, не отражают реальные потребности служащих и более эффективная работа с кадровым резервом позволила бы повысить результативность труда всего государственного аппарата. Так, по итогам аттестации, 1/3 служащих, проходящих процедуру, зачисляется в кадровый резерв, при этом реальное повышение в должности в течение последующих 1–3 лет получают не больше 5% резервистов. Причем практики проведения кадровых мероприятий по развитию потенциала резервистов государственной службы пока не наблюдается. Те служащие, которые в силу личностных особенностей и специфики характера оценивают себя и свой опыт выше, чем занимаемую должность, стараются либо самостоятельно искать новую должность, удовлетворяющую жизненную стратегию, либо останавливаются в развитии, и мотивировать их на эффективную деятельность становится сложно (И1, $N=130$).

Алгоритм жизненной стратегии государственного служащего зависит не только от его личностного потенциала и самооценки, но и от социокультурных ориентаций, духовно-нравственного развития. Во многих опросах государственные служащие ведущей и главной групп называли целью профессиональной деятельности «принести пользу обществу и государству», «служение Отечеству», «решение важных государственных вопросов», «патриот своего Отечества» и т.п. 47% опрошенных в качестве приоритета отметили патриотические

ценности, 36% – устойчивое социальное положение, 29% – материальное благополучие (И2, N=354). Исходя из данных показателей можно сделать вывод, что для них нет прямой зависимости эффективности труда от стимулирующих выплат, на результативность деятельности существенное влияние оказывают жизненный опыт и жизненная стратегия.

Ценности и личностные характеристики современных российских государственных служащих. Государственная служба в России сегодня – престижная работа с закрытой системой подбора кадров, несмотря на декларированные принципы равного доступа к ней граждан и принцип открытости. Хотя государством принимаются меры и внедряются информационные технологии отбора кадров, разрыв между государственным аппаратом и обществом существен. Остается весьма актуальным изучение духовно-нравственных противоречий общества и аппарата государственных органов власти: создание единых норм и идеалов, преодоление моральной деградации граждан, внедрение в работу и повседневную жизнь высоко нравственных и этических принципов. Как показывают исследования, профессиональная культура служащих ориентирована на бюрократические ценности, так как нет открытого взаимодействия с внешней средой, руководители используют в процессе работы авторитарный стиль управления, присутствует жесткая субординация. Это откладывает отпечаток на личность служащего, на его поведение и манеру взаимодействия. 35% опрошенных считают, что государственные служащие – это особая категория граждан с явными внешними особенностями поведения и стилем (И3).

Многие выпускники специальности «Государственное и муниципальное управление» после получения высшего образования пробуют свои силы на должностях государственной службы, и только 5–10% остаются на службе после трех лет работы. Причины этого кроются в неоправданных ожиданиях в отношении уровня материального обеспечения и его соответствия трудозатратам (76%); в бюрократичности и излишней бумажной волоките (72%); специфике организационной культуры аппарата государственного органа (25%); психологических проблемах внутри коллектива (18%).

При опросе (И1, N=354) 31% государственных служащих отметили, что в первые годы работы на государственной службе испытывали определенный социально-психологический дискомфорт в связи с изменениями в восприятии и подаче информации, манере поведения и налаживании взаимодействия с сослуживцами.

По результатам опроса ВЦИОМ, государственным служащим свойственно наличие определенных границ в системе ценностных ориентаций, обуславливающих возможные параметры поведения в целях достижения успеха. Так, на вопрос «Вы лично согласны со следующим мнением: чтобы добиться успеха в наши дни, нужно жить, нарушая все правила, или нет?» только 38% государственных служащих дали утвердительный ответ.

Вопреки устоявшимся стереотипам о высокой значимости личных связей для карьеры на государственной службе, результаты опросов свидетельствуют об обратном и иллюстрируют роль таких факторов, как личная мотивация и профессионализм. Государственные служащие, выбирая значимые факторы жизненного успеха, приоритетными посчитали финансовые ресурсы (31%) и образование (25%). Роль личной мотивации подчеркнули 31% опрошенных: «желание, стремление, решительность» (19%), «наличие цели в жизни» (12%)².

В системе социокультурных ориентаций значение имеют характеристики жизненных целей личности. Респондентам был задан вопрос: «Чего бы Вы хотели добиться в своей собственной жизни?» и предложен ряд вариантов для оценки степени их значимости. Рассматривая такой вариант, как «заниматься любимым делом», только треть опрошенных государственных служащих заявили, что они «уже добились, чего хотели», однако каждый четвертый отметил, что не ставил себе в жизни подобной цели³. Другим вариантом жизненных целей был такой аспект, как «иметь интересную работу». Рассматривая категории респондентов, которые полагают, что в настоящее время

² База социологических данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=894&q_id=62143&date=17.02.2013 (дата обращения: 12.07.2014).

³ База социологических данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=925&q_id=63927&date=01.09.2013 (дата обращения: 11.07.2014).

уже добились данной цели, следует выделить бизнесменов и предпринимателей – большинство их (74%) считают свою работу интересной. Аналогичные результаты характерны для специалистов с высшим образованием. Результаты, которые были получены в группе государственных служащих (46%), идентичны только такой низкоквалифицированной категории, как рабочие. При этом каждый пятый государственный служащий настроен пессимистично, считая, что вряд ли когда-нибудь сможет этого добиться, 12% не ставили себе в жизни цели иметь интересную работу, что выше средних показателей в 2 раза (среди всех опрошенных такой вариант ответа выбрали только 6%). «Стать богатым человеком» хотели бы половина опрошенных, при этом 25% из них считают, что вряд ли это удастся, а еще 25% отметили, что «пока не добились, но это вполне по силам»⁴. Более трети опрошенных не ставили себе подобной цели в жизни. Разумеется, достижение материального благополучия является оправданной жизненной стратегией любого человека, однако речь идет не о параметрах жизни среднего класса, а, скорее, об очень высоком уровне жизни – «стать богатым человеком». Таким образом, государственная служба рассматривается как определенный механизм достижения финансового успеха, в структуре потребностей государственных служащих доминируют материальные ценности. Интересно, что «стать знаменитым» не входило в жизненные планы подавляющего большинства опрошенных (69%); среди государственных служащих доля респондентов, нацеленных на широкое общественное признание, значительно выше. Только каждый второй государственный служащий отметил, что в его жизненные планы не входило «стать знаменитым»⁵.

Демократические принципы в системе ценностных ориентаций. Анализ ценностных ориентаций выявил дисбалансы в восприятии демократических ценностей. Респондентам был задан вопрос: «Что такое, по Вашему мнению,

⁴ База социологических данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=925&q_id=63920&date=01.09.2013 (дата обращения: 12.07.2014).

⁵ База социологических данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=925&q_id=63922&date=01.09.2013 (дата обращения: 12.07.2014).

«демократия»?» Ответы государственных и муниципальных служащих отличались от ответов остальных социально-профессиональных групп, опрошенных ВЦИОМ, несколько негативным отношением. Такой вариант ответа, как «свобода слова, печати, вероисповедания», выбрали 47% опрошенных в целом и только 22% государственных служащих. Демократию характеризует как «экономическое процветание страны» каждый четвертый среди всех опрошенных (24%) и только каждый десятый среди государственных служащих. Результаты опроса свидетельствуют, что в органах власти не сформирована «потребность» в развитии демократических процессов, поскольку они не связываются в сознании государственных служащих с позитивными тенденциями. По результатам опроса можно сделать предположение о наличии противоречия между демократическими запросами граждан и авторитарными тенденциями в системе государственной службы, обусловленными спецификой ценностных ориентаций ее сотрудников. Так, негативное восприятие демократии характерно в большей степени именно для государственных служащих, чем для населения в целом. Такой вариант ответа, как «пустая болтовня», выбрали 22% государственных служащих, что выше средних значений на 14 п.п. Вариант ответа «анархия и безвластие» государственные служащие выбирали в 10 раз чаще, чем респонденты в целом, – каждый третий государственный служащий (33%) остановился на данном варианте ответа. Подобные результаты могут быть обусловлены несколькими факторами.

1. Недостаточность информации, противоречивость представлений о сущности демократии, что обусловлено опытом, спецификой восприятия исторических особенностей Российской Федерации, когда в 90-е гг. демократические преобразования связывались с размахом коррупции.

2. Отсутствие у российских государственных служащих готовности к взаимодействию с гражданским обществом, что предполагает информационную открытость и подконтрольность. Кроме того, современные государственные служащие не в полной мере обладают навыками и компетенциями эффективного взаимодействия с институтами гражданского

общества, что детерминировано отсутствием демократических традиций в российском обществе [19].

Обсуждение. По мнению Ж.Т. Тощенко, «демагогия привела к тому, что слово «демократия» стало в народе еще более ругательным, чем слово «коммунизм». Демагогия проявляет себя прежде всего ничем не аргументированными и нередко безответственными утверждениями. С одной стороны, прослеживается приверженность власти демократическим принципам, а с другой – имитация деятельности в поддержку свободы слова, автономности местного самоуправления, дискредитация феномена многопартийности» [20].

Устойчивость социально-экономического развития страны детерминирована во многом эффективностью управленческой деятельности, органично связываемой с кадровыми ресурсами государственной службы. Высокая степень корреляции уровня эффективности принимаемых решений и условий, качества жизни большого количества индивидов предъявляет повышенные требования к кадровому корпусу государственной службы.

В настоящее время в российском обществе существует противоречие между целями и задачами государственной службы, ее социальной значимостью и прикладным характером, с одной стороны, и прогрессирующей неудовлетворенностью, недоверием населения к ней – с другой.

Неготовность российского общества, и в первую очередь государственного аппарата, к формированию и развитию реальных демократических практик выражается в декларации «новых», «особых» форм российской демократии, как то «суверенная демократия», «сверхуправляемая демократия» и т.д. В российском обществе популярны консервативные, этатистские концепции, активно тиражируются идеи о вредоносном влиянии демократических ценностей на развитие общества, подчеркивается приоритет государства над частными институтами. Инверсия демократии связана с особенностями российского менталитета, прежде всего менталитета представителей старшего поколения. Идеология эпохи советского государства наложила отпечаток на формирование их

ценностных ориентаций. Незрелость гражданского общества в тот период проявлялась в отсутствии демократических ценностей, таких как: доверие к гражданскому обществу, провозглашение и стремление к свободной, самостоятельной личности, на чем делался акцент в западных государствах. В советском же обществе под воздействием идеологии формировались свои специфические ценности: патриотизм, коллективизм, готовность к самопожертвованию, преобладание общественных интересов над частными [21]. В русле этих ценностей идея приоритета индивидуального начала, подконтрольности власти гражданам, институтам гражданского общества представляется абсолютно чуждой.

Как следствие, основными детерминантами, которые определяют содержание социальной справедливости в ценностных представлениях россиян, являются принципы этатистской доктрины, в основу которой заложен приоритет государственного начала по отношению к личности. Анализ социально-групповых различий в представлениях о справедливости по результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, позволяет выявить следующие закономерности: идеи государственной регламентации поддерживают, в первую очередь, военнослужащие (73%), государственные и муниципальные служащие (64%), в меньшей степени – бизнесмены и предприниматели (45%). Государственные и муниципальные служащие при этом выступают консервативной социальной группой и поддерживают ужесточение контрольных функций государства (58%). Только каждый десятый опрошенный из числа государственных и муниципальных служащих высказал мнение, что усиление государственного контроля за средствами массовой информации пошло бы сейчас во вред России⁶.

Включение в профессиональное развитие служащего инструментов формирования нравственных убеждений и морально-этических принципов поведения, которые будут способствовать образованию нового имиджа служа-

⁶ База социологических данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=706&q_id=51051&date=09.01.2011 (дата обращения: 12.07.2014).

шего, воспитанию внутренних нравственных основ поведения, позволит преобразовать современную государственную службу в высоко-нравственную — с особым пониманием роли служения Отечеству. Трансформация современной государственной службы с позиции повышения ее морально-нравственного аспекта создаст позитивный имидж данного института, снизит уровень коррупции в органах власти, обеспечит эффективность работы государственных служащих, ориентированных на служение обществу, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению благосостояния населения, социально-экономическому развитию государства.

Выводы. Таким образом, анализ социокультурных и ценностных ориентаций государственных служащих позволил выявить ряд характерных проблем. В системе их жизненных целей значительную часть занимают материальные интересы, выполняемая ими деятельность в большинстве своем не относится, по оценкам самих респондентов, к категориям «любимое дело», «интересная работа». При этом гражданские служащие, замещающие должности ведущей и главной группы, отмечают важность работы с точки зрения пользы обществу и Отечеству.

Анализ результатов исследований выявил противоречие между жизненными стратегиями государственного служащего, его положением в обществе и занимаемым служебным местом. После двух-трех лет работы эффективность труда служащего начинает снижаться, а интерес к профессиональной деятельности — угасать. Проведенное исследование позволило также сделать предположение, что рутинный характер работы современной государственной службы не оправдывает ожидания сотрудников, которые идентифицируют политическую деятельность и государственное администрирование. К такому выводу мы пришли, анализируя потребности государственных служащих в общественном признании своей личности («стать знаменитым», «попасть в элиту общества»). Еще одной значимой проблемой является деформация профессиональной культуры служащих, которая ориентирована на бюрократические ценности, так как нет открытого

взаимодействия с внешней средой, руководители используют в процессе работы авторитарный стиль управления, присутствует жесткая субординация.

Еще одной проблемой является противоречие между возрастающими потребностями граждан в демократизации государственной службы (в первую очередь, у молодого и среднего поколений) и авторитарными тенденциями в государственном управлении. Демократические принципы носят декларативный характер и не поддерживаются современными государственными служащими, что выступает лимитирующим фактором для развития гражданских инициатив, формирования системы общественного контроля за деятельностью органов власти.

Таким образом, социально-экономические преобразования в стране, регионе, поселении целесообразно начинать с мобилизации интеллектуального, культурного, нравственного, профессионального потенциала государственной службы. Выявленные проблемы ценностного характера современных государственных служащих подчеркивают важность учета и включения в концепцию реформирования и модернизации государственной службы механизмов и технологий формирования высоко-нравственной позиции и моральных устоев служащих.

К основным направлениям решения выделенных проблем относятся следующие: организация обучения и тренингов, способствующих формированию этических норм в рамках проводимых мероприятий по профилактике коррупции; учет социокультурных и ценностных ориентаций при отборе кандидатов на вакантные должности государственной службы; модернизация кадровой политики, индивидуальный подход к выстраиванию карьерных траекторий государственных служащих. Исключение коррупции, высокий уровень ответственности и приоритеты общественных интересов в деятельности государственных служащих являются приоритетными детерминантами обеспечения эффективности управления, наращивания благосостояния граждан и повышения социально-экономических показателей развития страны и ее регионов.

Литература

1. Frolova E.V., Ryabova T.M., Rogach O.V. Bureaucrat image in Russia // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. Summer 2017. Volume VIII. Issue 3 (25). DOI: <https://doi.org/10.14505/jarle>
2. Шпаковский Ю.Г., Чистов А.А. Зарубежный опыт противодействия коррупции в системе «власть-бизнес» // *Путеводитель предпринимателя. Научно-практическое издание: сб. науч. трудов. Вып. I / под научной ред. Л.А. Булочниковой. М.: Российская академия предпринимательства; Агентство печати «Наука и образование», 2008. С. 232-239.*
3. Puper R., Burnham J. The British Civil Service: Perspectives on 'Decline' and 'Modernisation' // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2010. Vol. 13, Issue 2, pp. 189-205.
4. Magbadelo J.O. Reforming Nigeria's Federal Civil Service: Problems and Prospects // *India Quarterly*. 2016. Vol 72, Issue 1, pp. 75-92.
5. Matei L., Matei A., Lazar C.G. Public service performance and good administration. Socio economic empirical evaluations // *Procedia Economics and Finance*. 2016. Pp. 335-338.
6. Schraeder M., Tears R., Jordan M. Organizational culture in public sector organizations: Promoting change through training and leading by example // *The Leadership & Organization Development Journal*. 2005. Pp. 492-502.
7. Graeme L. Harrison, Kevin M. Baird. The organizational culture of public sector organizations in Australia // *Australian Journal of Management*. 2015. Volume 40, issue 4, pp. 613-629. <https://doi.org/10.1177/0312896214529440>
8. Matei A. Matei L. Instructional design for administrative sciences. A case study for civil servants training. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Pp. 1930-1933.
9. Pratama A.P., Ghazali A., Putranto N.A.R., Iswari K.R., Wisesa A., Febriansyah H. Civil Servants' Competence in Indonesia: Suggestions for Future Research in the Context of Business // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Pp. 371-377.
10. Fragkou P. Training Civil Servants to ERMIS IT system for the purposes of Directive 2006/123/EC // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Pp. 430-437.
11. Кучеров Д.Г., Пикулёва О.А. Брендинг государственной гражданской службы в России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2015. № 4. С. 65-78.
12. Оболонский А.В. Этика и ответственность в публичной службе // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2015. № 1. С. 7-32.
13. Козырев А.А., Горячева Д.А. Ценностные ориентации государственных служащих: гендерный аспект // *Управленческое консультирование*. 2015. № 9. С. 8-19.
14. Луканина Ю.Р., Еремина Е.В. Особенности формирования доверия граждан к социально-профессиональной группе государственных служащих // *Социум и жизненное пространство личности (междисциплинарные аспекты): сборник статей VI Международной научно-практической конференции / Пензенский государственный университет, 2016. С. 61-67.*
15. Гусева Г.А. Формирование ценностных ориентаций государственных служащих. М., 1999. URL: <http://www.dslib.net/psixologia-razvitja/formirovanie-cennostnyh-orientacij-gosudarstvennyh-sluzhawih.html> (дата обращения: 11.10.2016).
16. Гончаров Ю.Н. Психолого-акмеологический подход к выявлению личностных особенностей профессионального развития государственных служащих. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5741 (дата обращения: 11.10.2016).
17. Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Мотивационные стратегии государственных служащих // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 1. С. 9-15.
18. Зайцева Т.В. Материальное стимулирование государственных служащих в условиях ограниченного бюджетного финансирования // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016. № 4. С. 179-196.
19. Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // *Социологические исследования*. 2016. № 4 (384). С. 59-64.
20. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // *Социологические исследования*. 2012. № 12. С. 23-36.
21. Мирошниченко О.Н., Михайлова М.В. Формирование позитивного образа государственного гражданского служащего: отечественный и зарубежный опыт // *Вестник Чувашского университета*. 2013. Вып. 4. С. 147-156.

Сведения об авторах

Елена Викторовна Фролова — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4; e-mail: efrolova06@mail.ru)

Татьяна Михайловна Рябова — кандидат социологических наук, доцент кафедры, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4; e-mail: tani-87@inbox.ru)

Статья поступила 18.01.2017.

Frolova E.V., Ryabova T.M.

Socio-Cultural and Value Paradigms of Public Civil Servants in Russia

Abstract. In the modern Russian society, there is a contradiction between the goals and objectives of civil service, its social relevance and applied nature, on the one hand, and the growing dissatisfaction of the population on the other hand. The article describes and analyzes the socio-cultural and value paradigms of civil servants in the Russian Federation, which define the characteristics of their activities. The authors emphasize the importance of a motivational resource such as socio-cultural and value paradigms in the process of reforming the modern institution of civil service. The research results revealed a number of problems. A significant part of the structure of life goals of civil servants is occupied by material interests; according to the respondents' estimates, the activities they do are not related to the categories of "favorite activity", "interesting job". Some government employees consider "service to the Fatherland", "useful contribution to the society and the state" as the main purpose for their professional activity. The research confirmed the hypothesis that the efficiency and effectiveness of occupational work of civil servants depends not only on motivational factors but also on life experience, moral principles, understanding of one's role in the process of implementing the state policy and life strategy. The routine nature of work does not live up to employees' expectations evening political activities and state administration. Bureaucratic values, lack of interaction with the external environment, authoritarian management style, and rigid subordination affect the employee's identity and behavior. Government employees due to personal characteristics and character specifics, assessing themselves and their experience higher at the career ladder, either search for a new position themselves, a different kind of activity to meet their life strategy, or stop developing professionally. Socio-cultural and value paradigms of government employees vary according to the category and group of positions. We also confirmed the hypothesis concerning the category "experts" of leading and senior groups of positions that public service is considered by employees and citizens not as a value-regulatory complex providing interaction between the state and the society in order to meet the interests of the latter, but as a mechanism for achieving financial success.

Key words: civil service, value paradigms of public civil servants, life strategies of a civil servant, image of public service, career.

Information about the Authors

Elena V. Frolova — Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department for Management and Administrative Control, Russian State Social University (4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, Russian Federation; e-mail: FrolovaEV@rgsu.net)

Tat'yana M. Ryabova — Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor; Department for Management and Administrative Control, Russian State Social University (4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, Russian Federation; e-mail: RjabovaTM@rgsu.net)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.14

УДК 504.06, ББК 20.18

© Ли Сяюй, Мэн Чжаобо

Режим и пути управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху*

Ли Сяюй

редакция журнала «Enterprise Economy» (Экономика предприятия)
Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, провинция Цзянси, Китай, ул. Hongdu North Avenue, 649
E-mail: jxlxy@126.com

Мэн Чжаобо

Школа экономики и менеджмента
Институт технологии Восточного Китая
Фучжоу, провинция Цзянси, Китай, ул. Xufu Road, 56
E-mail: 155114872@qq.com

Аннотация. В последние годы экологический капитал привлекает все большее внимание исследователей-теоретиков как концепция, с помощью которой люди углубляют понимание важности экологических ресурсов. Используя рыночные механизмы, люди укрепляют экологический капитал для решения проблемы ухудшения экологической среды, которая также постепенно привлекает внимание всех слоев общества. Тем не менее всё ещё очень мало ученых, которые проводят углубленные исследования регионального экологического капитала с точки зрения режима и путей управления. Настоящее исследование, направленное на разработку режима управления

* Статья подготовлена при поддержке Национального фонда общественных наук Китая (National Social Science Foundation of China), проект «Исследование управления экологическим капиталом и механизмом экологической компенсации» (Research on Ecological Capital Operation and Ecological Compensation Coupling Mechanism) в 2012 г. (№ 12BJL077).

Для цитирования: Ли Сяюй, Мэн Чжаобо. Режим и пути управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 201-215. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.14

For citation: Li Xiaoyu, Meng Zhaobo. Ecological capital operation mode and path of Poyang Lake Eco-Economic Zone. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 201-215. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.14

экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху, принимает её в качестве специфического объекта исследования. Данная зона обладает значительными запасами экологических ресурсов, трансформация которых в экологический капитал представляет собой ключ к её развитию и важное звено строительства экологической цивилизации в провинции Цзянси. В статье рассмотрено текущее состояние экологических ресурсов эколого-экономической зоны озера Поянху. Управление экологическим капиталом имеет своей целью осуществление экологической экономизации региона, сохранение и укрепление его экологического капитала. Субъекты экологического капитала зоны (государство, предприятия и общественные организации) должны четко определить обязанности, активно развивать экологическую отрасль, экологическое сельское хозяйство и экологические услуги, содействовать органичной интеграции трех отраслей, создать механизм обратной связи в управлении выгодами, полученными от экологического капитала, выбрать оптимальный путь развития и эксплуатации с помощью организации режима работы с участием рынка, трансформировать экологические ресурсы рассматриваемой зоны в экологический капитал, поощрять экономическое развитие региона для преобразования «прекрасных пейзажей» в «богатство и капитал». Целью данного исследования является преодоление нарастающих противоречий между экономическим развитием и обеспеченностью ресурсами в эколого-экономической зоне озера Поянху. В статье также даны рекомендации другим регионам, особенно экономически слаборазвитым, для достижения гармоничного развития экологии и экономики. В дальнейшем планируется уделить особое внимание исследованиям, касающимся права собственности на экологические ресурсы и учета стоимости экологического капитала на практическом уровне, чтобы повысить эффективность управления экологическим капиталом.

Ключевые слова: эколого-экономическая зона озера Поянху, экологический капитал, режим работы, выбор пути.

I. Введение

Разница в обеспеченности экологическими ресурсами является основой деятельности экологического капитала, а выбор режима его работы — это ключ к его эффективному использованию. В настоящее время некоторые регионы Китая не могут отойти от экстенсивного режима развития ВВП, что создает трудности для интенсивных и эффективных преобразований, приводит к неэффективному использованию экологических ресурсов и к их серьезным потерям. Реализация гармоничного развития экономики и экологии поможет не только сохранить «прекрасные пейзажи», но и преобразовать их в «богатство и капитал», и это является одной из задач содействия устойчивому развитию экономического общества.

Поскольку строительство экологической цивилизации включено в генеральный план «Экономическое, политическое, культурное, социальное и экологическое строительство цивилизации», представленный на 18 съезде Коммунистической партии Китая, ученые проводят обширные научные исследования по актуальным вопросам экологического строительства

цивилизации и использования экологического капитала и т.д. Данные вопросы касаются главным образом концепции экологического капитала и использования его системы и его внешних эффектов. Однако не так много исследований посвящено режиму управления экологическим капиталом. В статье проанализировано объективное состояние эколого-экономической зоны озера Поянху с точки зрения управления экологическим капиталом. На основе научных трудов отечественных и зарубежных ученых предложен режим работы экологического капитала и пути управления им в исследуемой зоне озера Поянху.

II. Обзор литературы

1. Исследование концепции экологического капитала.

В настоящее время использование термина «экологический капитал» отечественными и зарубежными учеными в основном базируется на понятиях природного капитала и капитала окружающей среды. По мнению исследователя Vogt (1948), природные ресурсы, которые на самом деле являются капиталом национально-го развития, можно назвать природным капита-

лом. В 1987 г. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее» указала, что условия жизни человека можно рассматривать как экологический капитал. Kerry Smith (1988) полагает, что и природные, и экологические ресурсы необходимо рассматривать как ценные активы. В 1990 году Pearce и Turner предложили концепцию природного капитала в академических кругах, а в работе «Природные ресурсы и экономика окружающей среды» они тщательно проработали концепцию природного капитала, разделив капитал производственной функции в экономике на две основные категории: искусственный капитал и природный капитал. Sarag Eldin (1995) предлагает под природным или экологическим капиталом понимать все природные ресурсы. De Groot и соавторы (2003) утверждают, что функции экосистемы в основном включают функцию невидимых услуг и культурную функцию. Исследователь R. Costanza (1997) в числе первых признает и оценивает экономическую ценность глобального экологического капитала. T. Aronsson и K.G. Lofgren (1999) анализируют стоимостную структуру национального счета, полагая, что экологический капитал является важным компонентом современной национальной системы капитала и что измерение потерь экологического капитала может отражать истинную стоимость национальных финансов. Как видно из вышесказанного, отечественные и зарубежные ученые в основном определяют понятие экологического капитала с точки зрения природного капитала, достигая консенсуса в отношении его понятия, т. е. считают, что природный капитал действительно существует в природе и может предоставлять товары или услуги природных ресурсов и наличие экологического фонда активов для современной жизни и будущего развития человека.

В последние годы проблематика экологического капитала обсуждается многими отечественными учеными. Лю Сыхуа (Liu Sihua) (1997) делит экологический капитал на две части: экологические ресурсы и экологическую среду. Хуан Синвэнь (Huang Xingwen) и соавторы (1999) определяют экологический капитал как «территорию с экологическим ландшафтом, в отношении которой владелец может осуществлять право экологической собственно-

сти и получать экономические выгоды». Фань Цзинь (Fan Jin) и соавторы (2000) считают экологический капитал многогранной концепцией. Чжан Цзюньлянь (Zhang Junlian) и соавторы (2003) полагают, что понятие экологического капитала включает все природные ресурсы, экологическую среду и их служебные функции. Как утверждает Ню Синго (Niu Xinguo) (2003), экологический капитал включает в себя общий рост, долгосрочную рентабельность, симбиотическую конкуренцию, открытую интеграцию, неподвижность, кратковременность и социальную справедливость. По мнению Ли Хайтао (Li Haitao) и соавторов (2005), капитал – это определенные материальные ресурсы, имеющиеся в определенный момент времени, или информационные переменные, существующие в той или иной форме, в то время как экологический капитал представляет собой ресурсные условия, образуемые экологической системой, и совокупность ее материальных, энергетических и информационных ресурсов, и его роль заключается в предоставлении услуг в условиях рыночной экономики, что способствует взаимной координации экономического и социального развития и охраны окружающей среды как особой формы капитала. Ли Чжунминь (Li Zhongmin) (2010) считает, что потребление и производство экологических ресурсов должно быть включено в стоимость экономического развития и промышленного производства, а концепция экологических затрат может применяться также в области социального потребления. Янь Лидун (Yan Lidong) (2010), предлагая несколько ключевых элементов экологического капитала: стоимость потребления, имущественные права, экологический рынок и экологическую технологию, проводит углубленный анализ форм преобразования и реализации ценности экологического капитала. Форма преобразования сначала определяется имущественными правами в области экологических ресурсов, после чего экологические ресурсы превращаются в экологические активы, которые формируют экологический капитал через операцию маркетизации, тогда как операция маркетизации экологического капитала неизбежно формирует экологические продукты социального спроса. В последние годы в академических кругах является общепризнан-

ным следующее определение: экологический капитал включает в себя экологические ресурсы и экологическую среду, которые могут принести экономические и социальные выгоды, такие как повышение качества окружающей среды, способность к самоочищению, экологический потенциал для производства полезной ценности для будущего, качество экологической среды и общая ценность использования экологической системы. Авторы настоящего исследования тоже согласны с данным определением.

2. Исследования по управлению экологическим капиталом.

Зарубежные исследования в области управления экологическим капиталом пока находятся на начальной стадии. Исследователи Epstein и Roy (1997), подробно анализируя воздействие роста предприятий на экологический капитал на микроуровне, полагают, что предприятия должны уделять внимание инвестициям в экологический капитал и углублять понимание действующих сил экологического капитала на основе переработки финансового капитала при принятии инвестиционных решений с целью повышения эффективности функционирования предприятия и управления им. T.L. Anderson (2000) выдвинул концепцию «управления экологическим капиталом», изучая переход от «пассивной защиты» к «активной защите добавленной стоимости» в деятельности по охране окружающей среды. D.J. Thamnapillai и S.M. Thangavelu (2004), изучающие ценообразование и учет капитала окружающей среды, предлагают определять в категориях разные цены на разные виды капитала окружающей среды и экологического капитала. D. Azqueta и D. Sotelsek (2007), обсуждая характеристики стоимости и методы оценки природных экологических ресурсов с методологической точки зрения, выдвигают идею о том, что амортизация и девальвация экологического капитала и экологическая оценка являются двумя важными факторами, влияющими на экологическую стоимость. По мере того как экологические проблемы становятся все более серьезными, все больше людей начинают осознавать ценностные характеристики и рыночную функцию экологического капитала. Некоторые из первых инвесторов начинают обращать вни-

мание на активное преобразование и эффективное использование повышения экологического капитала, включая затраты на экологию и эффективность энергосбережения в процессе деятельности компании в управление её финансами во время оценки проекта и предприятия, а затем принимая соответствующие меры по охране окружающей среды, для того чтобы обеспечить экологически безопасное производство.

Отечественные ученые начали исследования по управлению экологическим капиталом в начале XXI века. Ван Хайбинь (Wang Haibin) (2005) считает, что управление экологическим капиталом является практическим средством реализации ценности экологических услуг. Янь Лидун (Yan Lidong) и соавторы (2011) рассматривают значимость экологического капитала в таких аспектах, как экологическая эффективность, экологический фактор, социальная культура и др. Как полагает Сун Сяньпин (Song Xianping) (2011), точное установление стоимости экологического капитала и его ценность — это основные аспекты, которые можно использовать для обеспечения экологической экономизации. Однако сложность заключается в том, что экологический капитал принадлежит природной системе, отличной от материального и человеческого капитала в рамках экономической системы. Таким образом, только уникальный режим управления может помочь реализовать ценность данного вида капитала. Чэнь Гуанцзюй (Chen Guangju) (2014) считает управление экологическим капиталом процессом, который предприятие принимает в качестве элемента производства на рынке экологического капитала, преобразует ценность экологического капитала по технологии, производит экологически чистые продукты или поддерживает экологическую ценность. Чан Лунжань (Chang Longran) (2013), проводя эмпирические исследования на примере конкретных регионов, дает новое определение концепции экологического капитала, создает теоретическую систему его функционирования, опираясь на гармоничное развитие экологии и экономики региона. По мнению Чжан Чжуцзюнь (Zhang Zhujun) (2012), в процессе управления экологическим капиталом можно получить соответствующую экономическую выго-

ду в результате его разумного использования, поддерживать экономическое развитие и экологическое строительство в регионе, осуществлять дальнейшее развитие социальной экономики и поддерживать качество окружающей среды для содействия непрерывному накоплению экологического капитала и формированию положительного цикла взаимного поощрения и взаимного развития экологии, экономики и общества. Хэ Ицин (He Yiqing) (2013), принимая эколого-экономическую зону озера Поянху в качестве объекта анализа, использует системную динамику для построения режима управления экологическим капиталом в регионе с точки зрения финансовой поддержки. Оптимальный режим управления экологическим капиталом должен охватывать, по крайней мере, четыре отрасли: сельское хозяйство, промышленность, туризм и финансовую сферу. Цзэн Сянан (Zeng Xiangang) и соавторы (2014) полагают, что управление экологическим капиталом имеет тенденцию к переходу на рыночные рельсы, приобретает значение путем аутсорсинга или франчайзинга, реализует поставки продукции и удовлетворяет спрос. Чжан Найжэнь (Zhang Nairen) (2016), который занимается изучением водных ресурсов в эколого-экономической зоне озера Поянху, анализируя уникальность региона, считает, что трансформация экологического капитала является независимой от указаний государства. Автор выступает за создание эффективной системы управления экологическим капиталом на основе экологической трансформации сельского хозяйства, промышленности и туризма. Как полагает Гао Цзиси (Gao Jixi) (2016), деятельность экологического капитала в основном связана с исследованиями и разработками экологической продукции, оптимизацией экологических ресурсов, правом собственности на экологическую собственность, сделками в области экологических услуг и эксплуатацией экологической отрасли.

Обзор литературы показывает, что в последние годы проводится множество научных исследований по концепции экологического капитала и теории управления экологическим капиталом и что перспективы подобных исследований постепенно расширяются. Однако углубленных исследований, посвященных ре-

жиму управления экологическим капиталом, в т.ч. и эколого-экономической зоны озера Поянху, значительно меньше. Авторы настоящей статьи предпринимают попытку построить режим управления экологическим капиталом, используя эколого-экономическую зону озера Поянху в качестве объекта исследования, на основе результатов предыдущих исследований, с тем чтобы разрешить нарастающие противоречия между экономическим развитием и использованием ресурсов окружающей среды в этой зоне, а также для того, чтобы опыт данного региона можно было использовать и на других территориях, особенно экономически слабо развитых, с целью гармоничного развития экологии и экономики.

III. Концепция и обоснование режима управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху

(i) Общая характеристика эколого-экономической зоны озера Поянху

Эколого-экономическая зона озера Поянху – это специальная экономическая зона, центром которой является озеро Поянху в провинции Цзянси, основой – городская агломерация озера Поянху, а приоритетным стратегическим направлением – защита экологии и развитие экономики. Данная зона включает следующие уезды и районы в городском округе Наньчан: уезд Наньчан, уезд Цзиньсянь, уезд Аньи, уезд Синьцзянь, уезд Синьцзянь (позже переименован в район Синьцзян), район Дунху, район Сиху, район Цинъюньпу, район Ваньли, район Циншаньху; 2 района, 2 городских уезда и 8 уездов в городском округе Цзюцзян: район Сюньян, район Лушань, городской уезд Гунцинчэн, городской уезд Жуйчан, уезд Синцзы (переименованный в Лушань), уезд Дэань (переименованный в район Ляньси), уезд Юнсю, уезд Хукоу, уезд Дучан, уезд Унин, уезд Цзюцзян и уезд Пэнцзэ; 2 района, 1 городской уезд и 1 уезд в городском округе Цзиндэчжэнь: район Чанцзян, район Чжушань, городской уезд Лэпин и уезд Фулян; 1 район, 1 городской уезд и 1 уезд в городском округе Интань: район Юэху, городской уезд Гуйси и уезд Юйцзян; район Юйшуй в городском округе Синьюй; 1 район и 1 уезд в городском округе Фучжоу: район Линьчуан и уезд Дунсян; 3 городских уезда в городском округе Ичунь: Фэнчэн, Гаоань и

Чжаншу; 3 уезда в городском округе Шанжао: Юйгань, Поян и Ваньнянь; уезд Синань в городском округе Цзиань; всего 38 административно-территориальных единиц и само озеро Поянху (рис. 1); площадь территории составляет 51 200 квадратных километров.

Являясь самой развитой областью в провинции Цзянси, эколого-экономическая зона озера Поянху имеет очевидные сравнительные преимущества: богатые природные и туристические ресурсы и хорошую базу для защиты окружающей среды и для развития промышленности. Вместе с тем в условиях интенсивного развития индустриализации, урбанизации и сельскохозяйственной индустриализации ресурсы и окружающая среда данной зоны испытывают большое давление, и некоторые районы оказываются вовлеченными в дилемму «выживание или защита окружающей среды». Теория управления экологическим капиталом предлагает новый способ мышления для решения проблем экологической среды. Одной из целей управления экологическим капиталом является обеспечение понимания важности сохранения и оценки экологического капитала. Только в полной мере используя природные экологические преимущества и осуществляя управление экологическим капиталом с учетом территори-

альных особенностей, можно достичь устойчивого развития экологии, экономики и общества в рассматриваемой зоне.

(ii). *Концепция режима управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху*

Как отмечалось выше, многие отечественные и зарубежные ученые дают определение понятиям «экологический капитал» и «управление экологическим капиталом». Авторы настоящей статьи придерживаются следующего определения: экологический капитал включает в себя экологические ресурсы и экологическую среду, которые могут принести экономические и социальные выгоды, такие как повышение качества окружающей среды, способность к самоочищению, экологический потенциал для производства полезной ценности для будущего, качество экологической среды и общую ценность использования экологической системы на данной территории. Управление экологическим капиталом в эколого-экономической зоне озера Поянху, опирающееся на экологические ресурсы, направлено на обеспечение непрерывной циркуляции и накопления экологического капитала в процессе эксплуатации и оценки экологических ресурсов посредством государственной поддержки и рыночного регулирова-

Рис. 1. Расположение эколого-экономической зоны озера Поянху

ния через разумное использование ресурсов и достижение устойчивого экологического развития. Одним словом, это реализация экологической экономики в регионе.

Вывод: в статье на основе результатов предыдущих исследований рассматриваются режим и пути управления экологическим капиталом в экологической экономике зоны озера Поянху и утверждается, что для достижения скоординированного развития экологической экономики и зеленой промышленности, а также взаимодополняемости экологической среды и устойчивого развития в зоне необходимо в полной мере развивать экологические ресурсы и преобразовывать их в экологический капитал, выбрав разумный путь развития и управления через внедрение рыночных механизмов, таким образом продвигая региональное экономическое развитие и преобразовывая «прекрасные пейзажи» в «богатство и капитал». Данная статья имеет определенное теоретическое значение, так как расширяет область изучения управления экологическим капиталом и углубляет теорию экологического капитала. Кроме того, углубленно исследуются специфический режим и пути реализации управления экологическим капиталом в эколого-экономической зоне озера Поянху, что имеет важное значение не только для гармоничного развития экологической среды и экономики в данной зоне, но и служит ориентиром для других регионов при разрешении противоречий между экономическим развитием и охраной окружающей среды, особенно в экономически слабо развитых регионах.

(iii). Предпосылки для режима и пути управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху

1. Экологические ресурсы и промышленная база эколого-экономической зоны озера Поянху обеспечивают практические условия для функционирования экологического капитала.

Стратегии развития эколого-экономической зоны озера Поянху в 2009 г. был официально присвоен статус национальной стратегии. Она направлена главным образом на защиту и развитие экономики в районе озера Поянху и прилегающих районах, принятие идеи развития экологической цивилизации и строительство низкоуглеродной демонстрационной зоны эко-

логической экономики. Площадь эколого-экономической зоны составляет 51 200 км², на ней расположены 38 организаций уездного уровня. Зона выполняет функции водохранилища, регулирования климата и экологического контроля окружающих её территорий. Она богата природными экологическими ресурсами и имеет хорошую промышленную базу. Кроме того, это важный транспортный узел, соединяющий юг и север, восток и запад в инициативе «Один пояс и один путь» и выполняющий важную стратегическую функцию.

(1) Земельные ресурсы

На территории исследуемой зоны расположены основные сельскохозяйственные земли провинции. Зона обладает разнообразными земельными ресурсами и типами почв, например красные почвы, рисовые почвы и т. д. Для этой территории характерны горный ландшафт и холмистая местность. Причем основным экологическим ресурсом являются водно-болотные угодья озера Поянху, занимающие свыше 80% территории озера, охватывающие такие ресурсы, как акватория, берега, внутреннее озеро и др.

(2) Водные ресурсы

Эколого-экономическая зона озера Поянху богата водными ресурсами: в озеро впадают реки Ганьцзян, Фухэ, Синьцзян, Жаохэ и Сюшуй. Бассейн озера Поянху имеет площадь 162 200 км², что составляет 9,0% площади бассейна реки Янцзы, и среднегодовой объем стока около 152,5 млн. м³, т.е. 16,3% от стока бассейна реки Янцзы. Кроме того, озеро обладает богатым подземным водным ресурсом, а некоторые подземные воды являются минеральными.

(3) Животный и растительный мир

Озеро Поянху обладает разнообразными и обильными ресурсами животного и растительного мира: в основном это зоопланктон, моллюски, рыбы, насекомые, птицы и млекопитающие — всего почти 1000 видов. Здесь обитают десятки охраняемых животных первого и второго класса и зимует более 90% мировой популяции белого журавля. Класс растений включает в себя растения песчаных дюн и болотные растения, всего 39 сообществ. Кроме того, рядом с озером Поянху расположен Лушань — горный комплекс и национальный парк Китая.

(4) Промышленность

В последние годы в эколого-экономической зоне озера Поянху получила значительное развитие индустрия эко-туризма и экологической экономизации; эффективно используются почвенные и водные ресурсы; активно развивается сельское хозяйство и животноводство; заложены основы для формирования масштабного экологического сельского хозяйства: данный регион стал главной базой глубокой переработки риса, зерна и растительного масла в Китае; полностью используются преимущества промышленности; активно развиваются медицина, точное приборостроение, электронная промышленность, информационные технологии. Прочный промышленный фундамент обеспечивает предпосылки для управления экологическим капиталом.

2. *Управление экологическим капиталом необходимо для реализации гармоничного развития эколого-экономической зоны озера Поянху.*

Управление экологическим капиталом зоны направлено на экономизацию экологии, сохранение и увеличение стоимости экологического капитала. Поддержание цен является предпосылкой для управления, а увеличение стоимости — задачей управления. Увеличение стоимости экологического капитала поможет получить денежный доход и повысить уровень экономического развития данной зоны. На этой основе необходимо вкладывать дополнительные средства в дальнейшее укрепление защиты экологических ресурсов и поддержание цикла «охрана окружающей среды — развитие экологической экономики — повышение ценности окружающей среды».

С развитием индустриализации, урбанизации и индустриализации сельского хозяйства эколого-экономическая зона озера Поянху сталкивается с большим давлением на ресурсы и окружающую среду, и в некоторых районах существует дилемма выбора: «адекватность и достаточное количество пищи и одежды или сохранение окружающей среды». Хотя в данной зоне охрана окружающей среды усилилась, там по-прежнему существует много проблем. Например, опасения вызывает состояние водного бассейна озера Поянху, ухудшение качества его воды. Некоторые суда занимаются незаконным вывозом песка

и нелегальным промыслом в этом районе; туристы выбрасывают мусор в озеро, а многие частные предприятия нелегально сбрасывают сточные воды в озеро. И таких случаев множество. Например, экономическая деятельность в эколого-экономической зоне озера Поянху по-прежнему носит экстенсивный характер, подразумевающий потребление большого объема экологических ресурсов. При отсутствии грамотного управления ресурсы будут постепенно исчерпаны. Таким образом, управление экологическим капиталом в исследуемой зоне является крайне актуальной проблемой, фактором экономического развития и ключом к устранению дисбаланса в структуре ресурсов и к восстановлению экологии.

(iv). *Предмет и функции режима управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху*

1. Роль государства.

Экологический ресурс эколого-экономической зоны озера Поянху является национальным достоянием. Поэтому с экономической точки зрения данный ресурс должен контролироваться и регулироваться государством; в противном случае возникает «трагедия общин». Государство выступает главным ответственным лицом и инвестором в управлении экологическим капиталом зоны и главным гарантом, содействующим управлению экологическим капиталом региона.

2. Роль предприятий.

Возможности государства ограничены, поэтому в условиях рыночной экономики все субъекты должны слаженно работать, чтобы максимизировать выгоды субъекта на основании сохранения и оценки экологической среды. Предприятие является особым субъектом управления и потребления для управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху. С одной стороны, предприятия могут получить право на использование экологического капитала зоны с помощью различных средств, осуществлять трансформацию экологического капитала и управление им под контролем государства, постоянно проводить исследования и разработки экологически чистых продуктов с высокой добавленной стоимостью за счет технологических инноваций и осуществлять трансформацию и модерниза-

цию цепочки «экологические ресурсы – экологический капитал – экологическая ценность». Предприятие может получать льготы и способствовать дальнейшему развитию. С другой стороны, предприятие также покупает экологические ресурсы или экологическую продукцию и услуги у государства и других предприятий, и такие закупки должны производиться в рамках маркетинга. Таким образом, предприятие представляет собой незаменимое звено в управлении экологическим капиталом.

3. Прочие общественные организации и отдельные лица.

Государство и предприятия выступают гарантами и субъектами управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху, а другие общественные организации и физические лица осуществляют общественный контроль, являясь субъектами потребления в управлении экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху. С одной стороны, в условиях рыночной экономики государственный надзор ограничен, надзор за всем процессом трансформации экологического капитала осуществляет третья сторона, которая пресекает деятельность, наносящую ущерб окружающей среде. С другой стороны, многие физические лица являются основными потребителями экологической продукции и услуг. Чтобы руководить производственно-бытовым поведением предприятия с целью повышения эффективности управления экологическим капиталом в эколого-экономической зоне озера Поянху, необходимо повысить осведомленность об экологически чистом потреблении.

IV. Строительство режима управления экологическим капиталом в эколого-экономической зоне озера Поянху

(I) Закладка фундамента для строительства режима управления экологическим капиталом

Система является «каркасом» экономического развития. Комплексная система и политическая система служат предпосылками функционирования экологического капитала и ключом к его развитию. Необходимо разъяснить права пользования экологическим капиталом в эколого-экономической зоне озера Поянху, разделить ответственность государства и рынка и сформировать эффективный механизм рынка, действующего под руководством государства.

1. Завершение создания системы маркетинга экологического капитала.

Эксплуатация экологического капитала нуждается в поддержке неправительственных организаций. Преобразование и модернизация экологических ресурсов могут быть осуществлены эффективно только в том случае, если государство, неправительственные организации и другие общественные организации и отдельные лица примут участие в строительстве платформы маркетинга. Экологические ресурсы – это государственный продукт, характеризующийся большими капитальными инвестициями и отсроченной отдачей. Государство должно принять соответствующие меры стимулирования, чтобы частный капитал быстро и уверенно выходил на рынок и в полной мере выполнял свои функции.

2. Уточнение права собственности на экологические ресурсы и распределение прав каждого субъекта.

Определение собственности на экологические ресурсы является ключом к тому, чтобы избежать «трагедии общин». В Китае ответственность, право и выгоды в организации права собственности в сфере экологического природопользования несимметричны: с одной стороны, они вызывают борьбу за власть и прибыль, а с другой – перекалывание ответственности между органами местного самоуправления и ведомствами, что выступает одной из важных причин ухудшения экологической обстановки в Китае. Эколого-экономическая зона озера Поянху также может вызывать споры между заинтересованными органами, и это обусловлено неясной ситуацией в отношении прав собственности на экологические ресурсы, что может повлиять на плавную трансформацию и модернизацию экологических ресурсов. Таким образом, необходимо как можно быстрее прояснить ситуацию с правом собственности на природные ресурсы, землеустройство, решить проблему экологической компенсации, вознаграждения и наказания в сфере экологического управления, развивать управление экологическим рынком, разработать механизм оценки экологических показателей и ответственности и другие механизмы в эколого-экономической зоне озера Поянху.

(II) Определение основного содержания режима управления экологическим капиталом

Необходимо установить эффективный режим управления экологическим капиталом. В отношении фактического состояния эколого-экономической зоны озера Поянху авторы считают, что режим управления экологическим капиталом должен включать следующие аспекты.

1. Система охраны окружающей среды. Охрана окружающей среды является основой экологического развития. Окружающая среда уязвима, поэтому необходимо найти рациональный подход к использованию ее ресурсов. Государство должно начать проводить соответствующую политику, принять строгие меры, пресекать и наказывать нецивилизованное поведение, наносящее вред окружающей среде.

2. Экологичные продукты с высокой добавленной стоимостью. Опираясь на состояние экологических ресурсов в эколого-экономической зоне озера Поянху, например водных и земельных ресурсов, необходимо разумно планировать животноводческую и растениеводческую базу, развитие предприятий по глубокой переработке экологических ресурсов, разрабатывать высококачественную экологически чистую промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

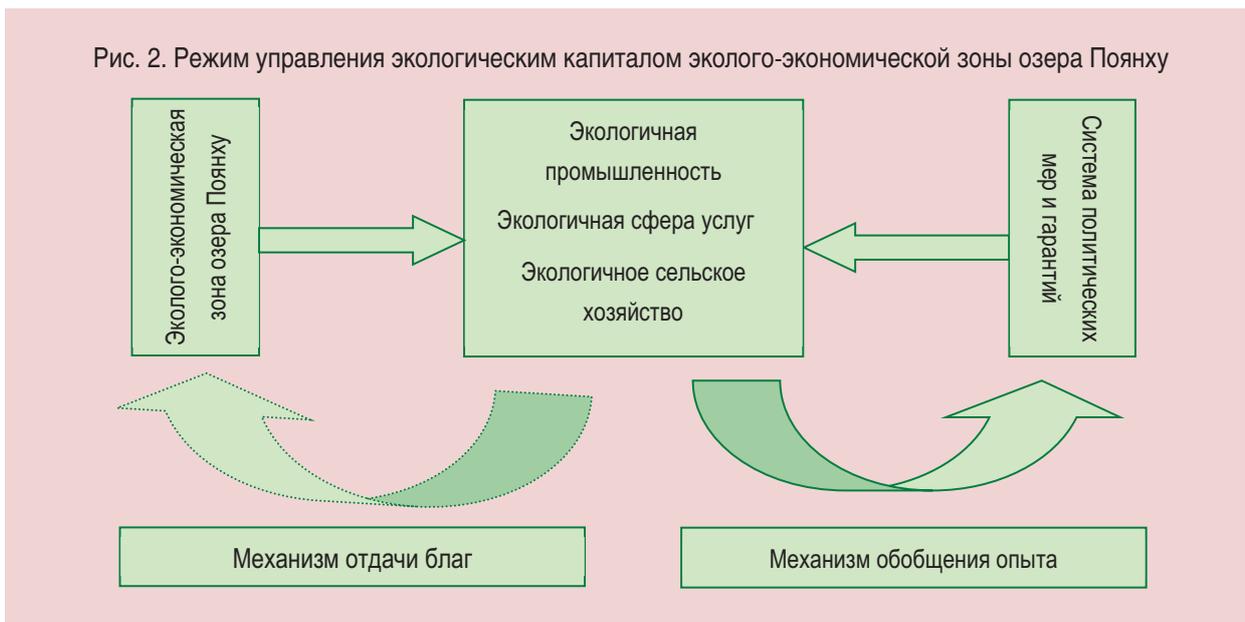
3. Система экологических услуг с высокой добавленной стоимостью. Эколого-экономическая зона озера Поянху, обладающая благоприятными условиями для развития экологического туризма, органично сочетает в себе продвижение экологичной сельскохозяйственной продукции с развитием эко-туризма.

4. Высокоэффективная система поддержки. Управление экологическим капиталом нуждается в поддержке со стороны государства и общества – в политической, финансовой, в улучшении информирования общества о состоянии экологии. Необходимо построить высокоэффективную систему поддержки, разработать системную финансовую и налоговую политику для обеспечения эффективного управления экологическим капиталом.

(III) Создание основы режима управления экологическим капиталом

При разработке режима управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху необходимо учитывать её особенности, в том числе разнообразные экологические ресурсы, и ставить цели с учетом сохранения и преумножения экологических ресурсов и капитала; рассматривать особенности данной зоны, в том числе состояние экономического развития, инвестиционных ресурсов провинции Цзянси и особенности природных ресурсов района озера Поянху и т. д. Что касается основы и содержания режима управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху, то в данной статье предлагается его следующий вариант (рис. 2).

Рис. 2. Режим управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху

(IV) Содействие осуществлению режима управления экологическим капиталом

1. Наказание за действия, наносящие вред окружающей среде.

Каждый несет ответственность за охрану окружающей среды. Поэтому необходимо разработать строгие меры наказания, чтобы эффективно пресекать нецивилизованное поведение. Эколого-экономическая зона озера Поянху является важной частью создания «модели прекрасного Китая» в провинции Цзянси. Следовательно нужно укреплять защиту окружающей среды, строго наказывать за нанесение вреда экологии и не допускать нанесения умышленного ущерба экологической среде озера Поянху.

2. Широкое развитие экологически чистого сельского хозяйства.

В последние годы эколого-экономическая зона озера Поянху достигла определенных результатов в производстве экологичной сельскохозяйственной продукции, осуществила развитие рекламных проектов, таких как выставки «Интернет +» «Умное сельское хозяйство 123+N» и платформы для широкого продвижения продукции. Однако под влиянием масштаба выгоды, цен на сельскохозяйственную продукцию и расходов на экологическую среду необходимо скорректировать режим производства и эксплуатации и структуру экологичного сельского хозяйства. Эколого-экономическая зона озера Поянху активно продвигает проект демонстрационного парка экологичного сельского хозяйства, строит «зеленую» базу производства сельскохозяйственной продукции, повышает техническую поддержку, вводит новые категории и завершает развитие системы обслуживания сельского хозяйства.

3. Развитие экологически безопасной промышленности.

Эколого-экономическая зона озера Поянху должна воспользоваться возможностью стратегических преобразований, значительно развивать высокотехнологичную и энергосберегающую промышленность без ущерба для окружающей среды и избегать старого пути развития и управления. С одной стороны, необходимо, под руководством ведущих предприятий, с использованием прорывных технологий разви-

вать перспективные отрасли, такие как биомедицина, производство и применение фотоэлектрических элементов, авиация, глубокая переработка экологически чистых продуктов и т.д.; с другой стороны, требуется ускорить трансформацию и модернизацию традиционных отраслей: черной металлургии, нефтехимической, текстильной и т.д., провести модернизацию промышленности, закрыть устаревшие производства и стимулировать промышленную оптимизацию.

4. Ускорение развития отрасли экологических услуг.

В соответствии с условиями развития и текущей ситуацией в сфере услуг в эколого-экономической зоне озера Поянху в основном необходимо ускорить развитие сферы экологических услуг в четырех направлениях: экотуризм, финансовый сектор, сфера досуга и электронная коммерция. Экотуризм является одной из отраслей специализации данного района, поэтому его необходимо эффективно развивать. Следует разработать туристические маршруты и продукцию для данной зоны. Для развития туризма целесообразно оказывать поддержку отрасли финансовых услуг, чтобы ускоренно развивать эту сферу и индустриальный парк эколого-экономической зоны озера Поянху, завершить формирование системы финансирования предприятий, снизить стоимость финансирования предприятий и построить платформу для электронной коммерции с целью содействия коммуникации между предприятиями и различными организациями.

5. Создание механизма обратной связи и обобщения опыта.

Необходимо не только настроить режим управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху, но и обобщить накопленный опыт и рассмотреть проблемы, возникающие в процессе управления. Режим управления в основном отражает процесс корректировки и интеграции первичной, вторичной и третичной структуры, который включает в себя реализацию политических решений и осуществление системы соответствующих вознаграждений и наказаний. Итак, в процессе управления капиталом следует рассматривать уже накопленный опыт в этой сфере, направлять прибыль, получаемую от трех

отраслей, на разработку нового режима управления и учитывать опыт предыдущего режима управления. Таким образом, формируется цепочка «охрана окружающей среды – развитие экологической экономики – оценка экологической среды».

V. Выбор пути режима управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху

(I) Путь развития экологического проекта и управления им

Оптимальные проекты, подходящие для местных условий, могут эффективно содействовать классификации и интеграции экологических ресурсов эколого-экономической зоны озера Поянху. Выбор пути подразумевает принятие управления проектом в качестве руководящей идеи, наличие научно обоснованного планирования, инновационного стимулирования развития рыночных отношений в ходе функционирования представленного проекта и обеспечения сохранения и оценки экологических ресурсов рассматриваемой зоны. Суть пути управления заключается в использовании собственности на ресурсы, чтобы заменить управление капиталом, и данный путь обычно использует такие средства, как привлечение инвестиций, заключение договоров на управление, передача права собственности и т. д. Для такого режима необходимо заблаговременное планирование и демонстрация, чтобы эффективно сбалансировать общую трансформацию и обновление ресурсов в эколого-экономической зоне и содействовать созданию и развитию промышленного кластера на всей её территории.

(II) Путь управления развитием экологической продукции

Ключевым направлением данного пути управления является разработка экологической продукции, подразумевающая разработку уникальной продукции в эколого-экономической зоне озера Поянху для реализации трансформации ресурсов и управления капиталом. Путь относительно прост, он прямой, с коротким циклом, быстрым эффектом, ориентирован на цель и лучше отражает местные особенности. Однако на ранней стадии требуется большой объем средств и рыночная среда. Кроме того, режим берет в основном рыночную доходность как стандарт оценки ресурсосбережения,

он ограничен использованием текущих цен, и сложно принять экологию за стандарт оценки. Если нет контроля и вмешательства государства, то можно легко запутаться в режиме достижения максимальной выгоды, что может вызвать разбазаривание экологических ресурсов эколого-экономической зоны озера Поянху. Режим применим к региону с относительно полной рыночной средой и выраженными особенностями отрасли.

(III) Путь развития и управления на основе местных традиций и обычаев

В процессе строительства экологической цивилизации не нужно отказываться от традиций и культуры, но следует органично сочетать культурные традиции и обычаи со строительством экологической цивилизации и развивать «экологические традиции и экологическую культуру» в инновационном аспекте. Путь управления берет за основу традиции и обычаи эколого-экономической зоны озера Поянху и сочетает культуру и экономику для осуществления трансформации и модернизации экологических ресурсов. Преимуществом данного пути является надлежащая интеграция региональных ресурсов, систематическое повышение отдачи ресурсов в экологической зоне, что позволяет эффективно пропагандировать местную традиционную культуру и приносить большие социально-экономические выгоды.

(IV) Путь развития через государственно-частное партнерство (ГЧП)

ГЧП подразумевает развитие сотрудничества между государством и социальным капиталом. В 2015 году первая стадия проекта комплексной очистки водной среды бассейна озера Поянху была включена в библиотеку проектов ГЧП Китая. Это помогает осуществить развитие и трансформацию экологических ресурсов озера Поянху за счет социальных фондов. Выбор пути отвечает требованиям местного экономического развития и широко применяется при разработке многих туристических проектов. Его преимущество заключается в значительном повышении эффективности развития, сохранении государственного фонда и обеспечении стабильности и эффективного планирования проекта. Тем не менее следует обратить внимание на проблемы давления со стороны крупного капитала, взаимное сдерживание, не-

хватку гибкости и влияние рыночной монополии вследствие вопросов, возникающих в связи с недостаточно проработанной сферой прав пользования ресурсами. Поэтому путь развития через государственно-частное партнерство – это «палка о двух концах». Ключом к правильному использованию данного пути является ревизия запасов экологического капитала эколого-экономической зоны озера Поянху, поиск правильного пути сотрудничества и развитие беспроблемной ситуации сотрудничества для всех сторон.

Заключение

На основе имеющихся результатов научных исследований данная работа рассматривает режим и путь управления экологическим экономическим капиталом в районе озера Поянху. В целом, чтобы способствовать скоординированному развитию экологичной экономики и экологически безопасной промышленности и сохранению экологической среды, в эколого-экономической зоне озера Поянху необходимо в полной мере развивать экологические ресурсы региона, выбрать оптимальный путь

развития с помощью рыночного режима работы, трансформировать экологические ресурсы зоны в экологический капитал, содействовать экономическому развитию региона для того, чтобы не только защитить «зеленые холмы и прозрачные воды», но и превратить их в «золотые и серебряные горы».

Данная работа расширяет область исследований управления экологическим капиталом и углубляет исследования в области теории экологического капитала, что доказывает определенную теоретическую значимость работы. Кроме того, она исследует режим и путь реализации управления функционированием экологического капитала в эколого-экономической зоне озера Поянху и имеет важное практическое значение как руководство для гармоничного развития экологии и экономики в данной зоне. В то же время исследование представляет полезный опыт для других, особенно менее развитых районов страны, которым необходимо устранить противоречия между экономическим развитием и охраной окружающей среды.

Литература

1. Vogt W. Road to survival. London: Victor Gollancz Ltd, 1948.
2. Smith V.K. Resource evaluation at the crossroads. Resources, 1988, no. 90, pp. 2-6.
3. Smith V.K. Resource evaluation at the crossroads. Resources, 1988, no. 90, pp. 2-6.
4. Pearce D. Tumer R.K. Economics of natural resources and the environment. Baltimore, Johns Hopkins University press, 1990.
5. Sarageldin I. Sustainability and the wealth of nations: first steps in an ongoing journey. Washington DC: World Bank, 1995.
6. De Groot R., Van der Perk J., Chiesura A., Van Vliet A. Importance and threat as determining factors criticality of natural capital. Ecological Economics, 2003, no. 44 (2-3), pp. 187-204.
7. Costanza R., D'Arge R., de Groot R., et al. The value of the world's ecosystem services and natural capital. Nature, 1997, no. 386, pp. 253-260.
8. Aronsson T., Lofgren K.G. Pollution tax design and 'green' national accounting. European Economic Review, 1999, no. 43.
9. Liu Sihua. Theoretical thinking on sustainable development of economy. Economic Research, 1997, no. 3, pp. 46-54.
10. Huang Xingwen, Chen Baiming. Theory and application of regionalization of China ecological assets. Acta Ecologica Sinica, 1999, no. 5, pp. 602-606.
11. Fan Jin, Zhou Zhongmin, Bao Zhenqiang. Research overview on ecological capital. Forecast, 2000, no. 5, pp. 30-35.
12. Zhang JunLian, Li Xianwen. Research progress on evaluation method of ecological assets. China Land Science, 2003, no. 6, pp. 52-55.

13. Niu Xinguo, Yang Guisheng. Ecological capitalization and capital ecologicalization. *Economic Forum*, 2003, no. 3, pp. 12-13.
14. Li Haitao. Ecological capital value based on emergy theory - example of ecological system in Middle Section Forest of Northern Slope of Tianshan Mountains, Fukang City. *Acta Ecologica Sinica*, 2005, no. 6, pp. 1383-1390.
15. Li Zhongmin, Yao Yu. Marxist theory of total social capital reproduction and development of low carbon economy. *Journal of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2010, no. 5, pp. 152-156.
16. Yan Lidong, Chen Guangju, Liu Jialin, Deng Yuanjian. Analysis of component elements of ecological capital. *Journal of Zhongnan University of Economics and Law*, 2010, no. 5, pp. 3-9.
17. Epstein M.J., Roy M.-J. Integrating environmental impacts into capital investment decisions. *Greener Management International*, 1997, no. 17.
18. Anderson T.L. Leal D.R. Environmental capital operation. Translated by Weng Duan. Beijing Tsinghua University Press, 2000.
19. Thamnapillai D.J. Thangavelu S.M. Towards unitary economics valuation of environmental capital for environmental stewardship. *International Journal of Social Economics*, 2004, no. 31.
20. Azqueta D, Sotelsek D. Valuing nature: from environmental impacts to natural capital. *Ecological Economics*, 2007, no. 63.
21. Wang Haibin. Theory and practice of ecological capital and its operation. China Agricultural University, 2005.
22. Yan Lidong, et al. Research on value of ecological capital operation. *China Population, Resources and Environment*, 2011, no. 1, pp. 141-146.
23. Song Xianping, Li Jian. Formation and transcendence of logic of ecological capital – based on Marx’s capital logic. *Yunnan Social Science*, 2011, no. 3, pp. 46-49.
24. Chen Guangju. Agriculture ecological capital operation: connotation, condition and process. *Yunnan Social Science*, 2014, no. 2, pp. 111-115.
25. Chang Longran. Study on ecological capital operation in ecological conservation district of Chongqing Liangjiang New Area. Chongqing: Southwestern University, 2013.
26. Zhang Zhujun. Research on ecological capital and its operation in Poyang Lake. Nanchang University, 2012.
27. He Yiqing, Zhang Yi, Wang Yun. SD simulation research on financial support mode of ecological capital operation in Poyang Lake. *China Soft Science (supplement, part 2)*, 2013, pp. 124-132.
28. Zeng Xiangang, et al. Concept, classification and marketized supply mechanism of ecological products. *China Population, Resources and Environment*, 2014, no. 7, pp. 12-17.
29. Zhang Nairen. Construction of industrial system of ecological water resources operation – taking head of Middle Line Poyanghu City as an example. *Nandu Academic Forum (Journal of Humanities and Social Sciences)*, 2016, no. 3, pp. 110-113.
30. Gao Jixi, et al. Ecological assets capitalization: element composition operation mode policy demand ecological assets capitalization; element composition operation mode policy demand. *Research of Environmental Sciences*, 2016, no. 3, pp. 315-321.

Сведения об авторах

Ли Сяюй – редакция журнала «Enterprise Economy» (Экономика предприятия), Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. Hongdu North Avenue, 649; e-mail: jxlxy@126.com)

Мэн Чжаобо – Школа экономики и менеджмента, Институт технологии Восточного Китая (Китай, провинция Цзянси, г. Фучжоу, ул. Xufu Road, 56; e-mail: 155114872@qq.com)

Статья поступила 04.09.2017.

Li Xiaoyu, Meng Zhaobo

Ecological Capital Operation Mode and Path of Poyang Lake Eco-Economic Zone

Abstract. In recent years, ecological capital has begun to draw the attention of the theoretical circle as a concept by which people enhance their understanding of the importance of ecological resources. Through market-oriented means, people strengthen the ecological capital operation to solve the problem of the deteriorating ecological environment, which also gradually get attention from all sectors of society. However, there are still few scholars to carry out in-depth studies on regional ecological capital from the perspective of operation mode and operation path. This study constructs a ecological capital operation mode of Poyang Lake Eco-Economic Zone and explores a mode operation path with Poyang Lake Eco-Economic Zone as specific object of study. Poyang Lake Eco-Economic Zone has abundant ecological resources, therefore how to convert these ecological resources into ecological capital is the key to achieve green development in Poyang Lake Eco-Economic Zone, and also an important link in Jiangxi's ecological civilization construction. Based on the description of the current situation of ecological resources in Poyang Lake Eco-Economic Zone, this article points out that the ecological capital operation in Poyang Lake Eco-Economic Zone is a way to achieve eco-economic development in this area, so as to realize the preservation and increment of ecological capital. The main bodies of ecological capital operation in Poyang Lake Eco-Economic Zone (government, enterprises and social organizations) should clarify their respective responsibilities, vigorously develop ecological industry, ecological agriculture and ecological service industry, promote the organic integration of these three industries, construct an ecological capital operation benefit feedback mechanism and experience summary mechanism, convert the ecological resources in Poyang Lake Eco-Economic Zone into ecological capital, promote the regional economic development and change the "beautiful scenery" into "treasure and fortune" through the operation mode of marketization and the selection of a reasonable development and operation path. The purpose of this study is to solve the growing contradiction between the economic development and the resource environment contradictions in Poyang Lake Eco-Economic Zone. It also provides reference for other regions, especially the economically underdeveloped regions, to achieve the harmonious development of ecology and economy. In the future, we will strengthen the identification of the ownership of the ecological resources and the accounting of the ecological capital value at the practical level, so as to enhance the operability of the effective operation of ecological capital.

Key words: Poyang Lake Eco-Economic Zone, ecological capital, operation mode, path selection

Information about the Authors

Li Xiaoyu – Editing Department of Enterprise Economy, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, Hongdu North Avenue, Nanchang City, Jiangxi Province, China; e-mail: jxlxy@126.com)

Meng Zhaobo – School of Economics and Management of East China Institute of Technology (56, Xufu Road, Fuzhou City, Jiangxi Province, China; e-mail: 155114872@qq.com)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.15

Социальные инновации: новая инновационная парадигма развития общества Интервью А. Шрёдера, М. Менапаче, А.А. Шабуновой

**Антониус
ШРЁДЕР**

Центр социальных исследований технического университета Дортмунда
Дортмунд, Германия, 44339, Эвингер Плац, д. 17
E-mail: schroeder@sfs-dortmund.de

**Моника
МЕНАПАЧЕ**

Директорат научных исследований и инноваций Европейской Комиссии
Брюссель, Бельгия, 1049
E-mail: monica.menapace@ec.europa.eu

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru

Для цитирования: Социальные инновации: новая инновационная парадигма развития общества. Интервью А. Шрёдера, М. Менапаче, А.А. Шабуновой // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 216-222. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.15

For citation: Social innovation: a new innovation paradigm for social development. An interview with A. Schröder, M. Menapace and A. Shabunova. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 216-222. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.15

Наиболее актуальные и важные инновации в XXI веке произойдут в социальной сфере. Это открывает для общественных наук возможности и указывает на необходимость поиска новых ролей и актуальных тем с выработкой знаний, применимых к новой динамике и структурам современного и будущего общества.

Венская декларация: Наиболее актуальные темы социальных исследований, 2011 г.

В последние годы социальные инновации стали предметом большого количества исследований в европейском научном сообществе. Это обусловлено тем, что существующая «технологически ориентированная парадигма, сформированная индустриальным обществом, не охватывает широкий спектр инноваций, необходимых для перехода от промышленного к основанному на знаниях и услугах обществу...»¹ В современном мире реальностью является уже не природа, как раньше, и не техника, как сегодня, а «социальный мир, переживаемый через взаимное осознание себя и других [людей]»². Совершенно очевидно, что «такие фундаментальные социальные изменения требуют включения социальных инноваций в парадигмальное смещение инновационной системы»³.

Роль социальных инноваций в обществе еще предстоит оценить. Но уже сегодня мы видим, что они оказывают все большее влияние на жизнь людей, влияют на то, как все мы, общество, живем и работаем, как справляемся с кризисами, как используем наши возможности. Растет и понимание ученых, исследователей, политиков и бизнесменов, что только лишь с помощью технологических или бизнес-инноваций вряд ли удастся преодолеть социальные, экономические и экологические проблемы, с которыми сталкивается современное общество. Количество инициатив в области социальных инноваций во всем мире увеличивается, и это говорит о необходимости углубленного теоретического и эмпирического осмысления этого явления.

¹ Венская декларация: Наиболее актуальные темы социальных исследований, 2011 г.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Изд. дом: Basic Books, 2001.

³ Венская декларация: Наиболее актуальные темы социальных исследований, 2011 г.

За последние десятилетия был совершен определенный прорыв в исследованиях социальных процессов. Значительную роль в этом прорыве, как нам представляется, сыграло масштабное международное исследование SI-DRIVE («Социальные инновации: движущие силы социальных изменений»). Это крупнейший проект 7 Рамочной программы научных исследований и технологического развития Евросоюза, стартовавший в 2014 году. Важной задачей исследования стало теоретическое осмысление осуществляемых социальных инноваций.

Основная цель проекта – расширение научных знаний в трех направлениях:

- интеграция теорий и научно-исследовательских методологий в целях лучшего понимания сущности социальных инноваций для построения всесторонней парадигмы инноваций;
- выявление и анализ социальных инноваций в Европе и в мире и изучение социальных, экономических, культурных и исторических аспектов данных процессов в восьми регионах мира;
- обеспечение органов власти и управления данными, полученными на основе всестороннего анализа и проведения ситуационного исследования в рамках семи областей политики (образование, занятость, окружающая среда, здоровье и здравоохранение, транспорт и мобильность, сокращение уровня бедности, энергоснабжение).

В проекте SI-DRIVE участвовали международные университеты, инновационные центры и научные организации из 30 стран мира⁴. Единственным российским участником в этом проекте стал Вологодский научный центр РАН. Российские ученые наравне с европейскими включились в формирование теории социальных инноваций. Изучение отечественного опыта в области имеющихся практик социальных инноваций, выявление драйверов и барьеров их развития в рамках международного проекта позволяет говорить о возможности успешной

⁴ Германия, Австрия, Болгария, Великобритания, Канада, Египет, Россия, Швеция, Турция, Литва, Италия, Хорватия, Колумбия, Индия, Нидерланды, Австралия, Чили, Испания, Румыния, ЮАР, Китай, Чехия, Таиланд, Новая Зеландия, Франция, Ирландия, Дания, США, Южная Корея, Бельгия.

интеграции российской социально-гуманитарной науки с глобальными научно-технологическими процессами.

Одним из результатов проекта SI-DRIVE стала подготовка международным коллективом ученых монографии «Атлас социальных инноваций – новые практики для лучшего будущего», которая будет издана в 2018 году. Атлас состоит из четырех разделов: теоретические основы социальных инноваций как глобальной тенденции, анализ социальных инноваций в различных странах и в разрезе семи областей политики, будущее социальных инноваций как способа решения глобальных вызовов. Все материалы, изложенные в книге, будут размещены на специально созданной веб-платформе www.socialinnovationatlas.net. На этом интернет-ресурсе в интерактивном режиме можно будет посмотреть примеры действующих социальных инноваций или предложить новые.

Эти и другие результаты крупнейшего международного проекта SI-DRIVE обсуждались на заключительной конференции «Социальные инновации – исследования и политика будущего: навстречу комплексной инновационной политике», проходившей 24–26 октября 2017 года в Брюсселе. О том, что такое социальные инновации, каковы итоги проекта SI-DRIVE, какое участие в проекте принимали ученые из Вологодского научного центра РАН и каково будущее социальных инноваций, мы поговорили после конференции с координатором проекта SI-DRIVE профессором Дортмундского университета Антониусом Шрёдером, с сотрудником Директората научных исследований и инноваций Европейской Комиссии Моникой Менапаче и врио директора ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» доктором экономических наук Александрой Анатольевной Шабуновой.

Что такое социальные инновации и почему вопрос их изучения так важен?

А. Шрёдер. В рамках проекта мы попытались раскрыть определение этого понятия. Если сказать кратко, то это инновации, цели и средства которых имеют социальную направленность. Расширенное определение звучит следующим образом: новые практики социального действия с целью лучшего решения проблем, чем это возможно с использованием

существующих практик. Инновация является социальной в той мере, в какой она меняет социальное действие и принимается и распространяется в обществе. В зависимости от обстоятельств социальных изменений, интересов политики и власти социальные идеи и успешно реализованные социальные инновации могут быть преобразованы и в конечном итоге институционализированы как регулярные социальные практики. После окончания такого жизненного цикла, когда инновация становится стандартной, могут возникнуть новые потребности и соответствующие им дальнейшие социальные инновации. Можно дать и другое определение: это деятельность организаций с целью улучшения качества жизни социально уязвимых категорий населения путем предоставления им возможностей участвовать в экономической и социальной, культурной и политической жизни. Думаю, что сегодня, когда мы сталкиваемся с глобальными изменениями, которые ставят перед нами серьезные экологические, экономические и социальные вопросы, компании не могут достичь устойчивого роста и быть конкурентоспособными без этой социальной компоненты.

А. Шабунова. Сегодня мы понимаем, что без учета социальных изменений вряд ли возможно внедрение новых инновационных моделей. Однако, прежде чем разрабатывать и внедрять социальные инновации, необходимо всесторонне изучить процессы их возникновения и развития. Обширный теоретический и практический материал, положенный в основу стратегии, делает ее надежной и представляющей большой практический интерес для общества.

Насколько новой является тема социальных инноваций для европейских исследователей?

А. Шрёдер. 10 лет назад термин «социальные инновации» практически не был известен широкому научному сообществу. Последние 5–6 лет им стали уделять большое внимание. Они были темой исследований в различных проектах. Сегодня мы наблюдаем, что это явление находится на повестке дня европейских политиков и общественных деятелей, молодых предпринимателей и состоявшихся бизнесменов, университетов и научных сообществ, инвесторов, то есть всех заинтересованных сторон, желающих найти ответы на главные

вопросы, которые стоят перед всеми жителями нашей планеты. Да, были и другие проекты, изучавшие социальные инновации, но все они имели специфическую направленность. Так, например, CrESSI фокусировался на маргинализированных и бесправных гражданах, SIMPACT оценивал экономический аспект социальных инноваций для таких групп общества. В SI-DRIVE мы постарались охватить весь спектр социальных инноваций и создать широкую общемировую картину этого явления. Теоретическое осмысление социальных инноваций — именно в этом и состоит уникальность проекта SI-DRIVE.

М. Менапаче. Несколько лет назад, в 2012–2014 гг., Европейская Комиссия поддержала несколько программ, посвященных исследованиям социальных инноваций с разных точек зрения, например социального предпринимательства, которое также можно рассматривать как часть социальных инноваций. Проект SI-DRIVE поддерживается Еврокомиссией, потому что мы понимаем многогранность этого явления, необходимость уточнения его содержания с теоретической точки зрения, сопоставления различных практик и их вклада в развитие общества. В этом отношении данный проект дополняет другие программы, которые мы поддерживали. Все наши проекты в области социальных инноваций в настоящее время рассматриваются экспертами и скоро появится обзор самых интересных результатов из разных проектов. Затем можно будет оценить, каким образом лучше продолжать поддержку исследований социальных инноваций.

Какие примеры успешных социальных инноваций Вы можете привести?

А. Шрёдер. Для исследования в SI-DRIVE мы отобрали 1007 кейсов из разных стран, поэтому примеров очень много. Так, бельгийская компания «Crossics» выпускает книги и мобильные приложения в картинках для иммигрантов, чтобы снять языковой барьер между ними и врачами. Британская благотворительная организация «Beyond Food Foundation» вместе с лондонским рестораном Brigade дает возможность бездомным и социально уязвимым людям пройти стажировку и трудоустроиться. В Нидерландах есть модный бренд Granny's Finest — под этим брендом продаются вязаные изделия, производимые людьми старше 55 лет.

А. Шабунова. В России также есть примеры очень удачных проектов. Проект «Мама работает» оказывает помощь и поддержку женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком; проект «Повышение компьютерной грамотности людей пожилого возраста», действующий в Вологодской области в рамках инновационной практики «Забота», помогает пожилым людям лучше адаптироваться к условиям современной жизни, освоить основы компьютерных технологий, научиться пользоваться государственными информационными ресурсами с помощью Интернета; проект «Город профессий 360+» в Тюменской области дает возможность студентам определиться с будущей профессией путем представления реальных технологических и лабораторных объектов и бизнес-процессов в виртуальном пространстве. Научно-образовательный центр ВолНЦ РАН является хорошим примером социальных инноваций в российской образовательной системе. Он был создан с целью подготовки высококвалифицированных кадров для науки, экономики и органов власти в регионе. Обучение здесь начинается с детей школьного возраста и заканчивается аспирантами ВолНЦ РАН, формируя таким образом непрерывную многоуровневую систему.

Какова была цель проекта SI-DRIVE, для чего он задумывался?

А. Шрёдер. В первую очередь проект SI-DRIVE был направлен на углубление наших знаний о социальных инновациях как движущей силе социальных изменений. Понимание социальных инноваций приводит к более продуманным и целенаправленным мерам поддержки со стороны законодателей, а также к повышению эффективности внедрения и расширения социальных инноваций. Эти знания помогут создать фундамент для политических решений ЕС, международных организаций и политиков.

Каковы основные результаты проекта?

А. Шрёдер. Мы все осознаем, что в ближайшие десятилетия европейскому обществу предстоит пройти глубокие преобразования. Сила и потенциал социальных инноваций свидетельствует о том, что именно они помогут нам справиться с социальными вызовами. В материалах проекта SI-DRIVE мы обобщили теоретические и эмпирические результаты исследований,

подготовили обзор разных типов социальных инноваций в регионах мира и основных направлений политики (образование, занятость, окружающая среда и экология, энергоснабжение, транспорт и мобильность, здравоохранение и социальная помощь, а также сокращение уровня бедности). Данные материалы будут отражены в монографии «Атлас социальных инноваций – новые практики для лучшего будущего» и на специальной веб-платформе, созданной в рамках проекта. Этот программный продукт позволит показать разнообразие, масштабы распространения социальных инноваций, доказывающих эффективность деятельности социальных инноваторов.

Существуют ли какие-то особенности развития социальных инноваций в России?

А. Шабунова. В отличие от развитых стран Европы, где ключевую роль играет гражданское общество, в России особое значение в распространении социальных инициатив придается органам власти, которые, понимая важность их развития, стимулируют процессы социальной активности в приоритетных для государства направлениях. Основными барьерами на пути развития социальных инноваций в этом случае являются ограниченность финансовых возможностей и пониженная активность гражданского общества. В результате одним из главных проводников социальных инноваций становится социальное предпринимательство, сочетающее в себе как социальные, так и экономические цели. При этом отсутствие понятных «правил игры» (институтов) затрудняет развитие социальных инноваций, нуждающихся в прочной юридической базе, а также зачастую приводит к субъективному выбору государственных структурами тех организаций, которым оказывается поддержка (финансовая, образовательная, консультационная, инфраструктурная, информационная и т.д.).

Тем не менее с каждым годом в России создается все большее число проектов социальных инноваций. Запрос общества на изменения значительный, что в условиях низкой эффективности государства в решении острых социальных проблем подталкивает людей к участию в общественно полезной деятельности. Особую роль в данном процессе играет личность. Многие про-

екты создавались и продолжают функционировать на альтруистических началах, а их развитие напрямую зависит от целеустремленности лидера и сплоченности его команды. При этом определяющим фактором выживания социальных инициатив остается финансовая устойчивость проекта.

Результаты, полученные по проекту SI-DRIVE, совпали с ожиданиями создателей проекта и Еврокомиссии?

А. Шрёдер. В общем совпали, но были и удивительные открытия в проекте. Одна из главных неожиданностей заключалась в том, что университеты и исследовательские центры практически не участвуют в развитии социальных инноваций, хотя в технологических инновациях именно они являются драйверами. В то же время меня очень поразила высокая вовлеченность компаний в создание успешных практик социальных инноваций. У нас были какие-то теоретические представления в начале работы над проектом, но сейчас мы получили более четкую картину уже с эмпирическими данными, которые имеют большую ценность.

М. Менапаче. Думаю, что да. Ценность SI-DRIVE заключается в его взаимодействии с другими проектами, которые поддерживает Еврокомиссия, и в создании сообщества социальных инноваций. Это необычно, мы редко наблюдаем такие спонтанные действия в наших проектах. Поэтому я считаю, что SI-DRIVE имеет важное значение не только в научном аспекте, но и представляет дополнительную ценность во многих отношениях. Мне было приятно наблюдать за его развитием и за созданием сообщества социальных инноваций.

Могут ли результаты проекта SI-DRIVE применяться на практике, например, в управлении?

А. Шрёдер. Применение результатов на практике является одним из направлений нашей работы. У нас есть примеры по внедрению социальных инноваций в национальную повестку дня в Германии и в Литве. Безусловно, научные результаты должны быть использованы в социальной практике на национальном и международном уровне. Здесь очень важно работать в сотрудничестве с разными странами.

М. Менапаче. В наших проектах мы стараемся поддерживать междисциплинарность, вовлекать все заинтересованные стороны, поэтому наш проект показал отличные научные результаты. Однако недостаточно иметь хорошие фундаментальные знания, наши проекты должны доказать, что они могут взаимодействовать с различными стейкхолдерами, находить новых участников, которые будут реализовывать результаты на другом уровне.

Возможно ли участие российских ученых в подобных программах в будущем?

А. Шабунова. Российские кейсы в SI-DRIVE изучались учеными Вологодского научного центра РАН в течение ряда лет. Хотя исследования в проекте подошли к концу, мы договорились с нашими международными партнерами о проведении в 2018 году в Вологде на базе ВолНЦ РАН семинара, а в 2019 году – конференции по социальным инновациям в России.

А. Шрёдер. Хочу отметить, что сотрудничество с российскими партнерами внесло новые перспективы в развитие проекта. Во время моих поездок в Россию, меня поразили примеры социальных инноваций и в самой Вологде. Привлечение гражданского общества для озеленения города, решение проблемы «цифрового разрыва» между старшим поколением и молодежью с помощью студентов – это замечательные примеры социальных инноваций. Вы нашли способ создать новые проекты для решения существующих проблем и сделать эти решения основательными. У нас есть хороший опыт в Дортмунде с муниципалитетом города и государственными административными органами. Они только предоставляют площадку, организуют встречи и таким образом помогают людям найти единомышленников, что-

бы затем вместе анализировать проблемы. Я считаю, что в Вологде есть потенциал для создания хорошей площадки с целью развития социальных инноваций, например, как в Дортмунде. В дальнейшем мне бы хотелось видеть в наших программах российских партнеров, ведь благодаря им я осознал, что существует другая перспектива, которая дает возможность учиться друг у друга.

М. Менапаче. Как член Еврокомиссии хочу сказать, что мы поддерживаем международное сотрудничество. Россия и российские исследователи тоже могут принять участие в дальнейших проектах, например в программе Горизонт-2020. Наши программы финансирования открыты для государств-членов ЕС, но мы поощряем сотрудничество и со странами, не входящими в его состав. Такое участие всегда приветствуется, а иногда, в зависимости от конкретной темы, даже настоятельно рекомендуется. Поэтому я приглашаю российских ученых внимательно следить за нашей программой Горизонт-2020, а также внести вклад в разработку следующей рамочной программы.

Материалы, полученные в результате международного исследования в рамках проекта SI-DRIVE, легли в основу политической декларации «SI-DRIVE: Рост социальных инноваций – Вызовы для будущей инновационной политики». Она представляет множество подходов и успешных инициатив, иллюстрирующих, по словам профессора Дортмундского университета Юргена Ховальда, силу и потенциал социальных инноваций. Именно они помогут справиться с новыми вызовами, которые стоят перед человечеством, и открыть новые пути, которые позволят людям жить более полной и насыщенной жизнью.

Интервью подготовили
сотрудники ВолНЦ РАН

О.В. Третьякова,
к. филол. н, зав. отделом,

А.В. Попов,
младший научный сотрудник

С.Л. Неустроева,
младший научный сотрудник

Сведения об авторах

Антониус Шрёдер – старший научный сотрудник, Центр социальных исследований технического университета Дортмунда (Германия, 44339, г. Дортмунд, Эвингер Плац, д. 17; e-mail: schroeder@sfs-dortmund.de)

Моника Менапаче – сотрудник Директората научных исследований и инноваций Европейской Комиссии (Бельгия, 1049, г. Брюссель; e-mail: monica.menapace@ec.europa.eu)

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, зам. директора, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Статья поступила 15.11.2017.

Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development. An Interview with A. Schröder, M. Menapace and A. Shabunova

The interview was prepared by
researchers of Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences

Ol'ga V. Tret'yakova,
Ph.D. in Philology, Department Head

Andrei V. Popov,
Junior Researcher

Svetlana L. Neustroeva,
Junior Researcher

Information about the Authors

Antonius Schröder – Senior Research Associate, Social Research Centre, Dortmund University of Technologies (17, Evinger Platz, Dortmund, 44339, Germany; e-mail: schroeder@sfs-dortmund.de)

Monica Menapace – Research Programme Officer, EC Directorate-General for Research and Innovation (Brussel, Belgium; e-mail: monica.menapace@ec.europa.eu)

Aleksandra A. Shabunova – Interim Director, Doctor of Economics, Associate Professor, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.16

© Печенская М.А.

Усиление субфедерального звена управления как важнейший фактор формирования экономики инноваций

Рецензируется: **Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления:**

монография / колл. авт.; отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: ИЭ РАН, 2015. 290 с.

Мария Александровна

ПЕЧЕНСКАЯ

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: marileen@bk.ru

Наступило время, когда вполне очевидной стала объективная невозможность позитивного выравнивания уровней социально-экономического развития территорий, создания новых точек устойчивого экономического роста, оптимизации миграционных потоков и решения других задач политики регионального развития в условиях экономики транзакционного, сырьевого типа. Долгожданное структурное изменение произойдет только под действием инновационной модернизации, открывающей дополнительный источник развития тем российским регионам, которые находятся в застое

или даже в деградации. Но пассивное принятие курса на инновационную модернизацию не даст желаемых подвижек. Становление в России инновационно ориентированной модели экономики требует от органов управления различного уровня активных шагов по применению всего арсенала инструментов, способствующих такому радикальному переходу.

Важная роль в данном случае отводится тем институтам и инструментам развития, которые отвечают специфике условий модернизации в экономике разнородных российских регионов. Это говорит о том, что надежным гарантом пе-

---

Для цитирования: Печенская М.А. Усиление субфедерального звена управления как важнейший фактор формирования экономики инноваций (рецензируется: Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления: монография / колл. авт.; отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: ИЭ РАН, 2015) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 223-226. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.16

For citation: Pechenskaya M.A. Enhancing the sub-federal management link as a crucial factor in the formation of an innovation economy (a review of the book: Bukhval'd E.M. (Ed.). Priorities of Modernization and the Increasing Role of the Sub-Federal Level of Management: Monograph. Moscow: IE RAN, 2015). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, p p. 223-226. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.16

перехода к инновационной модели экономического развития может быть только переход к качественно новому этапу федеральной региональной политики. Не секрет, что государственная региональная политика должна быть вариативной, гибкой, адаптируемой. Однако, для того чтобы тот или иной регион принял активное участие в модернизации отечественной экономики, нужны соответствующие полномочия. Поэтому не может не радовать стремление федерального центра к децентрализации полномочий. В то же время далеко не все полномочия имеют антицентробежную силу. В большей степени это касается финансовой подпитки делегирования тех или иных функций. Получается, что расходный функционал региональных органов власти растет, а экономический потенциал, который обеспечивает его покрытие, – нет. Периодически в экспертных кругах обсуждается проблематика экономического выравнивания территорий, которое пока еще проигрывает бюджетному выравниванию.

Уже заглавие монографии настраивает читателя на поиск ответа на вопрос о том, как усилить роль регионов в системе государственного управления. И вполне оправданно авторы посвящают отдельную главу исследованию регионального потенциала: финансового, инвестиционного, социального, земельно-имущественного, инфраструктурного. Структура раздела, который так и называется – «Повышение эффективности использования ресурсного потенциала регионального развития», – четкая и последовательная. Читателю сначала предлагается понять существующее состояние каждого вида потенциала и назревшие проблемы, а затем представляется авторское видение скрытых возможностей. Такой подход усиливает внимание читателя к тексту монографии, способствуя осуществлению идеи авторского коллектива передать результаты исследований специалистам, изучающим различные аспекты модернизации экономики государства. В рамках этой книги потенциал рассматривается как система внутренних, скрытых возможностей, что предопределяет сложности с его формализацией и оценкой. На этот счет приведем следующий пример, затрагивающий финансовый потенциал региона. Авторы остановились только на тех его составляющих, которые традици-

онно измеряются исключительно в денежном выражении. К ним относятся объем бюджетных ресурсов, депозиты юридических и физических лиц в банковской системе, активы банковского сектора.

Принципиально важным является исследование видов потенциалов в различных регионах нашей страны. Так, меры по снижению напряженности на рынке труда рассматриваются на примере Московской области, эффективность молодежной политики – Северо-Кавказского федерального округа. Нельзя не отметить, что практически в каждой главе, посвященной тому или иному виду ресурсного потенциала, отмечается высокая региональная поляризация. Авторы главы о социальном потенциале сходятся во мнении, что дифференциация регионов по уровню развития социального потенциала практически не меняется с 2012 года. Констатируется, что чуть более 20% населения России живет в социально благополучных регионах (в том числе 8% в Москве), около 10% – в регионах с очень низким социальным потенциалом, а более 2/3 – в отстающих регионах и регионах со средним уровнем социального развития.

Хотелось бы в знак солидарности с авторскими выводами и для усиления их звучания поделиться на этих страницах некоторыми нашими расчетами, касающимися региональной дифференциации. Так, разница между регионами с минимальным и максимальным значениями валового регионального продукта на душу населения в 2000 году составляла 26,5 раза, в 2016 году – 27,8 раза. В силу неравномерного распределения экономической активности более половины налоговых и неналоговых доходов территорий мобилизовалось в 11 наиболее богатых регионах России. В то время как 2/3 населения страны проживает в регионах с гораздо более скромными бюджетными возможностями. Поэтому если сопоставить минимальные и максимальные значения подушевых собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, то в 2000 году эти значения составят 64,8 раза, в 2016-м – 47,1 раза¹. При этом, несмотря на массивные бюджетные вливания, заметного снижения степени регио-

¹ Приведенные значения рассчитаны по данным отчетности Казначейства России и Росстата.

нальной экономической дифференциации не происходит. Не случайно в монографии, исследующей приоритеты модернизации, особое внимание уделяется экономической дифференциации регионов. В связи с этим одним из приоритетов модернизации обоснованно называется обеспечение оптимизации межрегиональной дифференциации путем поиска оптимальных пропорций и инструментов выравнивания социально-экономического развития регионов. С одной стороны, масштабная политика перераспределения порождает сильные иждивенческие настроения. С другой стороны, опережающее развитие наиболее сильных регионов способствует росту эффективности всей экономики страны, но увеличивает территориальные диспропорции, а значительное выравнивание путем перераспределения ресурсов от сильных регионов к слабым замедляет рост в целом и снижает эффективность экономики.

К особо значимым приоритетам авторы относят также развитие методологических основ стратегического регионального планирования. Хотя закон о стратегическом планировании принят в 2014 году², до сих пор остаются нерешенными многие вопросы. Выделяя этот приоритет модернизации в особо значимый в современных условиях больших вызовов и угроз, авторы посвящают ему заключительное слово.

При этом они отмечают 5 ключевых предпосылок для определения приоритетов политики регионального развития, формирование которых требует серьезной научной проработки:

1. Разработка стратегии пространственного развития страны.
2. Выход на качественно новый уровень подготовки документов стратегического планирования вместо презентационных материалов и манифестов.
3. Преодоление неизвестности об экономической базе стратегического планирования регионального развития.
4. Согласование и целевое регулирование пространственного среза действующих государственных программ.
5. Приведение в системный вид институтов развития.

Переход российской экономики на инновационный путь невозможен без развития региональных экономик. Исследования многих ученых показали, что успех формирования экономики инноваций зависит не только от объема финансовых ресурсов. Для этого необходимы также заинтересованность бизнеса, наличие квалифицированной рабочей силы и повышение роли науки как в самом народном хозяйстве, так и в государственном управлении.

Литература

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Эффективность государственного управления. Тенденции рыночных преобразований. Частный капитал. Кризис бюджетной системы. Стратегия-2020: проблемы реализации. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 185 с.
2. Печенская М.А., Ускова Т.В. Межбюджетное распределение налогов в России: концентрация полномочий или децентрализация управления // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 875-886.
3. Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления: монография / колл. авт.; отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: Институт экономики РАН, 2015. 290 с.

Сведения об авторе

Мария Александровна Печенская — кандидат экономических наук, зав. лабораторией, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru)

Статья поступила 15.12.2017.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

Pechenskaya M.A.

**Enhancing the Sub-Federal Management Link as a Crucial Factor
in the Formation of an Innovation Economy**

**A Review of the Book: Bukhval'd E.M. (Ed.). *Priorities of Modernization
and the Increasing Role of the Sub-Federal Level of Management: Monograph.***

Moscow: IE RAN, 2015. 290 p.

Information about the Author

Mariya A. Pechenskaya – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru)

В разделе «Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества» представлены результаты регулярных социологических опросов, проводимых ВолНЦ РАН на территории Вологодской области. Эти данные публикуются в нашем журнале начиная с марта 2009 г. (с выпуска № 1(5)) как составная часть статьи от главного редактора.

С октября 2017 г. (с № 5, том 10) «Мониторинг общественного мнения» публикуется как приложение к очередному номеру в качестве справочной информации об основных тенденциях социального самочувствия жителей региона.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в декабре 2017 – феврале 2018 г., а также в среднем за последние 6 опросов (апрель 2017 – февраль 2018 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011-й (последний год президентства Д.А. Медведева) годы. С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

В декабре 2017 – феврале 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (68–69%), что соответствует среднегодовому значению показателя за 2015–2017 гг. Доля негативных оценок деятельности главы государства за последние два месяца также не изменилась и составила 19–21%.

Уровень поддержки Председателя Правительства РФ в декабре 2017 – феврале 2018 гг. составил 48–50%, что незначительно ниже, чем в 2014–2016 гг. (52–58%). Доля негативных суждений остается стабильной с июня 2017 г. (30–32%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsc.ac.ru/>.

Для справки: по данным ВЦИОМ доля положительных оценок деятельности Президента в целом по стране в декабре 2017 – январе 2018 г. не изменилась и составила 83–84% (удельный вес негативных суждений – 10–11%).

Уровень поддержки Председателя Правительства с декабря по январь снизился на 3 п.п. (с 54 до 51%), при этом удельный вес отрицательных характеристик остается стабильным – 32–33%.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	64,1	69,1	67,8	67,3	63,6	67,5	69,7	68,3	68,9	68,7	67,8	0	+9	-8
Не одобряю	11,5	25,6	22,3	17,5	18,8	20,0	23,6	19,3	17,3	19,4	19,3	20,8	20,0	+1	-6	+8
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	54,2	58,1	52,3	49,5	47,5	47,9	49,7	51,5	49,9	48,3	49,1	-3	-10	-
Не одобряю	-	24,7	27,6	21,7	27,6	31,1	32,8	32,1	30,9	29,9	31,3	30,8	31,3	+4	+7	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	40,1	39,3	37,7	39,8	36,7	40,6	42,3	40,8	39,4	39,3	39,9	+2	-6	-16
Не одобряю	22,2	30,5	38,9	36,2	39,3	39,3	41,1	38,9	38,7	39,2	40,1	37,9	39,3	0	+9	+17

* Вопрос задается с 2008 г.

Существенных изменений в оценке успешности решения Президентом ключевых проблем страны за последние два месяца не произошло:

- доля людей, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, составляет 55–57%;
- по наведению порядка в стране – 51–52%;
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – 43%;
- по подъему экономики и росту благосостояния населения – 31%.

Следует отметить, что в феврале 2018 г. незначительно уменьшилась доля людей, считающих неуспешными действия Президента по решению материальных проблем населения (на 3 п.п., с 56 до 53%), однако данное направление работы главы государства по-прежнему находит наименьшую поддержку среди населения.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
	2016	2011	2007													
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	50,4	51,7	51,2	55,7	52,4	55,3	58,1	57,6	56,5	55,2	55,9	+5	+10	-3
Не успешно	24,9	33,7	32,4	31,3	29,9	26,8	27,7	25,8	26,1	26,3	28,3	26,9	26,9	-3	-7	+2
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	118,0	120,4	121,3	129,0	124,7	129,5	132,0	131,3	128,3	128,3	129,0	+8	+17	-4
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	48,0	50,2	49,2	50,6	47,3	49,9	52,0	52,7	52,0	50,9	50,8	+2	+14	-2
Не успешно	34,0	50,0	39,1	37,9	36,7	36,1	38,8	35,8	35,6	35,1	34,6	32,7	35,4	-1	-15	+1
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	108,9	112,3	112,6	114,5	108,5	114,1	116,4	117,6	117,4	118,2	115,4	+3	+29	-4
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	37,5	40,4	36,6	40,3	36,8	39,1	41,7	42,5	43,3	42,8	41,0	+4	+9	-3
Не успешно	37,0	48,3	45,4	41,5	44,3	40,2	43,5	39,7	38,8	38,3	39,3	38,7	39,7	-5	-9	+3
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	92,1	99,0	92,3	100,2	93,3	99,4	102,9	104,2	103,9	104,1	101,3	+9	+17	-6
Подъём экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	34,8	34,2	27,2	29,3	25,8	28,5	31,3	32,3	31,6	31,0	30,1	+3	-1	-17
Не успешно	39,1	56,1	53,4	52,3	59,4	56,9	57,3	57,2	55,9	55,3	56,3	53,7	56,0	-3	0	+17
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	81,4	81,8	67,8	72,4	68,5	71,3	75,4	77,0	75,3	77,3	74,1	+6	0	-34

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения в декабре 2017 – феврале 2018 г. остается стабильной: уровень поддержки «Единой России» составляет 38%, что незначительно выше, чем в 2016–2017 гг. (35%), ЛДПР – 10–12%, КПРФ – 7–8%, «Справедливой России» – 4%.

40% жителей области считают, что ни одна из основных политических партий не выражает их интересы или затрудняются в выборе своих политических предпочтений (в декабре 2017 г. их было 37%), с окончательным числом избирателей, которые примут участие в главных выборах страны.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт		2011		Выборы в ГД РФ 2011 г., факт		2014	2015	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт		2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
		2016	2011	2007																			
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	32,8	38,8	35,4	38,0	34,7	31,8	33,8	35,2	35,6	37,9	38,4	35,5	0	+4	+5				
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,6	6,2	10,4	21,9	11,0	10,7	11,1	10,9	11,5	11,6	10,1	11,0	+1	+3	+3				
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	9,7	7,1	8,3	14,2	7,6	6,2	8,5	8,0	7,3	8,1	7,1	7,5	-1	-3	+1				
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	3,5	3,6	4,2	10,8	4,8	4,8	5,1	5,8	4,5	4,3	3,5	4,7	0	-1	-3				
Другая	1,8	–	1,9	–	0,3	0,2	0,3	–	0,5	0,5	0,3	0,4	0,8	1,1	0,9	0,7	0	-1	-1				
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,4	31,8	29,4	–	29,2	34,8	29,1	26,1	26,2	28,5	28,8	28,9	0	0	+11				
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	11,7	12,2	12,0	–	12,2	11,2	12,1	13,7	14,1	8,6	11,1	11,8	0	-1	-9				

С октября 2017 г. остается стабильной доля людей, характеризующих своё повседневное настроение как «нормальное, прекрасное, ровное» (69–71%), а также удельный вес тех, кто считает, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть» (74–77%).

Структура социальной самоидентификации за последние два месяца также не изменилась: 41% людей причисляет себя к категории иц «среднего достатка», 46% – к «бедными и нищим».

В феврале 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. отмечается незначительное увеличение индекса потребительских настроений, что свидетельствует о росте оптимистических ожиданий населения относительно развития экономической ситуации в стране и своего личного материального положения (на 2 пункта, с 87 до 89 п.). Это выше, чем в 2015–2017 гг. (77–85 п.), однако по-прежнему ниже отметки в 100 пунктов, что говорит о преобладании в обществе негативных прогнозов на будущее.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	69,4	68,7	68,0	70,4	68,6	71,0	73,8	71,0	70,5	68,6	70,6	+3	+7	+7
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	24,9	25,9	26,2	24,2	25,5	23,2	21,2	22,8	24,0	23,4	23,4	-3	-6	-4
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	80,8	78,4	78,0	77,7	77,3	78,7	80,5	74,4	77,1	76,2	77,4	-1	+3	+3
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	12,6	14,5	15,6	15,8	16,4	14,8	13,5	17,5	16,2	16,3	15,8	0	0	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,2	38,7	42,1	43,1	42,8	43,5	45,2	43,0	41,7	41,2	42,9	+1	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	49,1	50,7	49,0	46,6	47,3	43,2	45,8	48,8	47,1	46,2	46,4	-3	+2	+4
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	87,6	77,1	77,7	84,6	80,8	84,3	86,2	86,7	87,3	89,2	85,8	+8	-4	-20
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»																

В декабре 2017 – феврале 2018 г. улучшение социального настроения отмечается только в одной социально-демографической категории – среди лиц в возрасте старше 55 лет (на 5 п.п., с 61 до 66%).

В 7 из 14 социально-демографических категорий доля людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, уменьшилась, причем в некоторых группах – весьма существенно. Так, например, за последние два месяца среди лиц в возрасте до 30 лет доля положительных оценок социального настроения снизилась на 8 п.п. (с 82 до 74%); среди людей со средним специальным образованием – на 6 п.п. (с 75 до 69%); среди людей в возрасте от 30 до 55 лет, а также среди тех, кто по самооценкам доходов относится к 20% наиболее обеспеченных слоев населения, – на 4 п.п. (с 73 до 69% и с 86 до 82% соответственно).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа
«Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	68,9	69,5	68,8	70,6	67,6	72,5	74,6	71,3	70,8	71,0	71,3	+3	+7	+5
Женский	61,7	62,0	69,8	68,0	67,4	70,2	69,4	69,9	73,1	70,8	70,3	66,6	70,0	+3	+8	+8
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,1	77,1	76,4	78,1	80,5	75,4	80,1	79,4	82,2	74,2	78,6	+2	+9	+7
30-55 лет	64,8	62,5	69,5	67,2	67,4	71,5	70,1	72,0	75,9	71,4	73,1	68,8	71,9	+4	+9	+7
Старше 55 лет	54,8	58,3	65,4	65,5	64,0	64,9	60,4	67,4	67,8	66,4	61,4	65,6	64,8	+1	+7	+10
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	62,5	63,6	62,1	63,6	64,9	65,8	65,2	63,3	61,2	60,5	63,5	+1	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	70,4	70,1	68,4	72,0	69,3	70,2	76,7	73,3	75,0	68,9	72,2	+4	+9	+8
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	76,2	72,7	74,3	75,8	71,7	78,0	79,1	77,1	75,6	77,9	76,6	+2	+8	+8
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	50,8	51,8	52,5	52,9	49,1	57,1	58,1	57,9	50,7	47,7	53,4	+1	+8	+2
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	72,3	71,0	69,4	72,0	70,6	72,9	73,7	71,7	72,0	70,3	71,9	+2	+7	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	84,8	82,0	80,9	83,7	79,9	81,3	86,4	82,1	86,2	82,2	83,0	+2	+8	+8
Территории																
Вологда	63,1	67,1	76,4	73,9	69,9	72,6	70,6	74,0	77,0	74,0	72,2	71,0	73,1	+3	+6	+10
Череповец	68,1	71,2	76,3	70,6	71,7	75,7	74,1	76,1	77,9	76,9	75,2	71,5	75,3	+4	+4	+7
Районы	61,6	57,1	61,8	64,6	64,8	66,1	64,3	66,6	69,7	66,1	66,9	65,6	66,5	+2	+9	+5
Область	63,6	63,1	69,4	68,7	68,0	70,4	68,6	71,1	73,8	71,1	70,5	68,6	70,6	+3	+8	+7

Заключение

Как показывают результаты наших социологических опросов, в последние два месяца (а также в более долгосрочной ретроспективе) ощутимых позитивных изменений в оценке деятельности органов власти и политических партий не наблюдается. В декабре 2017 – феврале 2018 г. во многих социально-демографических категориях населения заметно ухудшился показатель социального настроения (прежде всего следует отметить уменьшение доли людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, среди людей в возрасте до 30 лет – на 8 п.п., с 82 до 74%).

Структура социальной самоидентификации также остается стабильной, при этом ее нельзя охарактеризовать положительно: 46–47% жителей Вологодской области субъективно относят себя к «бедным и нищим» слоям населения, в то время как доля тех, кто причисляет себя к категории людей «среднего достатка», сохраняется на уровне 41–42%.

По некоторым позициям данные мониторинга общественного мнения, проводимого ВолНИЦ РАН, коррелируют с выводами российских экспертов, свидетельствующими об «оживлении потребительского поведения»². Так, за последние 5 месяцев (с октября 2017 по февраль 2018 гг.) удельный вес «бедных и нищих» жителей области незначительно снизился (на 3 п.п., с 49 до 46%), что отразилось на росте оптимистических ожиданий населения относительно развития экономической ситуации в стране и своего личного материального положения (за этот период индекс потребительских настроений увеличился на 2 пункта — с 87 до 89).

Тем не менее по большинству ключевых параметров мониторинга динамика данных пока не позволяет говорить, что «ситуация в целом выправлена — люди чувствуют себя вполне комфортно и считают, что в стране все складывается так, как нужно»³. Речь, скорее, следует вести о напряженном ожидании перемен. Отсутствие существенных изменений в динамике уровня и качества жизни формирует в российском обществе потребность в осязаемом развитии социально-экономической ситуации в стране и предъявляет соответствующие запросы к будущему президенту, до выборов которого осталось менее двух месяцев. По данным на февраль 2018 года 38% жителей Вологодской области считают, что «страна нуждается в переменах, это важнее, чем стабильность», причем в городах этот показатель еще выше — 44-46%.

«Многолетний тренд стабильности, сохранения в неизменном виде сложившейся в иной социально-экономической реальности системы институтов начал смещаться в сторону формирования запроса на перемены»⁴ — этот тренд становится лейтмотивом президентских выборов и, вполне вероятно, ближайших месяцев политической жизни. И поскольку победа В. Путина у большинства экспертов не вызывает сомнений, главный вопрос заключается в том, сможет ли Президент реализовать ожидания людей в отношении повышения уровня и качества жизни уже в 2018 году. Именно от этого будет зависеть социальная стабильность в стране и дальнейшая динамика общественных настроений.

Материалы подготовили: к.э.н. М.В. Морев; И.В. Параничева и Т.В. Урванова.

---

² Потребительские планы — 2018: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3583. 16 фев. Реж. дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116700>

³ Социальные настроения россиян: итоги 2017 года: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3550. 9 янв. Реж. дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116623>

⁴ Белуза А. Запрос времени // Российская газета. 2017. №7434 (268). 25 нояб. Реж. дост.: <https://rg.ru/2017/11/25/sociologi-rasskazali-o-peremenah-v-umonastroeniih-rossiian.html> (цитата из выступления М.К. Горшкова на ежегодной конференции Российской ассоциации политической науки «Время больших перемен: политика и политики», Москва, 24–25 ноября 2017 г.).

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

---

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Технический редактор, верстка	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.02.2018.
Дата выхода в свет 28.02.2018.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,1. Тираж 500 экз. Заказ № 83.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru